

Ирина Фронкина

Снежный Барс: ДОРОГА К ЕДИНСТВУ

Текстовый сериал в духе аниме

СОДЕРЖАНИЕ

Эпизод 1	2
Эпизод 2	21
Эпизод 3	39
Эпизод 4	58
Эпизод 5	65
Эпизод 6	83
Эпизод 7	105
Эпизод 8	119
Эпизод 9	130
Эпизод 10	147
Эпизод 11	165
Эпизод 12	177
Эпилог	189
Пояснения	191

Эпизод 1

[Пояснения к эпизоду](#)

Едва различимый стук вагонных колес вплетался в тонкое шипение кондиционеров. За окном вереницей текли горные ландшафты, на фоне серого неба тянулись бесконечные линии электропередач, обрамлявшие железнодорожные пути. Однообразие пейзажей навевало бы дрему, кабы не впечатляющая скорость поезда-пули на знаменитой линии Нагано-синкансэн. То и дело гудящую тишину вагона срывали бурные эмоции юных пассажиров. Учитель не делал попыток урезонить звонких подопечных, и попутчикам оставалось лишь радоваться тому, что громкая лекция по истории в артистичном исполнении самого учителя продолжалась лишь первые сорок минут пути.

Тора краем глаза наблюдал за юношами-одноклассниками, сидевших в парных креслах впереди через проход. Хагивара Такуя опять взялся за свой фотоаппарат и, привстав, как заправский фотокорреспондент высматривал очередную «модель» для съемки. Внимание его вновь сосредоточилось на последней тройке вагонных сидений. Тора привычно и, разумеется, незаметно, набросил на себя и близнецов иллюзорную тень.

«Не сбивай нам концентрацию!» – беззвучно зашипел на него Фума, не отрываясь от экрана миниатюрной игровой панели.

«Твой! Твой!» – тоже беззвучно, но по-ёкайски громко воскликнул Като.

Тора улыбнулся и покосился на экран игрушки. В простеньких, но выразительных рисунках, легко угадывался стиль графики Юдзо, однако за неказистыми изображениями скрывался сложный алгоритм своеобразного тренажера – Като и Фума тренировались работать с двумя разными логическими целями одновременно. Это с недавних пор называлось в семействе так: думать каждой головой в отдельности, чтобы получить единый результат. Цель тренировки сформулировал отец после тотального провала двуглавого рэйко-кицунэ на попроще магии. Метод изобрели сами провалившиеся при содействии Юдзо. Однако Тора при всём уважении к компьютерным технологиям и способностям братьев относился к изобретению весьма скептически.

Яркая вспышка вызвала негодование девушек, занимавших три сидения перед братьями Накадзима. Хагивара Такуя огрызнулся на возмущенных и, глянув на экран фотокамеры, с досадой воскликнул: опять всё размытое!

Следующая реплика была адресована несостоявшимся «фотомоделям».

– Эй вы, игроманы! Замрите на секунду!

– Не дожدهшься! – отозвался Фума.

Вмешался учитель:

– Хагивара-кун, у нас впереди два дня увлекательных экскурсий! Успеешь набрать материал для своей статьи.

Он сидел в крайнем из спаренных кресел в том же ряду, что и Накадзима, задвинув к окну Миуру, чувствовавшего себя совершенно несчастным с таким соседством.

– Фукунага-сэнсэй! – громко позвала Обари Момо – девушка из выпускного класса, председатель клуба истории. – Кажется, уже виден вулкан Асама.

Учитель немедленно вскочил в обычной своей пружинной манере, живо прошел вперед и заглянул в окно по правому борту. Долго всматривался в пасмурную перспективу, а затем бодро объявил всему вагону о том, что на горизонте появился грозный Асама. После чего большинство пассажиров обратили внимание направо и выслушали многословный экскурс в историю пресловутого вулкана, погубившего несколько тысяч человек в 1783 году, засыпавшего Токио пеплом шесть лет назад, а прошлой осенью попортившего японцам немало нервов своей готовностью к мощному извержению.

Однако Накадзима входили в число тех немногих, кого вулкан не заинтересовал совершенно.

«Мы его опять сделали!» – гордо заявил Като.

Тора одобрительно кивнул на продемонстрированное ему доказательство – яркую надпись на экране «Вы победили!» – и улыбнулся Миуре, силившемуся разглядеть игрушку через проход со своего одинокого места.

То, что новый друг прекрасно слышит голоса ёкаев, Тора догадался еще месяц назад, вскоре после замечательных событий во время школьного празднования Хэллоуина. Однако сам Миура не сразу сообразил, почему «перешептывания» Накадзима на уроках не замечают ни одноклассники, ни учителя.

«Давай сюда, к нам», – позвал Като и принялся уминать близнеца в сторону Торы, сидевшего у окна.

«Двигай, пока наш попрыгунчик на место не вернулся», – подхватил Фума и, откинув подлокотник, уселся между двумя креслами.

Миура опасливо покосился на разглагольствовавшего учителя и вопросительно посмотрел на Тору.

«Нормально уместимся. Пересаживайся», – Тора уверенно кивнул.

– Спасибо, – одними губами, но не скрывая радости, отозвался Миура.

Он быстро перебрался на крайнее из трех сидений.

– Угроздило тебе с местом, – сочувственно заметил Като.

– Да уж, – Миура поправил очки, но на учителя не оглянулся. – И это после того, как я из клуба все-таки ушел.

В клубе истории, который курировал Фукунага-сэнсэй, до недавнего времени состояли двенадцать учеников «первого-Дэ» во главе со старостой класса Минами Саки. В школе клуб считался самым многочисленным и с начала учебного года удерживал первенство по посещаемости среди прочих клубов. Учитель всеми правдами и неправдами зазывал в клуб Тору, однако уловки и всяческие обещания не сработали. Тора побывал на одном заседании в качестве гостя, убедился, что большинство одноклассников посещают обязательные собрания только для того, чтобы не портить отношения с классным руководителем, и, поскольку особого пристрастия к истории как таковой не имел, безапелляционно отказался от вступления.

Недавно приятель Миуры вынужден был перевестись в другую школу, поскольку его отец получил достойное повышение, и семья переехала в Токио. Миура искренне радовался за друга, однако сам он остался в классе одиночкой. Тора, а по его примеру Като и Фума, не навязывали однокласснику своё общество, и тем не менее дружеские отношения сложились сами собой.

Выйти из клуба Миура отважился самостоятельно, а Торе объяснил: я пошел в этот клуб только за компанью с другом, а теперь не хочу заниматься тем, что мне не интересно, да еще и под пристальным надзором учителя. Таким образом, клуб лишился сразу двух членов, что вызвало негодование Минами Саки, которую классный руководитель прочил в президенты, когда нынешняя председатель закончит школу. Фукунага-сэнсэй со своей стороны принялся строить «беглецу» всяческие козни с тем расчетом, чтобы загрузить ученика своими предметами. Это продолжалось уже три недели. Но Миура мужественно противостоял прессингу: тщательно выполнял домашние задания, добросовестно делал порученные ему доклады. Като и Фума тихо бесились, не в силах как-либо помочь. Тора помалкивал, хотя и у него угрожающе поднималась шерсть на загривке перед лицом вопиющей несправедливости.

– Он забудет к следующему триместру, – ободряюще шепнул Фума через голову Като.

Като добавил:

– У него своя диссертация на носу.

– Ну... не знаю, – Миура подавил тяжелый вздох. – Мне кажется, он всю эту поездку затеял для того, чтобы втянуть в клуб все наш класс. И факультативов своих в расписание наставил. К тестам готовиться пора, а у нас что ни день, то обществознание. Тора?

«Говори тихо, я слышу», – Тора пресек попытку друга наклониться вперед в поисках визуального контакта с собеседником.

– Угу, – еле слышно согласился Миура. – Тора, как думаешь, зачем Фукунага-сэнсэй всё это делает? Это ему нужно для научной работы?

«Вряд ли, – безмолвно ответил Тора. – Разве что в случае победы клуба в конкурсе школьных музеев он ожидает получить какие-то личные дивиденды».

– Как можно победить в конкурсе, который состоится через два месяца, если музея сейчас вообще нет? – изумился Миура.

– Мы же едем «смотреть образцовый музей, чтобы сделать лучше», – Фума шепотом передразнил вчерашнее выступление учителя.

– Ну... не знаю, – Миура уставился в пол и добавил еще тише. – А вообще не верю я ему.

Тора слегка дрогнул. Ощущения, щекотавшие его кошачье чутье, вдруг предстали перед сознанием в четкой формулировке.

«В его речах нет явной лжи. Но он хитрит. И я тоже ему не верю», – высказался Тора ёкайским голосом.

И задумался, искоса наблюдая за увлеченным лектором.

О предстоящей поездке «первый-Дэ» узнал вчера, в понедельник на первом уроке. Объявление сделал сам Фукунага-сэнсэй, в кои-то веки явившийся на «классный час» вверенного ему класса. Удивилась даже староста Минами: мол, поездку планировали на зимние каникулы и только для членов клуба. Учитель многословно объяснил, что в период, когда европейцы празднуют Рождество, в Нагано будет много иностранных туристов и любителей лыжного спорта, следовательно, поездка значительно повысится в цене, а деньги выделены уже сейчас, и этих денег достаточно, чтобы обеспечить два дня полезных экскурсий для всего класса. Упоминание о финансовой стороне поездки моментально переключило внимание одноклассников на братьев Накадзима. Но у всех троих на физиономиях были откровенно изумленные мины, что сразу же отсекло тему спонсорства «папы-миллиардера».

Дома за ужином Тора осторожно поинтересовался у отца, не принимал ли тот какое-либо участие в организации неожиданной поездки. Накадзима-старший совершенно искренне ответил «нет» и посоветовал, что не знал о планах школьной администрации раньше. Като и Фума протянули языки: а оно нам вообще надо? Отец принялся расписывать пользу общения с одноклассниками в новой обстановке, а лично Торе посоветовал на предстоящие два дня выбросить из головы всю учебу, чтобы хорошенько отдохнуть.

Тора спонтанно улыбнулся всплывшим воспоминаниям.

Позавчера он и Юдзо проспали воскресный семейный ужин. В отсутствие секретаря – Маракайто взял выходной, чтобы присутствовать на свадьбе родной сестры – о местонахождении обоих никто не знал, ибо с аурой бакэнэко не мог поспорить ни один ёкай клана. Отец сгоряча поднял весь дом на поиски пропавших сыновей. Когда же «пропавшие» сами явились в обеденный зал, Рику, лишь глянув на обоих, живо организовал собственное расследование нелепого происшествия. И, пока Като, Фума и Хирото нервно хихикали, а Ичиро тихо матерился, быстро выяснил, что причина кроется в непомерной нагрузке. Отец без зазрения совести взвалил на Юдзо большую и ответственную работу по теме налогов, когда узнал, что его убеждение – сын не работал по специальности ни дня – абсолютно не соответствует истине. Тора, занимавшийся по программе двух школьных классов и специального университетского курса, так спешил встроиться в якобы уже запущенный проект по созданию диагностической лаборатории, что зачастую не оставлял себе времени на

полноценный сон. И на фоне всего этого утром в воскресенье отец подкинул Торе и Юдзо материалы по проекту с заданием «быстренько разобрать на досуге и составить резюме».

Доказательством вопиющего невнимания главы семейства к физическому состоянию сыновей стал ноутбук к незаконченному текстовому отчету на экране, изъятый Рикю с места происшествия, то есть из кабинета Торы. Выслушав аргументированно представленные пункты обвинения, Накадзима-старший признался, что проект еще никуда не запущен и никакой срочности нет и в помине, а он всего лишь старался «держать обоих в тонусе». Затем он всерьез извинился перед старшими сыновьями. Но после так же серьезно попенял им за то, что будущие руководители финансовой и предметной сфер проекта до сих пор не приступили к формированию команды, необходимой уже сейчас, на зачаточной стадии. Подтекст был предельно ясен: в делах организации бизнеса заданного масштаба только на личных ёкайских силах далеко не продвинешься.

Тора усилием воли отсек от себя мысли об учебе и проектах, как советовал отец, и вернулся к насущному вопросу: зачем администрация школы устроила «первому-Дэ» эту дорогую развлекательную поездку в то время, когда следовало старательно готовиться к тестам по итогам второго триместра? По скромным подсчетам одна лишь стоимость проезда на скоростном экспрессе для двадцати трех человек складывалась в кругленькую сумму. А учитель обещал классу и ночевку в фирменном рёкане, и автобусную экскурсию по местным достопримечательностям, включая известные дзиндзя.

Но более всего беспокоило Тору отношение Фукунаги-сэнсэя к членам клуба из других классов. Трое учащихся «первого-Дэ» по разным причинам не смогли отправиться на экскурсию. Вместо них поехали председатель клуба из выпускного класса и две девушки второго года обучения. Тора слышал, как Минами Саки вчера отчаянно упрашивала учителя взять в поездку всех клубных активисток и при этом перечислила не менее семи фамилий. Однако Фукунага-сэнсэй небрежно сообщил, что не имеет права снимать с занятий посторонних, и тут же переключил Минами на тему предстоящего ей выступления перед хозяевами образцового школьного музея. Мидзуки – верная подружка Минами Саки – попыталась атаковать учителя децибелами, но тот, сославшись на неотложные дела, живо ретировался, оставив громогласную девицу возмущаться в стенах классной комнаты.

Гнев Мидзуки вылился на Миуру. Выслушав яростное требование отказаться от поездки по собственному желанию как «беглец клуба», Миура заявил, что мероприятие организовано для класса, он – учащийся этого класса и уступать свое место не намерен. Мидзуки поняла, что не права – это Тора заметил по ее глазам безо всяких кошачьих приемов. Однако упрямство не позволило ей признать неправоту вслух.

«Думаю, сэнсэю нужна массовка, – безмолвно высказался Тора. – Хочет взять не качеством, так количеством».

– Чего тут брать? – буркнул Миура. – Я с начала года в клуб ходил и ничего, кроме болтовни, не слышал. Да еще и глупости всякие про влияние нло, ками и призраков на ход истории. К школьному фестивалю собирались какие-то костюмы делать, да так на словах и осталось. На летних каникулах предлагали на раскопки поехать, и тоже не состоялось. С музеем будет то же самое. И вообще. Нормальные клубы – это клубы по интересам. Без учительских указиловок.

Миура осекся, почуяв внимание классного руководителя к своей персоне, и сделал вид, что всецело занят разглядыванием горных пейзажей по пути следования поезда.

– Синохара, вернись на свое место, – потребовал учитель.

– Я оттуда вулкан не вижу, – заявил Миура и демонстративно поправил очки.

На него оглянулись, ибо никто не ожидал столь решительный ответ из уст вечно смущавшегося очкарика. Учитель озадаченно хмыкнул, оценил выразительные физиономии близнецов Накадзима, посмотрел на Тору и, вернувшись взглядом к Миуре, изрек:

- Хорошее и дурное в человеке зависит от его друзей.
- Аутсайдеры! – громко объявил товарищ Хагивары, его постоянный подпевала.

Като и Фума дружно стиснули зубы, ожидая обычной в таких случаях темы «сынков миллиардера». Однако Хагивара Такуя промолчал.

Учитель призвал класс работать дружно, и в качестве примера принялся излагать очередную историческую легенду. А Тора насторожился: спектр эмоций Хагивары показался ему необычным – досада, тихая зависть и жалость к себе. И хотя всё это быстро скрылось за показной бравадой, усиленной нагловатым смешком, Тора призадумался над причинами первой – естественной – вспышки. Вроде бы логично было предположить, что Хагивара позавидовал Миуре потому, что тот завел дружбу с «сынками миллиардера». Однако это объяснение было столь же искусственным и плоским, как сделанная ухмылка классного задиры и провокатора.

«С кем поведешься, от того и наберешься», – Тора перефразировал про себя пословицу, использованную учителем. – Миура старается избавиться от комплексов, упорно работает над собой. И результаты заметны больше и больше. Именно этому Хагивара позавидовал. Получается, что он ассоциировал нас с «хорошим», а не «дурным», как сэнсэй. Жалость к себе рождается от слабости. Хагивара пытается выглядеть сильным, и в его маску верят. Или делают вид, что верят, потому что у него за спиной стоит клуб журналистов. А председатель клуба Хагивара Акира заслуженно пользуется авторитетом в школе. Видимо, Такуя старается угнаться за старшим братом. Его наглость – покажушность, не более. Он не верит в себя. А помощи ждать не от кого. Потомственные журналисты, да? Сбросили младшего с лодки, чтобы тот научился плавать. Опасная игра с подростковой психикой. Хагивара Акира вряд ли это понимает, он сам еще очень молод. Но куда же смотрят их родители?»

Хагивара начал оборачиваться через плечо, и Тора незаметно отклонился от линии прямого обзора.

«Чувствительный юноша, – подытожил он очередной эмоциональный флюид, вырвавшийся в пространство. – И что-то его очень беспокоит. Что-то, связанное с нами... Нет. Конкретно со мной».

В школьном клубе, гостями которого стал «первый-Дэ», несмотря на предварительную договоренность о встрече явно не ожидали столь многочисленную делегацию. Однако хозяева не растерялись и живо обеспечили массовость с помощью другого клуба – музыкального ансамбля старинных инструментов. Заявленный музей оказался небольшой выставкой по краеведческой тематике, но ограниченность темы отнюдь не умоляла его достоинства. Грамотно составленные и прекрасно оформленные стенды, размещенные в маленьком кабинете при школьной библиотеке, хранили тепло заботливых рук своих создателей. Курировала музейные работы пожилая преподаватель обществознания, которая, как показалось Торе, в первые же минуты общения поняла, что такое исторический клуб Фукунаги-сэнсэя. И Тора нечаянно сформулировал ярлык для неутомимого историка – мастер пускать пыль в глаза.

Скоро появилось и подтверждение формулировке: Минами Саки и две ее подруги выступали перед хозяевами музея с банальным докладом о деятельности, но одетые в богатые кимоно.

«Так вот чем они сумки набили», – разочарованно подытожил Като, бегло оглядев докладчиц.

«А мы-то думали, там целый гардероб», – подхватил Фума.

Тора лишь удрученно поморщился. По совету Юдзо он заставил себя воспринимать девичьи вздохи как особенность переходного возраста абсолютно безвредную для воздыхательницы. Это помогло отвлечься от мыслей о необходимости как-либо избавиться

девушку от влюбленности, однако не успокоило собственную совесть. А сегодня начался очередной виток попыток привлечь внимание – Минами Саки делала всё, чтобы попасться на глаза Торы в своём дорогом кимоно.

После вкусного обеда, устроенного в местной школьной столовой, хозяева организовали маленький концерт силами школьного ансамбля старинных инструментов. Затем от лица гостей на сцену вышла Обари Момо – председатель клуба – и объявила чайную церемонию.

Традиционное действо девушки разыграли на татами на сцене зала. Искушенные, безусловно, заметили, что по-настоящему профессионально исполняет ритуал только ведущая. Другие клубные активистки, хоть и стараются подражать ее четким безошибочным движениям, выглядят как неуклюжие новички на фоне умудренной опытом наставницы. Однако искушенных в числе зрителей оказалось немного, и чайная церемония произвела сильное впечатление на школьников и их преподавательницу. Фукунага-сэнсэй прямо-таки расцвел от гордости и разразился длинной речью на тему «как мы поддерживаем традиции».

Тора не обратил бы внимание на помпезное выступление учителя, если бы не еле слышная реплика в группе одноклассников, добравшаяся до его слуха: «Ага, щас – мы! Тут традициями занимались, когда его еще в школе не было». Тора быстро глянул в сторону говорившего. Хагивара Такуя стоял к нему спиной, но Тора не сомневался, что высказался именно он.

Экскурсия по городу затянулась до позднего вечера благодаря увлеченным экскурсоводам. В знаменитый храм Дзэнкодзи гости попасть не смогли – было уже слишком поздно, но полюбовались величественным творением издали. Пожилая преподаватель, сопровождавшая гостей вместе с членами краеведческого клуба, взяла финальную речь на себя, посетовала на пасмурные бесснежные дни и пригласила в Нагано летом, когда горная природа сияет божественной красотой. Фукунага-сэнсэй ответил всяческими благодарностями, но на удивление коротко, и ни полусловом не обмолвился о том, что на завтра запланировала автобусная экскурсия по окрестным достопримечательностям. Будучи уверены, что гости отправляются на вокзал, преподаватель и ее ученики тепло распрощались с новыми знакомыми.

Учитель как будто специально дождался, когда представители принимающей стороны потеряют гостей из вида. Пауза была заполнена многословными прозрачными намеками в адрес мужской части экскурсантов помочь женской части транспортировать сумки. Торе и самому было неловко наблюдать, как уставшие за день девушки таскают на плечах свой объемный багаж. Но предложить помощь любой из них он не мог, ибо такого рода внимание немедленно вызвало бы кривотолки. По той же причине помалкивали Като и Фума, прекрасно осознававшие положение брата в сложившейся атмосфере.

– Давно пора! – бодро поддержала учителя Мидзуки, схватила сумку Минами Саки – самую объемную из всех – и решительно двинулась в направлении Торы, замыкавшего нестройную колонну.

Фума шагнул ей наперерез, но Мидзуки его проигнорировала. И тут Тору нечаянно выручила председатель клуба, оказавшаяся рядом.

– Поможешь? – с улыбкой попросила она.

Тора с облегченным вздохом взял у нее из рук спортивный баул и подивился неожиданной тяжести ноши. Потом вспомнил про чайную церемонию и инвентарь, к церемонии прилагавшийся, и по-настоящему смутился. А затем поймал в себе импульс злости, направленный на воздыхательницу. Открытие собственных эмоций привело к неприятному выводу: сорвал свою досаду на человека вместо того, чтобы самому найти решение глупой затянувшейся проблемы.

Кто забрал сумки Минами и Мидзуки Тора не видел, зато слышал, как Хагивара

попытался отбиться от обязанностей носильщика, ссылаясь на свой раскрутой фотоаппарат, который упорно носил на шее. В одной из реплик проскочило: меня старший брат убьет, если с камерой что-то случится. Тема дорогушей фотокамеры и ее истинного хозяина растянулась минут на пятнадцать и слегка скрасила вялое передвижение учеников вслед за бодрым учителем.

«Куда мы идем?» – прозвучал в ёкайском пространстве вопрос близнецов.

«В гостиницу, полагаю», – откликнулся Тора, хотя такой ответ был очевидным.

«Последний заявленный в путеводителе рёкан остался в двух кварталах сзади и восточнее. А мы уже почти на окраине города».

«Значит, где-то здесь есть незаявленный в путеводителе рёкан», – Тора на всякий случай принялся, но уловил только запах собы – лапши из гречневой муки.

Запах приближался потому, что учитель развернул растянувшуюся колонну подопечных в направлении рамэн-я – уличного ларька с неказистым, но многими любимым блюдом рамэн. К счастью для экскурсантов в ларьке хватило порций на всех, и таким образом был обеспечен сытный ужин. Утомившиеся за день ученики не спешили слезать со стульев, но учитель принялся торопить класс: мол, нас давно ждут в гостинице.

Слегка взбодрившиеся после ужина девушки принялись вслух мечтать о горячей ванне, а у Торы промелькнуло: лишь бы никто не простудился во время этой поздней прогулки по холодным улицам. Взгляд переметнулся в спину учителя, браво шагавшего впереди.

«А осознает ли он ответственность, которую взял на себя, потащив целый класс в незнакомый город?» – подумал Тора.

Риторический вопрос превратился в практический спустя десять минут в холле маленькой гостиницы, не имевшей ничего общего с ранее обещанным фирменным рёканом.

– Как же так? – воскликнул Фукунага-сэнсэй, в третий раз выслушав один и тот же ответ испуганной девушки за стойкой рецепшена. – Было забронировано десять номеров. У меня есть договоренность с хозяйкой. Школа авансировала размещение и заплатила за бронь!

– У нас всего десять номеров, – пролепетала девушка. – Четыре уже заняты. Я ничего не знаю про бронь. Я просто тётю заменяю. Тётя уехала к бабушке. У бабушки приступ случился.

Учитель, впервые за всё это время потеряв контроль над эмоциями, принялся требовать от заменяющей немедленно позвонить тёте. Девушка – на вид ей было чуть больше двадцати – под прессингом нежданного гостя с оравой школьников за спиной впала в глубокий ступор. Одна из учениц принялась вторить учителю, выражая негодование. Ее тут же поддержали в несколько голосов. И Тора вмешался, не успев как следует распланировать свои действия.

Его негромкое – помолчите, пожалуйста, – моментально сработало как плотная заглушка всех словопотоков, включая учительский.

Тора спокойно подошел к рецепшену, улыбнулся девушке за стойкой и миролюбиво предложил.

– Давайте попробуем разругить ситуацию.

Девушка кивнула и немного успокоилась под мягким взглядом необычно теплых глаз.

– Посмотрите, пожалуйста, свои финансовые документы. Наверняка заявка осталась в электронной почте.

Девушка, как замороженная, повернулась к компьютеру. Тора наклонился вперед и в сторону, чтобы видеть монитор, а заодно вытеснил из зоны беседы онемевшего учителя.

– Я вижу выходные данные нашей школы, – продолжал он в прежней дружелюбной манере. – Что там в письме?

– Оплачено. Десять номеров... – пробормотала работница гостиницы еле слышно, поблелдела и отчаянно воскликнула. – Это моя ошибка! Мне нет никакого прощенья!

– Не волнуйтесь, сейчас что-нибудь придумаем, – поспешно остановил панику Тора. –

Мы тоже поступили некорректно, не уточнив время прибытия. Простите, как вас зовут?

– А... Асуха.

– Очень приятно, Асуха-сан. Моё имя Тора.

– Очень приятно, Тоору-сэнсэй.

За левым плечом Торы раздался шумный вздох Миуры, разглядевшего сбоку то, что сейчас видела только собеседница за рецепшеном – Тора сбросил с себя маску подростка, представ перед племянницей хозяйки в том возрастном облике, который приняла его человеческая оболочка после освобождения ёкайской сущности от материнской печати.

Тора не стал смущать девушку указанием на некорректное обращение – было очевидно, что имя она просто не расслышала, а социальный статус додумала. Он лишь затушевывал ее ошибку для сознания неосведомленных людей. Потребовалось еще парочка мало значащих реплик, чтобы возвести общение на уровень полного доверия. Асуха-сан охотно согласилась предоставить гостям оставшиеся шесть номеров и, оживившись, пообещала сейчас же снабдить все комнаты дополнительными футонами.

– Для нашего руководителя отдельный номер, – живо распорядился Тора, когда девушка начала заполнять электронные бланки. – Два номера для юношей. Разместимся по пять человек в каждом. И три номера для девушек...

Он намеревался скомандовать братьям, чтобы те организовали распределение, но подошла председатель клуба, которая, как оказалось, внимательно следила за разговором.

– Я распределяю девочек, – сообщила она. – И с футонами поможем, Асуха-сан.

Та, наконец, расслабилась, но рано. Тора поднял второй бытовой вопрос.

– В договоре прописано обеспечение завтрака, если я правильно прочитал с вашего экрана.

– Ох... – Асуха-сан опять побледнела. – Двадцать... Двадцать четыре человека? Мы никогда не рассчитывали на такое количество! И продуктов столько нет. А повар работает только по три часа вечером. Он уже на завтра всё приготовил и ушел.

– Не беда. Сейчас составим калькуляцию, наши ребята сбегают до магазина. Здесь недалеко я видел универмаг. И если вы позволите мне занять вашу кухню с пяти до семи утра, то вопрос будет решен.

– Кухню? – пробормотала работница гостиницы, не веря своим ушам.

– Лицензия у меня есть, – обворожительно улыбнулся ей Тора. – Если необходимо документальное подтверждение, я предоставлю электронную копию.

– Нет-нет! Что вы, Тоору-сэнсэй. Не нужно никаких копий. Вы и так... Вы... – Асуха-сан доверительно посмотрела на Тору. – Вы меня спасли, Тоору-сэнсэй. Я такое натворила по недосмотру, а вы...

– Не проблема. Прежде всего разместим ребят по комнатам. Обари-сан, – он показал на председателя клуба, – вам поможет. А я пока набросаю калькуляцию. Останется только свериться со счетами.

Всё, что касалось кухни и завтрака, Тора старательно завуалировал и, отступив от рецепшена, вернул себе облик шестнадцатилетнего парня. Более всего сейчас он боялся, что Минами Саки даже со своими скромными духовными силами сумеет развеять деликатные чары. И облегченно вздохнул, убедившись, что девушка всецело занята личными проблемами, а возле нее хлопочет назойливая Мидзуки. Причина болезненного вида старосты стала понятна Торе, как только он принялся чуть более тщательно, чем обычно: ежемесячные физиологические процессы не располагали женщин к хорошему настроению. Тора оборвал диагностику и временно закрыл тему своей воздыхательницы – девушке было сейчас не до игр в романы.

Председатель клуба Обари Момо и две второклассницы быстро развели девушек по трем комнатам. Специальных указаний юношам не потребовалось: все трое Накадзима и Синохара

Миура были очно и заочно направлены в одну комнату, а остальные шестеро заняли другую. Фукунага-сэнсэй был препровожден в отдельный номер работницей гостиницы по всем правилам обслуживания гостей в рёкане.

Пока одноклассники устраивались на ночлег, Тора живо сочинил меню на завтрак и составил список необходимых продуктов. Увидав исписанный четким почерком листок блокнота, Асуха-сан изумленно отметила:

– Наш повар точно так же всё записывает.

– Составление калькуляции для меню изучают на курсах не менее тщательно, чем поварское искусство, – ответил ей Тора.

В финансовых вопросах Асуха-сан худо-бедно разобралась сама и гордо похвасталась Торе – тётя научила. Закупки тоже не составили проблем: круглосуточно открытый универмаг находился недалеко от гостиницы, а рук для транспортировки пакетов с покупками оказалось даже больше, чем требовалось, поскольку за Като и Фумой, призванных в помощники, увязался Миура.

– Не нужно заострять внимание на кухонных делах, – предупредил Тора, когда все четверо возвращались в гостиницу. – Столы накроем в комнате отдыха, как предложила Асуха-сан. И сделаем вид, что мы тут вообще не причем.

– Почему? – удивился Миура.

– Вот именно! Почему? – подхватил Като. – Пусть знают, что ты в кафе работал.

– И нечего нашего попрыгунчика прикрывать! – добавил Фума.

– Я и не собираюсь его прикрывать, – ответил Тора. – И менее всего сейчас меня беспокоит его персона.

– Тогда зачем ты во всё это влез самолично? – искренне удивился Фума.

– Чтобы помочь Асухе-сан и ее тётке не потерять лицо перед гостями в то время, как в семье случилась беда. И чтобы ребята смогли нормально отдохнуть и выспаться после сегодняшних выступлений и экскурсий.

Като и Фума переглянулись и дружно шмыгнули носами.

– Сейчас бы Рику сказал: это и есть весь Тора, – заметил Като.

Миура смущенно улыбнулся и понимающе кивнул.

Тора позволил помощникам доставить продуктовые пакеты на кухню, но к холодильникам и мойке не подпустил.

– Существуют специальные санитарные нормы для работников кухни, и это прописано в лицензии на предоставление гостиничных услуг, – объяснил он. – Асуха-сан не знает некоторых правил, но не будем ее подводить. Мой допуск пока действителен, и это можно легко подтвердить документально, если возникнут вопросы. У вас допуска нет.

Като, Фума и Миура молча согласились.

– Если поможете утром расставить подносы в зале, будет прекрасно. А пока отправляйтесь спать, – добавил Тора.

– А ты? – уточнил Миура.

Тора улыбнулся: Миура совсем недавно начал общаться с ним в неформальном стиле без стеснения и внутренней зажатости, и это по-настоящему радовало.

– Разберу продукты, отчитаюсь по чекам Асухе-сан и приду, – пообещал Тора.

С подготовительными кухонными работами Тора управился быстро, но на рецепшене нынешней хозяйки гостиницы не оказалось. Он прошелся по холлу, прислушался к коридору, куда выходили двери служебных помещений, определил, что Асуха-сан там, но решил не отвлекать ее от хозяйственных дел и просто подождать. Вернувшись к стойке, Тора почуял, как этажом выше вскипели человеческие эмоции. Увы, хорошо знакомые из прошлых

наблюдений. Десяток секунд спустя хлопнули створы сёджи и послышалось приглушенное: «Саки, стой, послушай!» Минами Саки явно не собиралась ни стоять, ни слушать. На лестнице зашуршали торопливые шаги, и перед Торой предстала староста класса. В домашней юката – собственной, а не гостиничной, – с покрасневшими щеками и решительным блеском в глазах.

Блеск, впрочем, моментально улетучился, стоило только Торе выжидающе посмотреть на девушку.

– Тора-кун, у меня к тебе разговор, – выпалила та и уставилась на икебану, украшавшую стойку рецепшена.

Товарищеское «кун» в купе с неформальным стилем речи было как будто выжато из горла неимоверным усилием воли.

– Пожалуйста, – просто ответил Тора.

Невозмутимый тон и спокойный взгляд выбили остатки решительности, и Минами, не глядя на собеседника, выговорила подрагивавшим голосом.

– Ты вступишь в наш клуб?

Такого вопроса Тора не ожидал, ибо весь спектр эмоций девушки однозначно складывался в картину совершенно иного содержания. И тем не менее Тора ответил без обиняков.

– Нет, Минами-сан.

Она вскинула на него в миг повлажневший взгляд.

– Почему нет?

– Потому что деятельность клуба – вне сферы моих интересов.

Минами покраснела до корней волос, перехватила ртом воздух и, начисто забыв, что решила обратиться к Торе неформально, проговорила.

– Но... мы хотим, чтобы вы занимались в нашем клубе! Вы обязаны вступить, как ученик нашего класса! Я как староста требую внимания к нам...

Тора видел, что девушку понесло, но решил дать ей выговориться.

– Вам совсем на нас наплевать! – продолжала Минами со слезами в голосе. – Вы вообще ничего вокруг не видите, кроме своей учебы!

Тора прекрасно слышал, как под каждым «мы» в сумбурной речи девушки звучит безраздельное – «я». Он попытался для себя оправдать Минами Саки, подключив в свой кошачий анализ детектор физического состояния, но результат лишь добавил уродливые черты открывшемуся портрету.

«Силится казаться той, кем не является», – вспомнил Тора мнение Юдзо, высказанное однажды братом; тогда он принял формулировку к сведению как мнение авторитетного для него человека, сейчас – сполна прочувствовал истину всем своим существом.

– Минами-сан, – заговорил Тора, когда девушка сделала паузу, чтобы вдохнуть. – Вы утомлены и вам нужно выспаться перед завтрашней экскурсией.

Девушка застыла, будто вдохнув, забыла выдохнуть. Тора чувствовал, что еще пара секунд, и она разрыдается, но успокаивать самовлюбленную девицу целительными приемами не хотелось совершенно. И Торе опять повезло.

– Саки-тян! – раздался с лестницы сердитый голос председателя клуба. – Вернись в номер. Нам нужно кое-что обсудить.

Минами Саки плотно сжала губы и, круто развернувшись, зашагала вверх по ступенькам.

– Накадзима-кун, извините нас, – Обари несколько чопорно поклонилась.

– Спокойной ночи, – откликнулся Тора и мысленно поблагодарил председателя за своевременное вмешательство.

Не прошло и минуты, как в холл прибежала Асуха-сан.

– Ох, Тоору-сэнсэй, вы тут! – обрадовалась она, увидав Тору, в одиночестве стоявшего

возле рецепшена. – Я испугалась, что кто-то из гостей не доволен.

– Не волнуйтесь. Этот шум – просто школьные неурядицы.

Девушка сочувственно вздохнула.

– Тяжело работаться с девочками, да?

– Непросто, – с улыбкой согласился Тора. – Я принес чеки. Давайте сверим с калькуляцией.

Асуха-сан всеми силами старалась сконцентрировать внимание на документах и в какой-то степени ей это удалось.

– Уверена, что вы всё правильно просчитали, – сказала она, наконец. – Я сама за собой обычно раза три проверяю. И всё равно что-то забываю. Но этот расчет делали вы, значит, всё правильно. Я уверена.

Она уставилась в столешницу усталым отрешенным взглядом.

– Осталось последнее маленькое дело на сегодня, – напомнил Тора.

Девушка встрепенулась, вылепила на губах дежурную улыбку и, наткнувшись на теплый взгляд зеленых глаз, тихонько рассмеялась.

– Не поверили? А нас, горничных, на курсах так учили улыбаться.

– Не поверил, – подтвердил Тора. – Потому что на курсах для официантов учили точно так же.

– Вы работали официантом, Тоору-сэнсэй? – изумилась Асуха-сан.

– Было дело. Ну как, готовы к последнему заданию?

Девушка согласно кивнула.

– Покажите мне, пожалуйста, какой инвентарь и посуду на кухне я могу использовать.

– Не беспокойтесь, не беспокойтесь! Я утром сама вам всё достану и расставлю.

– Асуха-сан, пожалейте себя. Сегодня на вас свалилось столько непривычной работы.

– Это мне в наказание за невнимательность, – почти серьезно ответила девушка, вставая.

Тора поднялся из-за администраторского стола, где остались раскрытые папки с чеками и счетами.

– А это..? – он взглядом показал на документы.

– Ох! – Асуха-сан болезненно поморщилась. – Вот видите, это и есть моя невнимательность.

Она принялась поспешно складывать папки в ящик стола, но при этом продолжала говорить.

– С детства так. То забуду, то не досмотрю, то поспешу. Едва-едва тесты сдала в средней школе. В старшую даже поступать не стала.

– Рассеянное внимание, – в стиле мысли вслух заметил Тора.

– Именно так мне и говорили. Вы психолог, Тоору-сэнсэй?

– Нет, – ответил Тора, с интересом наблюдая за собеседницей.

– А по-моему – настоящий психолог, – продолжала Асуха-сан. – Я два раза у психологов побывала. В младшей школе, когда мама еще жива была. А потом тётя отправила в Токио на специальные занятия. Кое-чему научилась, но внимания так и не хватает. Я однажды даже ками просила, чтобы научил быть внимательнее. Специально тайком в Гнилой Дзиндзя пошла. Мне всего десять лет было. И я одна потопала в горы. Через подвесной мост перешла сама. Сначала туда. Потом назад. Хорошо, что никто меня не видел. Бабушку бы удар хватил, если бы узнала.

– Серьезный подвиг, – вставил Тора.

– Очень хотелось, чтобы ками меня заметил и выполнил мое желание. Я потом полгода день ото дня ждала, когда же ками придет меня учить. Придумывала, какие задание мне будут давать. Дурочка, да?

– Отнюдь. Это было очень смелый поступок. И мудрое желание.

– Мудрое? – удивилась девушка.

– Обычно люди просят, чтобы ками наделил их каким-то свойством – удачей, силой, красотой. А вы просили научить.

– С неба упавшее богатство счастья не прибавит. Так моя мама всегда говорила. Бывало, принесу ей свою работу – мы дома икебаны составляли – и говорю: мам, сделай, у меня не получается. А она мне: чужими руками мастером не станешь, давай-ка лучше разберемся, почему не получается и как поправить.

– Это ваша? – Тора показал взглядом на элегантное украшение на стойке рецепшена.

Асуха-сан согласно кивнула.

– Красиво. Очень гармонично, – искренне оценил Тора.

– Спасибо, – девушка зарделась.

– Асуха-сан, хотите подскажу один простой прием для тренировки внимания?

– Хочу! – бесхитростно обрадовалась она.

– Бывают ли у вас ощущения, будто что-то забыто? – начал Тора вслух и незаметно окутал собеседницу своей аурой.

– Ох, да постоянно! – Асуха-сан тяжело вздохнула.

– А так, будто что-то толкнуло извне?

– Это... вроде... – она принялась оглядывать стены и потолок. – Иногда бывает.

Тора сформировал внутри ауры фантом собственной лапы и мягко тронул плечо девушки со спины.

– Это ощущение порождается вашей интуицией, – продолжал он как ни в чем не бывало.

– В такие моменты нужно обязательно остановиться и сознательно вспомнить свои ближайшие действия. Возможно, потребуется дополнительное время. Не стесняйтесь медлительности. Главное, без спешки вывести на сознательный уровень то, что ваше внутреннее «я» уже знает. Попробуем потренироваться? Пойдемте на кухню.

Асуха-сан с готовностью повернула в коридор, но Тора опять мягко тронул ее ёкайской лапой.

– Ой, – она замерла. – Вот так и бывает.

– Закрепите в памяти то ощущение, которое сейчас заметили, – быстро подсказал Тора.

– Как будто что-то мягкое по спине скользнуло.

– Хорошо. Это сигнал вашей интуиции. А теперь подключаем сознательные воспоминания ближайших действий.

Асуха-сан напряглась, прикрыла глаза и вдруг расслабилась.

– Ключи от стола!

– Отлично.

– Тоору-сэнсэй! Вы заметили, что я забыла ключи?

Восторг девушки был откровенным и бескрайним, и Тора поспешил предупредить отклонение от темы.

– Нужно тренировать себя постоянно, – сказал он. – Спокойно, без нервов и отрицательных эмоций.

– Я обязательно буду тренироваться. Знаете, как мне стыдно, когда из-за меня кто-то другой попадает в неудобное положение! Хочется сквозь землю провалиться в наказание.

– От такого самонаказания пострадают лишь ваши близкие, – Тора открыто улыбнулся. – У вас достаточно сил и терпения, чтобы победить себя, Асуха-сан.

– Спасибо. Тоору-сэнсэй, спасибо за науку! Я поняла, как нужно бороться. Спасибо.

Искренняя человеческая благодарность придала Торе столько же сил, сколько он получал от живительного дыхания брата в отчаянные моменты.

«Видимо, я и вправду очень устал за прошедший месяц», – подумал он про себя.

И тепло посмотрел в спину молодой работнице рёкана, шедшей впереди него по

коридору. Обычный человек. Без специфических духовных сил. Некрасивая, простоватая, боязливая. И настолько сильная и прекрасная душой.

«А может быть способности Юдзо – это врожденные силы ёкая помноженные на мощь человеческого духа? – мелькнуло у Тору. – Люди не слабее нас. Попросить kami научить! Это могло бы войти в историю мира обакэ, если бы девочку услышали. Интересно, про какой храм она рассказывала?»

И тут Тору кольнула собственная интуиция: разузнай.

Асуха-сан рассказала про гостиничную кухню всё, что знала, и тем самым выдала Торе карт-бланш на предстоящую работу.

– Вот. Кажется, ничего не забыла, – объявила она, застыла, подумала и уверенно повторила. – Ничего не забыла по делу. А не по делу, давайте я вам покажу, где у нас кофеварка.

– Кофе в рёкане? – переспросил Тора.

– По-правде говоря, мы частенько отходим от традиций. Поэтому на вывеске просто «гостиница». Хотите, я прямо сейчас сварю?

Тора охотно согласился.

– Я только на кофе и держусь, когда по ночам дежурю, – сообщила Асуха-сан, присаживаясь с кружкой напротив гостя за небольшой разделочный стол. – К нам часто приезжают среди ночи. Обычно постоянные клиенты. Незнакомые редко-редко появляются. Странно, что ваша школа вас сюда направила.

Она вопросительно посмотрела на Тору. Тот пожал плечами.

– В организации поездки я не участвовал. Не знаю, где Фукунага-сэнсэй отыскал адрес вашей гостиницы. Может быть лично знаком с вашей тётей?

Теперь плечами пожала Асуха-сан.

– Как дела у вашей бабушки? – поинтересовался Тора.

– Вроде ничего страшного. Тётя позвонила недавно, сказала, что завтра привезет бабушку сюда, в Нагано. В больницу. Ведь в поселке только медицинский пункт.

– В том поселке, откуда вы ходили к kami?

– К kami?.. А, в Гнилой Дзиндзя, – девушка тихо посмеялась. – Это только в детстве верилось, что kami заглядывают в храмы, чтобы желания на табличках прочитать. А Гнилой Дзиндзя вообще-то место плохое. Одно время туда экскурсии начали возить. Подлатали его и хотели восстановить как следует. Но быстро заглохло. Подвесной мост отремонтировали, а храм как был гнилым, так и остался. Старики в поселке говорят, что его пожрала скверна.

– Какому kami посвящен дзиндзя, не знаете?

– Никакому.

– Так не бывает, Асуха-сан, – уверенно заявил Тора.

– Наверное, все забыли, какому, – смущенно поправилась она. – У нас в городе и окрестностях столько богатых туристических объектов, что давно никому нет дела до той развалюхи. Помню в школе среди девчонок поветрие началось – ездили в этот храм, чтобы желание загадать. А подвесной мост там страшный! Меня даже сейчас дрожь пробивает. Вот как запомнила свой детский поход.

– Вы туда с тех пор не ходили? – уточнил Тора.

– Нет! – Асуха-сан передернулась. – Мои одноклассники, когда узнали, что я родом из тех мест, принялись меня подначивать, чтобы я поехала с ними и дорогу показала. Я отказалась, меня окрестили трусихой.

– Без проводника дорогу не найти?

– Нет, что вы! Там и искать ничего не надо. Всё натоптано почти до ущелья. Зимой местные на лыжах катаются. Летом приезжают эти... как их... с горными велосипедами. К

храму тоже иногда ходят. Если мост не сломан. Но там смотреть не на что.

Асуха-сан задумчиво отхлебнула свой кофе.

– Ну а исполнение желаний? – Тора продолжил осторожный расспрос, ибо чувствовал, что нечто важное еще не сказано.

– Глупости это, – девушка напряженно вздохнула. – Правда, случалось, что эти глупости до добра не доводили. Весной две девочки сорвались с моста. Насмерть. Тут и началось опять. Чего только ни придумывали и про злобного духа, и про плату за желания.

– Плату? – Торе по-настоящему удивился, ибо никогда доселе не слышал, чтобы какие-либо ками, даже исключительно сказочные, брали плату с прихожан своих храмов.

– Есть тут одна история нехорошая, – Асуха-сан замялась. – Мы с тётей кое-какие подробности знаем, потому что пострадала родственница нашей знакомой. Молодая женщина, умная, красивая. Удачно вышла замуж, а детей нет. Муж начал ей всякие условия ставить вплоть до развода. И она пошла в этот храм. Забеременела. Все радовались, а она своим сказала: не увижу сына, заплатила слишком высокую цену за наследника. Она родами умерла. Вот и получилось, что наследника мужу родила, а ценой стала ее жизнь.

– Наверняка всё можно объяснить на медицинском языке, – вставил Тора.

– Конечно! – тут же согласилась рассказчица. – Конечно, врачи объяснили. Но... Но если бы она в Гнилой Дзиндзя не ходила, было бы просто горько и жалко. А теперь тревожно. Даже страшно. Особенно когда подумаешь, сколько лет за тем местом тянется дурная слава. Сюда какой-то ученый приезжал из Токио. Вроде как собирался изучать Гнилой Дзиндзя.

– В этом году? – уточнил Тора.

– Нет! Давным-давно. Но я его немного помню. Он мне про кандзи рассказывал и иероглифы рисовал такой забавной кисточкой! А стихи читал так, что мне сразу в школу захотелось, чтобы научиться читать самой. Мама с тётей как раз тогда обсуждали, где мне в школу ходить – в поселке или здесь, в Нагано.

– Про храм тот ученый тоже рассказывал? – спросил Тора, дабы девушка не упустила основную нить беседы.

– Про храм уже потом начали говорить, когда он пропал, – Асуха-сан неуютно поежилась. – Видели, как он ходил в Гнилой Дзиндзя несколько раз. И однажды не вернулся. Вещи его остались тут, в гостинице. Я по глупости даже стащила красивую штуку для чернил, куда он кисточку обмакивал. Ох, и попало мне тогда от тёти! Потом приезжали его искать. Всякие слухи поползли. Поселковые на дно ущелья спускались к реке – думали, с моста упал. Но ничего не нашли.

«Като, Фума, – позвал Тора ёкайским голосом. – В сети нужно информацию поискать».

С ответом вышла заминка.

«Прямо сейчас не получится», – откликнулся, наконец, Като.

«Что случилось?» – Тора насторожился, почуяв напряжение братьев.

Отклика не последовало, зато электрические лампы на кухне угрожающе мигнули.

– Только не это! – ахнула Асуха-сан и зажмурилась.

– Всего лишь кратковременный перебой в электросети, – поспешно успокоил ее Тора, и вместе с этим нажал на сознание братьев: «Что вы вытворяете?»

«Нормально всё. Это случайно, честно!» – торопливо отозвался Фума.

На его ответ наложилась реплика Като: «Миура, стой! Не надо пока Тору звать!»

– Больше всего на дежурстве я боюсь проблем с электричеством и сантехникой, – ответила ничего не подозревавшая Асуха-сан и жалобно улыбнулась.

– Не волнуйтесь, Асуха-сан, – начал Тора, хотя уже слышал торопливые шаги Миуры в коридоре и понимал, что продолжения разговора не будет.

Робкий стук в приоткрытую дверь возвестил о финише самодетельного посланника.

– Тора... – Миура увидал вскочившую навстречу хозяйку и быстро добавил, – сэнсэй!

– Что случилось? – Тора пошел навстречу приятелю.

– Хагивара, – Миура шумно вздохнул. – Он в нашу комнату заселился ночевать.

Тора изумленно приоткрыл рот, но вопрос – почему? – остался неозвученным. Миура пожал плечами, мол, сам ничего не понимаю, и спрятал взгляд. Асуха-сан поняла пантомиму по-своему.

– Кому-то не хватило футона? Тоору-сэнсэй, я сейчас же всё исправлю и...

– Нет-нет, всё нормально, – опомнился Тора. – Два номера для мальчиков по пять футонов в каждом. А взаимоотношения учеников мы уладим сами. Спасибо за всё, Асуха-сан. Спокойной ночи.

Тора подспудно ожидал окунуться в эпицентр скандала, однако в номере, когда он раздвинул сёдзи, обстановка выглядела мирной. Като, Фума и чуть в стороне Хагивара Такуя сидели на полу в пол-оборота к межкомнатной стене, а Такуя – прижавшись к стене ухом. Торе потребовалось не более двух секунд, чтобы расшифровать диспозицию: за стеной располагалась комната, занятая девушками, и говорили в этой комнате громко.

– Миура, ты пропустил самое интересное! – вполголоса сообщил Фума, увидав вошедших.

– Синораха – ябеда, – фыркнул Хагивара, живо поднялся на ноги и вызывающе выпрямился перед Торой.

Вернее, над ним, ибо номер был маленьким – всего на шесть татами, – а ростом Хагивара заметно превосходил одноклассников.

– Я не говорил, чем вы занимаетесь, – буркнул Миура и отвернулся к футону, на котором лежала его сумка.

– Я имею право поселять там, где хочу, – заявил Хагивара Такуя всё тем же вызывающим тоном и опасливо глянул на Тору.

– Разумеется, – невозмутимо ответил Тора и строго посмотрел на своих братьев. – Это как называется?

Он показал взглядом на стену.

– Прослушка, – Като вобрал голову в плечи.

– В пользу банка информации, – добавил Фума и опустил нос.

«Тора, слушай, – Като воровато покосился на Хагивару. – Клубная председательша сейчас чистила нашу принцесску в хвост и в гриву за то, что та загрузила клуб балластом, да еще и на тебя посмела наехать».

«Ты не волнуйся, Хагивара и половины не расслышал, – включился Фума. – Мидзуки, правда, орет, как резанный поросенок. Но она ничего существенного не высказала».

«А сэмпай, – перехватил слово Като, – заявила старосте, что с ее отношением к людям она никогда не станет председателем клуба. Чего между вами произошло-то? Минами и вправду одурела настолько, что на тебя наехала?»

«Сейчас это не важно, – отрезал Тора. – Что вы натворили с электросетью?»

«Подключиться хотели по проводке, чтобы лучше слышать», – признался Фума.

«Ясно. Что про Хагивару?»

«А мы не цапались! – в один ёкайский голос сообщили близнецы; продолжил Като. – Просто сказали, что у него кишка тонка знать всё, что ему хочется. А он завелся, типа – расследует эту поездку любой ценой. И подсел к нам слушать стенку».

– Не пора ли ложиться спать? – вслух поинтересовался Тора.

– У вас тут отбой по часам, как в детском садике? – ляпнул Хагивара.

Торе стало смешно. Пришлось даже прижать улыбку, скользнувшую по губам. Хагивара так старательно натягивал на себя роль крутого наглеца, что его «сценический костюм» трещал по швам: тряслись поджилки на ногах и бешено колотилось сердце.

– Из графика детского садика мы уже выпали: начало первого ночи, – сообщил Тора.

– По матрасам! – весело объявил Фума и бедром пнул близнеца на futon, за что немедленно получил жесткой подушкой по пояснице.

Миура украдкой вздохнул – на сей раз облегченно. Хагивара приоткрыл рот, но так и не придумал, что сказать.

Четыре futona разложили перпендикулярно внешней стене комнаты, а пятый – поперек, в ногах образовавшегося строя. Хагивара вознамерился занять пятый отдельный, но Тора указал ему на крайний правый в общем ряду и пояснил:

– Там обогреватель. Ночью будет холодно.

Миура натянул на себя объемное, но легкое одеяло и тоскливо посмотрел на свою сумку.

– Эх, не догадался теплую пижаму взять, – посетовал он.

– А мы тебя сейчас согреем! – бодро объявил Като.

Миура в общем знал, на что способны ёкаи-близнецы, хотя ни разу не видел их истинную форму. Поэтому предложение принял за шутку и интенсивно помотал головой.

– Нет уж. Лучше пережить сопли, чем превратиться в уголёк.

– Да мы серьезно! – зашептал Фума.

Като сделал ему знак укладываться к стене, подхватил одеяло и одним махом укрыл Миуру с головой. После чего перевернул свой futon так, чтобы матрас оказался поверх одеяла Фумы, ввинтился под образовавшуюся стопку и прижался вплотную к брату.

– Во слиплись! – вырвалось у Хагивары.

Тора отвлек внимание изумленного одноклассника от братьев предупреждением о готовности выключить свет.

Миура уснул сразу, чуть только в комнате воцарила темнота. Через пару минут утомонились Като и Фума. Хагивара долго копошился под одеялом, затащив туда же свой драгоценный фотоаппарат. Наконец, задремал и он. Из-за правой стенки номера ощущалось эхо бурных эмоций, и время от времени доносились отдельные всхлипы – староста тайно рыдала в подушку. Жалости к ней Тора не испытывал. А после сегодняшней сцены в фойе отпало всякое желание оберегать эту эгоистичную особу от неизбежного разочарования.

Однако тема подростковой психологии не закрылась с расшифровкой портрета Минами Саки – Тора принялся размышлять над мотивациями поступков Хагивары Такуя. У парня имелся крепкий стержень, теперь Тора видел это отчетливо. «Отец прав, – подумал он. – Общение в нетипичной обстановке дает очень много новой информации о знакомых людях».

Из правого угла комнаты донесся шорох одеяла. Тора из-под прикрытых век всмотрелся в темноту и натолкнулся на взгляд юноши. Тот не видел ни деталей предметов, ни, тем более, лица ёкая, но Тора почувствовал, что Хагивара смотрит точно на него.

– Накадзима. Ты караулишь всех, что ли? – еле слышно донеслось с futona.

– Просто задумался. Спи, – шепотом ответил Тора.

Хагивара опустил голову на подушку, но глаза не закрыл. Напряжение на его лице осталось, и Тора отвел свой кошачий взгляд, сосредоточившись только на слухе. Однако юноша не засыпал. Более того, с каждой новой минутой нервозность его повышалась, о чем свидетельствовал ритм сердцебиения. Тора ради любопытства принахался к однокласснику и обнаружил множество противоречивых чувств, как явных, так и скрытых. Превалировало смещение в компании с азартом. Присутствовал страх на фоне затаенного ожидания. Один за другим проскакивали импульсы, сопровождавшие работу мысли. Так прослеживались фантазии, это Тора знал. Но сейчас чувствовал необычную стройность в бесконечной череде коротких флюидов.

«Прорабатывает в уме текст статьи? – прикинул Тора. – На перетасовку фактов не похоже. Может быть, сочиняет рассказ?»

Он осторожно посмотрел на одноклассника сквозь тьму. Хагивара дрогнул, как очнулся,

и резко сел.

– Накадзима. Прекрати за мной следить! – выпалил он довольно громко.

«Вот это чувствительность!» – восхитился Тора.

– Извини, – шепнул он вслух и отвернулся к стене.

Хагивара помедлил и тоже улегся на свой futon. А Тора продолжал наблюдать за чехардой взбурливших чувств. Смятение преобразовалось в недоумение, страх улетучился, а его место заняло любопытство. И, наконец, укрепились досада, замешанная на легкой зависти, направленной в сторону Миуры.

«Жалеет, что упустил шанс пообщаться», – понял Тора, но выходить на контакт повременил.

Хагивара еще с полчаса томился в вареве из смешавшихся чувств и потускневших мыслей и, наконец, задремал. Тора позволил себе окунуться в сон, но неглубокий, дабы не потерять контроль над обстановкой.

Кошачий слух послал сигнал к пробуждению, когда дыхание Хагивары Такуя из размеренного глубокого превратилось в отрывистое поверхностное.

«Все-таки замерз», – констатировал Тора и не без тревоги подумал о других одноклассниках. Простеньких компактных обогревателей было явно не достаточно, чтобы обеспечить здоровую атмосферу в комнатах сейчас, когда на улице резко, по-зимнему похолодало. А все «вторые» одеяла были распределены в пользу дополнительных спальных мест.

Хагивара окончательно проснулся и принялся заворачиваться в одеяло с особой тщательностью. Однако в созданном коконе он пролежал недолго. Сел и начал шарить по татами в поисках своей одежды. Обнаружение брюк ознаменовалась звоном высыпавшихся из карманов монет и прочих мелких предметов. Он чертыхнулся еле слышно и застыл, вслушиваясь в темноту комнаты. Ни Миура, ни близнецы не проснулись, а Тора не шелухнулся. Возня на futone возобновилась – юноша силился не вставая натянуть на себя брюки. По позвякиванию пряжки Тора уже определил, что брюки ориентированы задом наперед, но Хагиваре потребовалось несколько минут, чтобы осознать ошибку. Вторая попытка началась опять же в положении лежа, но при участии карманного фонарика, тщательно упрятанного под подушку. Мероприятие имело все шансы на успех до тех пор, пока юношу ни охватило непреодолимое желание чихнуть. Он судорожно ткнулся лицом в подушку, дабы заглушить неизбежно громкий звук, фонарик немедленно выкатился на свободу и располосовал стены бледным лучом. Попытка поймать фонарик и подушку одновременно закончилась по сценарию классической поговорки.

– Ксо-о-о, – простонал Хагивара, спешно вытирая ладонью нос.

Отчаянный испуг его был настолько искренним, что Тора поспешил нарушить свое неподвижное инкогнито.

– Все крепко спят, не волнуйся, – тихо сказал он, подобрал фонарик подле своего futона, направил луч в правый нижний угол комнаты, а сам отвернулся и на всякий случай сопроводил демонстративное действие комментарием. – Я на тебя не смотрю.

– А я и не стесняюсь, – фыркнул Хагивара.

Он живо закончил с брюками, надел носки и, сев на колени поверх одеяла, протянул руку в сторону Торы.

– Выключи и кидай сюда.

– В темноте не поймашь, – ответил Тора, встал и, сделав шаг к крайнему futону, вернул фонарик владельцу.

В момент передачи руки соприкоснулись. Тора с сожалением определил, что можно открывать счет жертвам холодной ночёвки, и про себя недобрым словом помянул безмятежного учителя.

- Чего тебе опять не понравилось, Накадзима? – Хагивара уперся кулаком в колено.
- Почему же «опять» и «не понравилось»? – осведомился Тора.
- А чего ты только за мной и следишь?

Тора вздохнул. Хагивара прямо-таки жаждал нормальной беседы, но никак не мог заставить себя сменить заклинившую пластинку. Настала пора протянуть руку помощи, чтобы выдернуть человека из замкнутого круга.

- О чем ты хотел со мной поговорить? – спокойно спросил Тора.
- Я? С тобой... – Хагивара стушевался.
- Натягивай свитер и укладывайся, – перебил его Тора и взял со своего футона одеяло.
- В няньки заделался?
- Быстро.

Хагивара повиновался и, как показалось Торе, выполнил обе команды с затаенной радостью. Однако на второе одеяло окрысился.

- Эй, Накадзима! Между прочем, ты тут самый хилый.
- Я так не думаю, – отрезал Тора.

Он закончил процесс утепления товарища и сел в сэйдза между футонами спиной к спящему Миуре. Причем так, чтобы тусклый отблеск индикатора обогревателя освещал его лицо.

- Итак, о чем ты хотел меня спросить, Такуя-кун?

Смена стиля общения ввергла одноклассника в полнейшую растерянность. Но Тора терпеливо дождался, когда тот соберется с мыслями и сформулирует вопрос.

– Эта дурацкая поездка. Это... Это ведь не ваш папаша обеспечил? – выговорил, наконец, Хагивара.

- Нет.
- Точно? И ничего типа подарочка-сюрприза?

– Абсолютно точно – нет.

– А... А ты сам... – Хагивара приподнялся на локте. – Сэмпай, что ты сам думаешь про эту ерунду с клубом и музеем?

Произнесенное вслух «сэмпай» как будто придало Хагиваре уверенности. Тора живо оценил текущую эмоциональную картину собеседника и про себя порадовался: прежней противоречивости и путанных узлов не наблюдалось.

- Видимость бурной деятельности, – ответил он на заданный вопрос.

– Это я и без тебя понимаю, – Хагивара тряхнул головой. – Но на фига эта видимость? Знаешь, какие деньги вгрохали в поездку?

- Догадываюсь.

– А я знаю. Потому что братец с президентом школьного совета говорил. А школьный совет вообще был не в курсе. И что за сюрприз нам обещан на завтра?

- Сюрприз? – Тора нахмурился. – Утром начнется автобусная экскурсия.

– А, ну да! Ты же не в клубе, – Хагивара нервно скомкал в кулаке жидкий ворот джемпера. – Наши клубные дурочки шептались в поезде про обещанный сюрприз.

Тору кольнула неясная тревога.

– Это не очень хорошо, – пробормотал он себе под нос. – В программе поездки по окрестностям без каких-либо уточнений. На вокзале перед поездом Фукунага-сэнсэй предлагал мне припомнить Сэнгоку и намеками дал понять, что хочет взять меня в содокладчики.

- А ты?

– Эпохой воюющих провинций я специально не интересовался. Так ему и ответил. Он отстал. Но сам вопрос означает, что предполагается посещение поля Каванакадзима.

- А чего там?

– На этом поле в 16-м веке состоялось несколько крупных сражений между кланами Такэда и Уэсуги. Сейчас это популярный туристический объект.

– А... – рассеянно протянул Хагивара. – А говоришь – не интересовался.

– Теперь я спрошу, – предупредил Тора. – Такуя-кун, у тебя есть какая-нибудь информация о городских легендах Нагано?

– Это тебя клубные, что ли, загрузили?

– Нет. При чем тут клубные?

– А это у них типа направления деятельности: дурь всякую пересказывают друг другу. То у них где-то покойники восстали, то кто-то призрака увидал, то НЛО над крышей просвистело. Ты их форум в сети не видел?

– Нет, не видел.

– Посмотри на досуге. Уржешься, ручаюсь!

– Буду иметь в виду. Так что про Нагано?

Хагивара скривился.

– Ничего. Извини.

– Не беда.

Тора посмотрел на закрытое жалюзи окно. «Гнилой Дзиндзя» и пропавший ученый из Токио не выходили из головы, несмотря на очевидное отсутствие логических связей с настоящим моментом.

– Тора-сэмпай, а всё-таки что за городская легенда? Почему она тебя беспокоит? – вдруг спросил Хагивара.

Тора в очередной раз отметил неординарную чуткость юноши, но решил пока не углубляться в подробности.

– Это не актуально. Надеюсь. Но если хочешь, потом подкину вопрос вам в клуб.

– Серьезно? Для журналистского расследования?

– Речь идет о событиях 15-ти летней давности. Если это реально расследовать, пожалуйста.

– Самый то! – Хагивара сел, почесал пальцем ухо и доверительно глянул на Тору. – Знаешь, мне дали задание про тебя статью написать. Типа квалификационной работы. Председатель, гад, сказал: получишь статус школьного журналиста только за подробный очерк про Накадзима Тору.

– А что про меня писать? – искренне изумился Тора. – Я в школе появляюсь только на уроках.

– Да? А сто процентов по японскому и английскому на предварительных тестах за два года сразу? Это не для статьи, по-твоему?

– Но это же не школьная жизнь, Такуя-кун. Я видел ваш клубный журнал. Мне очень понравился подход редактора к подбору материала, оформление и содержание статей. Тема, которую дали тебе, не вписывается в это издание.

Хагивара несколько секунд ошарашенно взирал на собеседника, благо тусклый свет индикатора падал точно на его лицо. Потом закатил глаза и объявил в потолок:

– Ксо-о. В точку. Вот почему я ни хрена не могу придумать.

Он вернулся взглядом к Торе и тоскливой усмешкой продолжал:

– Это братец специально мне свинью подложил. Представляю его злорадную рожу, если бы я ему что-то все-таки сдал. Никогда не упустит случая поставить к позорной доске и пропесочить перед всем клубом. «Ради своего дела журналист обязан вытерпеть любой позор». Девиз такой. У отца перенял.

– Ты и вправду хочешь стать журналистом? – осторожно спросил Тора.

– Какое имеет значение – хочу или нет. Я обязан!

Тора кивнул собственным мыслям: мотивации поступков и поведения Хагивары Такуя

теперь были понятны.

– Кто тебя обязал? Отец? – Тора посмотрел в покрасневшие от усталости глаза юноши.

– Не, – растерялся тот. – Отец вообще уверен, что у меня нет журналистской жилы. Но я хочу писать профессионально! И я буду писать. Я добьюсь, чтобы меня признали и папа, и братец!

Хагивара в сердцах стукнул кулаком по татами.

– Разве писать профессионально дозволено только журналистам? – как бы невзначай обронил Тора.

Хагивара Такуя открыл рот, но кроме вопросительного «а?» ничего не выдавил.

Эпизод 2

[Пояснения к эпизоду](#)

Никто не видел Тору, курсировавшего на кухне с раннего утра, и не заметил, как опустела одна из мальчишеских комнат за полчаса до подъема. Хагивара Такуя, сам включивший себя в число помощников, без оглядки принял данное ему лично пояснение: Тора предложил помочь хозяйке, потому что народу много. Председатель клуба Обари Момо спустилась в холл раньше остальных, увидела организованную столовую и мужскую компанию в фартуках и смущенно заметила – хоть бы девушек позвали. Тора с ответом не задержался.

– Теперь можно позвать. Приглашаем к столам.

Старшеклассница на секунду потеряла дар речи, потом рассмеялась и пообещал немедленно передать приглашение всем экскурсантам.

Фукунага-сэнсэй не присутствовал на общей трапезе, поскольку Асуха-сан по собственной инициативе обслужила его по правилам рёкана – принесла завтрак прямо в номер.

Автобусная экскурсия началась в девять утра на обычной автостоянке жилого квартала среди одноликих двухэтажных домов. Автобус оказался маленьким, неприглядным и совершенно непригодным для экскурсий. Багажных отделений в нем не было вообще, а разумное предложение старшеклассниц завернуть на вокзал и оставить сумки в камере хранения учитель отклонил, сославшись на ограниченное время. Таким образом, девушки, таскавшие вчера инвентарь и костюмы на собственных плечах, сегодня вынуждены были жаться в неудобных креслах с сумками под ногами.

На первой остановке, где предполагалось рассматривать горы со специальной смотровой площадки, Обари Момо подошла к Торе и попросила разместить багаж на свободной стороне задних сидений, где обосновались трое Накадзима и Миура.

– Не проблема, Обари-сэмпай! – вклинились близнецы. – Мы запросто умнёмся.

Ошивавшийся поодаль Хагивара снисходительно хмыкнул. Этот смешок призван был выразить его отношение утреннему каламбуру про пирожок из футонов с начинкой из слипшихся близнецов. Шутка получилась удачной, тем более Миура ее подхватил, а Като и Фума приняли, поэтому на кухню помощники явились в прекрасном настроении.

Однако приятель Хагивары про шутки не знал, и воспринял усмешку как сигнал к атаке: протянул язык про лимузины и личного шофера в контексте транспортом на этой экскурсии. Такуя опомнился и ткнул его локтем в бок. Что произошло между «журналистами» потом, Накадзима не слышали. Но перед отъездом со смотровой площадки товарищ Хагивары демонстративно уселся на пустующее место в первом ряду кресел рядом с учителем. Таким образом, Такуя остался без соседа, и Миура перебрался к нему, дабы Торе не пришлось

общаться с братьями через спинку сидения, куда они пересели после размещения всего девичьего багажа.

Автобус выехал на шоссе, учитель опять взялся за микрофон своей портативной усилительной аудиосистемы, а Като и Фума, ловко устроившись вдвоем в одном кресле, достали айпед. Тора непосредственно в поиск не вмешивался, но внимательно следил за результатами запросов. Миура поглядывал на него через узкий проход салона и всячески отодвигался от Хагивары, который в первые же минуты поездки извертелся на своем месте в тщетных попытках разглядеть экран.

«Я спрашивал его про легенды Нагано, – сообщил Тора Миуре ёкайским голосом. – Он ничего не знает, но чувствует проблему. Давай-ка поменяемся местами».

Ни слова не говоря, Тора выскользнул из кресла, Миура также молча и довольно ловко перебазировался к близнецам.

– Ты чего, телепат, что ли? – вырвалось у Хагивары, когда Тора очутился рядом с ним.

– Нет. А что?

Хагивара подозрительно посмотрел на Миуру через голову нового соседа и хмыкнул.

– Да так. Ничего.

– Не привлекай внимание сэнсэя, – вполголоса предупредил Тора.

Хагивара отвернулся к окну.

Тора покосился на него и приподнял ауру скрытности ровно настолько, чтобы заглушить голоса от посторонних ушей.

– Хорошо меня слышишь? – уточнил он.

– Прекрасно, – ответил Такуя в окно.

– Тогда обещанную тему даю сейчас. Есть местная легенда: в старом храме, который называют «Гнилой Дзиндзя», можно загадать желание, и нечто потустороннее выполнит это желание за определенную плату. В некоторых случаях ценой становится жизнь. Далее факт. Документально пока не подтвержденный. 15-17 лет назад храмом заинтересовался некий ученый из Токио. Он пропал без вести во время одной из своих одиночных экспедиций.

– И... и чего? – Хагивара медленно обернулся. – Ты в это веришь?

– На смотровой площадке я слышал, как девушки спрашивали Фукунагу-сэнсэя, где здесь находится «храм исполнения желаний». Он ответил: это и есть наш маленький сюрприз.

– Совсем опупел со своим оккультизмом!

– То есть? – Тора нахмурился.

– Я ж тебе рассказывал ночью.

– Сэнсэй курирует и это направление «деятельности»?

– А как же! А лично я думаю, что он только ради этого и взял клуб под опеку. Когда его здесь не было, в клубе изучали традиционные женские ремесла и старинные бытовые ритуалы. Кимоно на Обари видел?

– Конечно. Великолепная вышивка.

– Это сделали девушки в клубе. В память о наставнице. Старая учительница. Я ее, естественно, не знаю, она два года назад умерла. Брат про нее рассказывал. Сейчас кимоно передают каждой новой председателю по особым случаям.

– Когда Фукунага-сэнсэй пришел в эту школу?

– В этом учебном году. Его литератор представлял. Яо-сэнсэй. Братан заметку писал в школьный журнал по этому поводу. Кажется, Футунага учился у Яо. Но этот факт надо уточнить.

– Яо-сэнсэй лингвист, – Тора задумчиво обвел взглядом салон автобуса. – Научная тема Фукунаги-сэнсэя косвенно затрагивает вопросы лингвистики.

– Да он на демонологии помешанный, – фыркнул Хагивара.

– Кое-что в его изысканиях заслуживает внимания, – возразил Тора.

– Ты чего, думаешь, он потащит весь класс в какой-то темный храм, чтобы ритуалы проводить, а расплачиваться будет нашими жизнями?

Хагивара готов был рассмеяться.

– Нет. Так я не думаю, – усмехнулся Тора. – Но затеял он нечто неординарное.

– А ты не заметил, что он тебя боится? – вдруг спросил Такуя.

– Я бы сказал – опасается.

– Слушай, сэмпай. Поставь его на место. Ты так много всего знаешь. Ты же его мигом за язык поймаешь.

Тора отрицательно качнул головой.

– Сэнсэй не лжет. Он расставляет правду так, что в совокупности получается ложь.

– Ксо! Как я это ненавижу, – с чувством высказался Хагивара.

– Аналогичный прием часто используются в СМИ.

– Без тебя знаю! – огрызнулся Такуя, перехватил сочувственный взгляд Торы и резко отвернулся к окну.

«Тора. Пусто», – сообщил Фума.

Тора для вида глянул на братьев. Фума – тоже для вида – удрученно помотал головой.

– Такуя. Информацию о пропавшем исследователе в сети не нашли, – сказал Тора вслух.

– А сгнивший храм? – Хагивара мигом переключился на актуальную тему.

Тора и Фума опять переглянулись, а задвинутый к окну Като сделал неопределенный жест рукой над своей макушкой. Тора выждал пару секунд и изложил Хагиваре то, что сообщили братья без слов.

– Упоминание про «храм исполнения желаний» есть на форуме, про который говорил ты. В старых сообщениях в соцсетях храм упоминается в контексте с гибелью двух девочек, сорвавшихся с подвесного моста. В местной и в центральной прессе ничего нет.

– И чего теперь делать, сэмпай? – спросил Хагивара.

– Пока ничего. Посмотрим, куда занесет сэнсэя, – Тора откинулся на спинку кресла.

«По данным джи-пи-эр-эс сейчас его несет на поле Каванакадзима», – доложил Като.

«Как ты и предполагал», – добавил Фума.

– Опять пешком шляться, – вздохнул Миура.

– На поле-боя едем, что ли? – спохватился Хагивара.

Тора утвердительно кивнул.

Прогулка под порывами холодного ветра, приправленного мелким дождем, восторга у школьников не вызвала. Возле скульптурной композиции, изображавшей поединки самураев двух враждующих кланов, учитель устроил длинную лекцию с пространными вставками из популярной литературы. А под конец объявил, что все «не члены клуба» должны в четверг, то есть завтра, сдать ему письменный отчет по этой экскурсии. Одна из школьниц робко спросила, когда класс поедет домой.

– Автобус зафрахтован до 18:00! – бодро объявил учитель. – У нас еще уйма времени, чтобы посетить много интересных мест.

– Как до 18:00? – вмешалась Обари Момо, не скрывая уже своего возмущения действиями учителя. – В шесть мы планировали быть в школе! У второго класса – факультативные занятия.

– У вас устаревшая информация, Обари-сан, – как ни в чем не бывало ответил Фукунага-сэнсэй.

Хагивара наклонился к Торе и прошептал.

– Я такую статью про эту поездку напишу, что этому гаду мало не покажется.

– Не напросьтесь ли в соавторы? – откликнулся Тора, подсчитывая на слух количество

хлюпающих носов в плотном кругу одноклассников.

– Такуя. Нас возьми. Набрать поможем в четыре руки, – с угрожающим оскалом на обеих физиономиях предложили близнецы.

– А я буду морально поддерживать, – буркнул Миура.

Председатель клуба тем временем демонстративно вышла из круга и, на ходу доставая мобильник, направилась к скамейкам в открытом павильоне. За ней кинулись несколько девушек из «первого-Дэ».

– Момо-сэмпай! Не отменяйте, пожалуйста! Мы все так готовились! – вразнобой понеслось ей в след.

– Я должна извиниться перед учителем «второго-А» за отсутствие девочек на занятиях, – отрезала старшеклассница.

«К чему они готовились?» – Като и Фума напряженно посмотрели в затылок брата.

Но вдруг ответил Хагивара.

– А то не ясно! К посещению «храма желаний».

Тора сделал братьям жесткий знак не реагировать. А Миура, который и сам не всегда отслеживал, слухом или сознанием улавливает реплики друзей-ёкаев, не заметил ничего особенного.

Во время переезда к очередному пункту экскурсии Тора, прикрывавший аурой бакэнэко, набрал на своем аякаси-мобильнике сообщение для Юдзо. Затем составил послание Маракайто с просьбой отыскать информацию о пресловутом храме. Третье письмо, адресованное отцу, он отправил после того, как за окном автобуса промелькнул дорожный указатель с названием поселка. В письме содержался краткий перечень фактов и стояла приписка: «Возможны провокации. Держи всех в тени, пока я не выйду на связь».

Автобус остановился на обочине узкого шоссе в десятке метрах от широкой грунтовой тропы в гору. Инертный водитель, до сих пор не проявлявший к пассажирам ни малейшего интереса, неожиданно строго предупредил Фукунагу-сэнсэя:

– Не забудьте: ровно в шесть я заканчиваю с вами и забираю гостей фирмы на вокзале Нагано. Отсюда туда час езды. Рассчитывайте свое время сами. Ждать буду до пяти на парковке около автостанции.

– Поход не займет много времени, уверяю вас! – объявил учитель и повернулся лицом к ученикам. – Предлагаю оставить багаж в салоне и идти налегке! Впереди небольшой мостик. Всем понадобятся по две руки, чтобы держать за перила.

Братья Накадзима живо перекомпоновали свои тощие сумки, составив из трех одну, а мобильники и портмоне распахали по карманам. Глядя на товарищей, Миура тоже оставил при себе лишь документы и средства связи. Хагивара долго возился со своим фотоаппаратом и его аксессуарами и, наконец, прикрутил внешнюю вспышку.

– Зачем тебе эта гиря на шее? – нетерпеливо спросил Фума.

– Камера стоит половину этого автобуса! – бросил Такуя через плечо, оглянувшись на близнецов и добавил. – Всё равно подловлю и сфотокаю, сколько ни вертитесь.

– Спорим, не сфотокаешь! – мигом раззадорился Като.

– Сфотокаю.

– На спор?

Тора улыбнулся на мальчишескую перебранку. Костер дружбы разгорался с каждым новым витком контакта. Уже и Миура чувствовал себя в компании Хагивары вполне свободно. Като и Фума с их врожденной добротой обладали ценнейшим качеством – они умели прощать обиды. А теперь без специальных указаний и примеров научились принимать человека таким, какой он есть. Тем более этот человек сам отважился сделать шаг навстречу.

Внимание Тору привлекло шуршание бумаги, доносившиеся из разных

пространственных точек. Он живо и незаметно оглядел салон, где одноклассники поспешно готовились к «походу налегке». На глаза попался один из источников: девушка аккуратно убирала в карман вчетверо сложенный лист. Такой же лист, но изрядно помятый, Тора заметил в кармане куртки Мидзуки, выходявшей из автобуса.

«Неужели оммё-до? – ужаснулся Тора. – Если оммёдзи – человек, его сила проявится лишь во время активизации заклинания. И до, и после он ничем не отличается от массы. Историк с хорошей лингвистической базой – оммёдзи?»

Он нашел взглядом Фукунагу-сэнсэя: тот активно жестикулировал с обочины, призывая школьников поторопиться.

«Типичный холерик. Неплохой актер. Хитрый. Неутомимый. Целеустремленный. Не понимаю, что он от меня хочет или чего ждет. Но и не могу представить его в роли заклинателя... Впрочем, много ли я знаю о практикующих оммё-до?»

Подъем по горной дороге начался бодро, однако скорость снизилась, а всплеск азарта «клубной» части экскурсантов потух, как только увеличилась крутизна. Трое Накадзима, Миура и примкнувший к ним Хагивара Такуя двигались в конце растянувшейся колонны. Товарищ Хагивары, рассорившийся с ним в начале экскурсии, пару раз оглядывался на молчаливую замыкающую группу исключительно из любопытства – без сожаления, беспокойства или обиды.

Минами Саки, напротив, делала всё, чтобы предстать перед одноклассниками в образе жертвы вопиющей несправедливости. Она шла в первых рядах, вяло отмахивалась от подружек и ежеминутно вздыхала. Мидзуки несколько раз дергала ее за рукав, что-то быстро говорила и недвусмысленно показывала рукой назад. Однако ответом были только «нет» и «ни за что», сказанные так, чтобы гарантированно было слышно всем окружающим. Наконец, прозвучало: «Я больше никого не буду упрашивать! Я всё делаю для клуба, а меня никто не хочет поддержать!» Девушки вокруг дружно принялись уверять, что все они на ее стороне. А Мидзуки решительно развернулась и, рискуя поскользнуться на влажном грунте, быстро зашагала вниз. Так она спустилась на уровень предпоследней группы и вызывающе встала посреди тропы.

Тора опередил товарищей на несколько шагов и первым остановился перед разъяренной защитницей старосты.

– Тора-сэмпай, у вас не появилось желание извиниться? – громко объявила Мидзуки.

– В чем меня обвиняют?

Мидзуки дрогнула под невозмутимым взглядом, но запал не потеряла.

– Из-за вас Минами-сан плакала. Вы заставили девушку плакать!

Тора не повел и бровью.

– Интересная у вас логика, Мидзуки-сан. Каждый, кого Минами-сан приглашает в клуб, обязан вступить в этот клуб, чтобы Минами-сан не плакала.

Два юноши, оказавшиеся в зоне инцидента, дружно и громко загоготали. Захихикали приостановившиеся выше девушки. Мидзуки огляделась и покраснела до корней волос, заметив ехидные, снисходительные и обескураженные усмешки одноклассников и старшеклассниц. На Тору и его компанию она больше не посмотрела и поспешила вверх по тропе догонять подружек.

Подвесной мост неприятно удивил своей ветхостью, а ущелье оказалось по-настоящему глубоким и очень недружелюбным на вид. Но конёк крыши деревянного строения просматривался за деревьями на небольшом подъеме рельефа метрах в двухстах от мостика, и весь класс спешил за учителем именно туда, поэтому переправа по хилым досочкам с опорой на потрепанные канаты выпала из внимания большинства экскурсантов. Тора

пожалел, что не проскочил в первые ряды, пока Фукунага-сэнсэй ввел учеников к ущелью. Теперь, когда весь класс собрался возле храма, изначальная аура его была потревожена.

Тора вывел все свои вибриссы на грань измерений и обострил ёкайское чутье до предела.

Учитель самозабвенно рассказывал о священной горе, исполнявшей желания многих поколений местных жителей.

Тора слушал, вынюхивал, высматривал.

И ничего не находил. Ни единого следа духа обакэ. Ни малейших признаков сёки – зловредной энергии. Ни даже памяти в покрытых плесенью бревнах ветхого каркаса старой постройки с уцелевшей крышей.

«Как тут пусто вообще», – Като, поеживаясь прильнул сзади к левому плечу старшего брата.

«Полный ноль – дырка от кружочка», – уточнил Фума и пристроился в зеркальной позиции относительно близнеца.

«Расслабьтесь, братцы», – посоветовал Тора.

«На себя посмотри: шерсть дыбом. Вот-вот искры посыплются».

– Тора. Като. Фума. Вы в порядке? – предельным шепотом спросил Миура.

«Здесь никого нет», – Тора постарался придать своему ёкайскому голосу уверенность, а человеческой форме – видимость спокойствия.

Ни то, ни другое успехом не увенчалось, что тут же доказал Хагивара.

– Чего ты такой вздернутый, сэмпей? Заметил что-нибудь?

– В том и дело, что не заметил, – Тора медленно вдохнул и так же медленно выдохнул. – Это место – не святыня. А перед нами – не храм.

– А мне как-то очень не по себе, – пожаловался Миура. – И даже птиц не слышно.

– Какие тебе птицы в четыре вечера, ботан? – беззлобно усмехнулся Такуя.

Миура надулся и буркнул себе под нос.

– Лес живет и ночью, если живет днем.

– Верно говоришь, – поддержал его Тора. – Но живность тут есть. Попряталась по дуплам.

– Нас испугалась? – уточнил Като, явно надеясь на положительный ответ.

– Отчасти. Циклон приближается, – Тора поднял взгляд на пасмурное сумеречное небо.

– Снег пойдет? – спросил Миура.

– Сначала дождь. А к ночи – снег.

– Накадзима трое, Синохара, Хагивара! – громко позвал учитель. – Не отрывайтесь от коллектива. Подходите сюда. Давайте все вместе разбудим Ками так, как делали наши предки. А потом каждый загадает свое сокровенное желание. Когда мы все вместе, у нас обязательно всё получится.

Клубные активистки «первого-Дэ» охотно поддержали руководителя. Зашуршала бумага – девочки развернули припрятанные листы.

– Сэнсэй, а они шпаргалки достали! – шутливо сообщил юноша, причисленный к «балласту».

– Сегодня шпаргалки разрешены, – в том же тоне отозвался учитель и опять обратился к стоявшим поодаль. – Тора-кун! Ни за что не поверю, что у тебя нет сокровенного желания. Обратись к Ками. Он услышит тебя первым из всех!

На Тору накатала такая досада, что он едва не выпустил наружу сорвавшийся на границе измерений кошачий рык. Сейчас, когда в азарте игры учитель раскрылся до самых глубин сущности, Тора увидел перед собой авантюриста-экспериментатора, фантазера, мнившего себя ученым, но полагавшегося исключительно на «авось».

Однако этому человеку доверили учить детей. Игры в оккультизм и поиски следов ками в национальной истории выглядели безобидно в стенах классной комнаты. Но здесь, в горной

глуши в сумерках приближавшегося зимнего вечера, в преддверие мокрого снегопада, перед угрожающей пустотой псевдо святыни игра приняла совсем не безобидный оборот. Но автор сценария и исполнитель главной роли этого не замечал.

– Желание без цели – это сладкий самообман, – громко заговорил Тора. – Цели достигают собственным трудом, с помощью друзей и близких, в одном строю с соратниками и коллегами. А не по волшебству какого-то ками.

Над поляной повисла напряженная тишина. Школьники растерянно смотрели кто на учителя, кто на Тору, а Фукунага-сэнсэй отчаянно силился подобрать ответные слова.

– Так. Да. Похвально, Тора-кун, – выговорил он, наконец, и обратился к классу так, будто после его реплики Тора и те, кто стоял рядом с ним, исчезли бесследно. – Ну что ж. Пора будить Ками. В текст можно подсматривать, и...

Из заднего ряда плотной группы решительно вышла Обари Момо и, не оглядываясь, направилась к заросшей тропинке, ведущей к мосту. Учитель проводил ее тревожным взглядом и завершил фразу:

–... начали!

– Вот тут-то я их и засниму! – Хагивара потер руки и взялся за камеру.

– Стой, – тихо скомандовал Тора.

Из группы отделились еще трое – две девушки из второго класса и юноша из «первого-Дэ». Они отошли к приостановившейся Обари, и так образовалась еще одна компания наблюдателей.

А клубные активистки дружно декламировали нераспознаваемый текст. Им неуверенно вторили несколько человек.

– Думаешь, они ками разбудят? – спросил Такуя Тору, стараясь скрыть подкравшийся страх под обычным своим нагловатым тоном.

– Вряд ли. Подожди с фотографиями. Не время.

Хагивара заметно успокоился и вроде бы в шутку уточнил:

– А что делать, если разбудят?

– Усыплять, – совершенно серьезно ответил Тора.

Хагивара рассмеялся.

– Ну ты прям крутой экзорцист!

Тора не ответил.

– Что они читают? – шепотом спросил Като.

– Ни слова не понимаю, – вставил Фума.

– Современная интерпретация какого-то древнего китайского текста, – быстро пояснил Тора. – То, что звучит сейчас, непереводимо. Это путаница из японского и китайского прочтения кандзи. Мне нужно увидеть текст, чтобы сказать, откуда он.

Тора встал на цыпочки и принялся высматривать чтецов со шпаргалками в руках. Хагивара понял.

– Я всех засек, у кого бумага, – доложил он через пару секунд.

– Хорошо... Так. Они закончили «будить». Теперь можно снимать на камеру. Наверняка будет стандартный ритуал обычного дзиндзя.

Так и получилось. Все, во главе с учителем, дважды хлопнули в ладоши и замерли так, как если бы молились перед синтоистским святилищем. Хагивара помчался на избранную для съемки позицию.

– А теперь у нас осталось немного времени, чтобы осмотреться тут самостоятельно! – объявил учитель.

Тора опустил веки, дабы бессильный гнев не вырвался наружу фосфорическим бликом в кошачьих глазах.

– Фукунага-сэнсэй! – Обари Момо решительно пошла к учителю. – Скоро стемнеет.

– Я всё учитываю. У нас есть еще десять минут, не беспокойтесь!

Миура подступил к Торе вплотную.

– Чего он ждет? Надеется, что сюда ками свалится?

– Смешно. Но кажется этого он и ожидает.

Миура изумленно похлопал глазами под стеклами очков, поднес палец к своему виску и еле слышно спросил:

– Он что, тук-тук?

Тора мимолетно улыбнулся. Миура, безоговорочно веривший в существовании обая с раннего детства, водивший дружбу с ёкаями теперь, ни на мгновение не допустил мысли о том, что здесь и сейчас присутствует божество.

И все же тревожность Тору не отпускала. Было поблизости нечто, недоступное его ощущениям. Что-то, что Като и Фума ассоциировали с пустотой.

«Главное сейчас – увести отсюда ребят. А разнюхать это место без спешки мы сможем и позднее», – постановил он для себя.

Средств для давления на заигравшегося учителя у Тора не было, но кроме учителя здесь находилась председатель клуба, пользовавшаяся авторитетом в среде одноклубников. К ней-то Тора и направился. Она как будто ждала, когда он повернется в ее сторону, и заторопилась навстречу.

– Накадзима-кун,..

– Обари-сэмпай,..

Реплики столкнулись в пространстве, еще шаг... И тут земля как будто поплыла из-под ног. Обари Момо испуганно ахнула. Отчетливо заскрипела прогнившая постройка.

Второй толчок.

Девичий визг.

– Это всего лишь небольшое землетрясение, нечего бояться! – крикнул учитель.

– Обари-сэмпай, уводите ребят, – проговорил Тора. – Я последним. Соберу всех.

Та согласно кивнула и хорошо поставленным командным голосом объявила.

– Все идем к мосту! Пожалуйста, не задерживайтесь. Нас ждет автобус!

Ее услышали, и на заросшей тропе без промедления собралось человек десять. Тора отогнал от строения двоих парней, собиравшихся «на слабо» залезть на половой настил. И выдал распоряжение братьям.

«Быстро и незаметно – к мосту. Всех, кто перешел ущелье, считать по головам. Тщательно! Миура, слышишь меня? Держись рядом с Като и Фумой».

Хагивара увлеченно щелкал фотокамерой, снимая бегущих на фоне устрашающего бревенчатого гиганта. Двигался он спиной вперед, и Тора загодя пошел ему наперерез. Очередной толчок, вдвое сильнее предыдущих, сбил фотографа с ног. Камера сработала, что называется, в полёте, и вспышка, направленная вверх, озаарила вдруг опустившиеся небо.

Секунду спустя раздался короткий вопль учителя. Фукунага-сэнсэй опрометью промчался мимо Хагивары и Тора, выкрикивая несвязные междометия. Хагивара исхитрился дважды щелкнуть камерой ему в спину.

С тропинки донеслись испуганные возгласы. Обари Момо попыталась пресечь назревавшую панику однажды сработавшим приемом – уверенным голосом и упоминанием обыденного объекта – автобуса. Но половина учеников были напуганы одним лишь видом учителя, мчавшегося сломя голову, поэтому девушку не услышали.

«Тора! Они сейчас мост оборвут!» – предупредили Като и Фума.

«Сколько перешли?»

«Сэнсэй. За ним пятеро. Теперь трое побежали».

– Такуя! – Тора поднял товарища под руку и развернул лицом к мосту.

Тот вывернулся.

– Погоди! Вон там двое носятся, как безголовые курицы! – он показал в темноту, сгустившуюся на границе поляны с тыльной стороны постройки.

В этот же момент Тора получил от братьев вторую порцию информации, живо свел наблюдения воедино и поднял, что на участке «поляна – мост – спасительный берег» не хватает двух человек.

– Сюда! Эй, вы! Живо!! – Хагивара принялся жать на спусковую кнопку фотоаппарата.

Серия ярких вспышек осветила поляну, как маяк. В чехарде света и теней Тора разглядел Мидзуки и Минами.

«Тора, на мосту девчонка застряла! Доски ломаются!»

– Дуй на мост! Этих двух я провожу! – Хагивара хлопнул Тору по плечу.

Тора кинулся к переправе.

На мосту действительно вышел затор: девушка отчаянно вцепилась в канаты-перила, плакала навзрыд, а на все попытки уговорить ее двигаться, отвечала отчаянным «нет-нет-нет!» При этом никто не рисковал к ней подойти, ибо в сумерках казалось, будто на мосту отсутствует половина досок.

Тора моментально оценил прочность каналов и опор, нашел их удовлетворительными и в два прыжка очутился возле перепуганной одноклассницы. Церемониться с ёкайскими правами и заповедями сейчас было неуместно. Он заглушил истерику магическим приемом, быстро провел девушку на берег и живо вернулся туда, где споткнулась школьница. Одна досочка оказалась треснувшей, другая – перекошенной.

– Тут в общем всё нормально! – будничным тоном, но громко, сообщил Тора. – Проходите по одному. Я подстрахую.

Страховать пришлось тщательно всех – и юношей, и девушек. Като и Фума помогали товарищам спуститься по скользкому земляному скату, а Тора переводил через расширившуюся от качки брешь. Так переправились шестеро.

– Обари-сэмпай, ваша очередь! – крикнул Тора.

И тут хлынул проливной холодный дождь. Девушка подскользнулась в шаге от страховщика и, пойманная за руку и плечо, невольно навалилась на него всем телом.

– Не беспокойся обо мне. У меня крепкие нервы, – произнесла она, выпрямляясь.

– Я заметил, – одобрительно кивнул ей Тора. – Уведите всех подальше от ущелья, Обари-сэмпай. Спускайтесь в поселок.

Она ответила – хорошо, – и уверенно пошла по вперед.

Тора дождался, когда Обари Момо встанет на твердую почву, и обернулся к оставшимся.

– Хагивара! Потом Минами-сан. Следом Мидзуки-сан. За ней Синохара! – скомандовал он.

«Тора. Учти, староста слегка не в себе, – предупредили близнецы. – Сначала какмышь сидела, а теперь трясется от злости».

Торе некогда было вылавливать из-под дождя запахи и токи, поэтому он ограничился дежурным – ничего, проскочим, – и сосредоточился на движении Хагивары. Хоть тот и не признался, что панически боится высоты, Тора расшифровал его страх еще на первом проходе и предпринял все необходимые меры, чтобы незаметно оградить человека от стресса. Сейчас следовало быть внимательнее вдвойне.

– Саки, ты чего? – раскатился над ущельем звонкий голос Мидзуки.

– Куда? Стой! – заорали Като и Фума.

Хагивара начал оборачиваться, краем глаза увидал девицу, чуть ли ни спрыгнувшую на шаткий мост, и отчаянно вцепился в канаты в то время, как близнецы подхватили Минами Саки под обе руки и тем самым остановили самодеятельность. Староста принялась вырываться с явным намерением бежать через ущелье. И в этот момент гора содрогнулась от нового подземного толчка.

Миура закричал не своим голосом – столбы! Весь мост перекосило, затрещали ветхие канаты. Тора мгновенно осознал, что братья не успеют вытолкать неадекватную Минами назад, на берег и одновременно подхватить Хагивару.

«Удержу!» – выплеснул Тора в прыжке с центра моста к его разрушавшемуся основанию.

Отчаянные крики сверху и издали – с другого берега – остались в далеком фоне. Человеческая оболочка сковывала движения, но товарища он поймал прежде, чем тот выпустил из рук скользкий канат. Удар обоих в стену ущелья был неизбежным. Тора принял львиную долю нагрузки на себя, как мог смягчил встряску для Хагивары, но держать человека одной рукой под грудь, прижимая к своему торсу, означало переломать ему половину ребер. К тому же ужасно мешал объемный фотоаппарат, ремень которого юноша перекинул через плечо, как портупею до того, как ступил на мост.

Там, где Като и Фума отчаянно удерживали лопнувший канат, раздался истошный девичий крик, испуганный оклик Мидзуки и возглас Миуры: вернись сюда!

«Минами побежала назад, к храму», – сообщили близнецы.

– Тора, – выдавил Такуя.

– Всё будет хорошо. Держись.

– Дышать не могу.

– Извини. Сейчас.

Тора принялся изворачиваться, чтобы ослабить хватку, не понизив надежность захвата.

Безмолвный вопль сверху совпал с надсадным треском уцелевшей опоры: «Тора! Канат!»

Завешенное дождем пространство на миг озарилось вспышкой синего пламени.

«Здесь всё в порядке. Обеспечьте защиту людей! – распорядился Тора и направил голос своему невольному седоку. – Просто крепко держись за шерсть. Ладно?»

– Мне можно смотреть? – еле слышно спросил Такуя.

«На меня – да. Вниз – нет».

Тора запрыгнул на твердый грунт с опорой всего на две пары огней, убедился, что попал точно за кустарник, и на слух определил диспозицию товарищей. Мидзуки нагнала подругу возле строения. Фума приближался к ним на спринтерской скорости. Като подгонял Миуру вверх по тропинке прочь от обвалившегося берега и опор подвесного мостика.

«Такуя, – позвал Тора и пошевелил плечами. – Я сейчас лягу на землю, а ты аккуратно сползешь через бок».

– Я сам слезу. Я умею в седле, – донеслось с пятнистой спины.

И Хагивара Такуя спрыгнул с гигантского барса, как заправский кавалерист. Головокружение и подкатившая в горло дурнота тут же согнули его пополам.

«Я не конь, и седла тут нет, – сообщил Тора. – А к аккуратности я тебя призывал, чтобы ты пришел в себя после сотрясения».

– Ксо... – выдавил Хагивара и трясущейся рукой вытер с подбородка брызги рвотной массы.

«Это мелочи, сейчас всё пройдет», – уверил его Тора.

На дуновение в затылок Такуя передернулся всем телом.

– Ты чего делаешь?

«Привожу тебя в норму».

– Да? – Такуя осторожно покосился назад. – А я подумал, память стираешь.

«Если ты примешь решение забыть всё, что сейчас видел, я уничтожу эти воспоминания. Но – повторяю – только по твоей сознательной, обдуманной просьбе».

– Я не хочу!

Хагивара обернулся к ёкаю лицом.

«Тогда о чем разговор?» – по-кошачьи улыбнулся Тора.

– Испугался, – признался Хагивара.

Он посмотрел вокруг и опять поднял взгляд на гигантского барса, но обнаружил перед собой Тору в его антропоморфном облике. Пару раз оглядел с ушей до ног и обратно, заметил хвост, торчавший из-под куртки, и вдруг выдал:

– Ну ты и нахал! На фестивале по сцене голым прыгал!

– На мне были спортивные трусы, – напомнил Тора, сдержав смешок. – Подожди тут. Мне нужно осмотреться.

Он расстегнул манжеты куртки и повел плечами, оценивая степень свободы одежды применительно к запланированному трюку.

– Эй, погоди. Мы где? Где остальные? – Хагивара беззастенчиво ухватил ёка за плечо.

– Мы всё еще рядом с так называемым храмом, поскольку мост через ущелье оборван. Минами Саки переживает сильный стресс. Мидзуки пока держится. Миура, Като и Фума в порядке. Все остальные успешно перешли через мост и, надеюсь, бегут в поселок за помощью. Здесь мобильники сигал не ловят. Близнецы только что проверили.

– Ага. Значит, ты всё-таки телепат! – почему-то обрадовался Хагивара.

– То, что ты принял за телепатию, это «контакт сознаний» – коммуникации ёкаев. Однако некоторые люди способны нас слышать, – быстро ответил Тора.

– Только некоторые?

– Да. Скройся под кроной и подожди меня. Я быстро.

С высоты сосны Тора разглядел сквозь дождь противоположный берег ущелья и убедился, что люди покинули опасное место. Далеко-далеко с той стороны доносились отзвуки голосов.

«Нужно было бы крикнуть им, что тут всё в порядке», – запоздало спохватился Тора.

Осмотр и прослушивание ближайшей местности вызвали вспышку тревожности, хотя Тора по-прежнему не находил никаких признаков присутствия посторонних обакэ. Зато яркий узор родственного духа сиял в пространстве, как костер в ночи.

«Като. Фума. Что вы там делаете?»

«Убежище согреваем и просушиваем народ. Ошалевшие девчонки заползли в подполье. Мы за ними. А тут, оказывается, не так уж и плохо. Можно отсидеться. Тащи сюда Хагивару».

«Такуя в порядке. Сейчас придем».

Тора бесшумно спрыгнул вниз и принял человеческое обличье. Хагивара Такуя смерил его оценивающим взглядом и усмехнулся.

– А что, посолиднее никак? Тебе же не 16 лет, а намного больше.

– Больше. Но среди людей я живу всего десять лет. Пошли.

Тора раздвинул ветки кустов.

– Эй, погоди, – Такуя отвел взгляд, помялся пару секунд и сообщил. – Я, кажется, тебя слышу. Как ты с братьями говоришь. Если что-то скрыть хотите, то заранее дай мне по мозгам. Потому что я не знаю, как эти уши заткнуть.

Тора улыбнулся.

– Я понял, что ты слышишь. А по мозгам не получишь, не проси.

– Что, слабо? – Хагивара закусил хитринку на губе.

– Совестно.

То, что близнецы обозвали подпольем, было пространством между неровным грунтом и половым настилом, высоко поднятым на бревенчатых сваях. При большом желании там можно было даже ходить, пригнувшись или согнувшись угольником – в зависимости от роста. Грунтовые неровности создавали естественные заграждения для ветра, а добротная свалка сгнивших досок, заготовленных когда-то для ремонта, исполняла роль единственной стенки. Минами Саки неподвижно сидела боком к этой свалке и смотрела в темноту пустым

невидящим взором. Возле нее, сжавшись в комочек и обхватив руками колени, дрожала Мидзуки. На плечи обеих девушек были наброшены куртки близнецов Накадзима. Однако Минами, казалось, не ощущала ни холода, ни тепла, а ее подруга, чумазая и мокрая с ног до головы, никак не могла согреться.

– По-моему, у Минами шок, – Миура придвинулся к Торе. – Пульс слабый и частый. И давление, вроде, пониженное. Она холодная и ни на что не реагирует. А у Мидзуки только переохлаждение.

– Я тебе не собачка, ты, ветеринар недоделанный! – огрызнулась Мидзуки.

– Мидзуки в порядке, – прокомментировал Като.

Тора кивнул и, присев на корточки подле Минами, заглянул в пустые глаза. Мидзуки искоса следила за ним с напряженным ожиданием.

– Минами-сан, – негромко позвал Тора. – Минами-сан, вы меня слышите?

Реакции не последовало. Тора нащупал пальцами сонную артерию, убедился, что Миура не ошибся, и присмотрелся к человеческой ауре. Серая неподвижная мгла: ни малейших признаков активности, ни единого блика тех духовных сил, которые Тора замечал раньше.

– Она в глубоком шоке, – подтвердил Тора, оглянувшись на Миуру. – И крайне ослаблена.

Хагивара процедил свою любимое «ксо» и решительно достал мобильник.

– Не проходит тут обычный сигнал, – Фума с досадой стиснул кулаки, и блеклый ореол над его челкой-гребнем – один из двух источников тусклого света в подполье – вспыхнул, как светодиодный фонарь.

Хагивара посмотрел на один экстравагантный осветитель, затем на другой такой же и, снизив голос до шепота, многозначительно спросил.

– А если посылать *не* обычный?

Като кивнул ему в направлении Торы и пояснил: уже.

Тора в этот момент безмолвно надиктовывал сообщение аякаси, жившему под личиной мобильного телефона. В отличие от домашних связистов этот способен был перемещаться на большие расстояния, но лишь после полного пробуждения и за счет сил хозяина. Скормив посланцу сгусток своей энергии в форме капли крови, Тора выпустил его в реальное пространство.

– Птичка, что ли? – Хагивара, щурясь, наблюдал за замысловатым полетом странного существа.

– Мышь. Летучая, – подсказал Миура.

Хагивара уставился на него широко открытыми глазами.

Аякаси выпорхнул из подполья наружу и скрылся из вида. Миура и Такуя дружно облегченно вздохнули, но Тора напрягся, будто кот перед броском, а вокруг близнецов заметались искры.

– Тора, это что? – пробормотал Фума.

– Его сожрали, – медленно выговорил Тора.

Истошно закричала Минами Саки. Шарахнулась от груды досок и, махая руками так, будто отталкивала от себя нечто невидимое, попыталась вскочить на ноги. Поскользнулась, шлепнулась на грунт и застыла, когда оказавшийся у нее за спиной Хагивара запоздало подхватил ее подмышки.

Тора очутился между досками и запаниковавшей девушкой, чуть только раздался вопль. Теперь вдоль всего завала, отсекавшего угол строения, висели синие лисьи огни. Однако явной угрозы никто не видел – ни ёкаи, ни люди.

– Саки, ты чего? – перепуганная Мидзуки принялась трясти ее за плечи. – Что с тобой, Саки?!

Та, глядя безумными глазами поверх головы подруги, пробормотала – нет, нет, не надо,

нет, – и враз обмякла так, что Хагивара от неожиданности отдернул руки. Минами шумно повалились на бок. Мидзуки в ужасе оглянулась, увидела синее пламя, вскрикнула и метнулась в сторону так, будто намеревалась закрыть подругу собой. Миура решительно отдернул ее на себя. Близнецы подскочили к брату.

– Спалить?

– Там ничего нет, – Тора оглянулся и изменился в лице.

На оставшемся без внимания пространстве позади бесчувственной Минами и растерявшегося Хагивары прямо из пустоты собиралась некая сущность. Явно материальная.

Мидзуки завизжала. Миура застыл с приоткрытым ртом.

– Женщина... – прогудело из сгустка черноты. – Убить!

В следующий миг сгусток принял очертания почти человеческого бюста, а на голове – огромной относительно плеч и груди – возникла ужасающая маска краснокожего рогатого они.

Чудище кинулось на людей. Тора бросил вперед все свои огни, в прыжке обернулся в антропоморфную форму, но всё равно опоздал. Удар пришелся в фотокамеру, которую Хагивара рефлекторно выставил перед собой как щит. Сработала вспышка. Ослепленный обаянием на секунду потерял ориентацию, и это позволило Торе занять выгодную позицию для контратаки. Он не мог в полную силу использовать свой коронный сокрушительный удар здесь, под ветхим полом прогнившего строения, в присутствии людей. Поэтому синий огонек, наполненный голосом бакэнэко, лишь вышиб врага из-под полового настила, оставив в подпольном грунте широкую траншею.

Леденящий душу рев обрушился на ёкаев и людей:

– Женщина! Убить! Убить!!

Мидзуки отчаянно зажала уши ладонями.

– Братцы. Барьер, – процедил Тора и ринулся в бой.

Подполье накрыло шоковое оцепенение. Внешние звуки – рёв, рык, грохот, периодическое «Убить! Убить!» – потеряли объем и доходили до сознания как факт, не более. Миура и Такуя смотрели друг на друга, будто ждали, кто первый рискнет найти взглядом близнецов Накадзима.

Мидзуки ошарашенно взидала на обоих поочередно и, наконец, выговорила.

– Что происходит?

Ей не ответили, но Миура начал осторожно коситься в сторону неподвижных ёкаев.

– Что происходит, я спрашиваю? – выкрикнула Мидзуки. – Эй! А ну живо вышли из ступора! Хагивара! Синохара! Накадзи...

Она осекала и молча зажала ладошками рот.

Близнецы бок о бок сидели в сэйдза с низко опущенными головами. А по серебряным гребням, уже ничуть не похожим на обычный начёс, метались белые молнии.

Миура как замороженный потянулся к друзьям.

«Не трогай нас, – предупредили оба в один беззвучный голос. – Не трогай, обожжешься».

– Парни, как вам помочь?! – выкрикнул Хагивара.

«Просто посидите смирно».

Точно на головах ребят что-то большое шмякнулось на половые доски. Секунду спустя чуть дальше раздался отчетливый скрежет когтей по дереву.

– Тора его побил? – Такуя принялся оглядывать «потолок» в поисках изъяна или отверстия.

«Нет. Сильный очень. Глодает силы прямо из земли».

– Откуда это вообще взялось?! – отчаянно взвизгнула Мидзуки. – Что ему от нас надо?

– А ты не догадываешься, дурила? – напустился на нее Хагивара. – Это всё ваш клубный оккультизм. Всякую хрень читали и доигрались!

– Мы просто желания загадывали!

– Да? А этот, который орет «убить», просто Санта-Клаус по-твоему? – перебил ее Хагивара. – А ну дай сюда ту бумажину!

– Фиг тебе! – Мидзуки рефлексивно запустила левую руку в карман, где, очевидно, лежала бумага. – Желания исполняются только у того, кто по-настоящему верит в силы Ками.

– Не было здесь никакого ками! – вмешался Миура. – Даже Тора никого не учуял. Ты хоть понимаешь, что он сейчас сражается взаправду? А Като и Фума держат барьер, чтобы нас бревнами тут не завалило?

Мидзуки шумно сглотнула и отважилась оглянуться на близнецов. Хагивара мигом воспользовался моментом: схватил ее руку и силой вынул из кармана вместе с криво сложенной помятой бумагой.

– Гад! Мерзавец! Нахал! – заорала Мидзуки и размахнулась с явным намерением закатить однокласснику оплеуху.

Хагивара без особых усилий перехватил вторую руку, и оплеухи не состоялось.

– Это для твоего же блага, глупая! – сообщил он и глянул на свой трофей.

На обратной стороне помятого листа красовался сложный иероглиф, грубо и криво начертанный губной помадой. Образец таковой кое-где еще просматривался на перекошенных губах Мидзуки.

– Отдай! Это очень личное! – выкрикнула девушка и отчаянно кинулась на обидчика.

Хагивара вынужден был отпустить ее запястье, чтобы не сломать девичью руку, и тут же получил в ухо.

«Такуя! Не дергайся!»

Он оглянулся на беззвучный голос близнецов, но при этом поднял трофей высоко над головой, дабы перехват не состоялся сию секунду. Раздалось шипение, пахло паленым, и Хагивара машинально отшвырнул обугленный лист.

«Не двигайтесь. Замрите!» – взмолился Като, с трудом подняв взгляд на людей.

Фума, морщась, будто от боли, пытался удержать себя и близнеца на границе измерений с стороны человеческой реальности.

– Вы чего парни? Эй! – испугался Хагивара, моментально забыв и про ошпаренную руку, и про Мидзуки.

– Их силы – почти как электричество! – выпалил Миура. – Это очень трудно удержать!

«Пригнитесь все!»

Миура растерянно оглянулся на бесчувственную старосту, а Такуя, не раздумывая, опрокинул Мидзуки прямо на ее подругу и навалился на обеих сам, умудрившись при этом рывком за рукав вывести из равновесия Синохару, стоявшего на коленках. В следующую секунду всех окатило жаром, будто рядом пронеслась широкая струя раскаленного пара. Пространство вокруг наполнилось шипением и треском, раздался мощный рык, затем отчаянный рёв и грохот рухнувших бревен.

Оглушенные во всех смыслах, ребята не двигались до тех пор, пока не услышали ёкайские голоса.

«Тора! Мы что, промазали?»

«Всё в порядке, братцы. Всё отлично. Маска треснула, он скоро очнется. Не оборачивайтесь обратно. Берегите силы».

«Сам бы поберегся! Почему ты его просто не порвешь в клочки?»

«Он сражается не по своей воле. Еще немного, и я его освобожу».

– Като. Фума, – Миура осторожно выглянул из-под своей руки, которой прикрывал свой затылок, непонимающе сморгнул и медленно выпрямился.

Вместо досок полового настила над головой висело пасмурное небо. Бревенчатых колонн и крыши строения не было и в помине, а широкий прожженный круг – этакий люк в полу – кое-где дымился и искрился. На краю этого «люка», высоко подняв обе головы, стоял черный полупрозрачный лис с двумя гривами и двумя хвостами.

– Вау... – выдохнул Миура.

На его восхищенный возглас среагировал Такуя – бесстрашно вскочил на колени.

– Это что... такое? – выдавил он.

– Рэйко-кицунэ, – Миура начал осторожно вставать на ноги. – Так Тора говорил.

В небо взлетел фонтан земляных комьев. Короткий смерч крутанул грунтовую массу в воздухе и вмиг вылепил из нее большеголовую человеческую фигуру. Разломанная пополам устрашающая маска возникла на правой половине невидимого лица, и послышался глухой, похожий на стон голос: «Убить... убить...»

Двуглавый призрачный лис ошетинился, будто и гривы, и хвосты, и шерсть его были материальными, а наперерез изрядно побитому бакэмоно прыгнул огромный снежный барс. Промчался по воздуху вверх и оттуда кинулся на врага.

– Кто это? Это Тора? – пробормотала Мидзуки. – Это Тора, да?!

– Я его таким ни разу не видел, – выдавил Миура.

– А я даже на спине у него сидел, – похвастался Такуя.

Мидзуки начала подниматься на ноги.

«Не вставай! Пригнитесь!» – крикнул двуглавый лис.

Но Мидзуки не услышала, а внимание парней было приковано к поединку между небом и землей.

Победоносный бросок Торы был отмечен восторженным воплем на три голоса, когда снежный барс опрокинул противника навзничь. Такуя, начисто забыв про ёкайский барьер, сжигавший всё, что с ним соприкасалось, лихо запрыгнул на уцелевшие половые доски, чтобы видеть финал сражения. Като и Фума спешно раздвинули границы созданного колпака, от чего все уцелевшие обрубки свай моментально превратились в пепел. Хагивара свалился назад, на грунт бывшего подполья, но, тем не менее своего добился – теперь ничто не мешало обзору всей поляны.

– Тора! Сзади!!! – оглушительно завизжала Мидзуки...

«Убить... Убить...» – обессиленно повторял поверженный аякаси, как заевшая пластинка.

Тора сильнее вдавил его в грязное месиво изрытого грунта передними лапами и выплюнул остатки маски, содранные-таки с безликой головы в последнем «раунде» поединка.

«Очнись! Очнись, ты свободен!» – выплеснул Тора посредством контакта сознаний, а для убедительности рыкнул в условное лицо побежденного.

«Ёкай...» – выдавил обакэ.

Торе показалось, что тот открыл невидимые глаза.

«Кто поработил тебя? Кто приказал тебе убить женщин?»

«Я... печать... он...»

– Тора! Сзади!!!

Тора прежде отпрянул в сторону, и лишь в следующий миг сообразил, что ничего угрожающего за спиной не чувствует, а кричит ему Мидзуки – самый недостоверный сейчас источник оперативной информации.

Вдруг сверху обрушился удар. Что-то широкое и острое, как лезвие, скользнуло по правому боку, взрезало кожу, мышцы и ребра, и вонзилось в грудь распластавшегося на земле аякаси.

Тора мигом зажал собственную боль, ринулся вверх и наугад бросил в пространство

очищающий огонь. Промелькнуло ощущение присутствия некой сущности, и всё исчезло без следа. Мощный ступок разрушительной энергии запоздало устремился за растаявшими синими огоньками – близнецы не нашли ничего лучше, как скомкать расшатанный барьер, как грязную простыню, и зашвырнуть свое творение вслед за лисьими огнями.

Молнии располосовали небо, загромыхал гром. Тора не стал отслеживать последствия бессмысленной атаки, лишь удостоверился, что молнии в целом подконтрольные и людям не угрожают. Он нагнулся к неподвижному аякаси, принялся и досадливо зарычал. Незнакомец-бакэмоно был мертв. Тело его рассеивалось на глазах, а грудной клетки, куда вонзился невидимый клинок, к моменту осмотра уже не существовало.

«Мир праху», – выговорил Тора и невольно оглянулся вверх; в голове промелькнуло: «Меня как будто использовали, чтобы уничтожить его».

Размышлять над неожиданно возникшей гипотезой не позволила вырвавшаяся из-под сознательного контроля боль. Тора шатнулся. Слабость – неизбежное следствие гигантских растрат собственных сил – немедленно потянула его к земле. Но он не позволил себе ни лечь, ни, тем более, упасть. Невидимый, неосязаемый, неразгаданный враг продолжал существование в этом – человеческом – пространстве. И значит, угроза для жизни людей оставалась.

Рэйко-кицунэ качался в воздухе как призрачный фантом, и ждать от него действенной помощи не приходилось: последний фортель с защитным барьером выжал из молодых ёкаев все их силы. Тора сделал шаг к товарищам, и понял, что на следующем неизбежно рухнет без чувств. Он замер, сосредоточился на регенерации и кое-как восстановил разрубленные ребра. Теперь он мог по крайней мере дотянуться языком до собственного бока. Наскоро зализал рану и пошел к пепельному кругу, в центре которого стояли одноклассники.

Основной задачей было как можно скорее определить дислокацию скрытого врага. Тора остановил взгляд на Мидзуки. Что бы она ни вообразила, а нацеленный в спину ёкая клинок заметила. Это был факт. Требовалось получить уточнения.

– Тора! Тора, ты ранен? – Миура торопливо двинулся навстречу гигантскому коту.

Тора по достоинству оценил способности будущего ветеринара: юноше достаточно было заметить нетипичность в движениях зверя, чтобы определить его физическое состояние.

«Пустяки, не волнуйся», – отозвался Тора и спохватился: говорить с Мидзуки следовало вслух, ибо ёкайские голоса она не воспринимала.

Он обернулся прямо на ходу и чуть не вскрикнул от боли: что-то застряло в мышцах спины под правой рукой.

«Обломок клинка? Это наш шанс вычислить сущность врага!»

Брякнул брелок, и тусклый свет карманного фонарика слегка раздвинул густую завесу пасмурных сумерек.

– Эй! У тебя же весь бок в кровище! – воскликнул Такуя дрогнувшим голосом.

– Слегка попортил шкуру, – как мог непринужденно ответил Тора вслух, а иначе сказал: «Выключи фонарь. Не пугай девочку».

– Я не из пугливых! – вдруг выпалила Мидзуки.

«Можно было не оборачиваться», – отметил Тора про себя.

– Тора, это хотя бы перевязать надо, – Миура попытался получить доступ к торсу раненого, но наткнулся на мягкий блок.

– Не беспокойся, – Тора поднажал голосом для убедительности. – Я ёкай как-никак, а не простой кот.

– Так я и говорю – перевязать, – Миура насупился. – Потому что простой кот сейчас лежал бы в укромном местечке и зализывал рану.

– Ёкай? – Мидзуки, как будто не веря своим глазам, уставилась на поднятые торчком кошачьи уши над человеческой головой. – А разве не тэнси?

– Кто? – изумился Тора.

– А не, так, ничего, – Мидзуки скроила на лице нечто типа улыбки, искусственно хохотнула и покосилась на лежавшую среди пепла подружку.

Тора понял, что означала эта пантомима, но менее всего сейчас его заботили девчачьи фантазии на тему ангелов белокрылых.

– Мидзуки-сан, когда вы крикнули мне – «сзади», что вы заметили? – без предисловий спросил он.

– Заметила?.. Ну... как бы, – девушка прикусила губу. – Типа вот так.

Она подняла согнутую в локте руку перед собой, плотно сжала выпрямленные пальцы и изобразила косой удар вниз.

– Что это было? Меч? Кинжал? – быстро уточнил Тора.

– Да нет. Рука. Вот так! – Мидзуки повторила свой жест.

– Привет мангакам, – ухмыльнулся Хагивара.

«Тора, мы ничего не видели», – подал голос двухглавый призракный лис.

– И я не видел, – поспешно вставил Миура.

Хагивара отрицательно помотал головой.

– Я тоже не видел и не чуял, – сообщил Тора. – Но что-то здесь присутствовало. И это – не обакэ. Я не знаю, где оно сейчас.

– Ты уколошил уroda в маске! – бодро воскликнул Такуя, но было заметно, что он струхнул.

– Порабощенного аякаси убил не я. А то, что целилось мне в спину. Я успел увернуться. Иначе не отделался бы подранной шкурой. Спасибо, Мидзуки-сан.

Девушка поспешно спрятала взгляд. Губы ее дрогнули, будто она вот-вот расплачется.

– Не вздумай реветь, – шикнул на нее Хагивара. – Хватит с нас одной истерички.

Миура оглянулся на старосту и брезгливо поморщился.

– Я никогда не реву! – выкрикнула Мидзуки и прижала губу зубами.

Тора посмотрел на небо. Дождь не прекращался. Температура воздуха неумолимо понижалась, и недалеко был тот час, когда вместо дождевых струй на землю посыплются мокрые хлопья снега.

Рэйко-кицунэ встрепенулся:

«Мы сейчас как-нибудь барьер соберем по-новой».

– Братцы, лучше соберитесь с силами, чтобы двигаться в лес, – негромко вслух отозвался Тора. – Нам нужно продержаться еще два-три часа.

Он тревожно посмотрел на бесчувственную Минами Саки.

– А ты отца позвать не можешь? – осторожно спросил Хагивара.

– Увы. Моего связиста поглотил обакэ и за счет его сил сформировал тело. Обакэ находился под управлением хозяина. Где этот хозяин, мы не знаем. Не исключено, что попытка отправить еще одного или двух связистов, – Тора взглядом показал на братьев в едином двуглавом облике, – закончится явлением парочки монстров.

– Но наши уже в поселке наверняка, – вставила Мидзуки.

– Да, конечно. Они вызовут спасателей. Но попасть сюда можно теперь только на вертолете, а в поселке таких средств передвижения нет. Значит, запрос пошлют в административный центр префектуры. Пока там формируют спасательную команду, пока добираются сюда, как раз и пройдет три часа. Кроме того следует учитывать, что уже темно, погода нелётная, а площадка тут очень ненадежная.

– Фукунага-сэнсэй рассказывал, что это место всегда обходили стороной все сели, – бодро доложила Мидзуки. – Даже старинные легенды есть. Про то, что этот храм защищает поселок от грязевых лавин.

– Сели? – пробормотал Миура.

Такая, так же как и товарищ пропустив мимо ушей оптимистическую составляющую легенды, принял лишь факт потенциальной угрозы. Мидзуки запнулась, посмотрела на пепелище и неуверенно закончила.

– Вот только храма больше нет.

– Здесь не было святыни, – отрезал Тора. – Эта постройка...

«Я... печать... он», – вдруг всплыло в памяти.

– Эта постройка – печать, – тихо закончил Тора.

Образовалась неуютная пауза.

– Была, – многозначительно подсказал Хагивара, но выразительно посмотрел не на исполнителей поджога, а на притихшую Мидзуки.

– Отойдем подальше в лес, – распорядился Тора и направился к бесчувственной Минами.

От движения тела обломок под ребрами сместился, вызвав сильный болевой спазм. Тора собрал всю свою волю, чтобы его состояние не заметили ни друзья, ни братья. Но в двух сотнях километрах отсюда, в кабинете отцовского офиса отчаянно вздрогнул Юдзо. Это Тора почувствовал так, будто сидел в соседнем кресле.

«Я обязан сохранить эту улику, – мысленно произнес Тора так, чтобы не быть услышанным в ближайшем пространстве, но с надеждой на понимание в далеком кабинете. – Это единственная ниточка к расшифровке тайны «храма исполнения желаний».

Тора осторожно опустил левое колено, стараясь щадить правый бок, и провел пальцами по белой щеке обессиленной девушки.

– Как она? – шепотом спросила Мидзуки, присев на корточки рядом.

Тора незаметно принялся и чуть-чуть повел ушами. Суровая складка легла поперек лба под откинутой на темя мокрой челкой. Мидзуки, разглядывавшая лицо ёкая сбоку, шумно вздохнула.

– Нехорошо, – ответил Тора, посмотрел на одноклассницу и, понизив голос до шепота, заговорил. – Мидзуки-сан, вы, как подруга Минами-сан, наверняка в курсе ее здоровья. Скажите, она всегда тяжело переносила менструацию?

– А?... – Мидзуки залилась краской.

– Мидзуки-сан, я задаю вопрос как лекарь.

– Да, – глядя в землю, ответила та. – Бывало, даже школу пропускала. Она и вчера на экскурсии маялась.

– Когда учитель дал свободное время, вы вдвоем сразу отделились от группы.

– Она просто хотела кое-что проверить в тексте, – не дослушав, ответила Мидзуки.

Тора сделал вид, что поспешность не заметил, и продолжал расспрос в прежнем ключе.

– Не падала ли она? Не ударилась ли о твердый предмет?

Девушка отвела взгляд и отрицательно покачала головой.

«Что-то произошло, когда они ушли за тыльную сторону постройки», – убедился Тора, а вслух объяснил:

– Я заподозрил внутреннее кровотечение и, к счастью, ошибся. Однако Минами-сан до сих пор в декомпрессионной стадии шока, а это очень опасное состояние. Ее нужно как можно скорее доставить в больницу.

– А как вы вообще узнали про...? – Мидзуки взглядом показала на подругу.

– Я хэнгэ: ёкай с чутьем зверя и сознанием человека. Кошки по природе своей прекрасные диагносты. Мне это дано от рождения.

Эпизод 3

[Пояснения к эпизоду](#)

Транспортировать больную следовало аккуратно, и Тора, тщательно сжав мышцами инородный предмет, застрявший между ребер, поднял Минами Саки на руки. Через несколько шагов он крупно пожелал, что не послушался ни Миуру, призывавшего его прежде всего залечить свою рану, ни близнецов, осторожно намекнувших о лисьем огне, как средстве защиты. Когда со стороны ущелья раздался угрожающий шум, Тора оказался без рук, ибо на его руках лежала бесчувственная девушка, и без сил, так как всё было потрачено на борьбу с осколком, норовившим воткнуться в правое легкое.

Като и Фума, пребывавшие в облике призрачного двуглавого лиса, взлетели над деревьями, дабы грудью встретить ожидаемую атаку. Хагивара кинулся к Торе, подставил спину и со словами «вешай ее на меня!» фактически отобрал у ёкая пострадавшую. Мидзуки отважно схватила подвернувшийся под руки сухой сук в качестве орудия самообороны. А Миура подхватил Тору, согнувшегося в приступе кровавого кашля.

– Обвалился береговой склон, – хрипло крикнул Тора, чуть только выплюнул кровавый сгусток.

– Молчи! Тебе легкое пробили! – чуть не плача, взмолился Миура.

– Не беда, – выговорил Тора и попытался завести руку за спину, дабы нащупать злосчастный осколок.

Миура его руку перехватил.

– Ты всем помогаешь, но почему не даешь помочь тебе? – выкрикнул он.

– Обломок клинка, несуществующего в реали, – силясь справиться с болью и при этом сохранить спокойствие в голосе, сказал Тора. – Ты не увидишь это и не нащупаешь.

– Я хочу тебе помочь, поэтому и увижу, и нащупаю! – решительно заявил Миура.

Далеко уйти от поляны не удалось. Хагивара, тащивший на спине пятьдесят с лишнем килограмм безвольной массы, дважды споткнулся, а на третий грохнулся лицом в лесной грунт, несмотря на все старания Мидзуки предотвратить падение. Тора вмешаться не успел. Рэйко-кицунэ, плывший сквозь кусты и деревья на автопилоте, воспринял остановку как финиш и расслабился. Обратный оборот состоялся незамедлительно под давлением рефлексов, и близнецы повалились под деревом обессиленные до потери сознания.

Миура попытался уложить Тору, но наткнулся на суровый взгляд и отступил.

Тора поспешил извиниться и объяснил:

– Кто-то из нас обязан сейчас бодрствовать: либо близнецы, либо я.

Мидзуки, только что закончившая устройство подруги на двух куртках под третьей в роли одеяла, оглянулась на Тору, увидела большое кровавое пятно на джемпере и перемазанную кровью шерсть на руках, затем посмотрела на с виду невредимых близнецов и с обычной своей грубоватой решительностью принялась тормошить Като и Фуму за левое и правое плечи соответственно.

– А ну проснулись, быстро! Пока вы тут дрыхнете, ваш брат кровью истекает.

– Мидзуки-сан, – остановил ее Тора строгим голосом и добавил, смягчив тон. – Они уже сделали вдвое больше, чем могли. У них не осталось сил. Я не преувеличиваю.

Мидзуки отступила, покусала губы и рискнула обратиться непосредственно к Торе.

– Тора-сэм... сэмпай, – она вопросительно покосилась на адресата обращения.

– Мы одноклассники и останемся таковыми по крайней мере до конца учебного года, – поддержал ее Тора.

Мидзуки изобразила нечто среднее между смущенной улыбкой и согласительной усмешкой.

– Тора-сэмпай, у вас, ёкаев должны быть какие-то приемы, чтобы восстановить силы. Разве нет?

– Самый простой и доступный прием – отоспаться.

Хагивара, устало разглядывавший мокрые хвойные ветви над своей головой, вяло ухмыльнулся.

– Будешь мне опять мангой тыкать? – Мидзуки вызывающе подбоченилась в его сторону.

– Существуют методы экстренного самовосстановления, – поспешил продолжить Тора, дабы предотвратить перебранку. – Като и Фума обуздали электричество и умеют питаться от электросети. Но увы, линий электропередач поблизости нет.

Мидзуки вскинула голову и принялась разглядывать небо, видневшееся сквозь кроны сосен. Убедившись, что привычных городскому жителю гирлянд кабелей не видать, она напряженно осмотрела товарищей и тут просветлела.

– Мобильники. Аккумуляторы мобильных! Тора-сэмпай?

Тора понимал, что заряд аккумулятора для братьев – это даже не глоток, а капля на язык. Но уверенно кивнул.

«Они хотят помочь друзьям, – подумал он, наблюдая за судорожными поисками мобильных телефонов в промокших карманах. – И верят, что способны помочь».

Тем временем Хагивара жестоко тряс над коленями свою драгоценную фотокамеру с безнадежно разбитым объективом.

– Такуя, сохрани аппарат, – остановил его Тора.

– По фигу мне его стоимость! – огрызнулся тот.

– Такуя. Кадры, – Тора отодвинулся от соснового ствола, на который опирался спиной и левым плечом, и подался в сторону товарища. – Есть шанс, что на кадрах отобразилось то, что мы не видели своими глазами.

– Карта памяти от элемента питания не зависит, – заявил Хагивара и вытряхнул из покореженного корпуса застрявший в своей ячейке аккумулятор. – Готов!

Тора смял улыбку.

– Поделите поровну, – подсказал он, когда Мидзуки принялась пихать под ладонь Фумы свой мобильник, а Хагивара всунул аккумулятор под руку Като. – Они не возьмут неравные части.

– Всегда всё поровну на двоих? – уточнил Миура.

Свой пост возле потенциального пациента он не покинул, и теперь его мобильником распорядилась Мидзуки.

– Всегда, – подтвердил Тора.

Хагивара перехватил у одноклассницы инициативу и распорядился вложить в руки Фумы три мобильника, а Като – один аккумулятор фотокамеры.

Тора с затаенным восторгом следил, как раскаляется блеклый узор ауры братьев и как набирает мощь сила человеческого духа по мере проявления признаков жизни друзей-ёкаев. Цель отца, а ныне – цель всех Накадзима, приблизилась во времени и пространстве еще на шаг.

– Тора, а как же ты? – шепотом спросил Миура. – Как передать тебе силы?

– Ни один аякаси клана Накадзима никогда не возьмет жизненные силы человека. Это преступление, коему нет прощения, – спокойно, но максимально убедительно сказал Тора. – Со мной всё будет в порядке. Просто поверьте. Като, Фума.

Оба вскинулись на зов брата, но все четыре глаза были пока слегка мутными.

– Я вырублюсь, наверное, на пару минут, – продолжал Тора. – Держите уши остро, а носы по ветру. Рассчитываю на вас. Миура, – он начал осторожно приподнимать джемпер левой рукой. – Подцепи и тащи. Антисептик и анальгетик я обеспечу себе сам.

– Оборачиваться не будешь? – уточнил Миура.

– Осколок уже слишком глубоко, чтобы ты нашел его без ножа в моей зооморфной форме.

Торе пришлось лечь на левый бок, чтобы предоставить юному лекарю доступ к ране. Миура приступил к операции неожиданно решительно – принялся прощупывать рассеченную кожу и мышцы под ней. Тора не издавал ни звука и сдерживал спонтанные болевые спазмы, дабы обеспечить видимость работы заявленного анальгетика, которого на самом деле не существовало ни в какой форме – ни в биохимической, ни в магической.

– Не вижу... Ничего не вижу, – шептал Миура в тщетных поисках инородного предмета в открытой ране.

Он сорвал с носа очки и в сердцах отбросил их в кусты.

– Кто-нибудь, дайте свет! – потребовал он.

У Торы в глазах давно плавали только кровавые пятна, но два вспыхнувших гребня и луч фонарика он как-то разглядел.

Дело сразу пошло на лад. Тора почувствовал, как коварный осколок подался наружу, подцепленный крепкими пальцами друга. Он попытался помочь мышцам, но боль вырвалась из плена воли и выдавила из груди стон.

– Потерпи, потерпи. Я уже вижу его. Я его держу, – зашептал Миура.

Тора вжался виском и щекой в мокрую жухлую траву.

– Под голову ему что-нибудь! – как сквозь плотную драпировку донесся пронзительный голос Мидзуки.

Тора по запаху идентифицировал мягкий ком, который ему подсунули по висок и плечо – скомканные кардиганы близнецов. Женская ладонь, только что бережно придерживавшая его голову, осталась на затылке там, где волосы плавно переходили в густой барсовый мех.

С третьей или четвертой попытки – это Тора уже не отслеживал – инородный предмет был извлечен окончательно.

– Нужно сохранить... образец клинка, – прошептал Тора.

Миура напряженно засопел.

– Это не образец клинка, – уверенно заявил он после недолгой паузы. – Это осколок ребра твоей зооморфной формы.

Несмотря на тотальные растраты сил, Тора сумел привстать на левом локте.

– Дай мне, – он с трудом приподнял руку.

Миура вручил ему отчищенный от крови белый острый клин величиной с указательный палец. Тора присмотрелся, принялся и понял, что друг абсолютно прав.

Досадливый рык вырвался из человеческого горла, а осколок рассыпался прахом под чарами рассеивания.

– Тора? – Миура испуганно наклонился к его лицу.

– Полный провал, – выговорил Тора настолько внятно, насколько позволил пересохший язык. – Миура. Спасибо. Дальше я сам.

– Тора! погоди, я края стяну, – заторопился Миура, видя, что пациент отключается со скоростью запущенного регенерационного процесса.

– Всё в порядке. Просто отлежусь... пару минут... – уже практически бессознательно выдавил Тора и отрубился.

Ребята молча ждали две минуты. Три. Пять. Но Тора не двигался и, казалось, не дышал. Миура то и дело прикасался ладонью к густой шерсти на его шее и в какой-то момент задел пальцами скулу, покрытую обычной человеческой щетиной.

– Холодный, – дрожащим шепотом выговорил он.

– Накадзима, что вы сидите, как истуканы! Сделайте что-нибудь! – взорвалась Мидзуки.

Близнецы отчаянно переглянулись. Невидимый колпак прикрывал друзей от мокрого

снега и обеспечивал мало-мальское тепло. Но этого было явно недостаточно для обессиленного брата.

– Он справится, – произнес Като.

– Он сильнее всех нас, – подхватил Фума.

– И что с того? Раз сильнее, то пусть сам разбирается, так, что ли?! – выкрикнула Мидзуки.

– Он не возьмет наши силы! – вскинулся Фума.

– Почему это «не возьмет»?

– Потому что он ёкаем жил черте-сколько лет, а мы всего два месяца назад ёкаями проснулись, – бухнул Като и в отчаянии наклонился к Торе.

Пространство между ними наполнилось крошечными белыми молниями. Като отпрянул.

– Загородился, – Фума шмыгнул носом.

– Чтобы нечаянно не поглотить полностью, – Като тяжело вздохнул.

– Эх, Юдзо бы сюда сейчас, – вздохнул Фума точно так же как близнец.

– Юдзо – это тот, с белыми кудрями, который Акико макияж делал перед концертом? – Мидзуки приподнялась на коленках. – Он самый старший?

– Самый старший – Тора, – неохотно ответил Като. – А Юдзо – донор. И у них с Торой особая связь.

Фума принялся искать в карманах брюк своего связиста-аякаси.

– Ты чего, забыл? – спохватился Като. – Мы же не отобьемся без Торы, если тут появится еще один *они*.

Фума уронил руку и тоскливо посмотрел на полусонного аякаси, который в настоящий момент был банальным мобильным телефоном.

– А ваш папа? – Мидзуки с надеждой посмотрела на близнецов. – Он ведь тоже ёкай?

– Естественно, – Фума опустил нос.

– Родители всегда чувствуют, если что-то плохое случилось с детьми. Отец не мог не почувствовать... – она захлебнулась собственной скороговоркой и закашлялась.

– Тора проинформировал отца, когда стало ясно, что нас везут к этому храму, – сказал Като.

– И велел без его сигнала ничего не предпринимать, – продолжил Фума.

– А сигнал не прошел, потому что Ториного связиста слопал местный страж, – закончил Като.

– Значит, вы знали про «храм исполнения желаний»? – испугалась Мидзуки.

Близнецы переглянулись, а Хагивара открыл рот, чтобы развить тему «желаний», но тут его взгляд упал на Миуру.

Юноша сидел в сэйдза со склоненной на грудь головой и что-то напряженно шептал в сомкнутые под подбородком кулаки.

– Эй, Миура, ты чего делаешь? – Хагивара изумленно уставился на товарища.

– Синохара, для молитвы руки не так надо складывать, – обескураженно пробормотала Мидзуки.

– Какая разница, как складывать руки! Я просто хочу, чтобы Юдзо-сан пришел сюда.

– Ага. Так он тебя и услышал, – неуверенно усмехнулся Хагивара.

– Я же не ками какого-то призываю, а Ториного брата зову, чтобы Торе помог! – сердито бросил Миура и, решительно уткнувшись в свои кулаки, опять принялся твердить: «Юдзо-сан, Юдзо-сан. Пожалуйста, Юдзо-сан, помогите Торе».

Такая повернулся к близнецам с явным намерением получить комментарии, но, увидав их остановившиеся лица, придержал язык за зубами.

– Ни фига себе, – пробормотал Като, ошарашенно глядя в дождливое небо над склоном.

– Дозвался, – завершил фразу Фума.

– Где? Что? Я ничего не вижу, – возбужденно зашептал Такуя.

Като кивком показал ему вверх за спину лежавшего Торы. А Фума, не сводя взгляд с беспрецедентного явления, нащупал плечо Миуры и принялся дергать его куртку.

– Всё, всё, он тут. Миура, сработало!

Миура вскинул голову и оцепенел. В пространстве между материальным миром и мистическим небом на фоне невесть откуда взявшейся янтарной луны стоял огромный белоснежный лис. Длинная волнистая, как крупные кудри, шерсть развевалась на ветру. Грива, подобная изящным локонам, ниспадала на плечи и грудь, и каждая прядь сияла белым серебром. Под неподвижными лапами полыхали синие огни. Густо-желтые в тон фантастической луне глаза с вертикальными зрачками искали путь. К брату.

– Юдзо-сан. Он здесь, – прошептал Миура одними губами.

Кудрявый лис мгновенно очутился перед юношей. Миура заворуженно потянулся к нему, но вдруг осознал, что лис не материальный, а пространство, где он каким-то образом очутился – не реальное.

Его ухватили сзади за руку.

– Это фантом, – слышался шепот одного из близнецов.

Хруст сучьев и шорох потревоженных ветвей раскололи иллюзию: Миура увидел на мокром лесном грунте гигантского снежного барса, лежавшего на левом боку. Шерсть на правом чуть ниже кошачьей лопатки была пропитана кровью, но ни раны, ни даже рубца Миура не заметил.

Снежный барс тяжело поднялся на лапы и замер.

Знакомый запах. Родной, домашний, изумительно гармоничный. Сознание, скованное в глубинах сущности, встрепенулось и расцвело букетом пестрых причудливых образов. Живительное тепло хлынуло извне, будто порыв весеннего ветра вышиб наглухо закрытые окна. Тора спонтанно потянулся навстречу и уловил струйки новых запахов, которые вплетались в хорошо известную картину, придавая ей многомерный объем в невиданных доселе измерениях.

Оборот состоялся под прессингом рефлексов. Тора вознамерился вытолкнуть собственное сознание на рубежи реали немедленно, но из открывшегося простора донесся беззвучный голос:

«Останься здесь. На минуту, останься!»

Тора вмиг прозрел и замер как вкопанный во всех измерениях – прямо перед ним стоял высокий изящный белый лис с необычно длинной густой шерстью, вьющейся крупными кудрями.

«Юдзо?! Как ты тут оказался?» – вырвалось у Торы.

В следующую секунду он сообразил, что пространство, где он сам сейчас находится, это не материальное пространство человеческого мира. Следовательно «тут оказался» логичнее было переадресовать ему самому.

«Твой друг позвал к тебе. Я понял, как прийти», – лис подступил к снежному барсу вплотную и вытянул шею так, чтобы носом прикоснуться к кошачьим губам.

Тора нерешительно опустил голову: теперь барс и лис смотрели друг на друга глаза в глаза.

«Юдзо, – Тора не знал, радоваться ему или тревожиться за брата. – Это место – это твой сон? Ты обернулся во сне!»

Лис нетерпеливо мотнул головой, мол, не это сейчас главное:

«Бери мои силы и живо восстанавливайся», – распорядился он и ловко поддел носом пятнистый подбородок так, чтобы барс разомкнул пасть.

Живительное дыхание хлынуло в сущность, окончательно разбудило сознание, и

наполнило каждую клетку материального тела жизненной энергией.

«И как ты умудряешься вляпываться в неприятности на ровном месте, Тора?» – процедил лис, когда снежный барс, насытившись, потерял лбом о его висок.

«Я не нарочно. Так получилось».

Белый лис провел мордой по кошачьей щеке и уткнулся носом в густую шерсть на шее.

«Теперь я знаю, как прийти к тебе даже на край света, – прошептал он и добавил. – И спасибо за то мальчику».

«Юдзо», – Тора исхитрился лизнуть кончик лисьего уха.

«На нас дети смотрят», – предупредил тот, краем глаза отслеживая реальное пространство.

«Ну и пусть. Они бесстрашно приняли истину нашего существования. Пусть видят, что ни одной лишь магией живы ёкаи».

Юдзо беззвучно посмеялся.

«Юдзо, где ты в реали?» – Тора перешел на серьезный тон.

«В комнате отдыха рядом с папиным кабинетом. Он прикрыл меня и препроводил туда. Сам продолжает вести совещание».

«Он знает, что ты делаешь?»

«Он знает, что тебя ранили, потому что меня колбасит с того момента».

«Это твоя зооморфная форма рвется на свободу. Тебе нужно обернуться в материальном пространстве», – барс заглянул в лисьи глаза.

«Как ты это себе представляешь? – в голосе Юдзо звякнули нотки досады. – Здесь, в мире снов, я могу вообразить себя как душе угодно. Но в человеческой реальности мне оборачиваться некуда».

«Ошибаешься. Этот образ – это отражение реальности в твоём воображении. Поезжай домой и жди меня. Я сам тебя оберну».

Белый лис послушно склонил голову в знак согласия.

«Что передать отцу, Тора?»

«Като и Фума в порядке. Трое ребят не пострадали. Но нужно срочно эвакуировать больную девочку. Вдохни мою память. Используй всю информацию. Подключи Маракайто. Мы обязаны расшифровать, что здесь произошло».

«Инукай-сан и отряд Мориты уже в пути», – предупредил Юдзо.

Тора удовлетворенно кивнул и пригнулся на уровень роста белого лиса. Барс и лис на несколько секунд прижались друг к другу лбами.

«Просыпайся там, – Тора отодвинулся к границам измерений. – Даже у папиного самообладания есть предел».

«Кажется, предел достигнут. Он тут, надо мной», – лис улыбнулся янтарными глазами.

«Скажи ему, чтобы не волновался».

«А ты передай мою благодарность своему другу Миуре. Отсюда он меня не услышит».

Фантом белого лиса удалился к янтарной луне, мистическая картина покрылась рябью, и на своё законное место вернулось пасмурное вечернее небо.

Снежный барс восторгнулся, переступил с лапы на лапу и повернулся к товарищам.

«Миура, спасибо тебе. От Юдзо. И от меня. Он нашел способ прийти сюда только благодаря тебе», – сказал Тора ёкайским голосом.

Миура несколько секунд напряженно разглядывал гигантского зверя, затем довел ума только что услышанное, шумно вздохнул и хлопнулся на колени.

– Ну ты всех..! – начал Като, однако голос сорвался, и продолжил Фума. – ...всех тут напугал!

Тора шагнул к братьям, прищурился и прежде, чем близнецы догадались, что означает

кошачья мимика, приложился к каждому лбу огромным языком. Оба серебряных гребня тут же заискрились с удвоенной интенсивностью.

У Мидзуки отчаянно задрожали губы. Она спешно отвернулась. Взгляд упал на бесчувственную подружку. Она жмурилась, зажала ладонями глаза и пихнула локтем Хагивару, сделавшего спонтанное движение в ее сторону.

– Я не плачу! – сдерживая слезы из последних сил, объявила она.

– Зашибись! – обессиленно выдохнул Хагивара.

Тора не стал разбираться в путанном клубке девичьих чувств, а просто наклонился над одноклассницей и безмолвно произнес.

«Мидзуки-сан, с Минами-сан всё будет в порядке. Очень скоро сюда придут спасатели. Ее немедленно доставят в больницу. Два-три дня, и она поправится».

Из путанного клубка как протуберанец вырвался флюид испуга. Тора про себя удивился: Мидзуки боялась остаться непонятой и в то же время боялась раскрыться перед ним, перед Торой.

«Кто из них загадывал желание? – насторожился Тора. – Очевидно, что в этой игре фигурировала моя персона. Внимание к себе требовала Минами, это тоже не подлежит сомнениям. Но Мидзуки хочет, чтобы я о чем-то догадался. Боится показать сама и надеется, что ее раскроют. Ничего не понимаю!»

Он обернулся в антропоморфную форму, походя потрепал сидевшего на земле Миуру по плечу, чем продемонстрировал полную дееспособность правой стороны торса, и подступил к девушке.

– Мидзуки-сан,...

– Юрико, – вдруг перебила та.

Тора озадаченно выгнул бровь. В классе знали, что Мидзуки не терпит обращения к себе по имени. Представлялась она исключительно фамилией. Лишь близким друзьям позволялось называть ее «Ю-тян». Полное имя фигурировало только в школьных документах, а попытки несведущих использовать это имя в бытовом общении обрубались на корню.

– Просто Юрико, Тора-сэмпай, – повторила Мидзуки и, совладав с эмоциями, прямо посмотрела на ёкаю; затем подумала и добавила. – Это всех здесь касается.

Она зажалась, ожидая вопросов. Но одноклассники деликатно промолчали, а Тора сказал.

– Спасибо за доверие, Юрико.

Она нерешительно улыбнулась, очередной раз прикусила губу и кивнула.

В ожидании спасательной команды одноклассники сидели тесным кружком под невидимым «зонтиком», созданным силами Като и Фумы. Все теплые вещи ёкаев – куртки, два одинаковых шерстяных кардигана и легкий джемпер, тщательно отчищенный от следов крови магическими средствами, – были использованы для обеспечения тепла Минами Саки, лежавшей в глубоком забытии.

Тора контролировал округу на слух постоянно и периодически зрительно с соседней сосны.

– А если тебя засекут с вертолета в таком виде? – поинтересовался Хагивара после очередного кошачьего променажа на верхотуру и обратно.

– Я засеку вертолет гораздо раньше, – улыбнулся Тора. – Вот только добрался бы сюда вертолет.

– Если папа взялся за дело, сюда не только вертолет, а целый госпиталь доставят, – высказался Фума.

– Использование магии не допустимо, а физика гравитации и рельеф местности не на нашей стороне, – ответил Тора.

Миура посмотрел через плечо на неподвижную Минами.

– Тора, а магия совсем недопустима? – осторожно спросил он. – Мне очень не нравится ее состояние.

– Состояние пока стабильное, – Тора тоже оглянулся на лежавшую позади него девушку.

– А целительная магия ёкая работает только на ёкая.

– Разве? – Миура многозначительно посмотрел на друга.

– Я могу помочь человеку оптимизировать его собственную энергию и направить эту энергию на регенерацию тканей или на борьбу с болезнью, – Тора повел открытой ладонью в сторону Миуры; Миура жест понял. – Могу провести антисептические процедуры – уничтожить микробов и мелких паразитов так же, как уничтожаю сёки. Могу обеспечить локальное обезболивание посредством элементарного внушения. Всё это для Минами-сан бесполезно.

– А энергию оптимизировать? – вскинулась Мидзуки.

Тора вздохнул.

– Для этого необходимо выполнение одного условия: человек сам стремится избавиться от недуга. Другими словами, осознает свое состояние и борется за свое здоровье. В противном случае скорее навредишь, чем поможешь. Умудренные целители-аякаси иногда работают через посредника. Например, близкого родственника или супруга. Через мать или отца, если помощь требуется ребенку.

– А ты так не умеешь? – с сомнением в голосе спросил Хагивара.

– Нет. Я не настолько опытен в лекарском деле. К тому же вмешательство в биоэнергетику человека, получившего психологическую травму, рискованно вдвойне.

Мидзуки пожалела о том, что открыла тему. Покосилась на Тору и спрятала взгляд. Но законный вопрос, где и как Минами получила психологическую травму, не прозвучал, ибо Тора не спешил форсировать откровения, Като и Фума благоразумно помалкивали, а Такуя и Миура слишком устали от мистических приключений.

Впрочем, усталость не помешала Миуре заметить, как напряженно изогнулся кончик хвоста, свисавший с колена Торы. Он покосился на кошачьи уши: второй доступный обзору индикатор также говорил о повышенном внимании хэнгэ к окружающему пространству.

– Тора? Что-то приближается?

Мидзуки вздрогнула, Хагивара привстал, а Като и Фума мигом превратили зонтик в широкий колпак.

– Свои, – поспешно сообщил Тора.

– Кого прислали-то? – близнецы дружно завертели головами, но не обнаружили даже факта присутствия спасательной команды.

– Инукай-сан, Морита и с ним шестеро из старшей десятки, – ответил Тора братьям, а одноклассникам объяснил. – Инугами.

– А как они сюда попадут без вертолета? – спросила Мидзуки.

– Для ёкаев это не проблема. Подождите здесь. Я должен их встретить.

Капитан Морита без лишних вопросов принял весь перечень фактов, изложенный Торой, скоординировал четверым псам начинать прочесывание местности, а двоих направил в неясную охрану школьников.

– Все трое нас слышат, – предупредил Тора.

Морита поклонился в знак понимания, обернулся в зооморфную форму и помчался на пепелище, где вынюхивали грунт самые опытные псы стаи.

Инукай-сан не вмешивался в поисковые работы, но Тора чувствовал, что тот тщательно прощупывает пространство посредством собственной виртуозной магии.

– Я чую след погибшего аякаси, но не нахожу того, кто нанес смертельный удар, –

Инукай-сан обеспокоенно посмотрел на Тору.

Тора кивнул.

– Я тоже. И., – он помедлил. – Инукай-сан, меня не покидает чувство, что нас использовали.

– Инсценировка? – Инукай нахмурился.

– Нет. Аякаси с маской они яростно желал убить женщин. Такова была его установка, вложенная в самую его сущность волей хозяина. Мы разбили маску, и он освободился от оков. И вот тут вмешался хозяин. Я не понимаю, зачем ему понадобилось убивать суммона. В наказание? Или он стремился превентивно уничтожить восставшего раба?

– Тора-сама, вы уверены, что целью этого самого «хозяина» был его суммон, а не вы?

– Уверен. Он убил аякаси и исчез. Утек, испарился, скрылся – я не знаю, как назвать то, что не воспринимаю ни одним органом чувств. Если бы он ставил цель убить меня, он не ограничился бы одним ударом. И он не предпринял ни одной попытки атаковать барьер, которым Като и Фума закрыли ребят.

– Но если он дал установку убить женщин, то..? – Инукай выжидающе посмотрел на Тору.

– Не понимаю, – Тора нервно передернул ушами. – Может быть, будучи недоступным нашему восприятию, он также не способен воздействовать на наш мир непосредственно? Но тогда что это такое, Инукай-сан?

Инукай задумчиво обвел взглядом взрытую, будто после артобстрела, поляну и обугленные бревна, уцелевшие после решающей атаки объединенных сил Снежного Барса и Рэйко-кицуне.

– Акума, – негромко произнес он.

– Акума? – Тора непроизвольно ошетинился. – Абстрактное зло человеческого мира? Инукай-сан, но разве это не обобщенное название зловердных обакэ?

– Один раз в жизни, – медленно начал Инукай. – Не в этой, в прошлой моей жизни, мне довелось иметь дело с акума. Люди называли его искусителем. Он существовал в тенях человеческих душ, питался человеческой злобой, ревностью, завистью. Паразитировал на самых сокровенных человеческих чувствах.

– Как вы его отследили?

– Отчаявшийся человек заключил с акума договор: предоставил ему своё тело в обмен на свершение мести. Акума завладел не только телом, но и всей сущностью несчастного, и в этой личине какое-то время жил среди людей. Получилось так, что он и я служили одному клану. Я был тогда молод и наивен и однажды попытался урезонить его непомерную жестокость. Он посмеялся мне в лицо и ответил: вы, обакэ, всего лишь сказка – человечество повзрослеет и забудет о вас, а я был и буду всегда, ибо я – мрак человеческих душ.

– Он один на весь людской мир? – с сомнением в голосе задал вопрос Тора.

– Я так не думаю. У него нет своей сущности. Он обретает личность в контакте с воззавшим к нему человеком, договаривается на взаимовыгодный обмен, получает силы на свершение какого-либо деяния и так обеспечивает своё существование.

– Что происходит по завершению этого деяния? Он же не мотылек, чтобы прожить одну ночь возле лампы, а на утро испустить дух.

– Действительно. Я не задумывался об этом. И, по-правде говоря, не ведаю, что стало с тем акума, которого я знал.

– Пролонгация договора, развитие проекта. Консолидация доходов, в данном случае – сил, – подсказал Тора.

Инукай невольно улыбнулся, ибо Тора сейчас сыпал терминами, усвоенными в процессе работы с отцом.

– Я не знаю, Тора-сама. И моя гипотеза о присутствии акума здесь имеет серьезный

изъян: душа любого обакэ недоступна для акума, равно как акума не доступен нашему восприятию, следовательно, поработить аякаси акума не способен.

Тора по-кошачьи заворчал от бессилия. Инукаи доверительно наклонился к нему.

– Тора-сама, босс передал мне информацию, полученную от вас через Юдзо-доно, и распорядился первоочередной задачей считать защиту людей.

Тора оглянулся на инугами, занятых раскопками в противоположном конце поляны возле уцелевших бревенчатых свай, и прислушался к шипящему дождем лесу за ущельем.

– Медицинская бригада будет здесь через десять-пятнадцать минут, – подсказал Инукаи.

– Люди?

– Да. Это специальная команда, которая участвует в испытаниях нашей продукции, предназначенной для спасательных службы. Они неосведомленные. Вуаль я обеспечу. Больную девочку доставят в лучшую клинику. Трех других ребят мы переправим в поселок своими силами. А после доставим домой нашим транспортом вместе с теми пятерыми, кто дожидается известий на автобусной станции. Машина в пути. За рулем Ямато-сан по специальной просьбе босса. На станции остались Одзаки-сан, Го-сан и Морики-сан, они обеспечат психологическую помощь. Мне бы хотелось...

– Одзаки-сан? Морики? – перебил изумленный Тора, запоздало довел до ума объявленный численный состав ожидающих и не на шутку струхнул. – Почему осталось пятеро? Где учитель? Где весь класс?

– Простите, Тора-сама. Я не поставил вас в известность своевременно. Как выяснилось уже здесь, учитель повез класс в Нагано под предлогом ограниченного времени аренды автобуса. Пятеро ребят – трое ваших одноклассников и две школьницы старших классов – остались в поселке по собственной инициативе дожидаться спасательную команду, которую, якобы, учитель вызвал. Из местного полицейского участка действительно пришел участковый, но это было в нашем присутствии, и инициативу беседы взял на себя Одзаки-сан. Полагаю, босс уже в курсе и дал команду Рикю-доно начинать скрытое расследование. Одзаки-сан настоял на своём участии в мероприятии, когда вы сообщили о сокрытии учителем планов поездки. На мой взгляд, поведение учителя его возмутило до глубины души. Морита-доно назначил Го-сан его телохранителем, ибо до сих пор остается опасность провокационных действий в отношении клана. Морики-сан включил в команду я с разрешения ее отца Акиямы-сана, разумеется. Морики прекрасно ладит с детьми и подросткам безотносительно их природы.

Тора согласно кивнул в стиле «всё понятно», и Инукаи-сан вернулся к прерванной теме.

– Мне бы хотелось, Тора-сама, посмотреть на больную девочку прежде, чем сюда прибудут медики.

– Одержимость? – мигом насторожился Тора.

– Вы заподозрили?

– Да, но не нашел подтверждений. Пойдемте, Инукаи-сан. Я познакомлю вас с ребятами.

Последнюю часть разговора Тора умышленно транслировал братьям, поэтому о бегстве Фукунага-сэнсэя Като и Фума не преминули тут же рассказать товарищам. Выразительную реакцию на сообщение о поступке классного руководителя Тора застал лично. Мидзуки обескураженно, а потому не слишком грубо, возмущалась вслух. Миура, надувшись, молчал, как обиженный ребенок. Хагивара вполголоса грозился с помощью клуба журналистов устроить так, чтобы на беглеца «завели дело». Като и Фума не придали большого значения выходке историка, но только потому, что известие о прибытии Одзаки-сана вызвало у обоих бурю плохо скрываемой радости.

Когда Тора представил Инукаи-сана начальником службы безопасности, Хагивара заерзал, памятуя о «шпионской» фотосъемке, но Инукаи ни коим образом не напомнил ему о

конфликте, а доброжелательный взгляд ёкая быстро развеял тревоги юноши. Миура покраснел, как помидор, когда Инукай дал понять, что о его участии в излечении Торы известно самому главе клана Накадзима. Мидзуки, представленная Торой как «Мидзуки-сан», быстро вставила: «Мидзуки Юрико», – и отважно посмотрела в глаза инугами.

Тора пояснил Инукай по строго направленному контактному каналу:

«Объявление своего имени для Юрико означает что-то особенное».

«Причина?» – тут же отреагировал тот, всматриваясь в блеск человеческой ауры.

«По-моему, нечто надуманное. Мне кажется, связано с ощущением себя взрослой самостоятельной личностью. Но могу ошибаться».

«Интересный человек, – отметил Инукай. – Однако я не вижу тех «духовных сил», про которые говорил Юдзо-доно».

«За Юрико ничего такого и не замечалось. Речь шла о Минами Саки», – Тора взглядом показал на пострадавшую.

Дабы отвлечь насторожившихся товарищей от Инукай, когда тот наклонился к бесчувственной девушке, Тора попросил одного из охранников-инугами показаться людям. Инугами безоговорочно откликнулся на просьбу: нарочито шумно выбрался из-под растительности, по собачьи встряхнулся, посмотрел на ребят багровыми сверкающими глазами, пару раз вильнул хвостом и уселся поодаль так, чтобы его собачью персону могли обозревать со всех сторон.

Тора объяснил его присутствие: охрана на случай чрезвычайных происшествий.

Миура как зачарованный сделал несколько шагов в сторону ёкая-пса, за ним механически пошел Такуя. Мидзуки принялась теребить близнецов, чтобы знаками и шепотом выяснить, правда ли, что это собака, и какой охранник на самом деле.

«Тора-сама, – позвал Инукай, закончив исследования. – Я могу лишь подтвердить диагноз, поставленный вами».

«Что про ауру? Признаки духовных сил?»

«Нет и в помине, Тора-сама. Здесь, – Инукай взглядом показал на Минами Саки, – нет духовных сил, как у большинства людей. Не поймите меня превратно, но перед нами заурядная пятнадцатилетняя школьница».

«Я уверен, что ощущал зачатки ее силы с первых дней поступления в класс. Светлые, туманные, темные – но силы были».

Инукай перевел задумчивый взгляд на девушку, а Тора решился допустить до ума неприятную догадку, витавшую до сего момента в сознании как бесформенный призрак.

«Инугами-сан, а что если все-таки акума и договор?»

«Отказаться от бесценного дара природы? Ради чего такая жертва?»

«Акума искушает людей. Обманывает без лжи, не так ли?»

«Да, Тора-сама. Вы очень точно сказали: обманывает безо всякой лжи, – Инукай поднялся на ноги. – Теперь я считаю своим долгом взять лично на себя обязанности вашего телохранителя».

Тора слегка растерялся.

«По-моему это уже лишнее, Инугами-сан».

«Девушка загадала некое желание, объектом которого являетесь вы. Это ваш вывод. И заплатила невероятно высокую цену – отдала свой дар видеть истину мира. Акума получил в своё распоряжение огромные силы. Но теперь его задача выполнить свою часть договора, иначе он не сможет воспользоваться обретенной мощью после того, как покинет тень поработанной души».

«Я уже не уверен, что именно Минами призвала «исполнителя желаний», – сообщил Тора. – Юрико намного сильнее своей собственной человеческой сущностью, безо всяких «священных сил».

«Мидзуки Юрико сияюще добра. Таких людей акума обходят стороной, ибо в их ярких душах не просто отыскать темные уголки, – возразил Инукаи. – Я расспрошу ее».

«Не вынуждайте ее выдавать личные секреты подруги», – предупредил Тора.

Он оглянулся на товарищей, увлеченно рассматривавших невозмутимого пса-ёкая, попутно уловил на слух далекий рокот пропеллера, и тут учуял всплеск собачьих эмоций на поляне: инугами сделали какое-то важное открытие. Охранник немедленно отреагировал на чувства соратников – вскочил на лапы и развернулся носом в сторону поляны. Ребята рефлекторно оглянулись туда же, и так узрели очередную мистификацию.

Большой черный пес с багрово-красным свечением над хребтом перемахнул через высокий кустарник, приземлился на все четыре лапы и встал на ноги в человеческом облике.

– Нашли печать, – отрапортовал он Инукаи-сану и шагнул к Торе.

Тора не успел остановить капитана от церемониального преклонения колена.

– Тора-сама, обнаружили разбитую печать, – гордо доложил Морита.

Тора сдержал мимику, но абсолютно забыл про хвост. Пятнистый маятник заметили и инугами, и Миура. Морита понял, что «слышать голоса ёкаев» не означает «знать традиций стайных хэнгэ», покосился на остолбеневших школьников и неуверенно встал на ноги.

– Докладывайте, Морита-доно, – поторопил его Тора.

Доклад оказался коротким. Инугами вынюхали и выкопали из-под земли треснувший камень с выточенным на нём иероглифом «мнимое» и бесспорными признаками разрушенной печати. Под печатью не нашли ничего, указывавшее на сущность заточенного, зато иероглиф источал тот же дух, что и маска они, осколки которой в облике комьев глины нашли под пеплом в первые же минуты поисков, так как Тора заранее обрисовал пространственные рамки состоявшегося сражения.

Тора изменился в лице, осознав, что сие означает, и осторожно покосился на Инукаи в надежде, что все-таки ошибается. Однако тот смотрел на Тору точно так же, что красочно иллюстрировало извечную истину: надежда умирает последней.

– Мы помогли ему уничтожить стража его темницы, – вслух ответил Тора на поток беззвучных вопросов близнецов.

– Кому помогли? – выдавила Мидзуки Юрико.

Тора повернулся лицом к друзьям.

– Акума. То, что было запечатано здесь – акума. Искуситель человеческих душ, несуществующий для нас – для обакэ. Создатель печати – оммёдзи, очевидно, – оставил мнимого стража – сикигами – охранять печать. Печать треснула. Сикигами восстал, дабы исполнить свой долг – уничтожить людей, пробудивших пленника, и так предотвратить побег. Мы освободили сикигами и тем самым лишили его силы, данной хозяином. Акума только этого и ждал, чтобы окончательно разорвать свои цепи.

– Мидзуки-сан, – Инукаи подошел к девушке. – Не сохранилась ли у вас запись текста, который вы читали вместе с учителем?

Мидзуки бросила гневный взгляд на Хагивару и отрицательно мотнула головой.

– Это моя вина, – признался он. – Я спалил листок об защитный барьер. Нечаянно.

– Я могу вспомнить, наверное, – поспешила вставить Мидзуки. – И у девчонок ксероксы остались. Если прямо сейчас надо, я попробую прочитать наизусть.

– Ни в коем случае! – чуть ли ни в один голос воскликнули Инукаи и Тора.

Тора добавил:

– Ни слова вслух. Ни слова из того текста. Пока мы не вычислим, что это за текст и откуда он взялся.

– Это из журнала какого-то, – Мидзуки передернулась. – Сэнсэй показывал ксерокопию, когда рассказывал про «храм исполнения желаний». А мы потом под диктовку записали и

размножили.

– Фукунага-сэнсэй говорил, из какого журнала он копировал текст? – уточнил Тора.

Мидзуки сделала страдальческую мину.

– Тора-сэмпай, вы же знаете, как он тараторит! Может и говорил, я не запомнила.

– Тора, это они его разбудили или сэнсэй? – осторожно спросил Такуя.

– Нельзя сказать наверняка, пока не видна вся картина происшествий. На данный момент известно, что кто-то разбил печать и дал акума силы существовать в людском мире. Для исполнения своего желания, полагаю.

– Куда вы со старостой ходили тут после хорового чтения? – Хагивара решительно надвинулся на одноклассницу.

Тора сделал знак товарищу не давить на девушку, а Инукаи воспользовался открытой темой.

– Мидзуки-сан, – он встал так, чтобы Хагивара и Тора оказалась вне поля зрения собеседницы. – Сейчас, чтобы предотвратить большие беды, нужно точно знать, что происходило на поляне во время проведения ритуала. То, что получило свободу после многих лет заточения, представляет угрозу для людей. И в первую очередь для тех, кто участвовал в разрушении печати – для вас и ваших одноклассников.

Мидзуки вздрогнула всем телом и бросила взгляд на бесчувственную Минами Саки.

– Мы все читали с учителем. Ничего особенного не было, – она шумно сглотнула. – Лично я вообще не верила, что мы что-нибудь разбудим. Потом загадали желания, и учитель распустил класс на десять минут. А Саки... – она опять посмотрела на подругу. – Саки мне сказала: всё это чушь. И пошла на другую сторону храма. Я удивилась. Ведь Саки раньше в заклинание верила. Побежала за ней. Она почти до деревьев дошла. Я испугалась, что ей опять плохо стало. А она сказала: здесь надо читать. Ну, мы и прочитали еще раз.

– Вы обе читали текст? – уточнил Инукаи-сан.

– Ну... Не совсем. Минами – она умница, у нее память замечательная, и вообще – отличница. Она наизусть запомнила. А я пока доставала бумагу и без света искала, с какого места подхватить, только пару слов успела.

Мидзуки умолкла.

– И что же случилось потом? – спросил Инукаи-сан мягким доброжелательным тоном.

– Потом... Потом жаление загадывали.

Тора взглядом из-за плеча Мидзуки показал Инукаи, что в этом месте девушка что-то упустила. Тот согласно прикрыл веки и продолжал:

– Вы слышали, как она объявляла желание или знаете о ее намерениях по предварительным разговорам?

– Она вслух говорила.

– Просто объявила желание и всё?

– Ну... Тут первый раз толкнуло. Землетрясение.

«Тора-сама. Упущено что-то, связанное с вами», – быстро сообщил Инукаи-сан.

«Да, я чую. Но все равно: не нужно вытягивать из нее признание сейчас. Она сама всё расскажет, когда осознает опасность».

– Храм так ужасно закрипел! – продолжала Мидзуки, не заметив скрытых переговоров ёкаев. – Я как представила, что бревна на нас попадают, схватила Саки за руку, и мы побежали. Мне казалось, назад бежим, а вокруг нет никого. Потом опять толчки. Сэнсэй закричал страшно. Я на его голос повернула и потащила Саки за собой. А вспышку фотика Хагивары увидела в другой стороне. Оказалось, мы последние были. Остальные уже переходили через мост.

– Вы там бегали туда-сюда, как идиотки, – не удержался от комментария Такуя.

– Пространственная дезориентация. Возможно, вызванная контактом с печатью, –

поспешно вставил Тора и выразительно глянул на товарища, мол, не лезь.

– Мидзуки-сан, последний вопрос: вы сами загадывали жаление? – спросил Инукаи-сан. Она замялась.

– И да, и нет. Я про себя повторяла: пусть у Саки всё получится. Она так надеялась на этот храм! – Мидзуки тоскливо посмотрела на бесчувственную подругу и тихо добавила. – И это было так глупо.

Спасательный вертолет с фирменной эмблемой на борту висел над поляной, пока спустившиеся по канатам спасатели и помогавшие им инугами в человеческом облике укладывали пострадавшую на специальные носилки и закрепляли страховочные ремни. Носилки подняли на борт на тросах, Инукаи-сан дал последние распоряжения командиру группы, и вертолет отправился в обратный путь.

Затем Инукаи-сан при молчаливом присутствии Торы попросил ребят сохранить в тайне подробности всего того, что случилось после обрыва моста, и предложил «легенду» для ответов на неизбежные вопросы. Обрушение храма во время ливня звучало правдоподобно, равно как описание собственных действий: «сидели в лесу под деревьями и ждали спасателей». Хагивара протянул язык, мол, как объяснить пепел?

– Какой пепел? – Инукаи-сан лукаво прищурился.

Тора с хитрющей кошачьей миной на физиономии взглядом предложил товарищам осмотреть свою одежду. Все – даже Като и Фума – дружно принялись разглядывать себя и друг друга, и быстро убедились, что кроме лесного мусора и обычной земляной грязи на брюках и куртках ничего не осталось.

– Вы видели и слышали, как рушится строение, – повторил Инукаи-сан серьезным тоном. – Этого достаточно для ответа на школьном дознании. Если кто-то из родителей инициирует вмешательство полиции, то у вас будет адвокат, который проконтролирует вопросы.

– А своим близким можно про вас рассказать? – опять спросил Такуя.

– А близкие поверят вашему рассказу? – улыбнулся Инукаи.

– Мой папа точно не поверит. Только опозорюсь перед ним, – заявила Юрико.

– А мои бабушка и мама поверят, – вставил Миура. – Но я их пугать не буду.

– Такуя, ты расскажешь дома? – полюбопытствовал Като.

Тот криво усмехнулся.

– Матери говорить нельзя, иначе отцу влетит, – сказал он. – Он у нас охотник за привидениями. Был. Пока мама в третий раз на развод не подала. Поклялся завязать с «желтой прессой». Работу хорошую нашел. Ему не скажу, чтобы не заводить по-новой. А от брата я сам много чего услышу за камеру.

– Слушай, отдай нам карту памяти, – попросил Фума.

– Мы инфу вытащим, – подхватил Като. – Будет, чем перед братом оправдаться.

– Чего, прям сейчас отдать? – Хагивара подозрительно посмотрел на близнецов и перевел взгляд на предстоящую «переправу». – А вы разве превращаться не будете?

– Будем, – в один голос ответили Като и Фума.

– И куда вы карту засунете в своем призрачном виде?

– Упс.

Тора улыбнулся.

– Пора спускаться в поселок, – напомнил он и обернулся в зооморфную форму.

– Прошу прощения, – деликатно предупредил Инукаи-сан и отступил на шаг.

В следующий миг на месте, где он стоял, выпрямился на четырех мощных лапах огромный белый пес.

Поворот на горную тропу, где в середине дня автобус высадил школьников, и автостанция располагались в диаметрально противоположных концах населенного пункта. Инугами подогнали две машины аж на склон, туда, где внедорожники могли проехать без магических ухищрений. Таким образом, братья Накадзима и их товарищи были доставлены к месту назначения с комфортом. Но Тора про себя ужаснулся, представив состояние одноклассников, бежавших за учителем через весь поселок.

На автостоянке, примыкавшей к станции, стояла бело-серебристая машина из домашнего гаража, а поодаль скромно припарковался темно-серый спортивный автомобиль. Тора сокрушенно качнул головой. Из элементарно расчета расстояние-скорость получалось, что либо Рiku опередил указания отца, либо Ичиро гнал на предельной скорости, игнорируя все правила дорожного движения.

Тора выскочил из джипа первым, благо сидел рядом с водителем, и встал так, чтобы Ичиро, остывавший за рулем вместе с мотором своей машины, увидел его своими глазами.

«Шкуру залатал, Кошак?»

Тора прикрыл контакт от посторонних, хотя «голоса» мадзоку несколько отличались от коммуникаций ёкаев и не были слышны людям без специальной настройки со стороны самих мадзоку.

«Всё в порядке. Не выходи из машины. Дома оттакаешь меня за шкуру, если очень хочется стряхнуть стресс».

Ичиро хохотнул, но его смех, заглушенный поднятыми стеклами салона, слышал только Тора.

«Прибереги свою кошачью терапию для Юдзо. И шагай в зал. А не то народ запаникует».

«Почему?» – удивился Тора.

«Старшая девушка видела, как ты до всей дури долбанулся об склон ущелья и поймал на себя какого-то паренька, пока учитель во всю прыть удирал с места происшествия. Из-за ее заявления местный участковый даже задницу из кресла поднял. Рiku как раз с ним и разбирается, чтобы инфа не уплыла дальше участка».

«Понял. Спасибо», – Тора пошел вслед за близнецами к стеклянным дверям маленького павильона зала ожиданий.

«Мне «спасибо» не за что, – откликнулся Ичиро. – А учитель у вас – мудака. Другого слова нет».

«Я подберу другие слова для прокурора, – пообещал Рiku; Тора заметил его краем глаза далеко на улице. – Тора, нас тут нет. Предупреди близняшек, пожалуйста».

Пятеро школьников, тихо сидевшие в креслах, дружно вскинули головы на звук открывшихся дверей.

– Как видите: всё хорошо, все живы и здоровы, – объявил Одзаки-сан и медленно, чтобы его старательно скрытое волнение не заметили ребята, расслабил плечи.

Из-за кресел вскочила Морики-сан и ринулась к Торе, но беззвучная команда Инукаи пригвоздила ее к полу. В следующую секунду тануки и сама разнюхала, что поводов для беспокойства нет. Го-сан, скрывавшаяся в тени торгового аппарата, вышла на свет и беззвучно доложила: «Без происшествий. Состояние школьников удовлетворительное».

– Мидзуки! – вскрикнули обе подружки чуть ли ни в один голос и кинулись ей навстречу.

– Ну и видок у вас, парни, – растерянно заметил вслух юноша, окинув обескураженным взглядом Такую и Миуру.

Като и Фума поспешили скрыться за их спинами, чтобы не сверкать относительной чистотой своей одежды, ибо вся грязь, набранная на человеческое обличье, исчезала без следа после каждого оборота рэйко-кицунэ. Но тут взгляд обоих упал на пожилого педагога, и проблема одежды была мигом забыта.

– Одзаки-сан!

Торе показалось, что братья сейчас повиснут у наставника на плечах. Тот тепло обнял обоих и привычно пригладил ладонями оба гребня, вспыхнувших от избытка ёкайских эмоций.

– Одзаки-сан! Спасибо! За науку, – бурно, наперебой, но шепотом, начали близнецы. – Мы поняли. Про когерентность поняли! И всё на практике. Представляете, купол! С полным контролем!

– Хорошо. Молодцы. Замечательно, – шептал в ответ Одзаки-сан, обнимая подопечных.

На трогательную сцену обратила внимание только Мидзуки.

«Юрико, – позвал Тора. – Одзаки-сан – человек».

– Я вижу, – откликнулась девушка вслух.

Реплика не вписывалась в содержание возбужденной трескотни подружек, осаждавших Мидзуки вопросами, и одна из них возмущенно воскликнула:

– Ты меня слышишь или нет?!

Вторая оказалась более внимательной: перехватила взгляд одноклассницы, направленный на Тору.

– Тора-кун.

Тора оглянулся. Рядом стояла Обари Момо.

– Прости. Ничего не смогла сделать, – с виноватой улыбкой сказала старшеклассница. – Сэнсэй загнал всех в автобус, крикнул, что обязательно всё проконтролирует лично, и скомандовал водителю ехать на вокзал в Нагано. Я отправила с ним вице-президента клуба. Она позвонила мне из поезда. Сэнсэй сел в вагон вместе со всеми. Вроде как – проводить домой, а потом вернуться сюда. Вот... – она потянула Торе сумку. – Только вещи успели вытащить из салона. Я помню, где лежали ваши сумки, но нашла только одну. Прости.

– Спасибо. Сумки – не проблема. У нас в одной – две другие.

– Я перепугалась. Когда ты... – она с трудом сдержала мышечный спазм. – Когда с этого проклятого моста вместе с товарищем. Тут говорили, что ты крепкий парень. Но так удариться о камни!

– Да ничего особенного там не было, Обари-сэмпай. Хагивара – не слабак, по физкультуре в первых рядах всегда. И ребята нам помогли, конечно. Странно, что сэнсэй уехал домой. Туда и назад, в Нагано – это почти четыре часа даже без учета ожидания поезда. А из Нагано в этот поселок среди ночи – вообще не знаю, как.

Лицо Обаи Момо окаменело – так она скрывала гнев. Но Тора завел разговор не ради перебивания костей учителю. На полностью объективную информацию он не рассчитывал, но старшеклассница способна была адекватно оценить сцену даже с учетом личной неприязни к главному персонажу.

– Мое мнение, Тора-кун, – вполголоса начала Обари. – Фукунага-сэнсэй свихнулся на почве оккультизма.

Она покосилась на одноклубницу из второго старшего класса, скромно стоявшую в двух шагах от беседовавших. Та восприняла взгляд председателя как приглашение к разговору.

– Он был в ужасе, – также негромко подсказала она. – Просто в дикой панике.

– Спасал класс от темных сил? – как можно более естественнее усмехнулся Тора.

– Класс? – Обари поморщилась. – Тора-кун, не будь таким наивным! Он спасал себя. Он даже не оглянулся ни разу, когда бежал по тропе вниз. Ему было безразлично, кто и как бежит за ним. Парень ногу подвернул на склоне, а может быть даже сломал. Ребята почти на руках его несли остаток пути. А сэнсэй не заметил. У трех девочек истерика началась еще там, возле ущелья. И на них он не обратил внимания.

– Родителям кто-нибудь звонил? – быстро спросил Тора.

– Я не слышала, – Обари покачала головой.

– Кажется, кто-то дозвонился, – неуверенно сообщила вторая девушка.

– Хагиваре дозвонились, – подсказала одна из подружек старосты. – Председателю клуба журналистов. Сказали, что один из клуба ногу сломал, а его брат в ущелье рухнул.

– Кто это придумал?! – подскочил Такуя.

– Срочно звони домой, – бросил ему Тора. – Го-сан, телефон дайте, пожалуйста!

– Девочки, что же вы умолчали о таком ужасном звонке? – укоризненно, даже строго, вмешался Одзаки-сан.

Те смущенно переглянулись, и одна пробормотала:

– Я только что вспомнила.

– Мы всё равно номер не знаем, – добавила другая.

– Маму Минами Саки мы предупредили, – осторожно вставила Морики-сан. – Я с ней говорила.

Тора мигом уловил, что чуткая тануки подавлена одним только воспоминанием о состоявшемся телефонном разговоре, и послал вопрос строго адресату.

«Что вы почуяли, Морики-сан?»

«Мне бы не хотелось плохо думать о людях, Тора-сама. Но... Она несколько не волновалась. Не поинтересовалась ни причинами шока, ни состоянием девочки, и стала спрашивать, передали ли спасателям вещи ее дочери».

«Тут уж мы ничем помочь не можем», – Тора вздохнул.

«Да, Тора-сама», – тануки низко опустила голову.

– Я тебе говорю: всё нормально! – раздался громкий возбужденный голос Хагивары. – Всё, забей! Никто никому не падал! Приеду – объясню!

Он сунул мобильник в руки Го-сан и шумно вздохнул.

– Хагивара-сан, ваши родители..? – осторожно начала Го.

– Да нету их дома, – огрызнулся Такуя, увидел перед собой желтые волчьи глаза, вздрогнул, смущенно скривил губы в улыбке и пояснил. – Мать репортаж делает в Токио, отец на Окинаве материал собирает вторую неделю. Дома только брат.

– Го-сан, мне можно домой позвонить? – спросил Миура.

– Конечно, пожалуйста, – Го вручила юноше телефон и предупредила. – Ваш домашний номер мы знали, поэтому уже сказали вашей бабушке, что вы немного задерживаетесь в поездке.

– Ребята! Через пятнадцать минут приедет автобус, на котором мы отправимся домой, – объявил Одзаки-сан.

– Хагивара, – одноклассник ткнул Такую в плечо. – Иди морду умой.

– Ксо! – Такуя посмотрел на свои рукава и руки при нормальном освещении.

– Мальчики, снимайте свои куртки, я быстренько всё почищу! – объявила Морики и обернулась к Мидзуки. – Тут есть удобная женская комната. Я провожу.

– Го-сан! – позвала Обари Момо. – Чай в термосах остался? Не нужно ли сбегать в кафе?

– Всё есть, сейчас всё организуем, – ответила за Го шустрая тануки. – Мидзуки-сан?

– Сейчас, минуту! – откликнулась Юрико и обернулась к подружке. – Шпаргалка где? Есть? Давай сюда. Это важно. Живее!

Девушка, испуганно уставившись на Мидзуки, принялась суетливо разыскивать в кармане лист с текстом. Юрико чуть ли ни выдернула ксерокопию у нее из рук и кинулась к Торе.

– Вот, – она вручила ему сложенный лист и напряженно застыла.

Тора развернул бумагу, несколько секунд вчитывался в рукописные знаки на ксерокопии страницы тетради, затем поднял изумленный взгляд на Мидзуки.

– Это что?

– За-заклинание, – одними губами прошептала Юрико.

Тора еще раз глянул на неровные строчки, записанные канами.

– Где ксерокопия статьи? – быстро спросил он.

– Ну вот это, – Юрико отвела взгляд. – Это мы под диктовку записывали. Потому что в статье были такие кандзи, которых мы еще не проходили. Учитель диктовал, мы писали. Потом отксерили, чтобы у всех одинаково было.

Тора тяжело вздохнул и вернул лист девушке.

– Хватит этих глупостей! – громко возмутилась Обари Момо и отобрала у Мидзуки бумагу. – Мидзуки! Если я еще раз услышу про эти ваши «заклинания», ты влетишь из клуба с треском!

– Ну и пожалуйста! – Мидзуки завелась с пол-оборота.

– Это я заберу с собой, чтобы показать школьному совету и дирекции, – продолжала председатель клуба и демонстративно убрала лист в карман пиджачка под распахнутым пальто.

– Только не читайте вслух! – ляпнула Мидзуки.

Обари Момо окатила ее презрительным взглядом и нахмурилась, когда Мидзуки устремила молящий взор на Тору.

«Юрико, пожалуйста, не волнуйся, – сказал ей Тора. – Этот текст не представляет никакой опасности. Это что угодно, только не заклинание. И пусть конфискация бумаги тебя не беспокоит. Текст я запомнил».

– А..? – начала было девушка.

«Не здесь», – отрезал Тора.

И сделал незаметный знак тануки. Морики среагировала мигом.

– Девочке нужно привести себя в порядок! Извините нас.

И она ловко вывела Юрико из круга раскаленных эмоций.

Тора облегченно вздохнул и тут же понял, что расслабился рано: пахнуло кровью. Едва заметный застарелый запах появился возле приоткрытой двери мужского туалета. Одзаки-сан с верхней одеждой школьников в руках направлялся к креслам, где сделали склад вещей первой необходимости, захваченных из поместья. Го-сан, достававшая из баула термосы и коробки с едой, запах еще не замечала. Тора узнал куртки и свитера Такуи и Миуры, но быстро определил, что основной источник тревожного духа остался за дверями. Он быстро прошел в туалетную комнату и закрыл за собой дверь.

– Тора, ты очень вовремя, – обрадовался Миура.

Такуя молча показал ему лацкан своей рубашки. В процессе тщательного умывания рубашка повлажнела, а кое-где намочла, и теперь бурое пятно приобрело багровый ореол.

– Мы оба в полном порядке, – вполголоса предупредил Такуя. – Это твоя, что ли?

– Все следы своей крови я уничтожил сразу, – также тихо ответил Тора и тщательно принялся. – Это капиллярная кровь Минами Саки. Но я не чуял у нее обширных повреждений кожного покрова.

Такуя брезгливо потер пятно влажными пальцами.

– Ее рука у меня на плече болталась, когда я ее тащил, – вспомнил он. – Наверное, она об доски ладонь рассадил.

Тора призадумался. Дабы не заострять внимание на «критических днях», он умышленно отсекал от сознания часть сигналов, поставляемых обонятельными рецепторами. Ложная деликатность обернулась фатальной потерей информации.

– Тора, слушай, – испуганным шепотом начал Миура. – А может акума ее телом завладел?

– Точно! – подхватил Такуя. – Помнишь, как она вдруг заорала и начала руками махать? Ты говорил, что акума для вас как бы не существует. Но кто-то же вспорол тебе бок. И ту штуку в маске в прах развеял. А Мидзуки видела руку. Что если он как бы руками Минами? А потом все следы стер, и шито-крыто. Мы ничего не видели, ёкаи ничего не почуяли.

– Использовал ее тело как физическое оружие? Нет, это исключается. Материальных объектов поблизости не было в момент атаки, – мрачно возразил Тора. – Но кровь на руках – это тревожный признак. Не исключено, что это реакция организма на воображаемое действие.

– Тора, Минами в тебя влюблена по уши, – осторожно вставил Миура. – Не стала бы она воображать твоё убийство.

– Целью акума был не я, а страж печати. А формулировку загаданного желания мы не знаем. И тем более не знаем суть договора. Поэтому выводы сейчас делать не с чего.

– Вытряси из Мидзуки, что они там нажелали, – Такуя наклонился к самому лицу Торы. – Ты же можешь на мозги нажать.

– Ни в коем случае, – Тора придал голосу такой тон, чтобы раз и навсегда обрубить тему вероломного вмешательства в человеческое сознание.

– Ксо! – Хагивара отпрянул и глянул на ёкая так, будто хотел добавить «ну и дурак».

– Юрико – честный человек. Я уверен, она сделает правильный выбор, – добавил Тора.

– Какой выбор? – не понял Миура.

– Перед ней стоит выбор: предать подругу в самых ее сокровенных чувствах или поставить под угрозу физическое и душевное здоровье других людей, как близких, так и незнакомых.

– А про себя ты не подумал? – усмехнулся Такуя. – Ты уже эту принцесску отшил вместе с ее клубом. Она злопамятная, а от любви до ненависти, как говорится, один шаг.

Тора покачал головой:

– Меня беспокоит только одно. Акума паразитирует на чувствах людей. Он получил свободу и, видимо, немалые силы. Скольких он обманет теперь, чтобы исполнять выгодные ему желания, забирать у людей то, что они обязались отдать ему по договору, и так поддерживать свое существование?

– Нам грозит национальная катастрофа?

– Сломанные судьбы, изуродованные души, разгромленные идеалы. Это не национальная, но катастрофа, – серьезно ответил Тора. – А установку «дураки должны мучиться» я не признаю.

Хагивара прикусил язык, ибо как раз про дураков и собирался высказаться.

– Тора, ты хочешь поймать акума и вернуть под печать? – осторожно спросил Миура.

– Да. Но, увы, пока не знаю, как это сделать.

– Рассчитывай на меня, – заявил Хагивара. – Информацию отыскать. Может, идею подкинуть. Это мелочи, но...

– Это не мелочи. Спасибо, Такуя.

– Я тоже что-то могу, наверное, – вскинулся Миура.

– Безусловно, – Тора улыбнулся. – Без людей эта задача не решается. Будем работать вместе.

Эпизод 4

[Пояснения к эпизоду](#)

В комфортном салоне большого автобуса, предназначенного для ночных переездов, было тепло и уютно. Ямато-сан и приставленные ему в помощники аякаси с человеческими личинами снабдили ребят одеялами и подушками, и уставшие школьники один за другим погрузились в сон в первые же минуты поездки. Даже Като и Фума, намеренные всю дорогу заниматься фотокадрами на своем айпед, и те незаметно для себя уснули, приткнувшись друг к другу носами. Одзаки-сан забрал у них из рук и айпед, и карту памяти фотоаппарата, и аккуратно убрал в свой портфель. Миура, сидевший у окна рядом с Торой, сполз на плечо соседа вместе с подушкой, и Тора не устоял перед соблазном наваять другу приятные сны. Прием был простейший и совершенно безобидный, но заметный для любого хэнгэ. Морико-сан тут же подхватила начинание и окутала своей аурой спящую у нее на руках Мидзуки.

«Тора-сама, у девочки, оказывается, нет мамы, – сообщила она оправдывающимся тоном. – Она с раннего детства живет с отцом. И боится плакать. Боится, что отец расстроится, увидав ее слабость. А свое имя бережет как зеницу ока. Она сказала, что сегодня впервые в жизни сама назвала свое имя друзьям. И добавила: кажется, у меня никогда раньше не было настоящих друзей. Я показала ей, Тора-сама. Ей важно было увидеть истинную картину мира именно в тот момент. Она выплакалась и успокоилась».

«Спасибо, Морико-сан», – откликнулся Тора.

«Тора-сама, отдохните», – мягко предложила тануки.

«Да, пожалуй», – согласился он.

* * *

– Мам! Бабуля! Я дома! – с порога объявил Миура, уселся на ступеньку гэнкана и принялся торопливо снимать заскорузлые от грязи ботинки.

Позади послышался топот, и под руку юноше всунулся лупоглазая полосатая мордаха.

– Уммей! – Миура приласкал котёнка. – Ты прыгаешь, как слон. Что же будет, когда ты станешь взрослым котом?

– С возвращением, Ми-тян, – донеслось из кухни, и Синохара-сан вышла в коридор.

– Мам, Уммея кормили? – Миура обернулся.

– Конечно, – она поправила очки с толстыми стеклами. – Что это у тебя на куртке? О! Ми-тян! Где ты так испачкался?

– Шлепнулся, когда по горе ходили, – живо откликнулся Миура. – Мам, он кушать хочет. Смотри, как трется об меня.

– С кем рядом ты сидел в автобусе-то? – с хитринкой в голосе спросила издали старшая Синохара-сан.

– С Торой... – Миура перевел взгляд на измурчавшегося котёнка. – Уммей, ты стукач.

– Мама! – строгим голосом начала Синохара-сан. – Давай обойдемся без сказок на сегодня. Ты посмотри, на кого он похож! По какой-такой горе вы ходили, Ми-тян? И почему ты так задержался?

– Учитель все планы перевернул по личной инициативе, – Миура встал на блестящий чистотой пол, посмотрел на свои грязные брюки, затем смерил взглядом расстояние до ванной комнаты.

– Нам звонили из школы, – мать подозрительно оглядела сына с головы до ног. – Но когда я перезвонила в учительскую, никто не взял трубку.

– Нана, звонили не из школы, – пожилая Синохара-сан бодро двинулась к внуку. – Ми-тян, снимай всё, я завтра постираю.

– Бабуль, я сам как-нибудь.

– Ничего-ничего. Раздевайся и залезай в ванну.

– Спасибо, бабуля!

– Мама, что значит – звонили не из школы? – перебила Синохара-сан. – Откуда, позволь спросить, звонили?

Бабушка вздохнула, будто набиралась терпения.

– Звонили из дома Накадзима, – сообщила она.

– Миура! – испуганно воскликнула Синохара-сан.

– Мам, так получилось. Мы... ну, опоздали на автобус.

– Ничего не понимаю! Кто опоздал на автобус? Ты и братья Накадзима? И... – тут она заметила, чего не хватает в привычном облике сына. – Миура, где твои очки?

Миура приостановился на полпути к ванной.

– Выкинул. Очки мне больше не нужны, – заявил он.

– Ми-тян, – мать прижала ладонь к губам. – Послушай меня, милый. Я не могу выбирать для тебя друзей, но пойми, семья Накадзима – это очень богатая семья. Мне неудобно, когда ты пользуешься их услугами.

– Мама! Накадзима живут здесь не ради богатства, а чтобы помогать людям. И я хочу помогать всем не хуже, чем они!

– Нана, – строго позвала бабушка. – Пойдем-ка со мной на кухню.

– Но мама! – в отчаянии воскликнула Синохара-сан.

– Вы там пока занимайтесь моим воспитанием, а я в ванну! – объявил Миура и не оглядываясь побежал в домашнюю баню.

За ним поскакал развеселившийся полосатый котёнок.

* * *

Такуя посмотрел вслед Миуре, окинул взглядом освещенные окна и побрел к своему дому. Они жили по соседству – в разных концах короткой улицы, застроенной почти одинаковыми аккуратными двухэтажными домиками. Но до сих пор ни разу не встречались вне стен школы, поскольку не было общих интересов.

Идти домой совершенно расхотелось, когда Такуя приблизился к своей калитке. Единственное освещенное окно закрыто плотными жалюзи – комната старшего брата.

«А его наверняка встречали всей семьей. С котёнком во главе», – подумал Такуя и дрогнул, поймав в себе зародыш зависти. Зародыш был тут же жестоко уничтожен.

– Пусть у Синохары всё будет хорошо, – шепотом произнес он и решительно пошел в дом.

На нарочито громкий хлопок задвинутых сёдзи старший брат не отреагировал. Раздевшись, Такуя заглянул на кухню, увидел кучу грязной посуды в мойке – сегодня была его очередь готовить и убираться, – махнул рукой и, оставив разбитую камеру на тумбочке возле телефона, отправился в ванную.

Прятать грязную одежду он не стал, для стирки было слишком поздно, поэтому он просто свалил вещи в корзину для белья. Тщательно отмывшись под душем, он накинул банный халат на голое тело и выглянул в коридор с тайной надеждой проскочить в свою комнату незамеченным.

Разбитой камеры на тумбочке не оказалось. Такуя тяжело вздохнул и пошел вверх по крутой лестнице.

Хагивара Акира дожидался младшего брата на широкой лестничной площадке, являвшейся одновременно и маленьким холлом. Камера валялась на угловом диване, глядя в низкий потолок разбитым объективом.

Такуя молча остановился перед братом.

– Ну и? Я тебя внимательно слушаю, – с угрожающим спокойствием в голосе произнес Акира.

Такуя бросил взгляд на фотоаппарат.

– Это случайно получилось, – буркнул он.

– Что случилось?

Такуя невольно попятился, ибо брат надвинулся на него так, будто собирался закатить оплеуху.

– Кто придумал этот идиотский розыгрыш? – гроыхнул Акира в полную силу своих легких.

– Какой розыгрыш? – Такуя опешил от неожиданности.

Акира окинул брата напряженным взглядом и вдруг резким движением сорвал с его плеч халат.

– Ну ты! – выкрикнул Такуя, отпрянул, но получил подножку в купе с толчком и очутился на низком диване.

От бессильной ярости перехватило дыхание.

Однако Акира не ограничился низложением младшего брата на диван: навис над ним торсом и придавил коленом полы халата, державшегося теперь только на бедрах и только за счет пояса.

– Что ты себе позволяешь?! – Такуя попытался вывернуться, но тщетно.

– Значит, в порядке, да? – произнес Акира, выпрямился и отступил на шаг.

Такуя, дрожа всем телом, натянул халат на плечи и кое-как запахнул полы. Акира дождался, когда брат управится с одеянием, скрестил руки на груди и задал вопрос снова:

– Кто придумал розыгрыш с ущельем?

– Без понятия! Я...

Голос звякнул на высокой ноте, и Такуя умолк, дабы не сорваться на визг.

А допрос только начинался.

– Где ты был, когда мне звонили?

– Далеко!

– С чьего телефона звонил ты?

Такуя набрал воздух в грудь, но в последний момент передумал давать правдивый ответ. Шумно выдохнул и отвернулся.

– Прекрасно, – подытожил Акира таким тоном, будто все его предположения враз подтвердились. – Этот номер не распознается. Значит, принадлежит к зоне специальных. Что, не знал? И ты мне ничего не хочешь рассказать?

– Ничего, – тихо ответил Такуя.

Когда автобус, арендованный домом Накадзима, развозил юных пассажиров по домам, Такуя, наблюдая за выходящими ребятами, думал о том, чтобы поведать брату о своих приключениях и таким образом получить в его лице опытного компаньона на попроще сбора информации. Но теперь, после того насилия, которому подверг его Акира, всяческие мысли об откровениях улетучились как дым.

Акира долго буравил младшего брата взглядом, стоя над ним как грозный воспитатель над провинившимся учеником, затем уселся на столик перед диваном.

– Тебя шантажировали? – негромко спросил он.

Такуя не поверил своим ушам.

– Да или нет? – Акира поднажал голосом.

– Конечно, нет!

В честности ответа сомневаться не приходилось. Однако несмотря на очевидную прореху в обрабатываемой версии Акира пошел на новый круг.

– Ты звонил мне с телефона одного из братьев Накадзима?

– Нет. С телефона Го-сан.

– Что еще за Го-сан?

– Она из охраны. Служит в доме Накадзима.

– Зашибись! – Акира поудобнее устроился на столе. – Значит, эту поездку организовал Накадзима-старший для Накадзима-младших.

– Да нет же! – Такуя неожиданно для себя разозлился. – Они выручать нас приехали!

– Выручать? – Акира мигом ухватился за новую информационную нить. – Откуда выручать?

– Мост оборвался. Учитель сбежал. Мы семеро остались на другом берегу.

– А где был ты, когда оборвался мост?

Такуя гневного глянул на брата:

– В объятиях Накадзима Торы я был! А потом у него на закорках. И только благодаря ему инфа про ущелье теперь – идиотский розыгрыш!

Такуя вскочил с дивана и решительно зашагал в свою комнату.

– Стой! Стой, кому говорю! – запоздало спохватился Акира.

Такуя не успел шмыгнуть за дверь – брат нагнал его и прижал к стене.

– Еще раз и подробно!

– Фиг тебе! – Такуя попытался сдвинуть руку, как шлагбаум преграждавшую ему путь, но старший брат был значительно сильнее.

– Я сказал,.. – начал Акира.

– Хватит! – гаркнул на него Такуя. – Тебе не понять, что мы все пережили там!

Он рванулся к дверям, легко отпихнул ослабший «шлагбаум» и скрылся в своей комнате.

Запоров на внутренних дверях в доме не было, и Акире ничего не стоило ворваться в комнату брата. Такуя замер в шаге от двери в ожидании очередной вероломной выходки. Но из коридора не доносилось ни звука, ни движения.

Такуя медленно прошел к своей кровати и рухнул ничком на покрывало. От всего пережитого трясло так, что в пору было выть. Янтарная луна, белый лис, снежный барс – всё это провернулось в памяти спонтанно и вылилось в подушку потоком слез. И вдруг наступило нечто вроде прозрения.

– Я сам раздобуду информацию, – пробормотал Такуя вслух. – Думать! Думать башкой! – он с силой уперся лбом в подушку. – Журналист обязан терпеть любой позор. Я не имею права быть размазней, когда Тора считает меня своим другом.

Скрипнули сёдзи. Такуя живо сел, чтобы следующим движением вскочить на ноги и грудью встретить новый раунд допроса. Но Акира стремительно прошел прямо к нему, присел рядом и крепко обнял.

– Попробуй понять, что пережил я, когда мне позвонили и сказали, что ты упал в ущелье.

Такуя не поверил бы ни одному своему органу чувств и решил бы, что явление брата и его реплика просто приснились, но вспыхнула трезвая мысль: «Он содрал с меня халат, чтобы убедиться, что я не ранен».

– Надеюсь, ты родителям ничего не успел сказать? – пробормотал Такуя, прижатый виском и щекой к плечу брата.

– Нет. Ждал официального звонка.

Такуя сделал попытку отодвинуться, и был тот час отпущен.

– Я не знал, что эти придурки звонили. Прости, – сказал он в сторону.

– Значит, тебя спас Накадзима Тора?

Такуя кивнул.

– Он как? Побился?

– Ну щас тебе! – хмыкнул Такуя и тут вспомнил про клубное задание. – Я не буду писать про него никаких статей.

– Чего это вдруг?

– Потому что про него, про них про всех – про клан Накадзима – нужно писать книги. Я научусь писать профессионально, но журналистом не стану. Я напишу про них книгу. Напишу так, чтобы каждый читатель поверил каждому моему слову. Чтобы поверил в их доброту, силу, мудрость. В руку помощи, которую они бескорыстно протягивают людям. И знаешь, как они были чертовски красивы! Такая мощь, и такая нежная преданность друг другу.

Акира долго смотрел на умолкшего брата и вдруг сказал:

– Садись и пиши. Прямо сейчас, пока чувства пылают в каждом слове. А я тебе ужин сделаю.

* * *

– Пап, а пап, – Юрико беспечно водила хаси по опустошенной тарелке.

– М?

– Пап, а вот если бы... – она умолкла.

Отец встал из-за стола, живо переставил стул на другую сторону и присел рядом с дочерью. Юрико неуверенно улыбнулась.

– Пап, представь такую вот ситуацию: у твоего друга есть секрет. Настоящая личная тайна, но в которой замешен другой человек. А ты в тайну посвящен, и вдруг понимаешь, что тайна зашла так далеко, что в любой момент может случиться много нехорошего и с тем человеком, и вообще.

– И что? Выдать друга или нет?

Юрико кивнула. Отец вздохнул и внимательно посмотрел на дочь.

– Друг пострадает, если тот, другой человек узнает его тайну? – серьезно спросил он.

– Ну... душевно, наверное, пострадает. Хотя... Тот человек, кажется, давно обо всем догадался.

– Так зачем же тебе вмешиваться?

– Потому что он догадался в общем, а было много всяких деталей, – Юрико отважилась поднять взгляд на отца. – И от этих деталей многое зависит.

– Я бы в такой ситуации первым делом поговорил с другом по душам и убедил его раскрыть тайну самостоятельно.

Юрико резко выпрямилась.

– Правильно! Пап, а ведь так и должно быть. Пусть она сама всё расскажет.

– Мой привет твоей сумасбродной Саки-тян и вашему гениальному Торе-сэмпаю.

– Пап? – Юрико вытаращила на отца глаза. – А как ты... как ты догадался?

Отец рассмеялся, встал и, прихватив пустые тарелки, пошел к кухонной мойке.

– Юрико, милая, – он подмигнул дочери через плечо. – Папа всегда внимательно слушает все твои школьные рассказы.

* * *

– Накадзима-сама, это всё, что мы имеем на данный момент, – закончил доклад Инукай.

Глава клана перелистнул страницы отчета, поступившего из госпиталя. Медицинская часть занимала пять листов подробного текста без каких-либо угрожающих формулировок. Фантомный лист, вкравшийся в папку, содержал краткий отчет аякаси, приставленных наблюдать за больной, и сводился к простому и понятному: признаков какой-либо одержимости, равно как контактов с нечеловеческими явлениями, не замечено.

– Акума, да? – золотой кицунэ пошевелил ушами. – Что ж. Тора прав, эта задача легла на плечи людей. Однако мы в стороне не останемся, Инукай. Наша сила людям пригодится. К тому же задета и наша честь: мы стали косвенными пособниками разрушения печати.

– Вы намерены инициировать судебный процесс над Фукунагой? – осведомился Инукаи.

– Нет. По крайней мере не сейчас. Сломать печать такого уровня, какую установил древний оммёдзи, не так-то просто. Мы обязаны узнать, кто и как это сделал. Ограничимся слежкой. Однако, боюсь, судебный процесс инициируют родители пострадавших детей. И этому мы не будем мешать даже при угрозе потери информации.

– Мне думается, инициатива пойдет от органов школьного самоуправления. Председатель клуба показалась мне весьма грамотной и решительной девушкой.

– Что тут гадать! Завтра увидим.

– Тора-сама просил обеспечить сопровождение Огавы Маракайто на место происшествия, – напомнил Инукаи.

– Прекрасно. Сделайте так, чтобы о нашем визите на руины не знала ни одна живая и даже неживая душа.

– Непременно, босс.

Кицунэ опять повел ушами.

– Что они там делают? – спросил он в воздух и посмотрел вверх, в направлении апартаментов старших сыновей.

Инукаи наострил собственные собачьи и магические щупы.

– Магия исцеления? – с сомнением в голосе предположил он.

– Нет. Это что-то иное, – Накадзима-старший поднялся из-за стола, вглядываясь в пространство под потолком. – Странно. Будто повеяло далеким детством.

Инукаи осторожно пожал плечами на вопросительный взгляд.

– Ничего не слышишь? – уточнил кицунэ.

– Нет, босс.

– Я тоже. Не слышу абсолютно ничего из комнат Торы. Кажется, он усовершенствовал свою кошачью ауру.

– Похоже на то.

Инукаи сделал шаг в дверям кабинета, но Накадзима его остановил.

– Я догадываюсь, что там происходит, – произнес он с ноткой обиды в голосе. – Не ходи со мной, пожалуйста. Если потребует, я позову.

Инукаи поклонился в знак согласия.

Золотой кицунэ бесшумно взбежал по лестнице на второй этаж, вошел в коридор и остановился. Усмешка досады скользнула по его губам.

– Опять опоздал, – вздохнул он, неспеша прошествовав к дверям апартаментов старшего сына и поскреб когтями сомкнутые створы сёдзи. – Тора, Юдзо, я знаю, что вы здесь. Я захожу.

Из-за дверей донесся шум сдвинутой мебели.

«Да, пожалуйста, пап», – откликнулся Тора.

Накадзима-старший сделал на физиономии обиженно-укоризненную мину и вошел в гостиную.

Снежный Барс стоял в центре помещения, и его глаза – усталые, но счастливые, – сияли в полутьме фосфорическим зеленым огнем.

– Тора, не честно, – сделано строгим голосом заявил глава семейства.

«Что «не честно»»? – удивился тот.

– Первый оборот щенку-антропоморфу помогает совершить родитель, и лишь в самых крайних случаях – старший брат.

«Пап, но...»

Кицунэ предупредительно поднял палец, увенчанный острым когтем, и принялся оглядывать пол возле дивана.

– И куда же спрятался наш долгожданный белый лис?

«Пап, вообще-то есть разница между щенком...» – опять начал Тора.

– Тора, я тебя не осуждаю, – перебил отец. – Но ты должен понимать и мои чувства. Юдзо, куда ты забился?

Кицунэ заглянул под диван.

«Папа», – придав беззвучному голосу некоторую строгость, позвал Тора.

Отец, наконец, изволил посмотреть на старшего сына. Снежный Барс молча отступил в сторону, и Накадзима-старший уперся взглядом в белоснежные локоны. На фоне задернутой шторы каждая вьющаяся прядь выглядела особенно контрастно. Лисий взгляд медленно поднялся вверх, и человеческая челюсть плавно опустилась.

Белоснежный кудрявый лис нервно тряхнул шикарной гривой и прямо посмотрел на отца. Тора поспешил вставить слово:

«Пап, прости, но ты в своей зооморфной форме объективно не смог бы его обернуть».

– Да уж... Однако... – выдал Накадзима-старший. – Юдзо, дай же посмотреть на тебя.

Белый лис сделал неуверенный шаг вперед и остановился.

«Лучше не всё сразу», – предложил он.

– Что «не всё»? – взгляд Накадзимы-старшего сам собой перетек на кудрявую спину. – А ну-ка не поджимать хвост!

Тора вздохнул. Юдзо выпрямился, и отец узрел два белоснежных хвоста – один длинный, а другой на треть короче, но не менее пушистый.

«Есть одна проблема, – быстро предупредил Тора, пока отец не окунулся в белую зависть по уши. – Антропоморфная форма приняла истинный вид. А человеческой оболочки у Юдзо нет».

– Не понял... – испуганно, а потому медленно выговорил отец семейства.

«Я родился с хвостом, как нормальный хэнгэ-антропоморф, – сообщил Юдзо. – А мать отрезала, пока ты не видел».

«На сегодняшний день это только пушистая кисточка, – подхватил Тора. – Но паратройка оборотов, и хвост вырастит на законную длину».

– А... действительно, я не видел. Она показала мне тебя вечером, когда я вернулся из офиса, – пробормотал Накадзима-старший и ладонью прижал лоб, будто норовил остановить метавшиеся мысли. – Но как, Юдзо? Неужели ты это помнил? Неужели все свои тридцать лет ты знал, что ты ёкай?

«Ты лишком хорошего мнения о моей памяти, – в безмолвном тоне белого лиса промелькнула усмешка. – И, кстати, пап, тридцать мне исполнится только в марте следующего года».

«Мы пришли к выводу аналитически», – поспешил вставить Тора, дабы отец не расценил последнюю ремарку как шпильку в свой адрес.

Накадзима-старший механически проследил за кошачьим взглядом и увидел на диване айпед с активным экраном. На открытой интернет-странице размещались фотографии, иллюстрировавшие руководство по купированию хвостиков новорожденным щенкам ротвейлера.

– Так та-ак, – выговорил отец семейства своим коронным многозначным тоном. – Практика оборота и аналитика рассуждений – высший уровень. Однако, – он, хитро прищурившись, глянул на Юдзо. – Учить тебя магии иллюзий буду я. Договорились?

Юдзо улыбнулся по-лисий, Тора – по-кошачьи, а отец, не скрывая счастливую улыбку, одной рукой подтянул к себе Белого Лиса, другой – Снежного Барса и крепко обнял обоих сыновей за могучие плечи.

За сногшибательный сюрприз, преподнесенный старшими сыновьями, отец семейства отыгрался на средней паре своих отпрысков, когда те под утро приехали в поместье. Разогрев

любопытство Ичиро до кала и изрядно досадив Рику всяческими намеками, он привел обоих к дверям комнат Тора, строго-настрого приказал не шуметь и собственноручно пропустил за порог ровно на столько, чтобы Рику и Ичиро увидели центр гостиной. На полу, задвинув далеко к стене журнальный столик, растянулся гигантский ирбис, а у него под боком, свернувшись неплотным клубком и положив морду на кошачью лапу, крепко спал огромный кудрявый лис.

Эпизод 5

[Пояснения к эпизоду](#)

– Тора-сама. Юдзо-сан. А... это... – Маракайто отважился, наконец, просунуться между слегка раздвинутыми сёдзи. – Вы просили вас разбудить пораньше. Я тут... это... э...

«Мара, заходи», – сонный, а потому тихий «голос» ёкая коснулся сознания человека.

– Тора-сама, Юдзо-сан, простите, уже почти семь...

Маракайто застыл на пороге гостиной.

– Тора-сама... Юдзо-... сама, – выдавил он.

«Мара. Мы разве с тобой не договорились?» – белый кичунэ сердито глянул на оцепеневшего секретаря.

– Да-да. Юдзо-сан. Простите. А... вы... это...

Снежный Барс зевнул во всю пасть и смачно потянулся. Лис медленно, будто неохотно поднялся на лапы, лениво помотал головой и, поддавшись пробужденным рефлексам, по-собачьи встряхнулся.

Маракайто часто заморгал и поспешил отвести взгляд.

«Мара, ты чего?» – удивился Тора.

– Я так рад, что... что... что теперь всё правильно. Как природа распорядилась, так всё и решилось. Ой, простите. Опять ерунду говорю.

«Спасибо, Мара», – откликнулся кудрявый кичунэ и без каких-либо усилий обернулся.

Маракайто осторожно покосился на второго своего господина, лисьих ушей на голове не увидел, но сразу оценил возросший объем шерстяного покрова и, затаив дыхание, посмотрел на поясничную часть ёкайского тела. Белая пушистая кисточка ритмично качалась на уровне бедер.

Шорох коврового покрытия возвестил об обороте Снежного Барса. Тора, не вставая с пола, потянулся к сдвинутому с места дивану, подобрал скомканное косодэ и бросил брату. Юдзо механически вдел руки в рукава.

– Ой, Юдзо-сама. То есть... Юдзо-сан, – спохватился секретарь. – Это в стирку, в стирку. Вам ванну приготовить? Нет? Душ? Ой... Тут, кажется, Рику-доно к вам.

– Мара, уймись, – отрезал Юдзо. – Иди, лучше, собирайся. Мы с тобой выезжаем в Нагано.

– А... но... Юдзо-сама, но это... это уже не волосы. Это шерсть. То есть сушить нужно. Феном.

– Принеси ему пару дополнительных полотенец, – подсказал Тора.

– А? Да, конечно!

Маракайто кинулся на выход, но в тамбуре налетел на вошедшего Рику.

– Ой, простите, Рику-доно.

– Вы уже проснулись? – спокойно осведомился Рику у братьев, придерживав Маракайто так, чтобы тот на следующем шаге не спикировал со ступеньки носом вперед.

– Почти, – Тора зевнул на сей раз по-человечески.

– Проклятье! Четверть восьмого! – воскликнул Юдзо, бросив взгляд на настенные часы.

– Мара! Собирайся живо!

И он, проследовав через пустующую спальню Торы широким шагом, прошел сквозь стену в свои комнаты.

– А... но... это... Юдзо-сама, полотенца! – спохватился Маракайто и кинулся за господином.

Тора зажмурил один глаз.

Раздался гулкий шлепок и жалобное «Уй!»

Рику посмотрел на секретаря, отчаянно растиравшего шишку на своем лбу, и обратился к Торе.

– Это и есть та самая «дверь для избранных», в которую папа не попал ни разу?

Прямо из стены появилась человеческая рука, покрытая густыми завитками белой шерсти. Юдзо подцепил секретаря за воротник и втянул в свои комнаты.

– Всего лишь локальный портал. И как видишь, «избранность» тут не при чем, – с удовольствием ответил Тора.

– Я вижу, что во избежание бытовых травм есть смысл позвать сюда Ичиро с его мечом. Он быстро обеспечит безопасный для всех проход в стене любой формы и размера.

Тора тихо посмеялся, облизал тыльную сторону кисти и, зажмурившись, провел рукой по кошащему уху, меховому виску и небритой щеке.

– Тора, – выразительно напомнил Рику.

– М?... Упс, – Тора живо поднялся на ноги и потряс головой, дабы стряхнуть с себя кошачьи рефлекс.

– Есть новая информация, – заговорил Рику, убедившись, что брат окончательно проснулся. – Иди умывайся. Шум воды не мешает тебе меня слушать.

Тора никогда не стеснялся братьев, а Рику и Ичиро уже избавились от врожденной брезгливости. Поэтому разговор проходил через открытые двери туалетной комнаты, где Тора наводил марафет на человеческом лице.

– Фукунага находится у себя дома в настоящий момент и на работу не торопится, – сообщил Рику.

– Твои парни выяснили, зачем он заходил в школу по приезде? – уточнил Тора.

– Увы, нет. Прослушку на тот момент еще не установили. Не вызывает сомнений лишь одно: назад в Нагано за оставшимися школьниками он не собирался. Возможно, получил информацию об успешно завершенной спасательной операции от кого-то из учеников. Сейчас его телефон и экаунты в соцсетях отслеживаются, но с момента возвращения домой он ни с кем не общался. В пять сорок три вышел из квартиры с мусорным мешком. Выбросил мусор в контейнер и вернулся к себе.

– Что в мусоре?

– Бумажная лапша – результат работы шредера на объемной пачке бумаг. Восстановить цельные фрагменты пока не удалось. Бумага в основном стандартная офисная. Большая часть пропущена через ксерокс или принтер. Есть отдельные газетные листы и немного листов мелованной бумаги, вероятно – журналы. Две школьные ученические тетради разорваны вручную. Их уже собрали воедино. Это отчетные работы по политологии учеников третьего старшего класса прошлого года выпуска, очевидно, к нашему делу не относящиеся.

– Есть шанс восстановить распечатки и ксероксы?

– В цельном виде – нет. Шредер у него качественный и исправный. Я дал задание сосредоточиться на восстановлении информации из колонтитулов. Однако и эта операция, вернее всего, будет безрезультатной. Я могу обеспечить тайное проникновение в квартиру Фукунаги, если он покинет дом, – Рику выжидающе посмотрел на брата.

Тора закинул полотенце на сушилку и вышел в спальню.

– Подожди с проникновением, – сказал он. – Тайное будет гарантированно тайным

только для людей.

– Предполагаешь его связь с акума?

– Не исключаю, так скажем, – подумав, ответил Тора. – Узор печати, который срисовали инугами, далеко не цельный. Но даже по фрагментам видно, что это была сильная сложная печать. И ее разрушили. Возможно, не в один прием. Фукунага организовал поездку и снабдил школьников текстом некоего «заклинания». Это факт. Печать рухнула. Это тоже факт. Является ли второй факт следствием первого, нам предстоит установить. Как обстановка в поселке?

– Ажиотаж вокруг обрушившегося моста я заглушил. Это было не так просто, как показалось сначала – мост объективно считался аварийным, а девушка, поднявшая шум, знает и права, и обязанности граждан, и кроме того умеет доказательно убеждать.

– Не осуждай ее, Рикю, – Тора оглянулся через плечо, надевая рубашку. – Она рационалист и в чудеса не верит. А об склон я грянулся по-настоящему сильно. Человек такой комплекции, – он развел руки, чем продемонстрировал свой «мальчишеский» облик, – не выдержал бы того удара и тем более не смог бы амортизировать на себя крупного парня.

– Я не осуждаю ее. Я восхищаюсь талантом, – Рикю улыбнулся. – Теперь касательно «городских легенд». Считаю, что открывать тему сейчас нельзя. Два-три вопроса, даже как бы случайных, немедленно породят волну новых слухов. То же касается и полицейских архивов, ведь в полиции работают те же люди. Углубленным изучением электронных СМИ и интернета занимаются Кира и ее парни. Пока безрезультатно. Родственников хозяйки гостиницы мы вычислили. Кстати, упомянутая бабушка уже в больнице и чувствует себя вполне сносно. Сейчас плотно занимается историей семьи женщины, якобы отдавшей акума свою жизнь за ребенка. Зацепки есть, но подбираться близко пока не будем опять же из-за опасности возбудить ненужные слухи.

– Согласен, – вставил Тора.

– По теме Минами Саки. Последний отчет из госпиталя поступил десять минут назад. Опасности для жизни нет. Динамика положительная. Психическое состояние в пределах нормы.

– Она пришла в себя?

– Да, еще ночью. Отчетливо помнит всё вплоть до момента обрыва моста.

– Она была в создании и в подполье постройки, – Тора нахмурился.

– Тем не менее про это она не упоминала, – повторил Рикю. – Повторяла, что ужасно испугалась, когда увидела, как рушится мост. При этом судьбой ребят не поинтересовалась, а на информацию об отсутствии жертв отреагировала, я бы сказал, безразлично.

– Ты общался с ней? – Тора удивился, ибо установка для всех Накадзима была дана однозначно: держаться в тени, наблюдать и слушать, но выходить на контакт и действовать лишь в том случае, если появится реальная угроза жизням людей.

– Нет. Прослушал запись беседы врача с пациенткой, сделанную папиными друзьям-аякаси. Кроме этой беседы они зафиксировали дословно разговор девочки с ее матерью. Из этого разговора следует, что Минами-сан намерена забрать дочь из клиники в ближайшее время.

– Как так? Почему?

– Прозвучало два аргумента. Клиника расположена неудобно, а потому визиты к больной дочери отнимают слишком много времени. И второй: частная клиника выставит большой счет за лечение, а необоснованно дорогое лечение не примут в суде. Из контекста следует, что Минами-сан намерена взыскать деньги на оплату медицинских услуг со школы, виновной в происшествии.

– Отец обещал завуалировать наше финансовое участие какими-то страховками.

– Не бери в голову, тут всё элементарно, – быстро ответил Рикю, которого Тора нечаянно

перебил на середине доклада. – Дело в том, что Минами-сан поставила себе цель наказать школу. Девочка со слезами просила мать не устраивать скандалов, потому что – цитата: «Как я буду учиться с ним в одном классе, если все будут знать, что ты судилась со школой». Здесь «с ним», надо понимать, с тобой. Затем последовал крайне неприятный, на мой взгляд, скандал между матерью и дочерью по поводу потерянной сумки с ценной одеждой. Закончилась беседа совсем нелепо: Минами-сан обвинила дочь в том, что из-за нее – дочери – она не спала ночь и теперь будет плохо выглядеть перед клиентами.

Торе очень захотелось повторить словечко, услышанное вчера от Такуи: зашибись!

Рику усмехнулся.

– Замечу, – он привлек внимание многозначительным взглядом. – Минами-сан – владелица процветающей сети туристических фирм. Преобладающее большинство туров организованы в национальных традициях, особое внимание уделяется представлениям храмовой культуры и демонстрации красочных ритуалов. Она родом из семьи служителей синтоистского культа, что активно использует в рекламе. В сети есть несколько постеров с ее изображениями в костюме мико. Родословную проследили до пятого колена: все члены семьи так или иначе были связаны с обслуживанием дзиндзя.

– Реально кто-то из них служил в храмах?

– Понимаю, куда ты клонишь, но не надейся. Этому семейству безмерно далеко до уровня Маракайто, – Рику показал взглядом на межкомнатную стену с магическим проходом в ней. – Слушай дальше. Тебе полезно это узнать. Минами-сан имеет респектабельную квартиру в Токио и небольшой дом в западных пригородах, где и живет ее дочь.

– С прислугой, в традиционном стиле?

– С прислугой, но в современном стиле. Прислуга в доме не задерживается. Год – самый длительный срок работы на сегодняшний день. Инициатором увольнения как правило выступают сами работники. Та же тенденция замечена среди персонала офисов.

– Причины?

– Беспрецедентная придирчивость хозяйки. За самую ничтожную ошибку сотрудникам выставляют штрафы, вычитаемые из заработка. Девочка успешно пользуется скупердяйством матери: манипулирует прислугой.

– Шантаж? Типа, всё будет по-моему, а не то вас мама оштрафует? – мрачно усмехнулся Тора.

– Не совсем. В глаза ни разу не было высказано ни единой претензии. Харизматичная девочка хорошо играет роль невинной овечки. Так хорошо, что люди, поступающие на работу в дом, первые два-три месяца не верят предостережениям более опытных своих коллег.

– Кто ее отец?

– Механик на рыболовном судне. С семьей не живет минимум двенадцать лет, но исправно переводит деньги на образование дочери. Как ни странно, брак до сих пор формально действителен. Как часто девочка встречается с отцом и встречается ли вообще, не известно.

Тора застегнул пиджак и внимательно посмотрел на брата.

– Информация о семье Минами собрана не за один день, верно?

Рику кивнул.

– Ясно, – Тора вздохнул. – Папа решил прощупать почву заранее.

– Он беспокоился за тебя, Тора, потому что не понимал, какие чувства ты питаешь к девочке с зачатками духовных сил. А я долго не мог понять, на чём держится этот односторонний роман, действующий тебе на нервы.

– Я до сих пор не понимаю, почему она так и не остыла. Я не давал ей ни малейших поводов. Порой в ущерб делу и другим людям. Вот за что мне действительно стыдно.

– Тора. Ты не сделал выводы из фактов, которые я тебе перечислил.

– Да? Тогда поясни, пожалуйста, – Тора вопросительно посмотрел на брата.

Рику улыбнулся, увидав безграничное доверие в зеленых глазах.

– Эта девочка выросла в мире, где всё подчинено ее прихотям. Ее не волнуют чувства других людей. Она знает лишь собственное «хочу». Для нее «хочу» тождественно «получу». А получить в свою власть объект своей симпатии ей не удалось. Типовые приемы самопреподнесения не сработали. Но она не мыслит себя в роли проигравшей: она всюду лучшая, всем любимая – в ее представлении иначе не бывает. И потому попытки повторяются вновь и вновь.

– Дай-ка перефразирую. Прошло время игр с подружками, и наступило время игр в любовь. И вдруг оказалось, что выбранная кукла не подчиняется.

Рику беззвучно рассмеялся.

– Прости, Тора. Я слишком опрометчиво упрекнул тебя в непонимании.

– Нет, всё правильно, Рику. Чтобы сделать выводы из фактов, нужна объективность. А я упрямо старался оправдать человека и разыскивал в нем то, чего у него нет.

– Тора, ты готов? – Юдзо заглянул к брату через штатную дверь.

– Разве..? – Тора бросил взгляд на часы.

– Ты хотел быть в школе к восьми, – напомнил Юдзо. – Живо заглатывай завтрак и выходи. Я тебя отвезу.

– Где близняшки? – спохватился Тора.

– Продрыхли после ночных бдений над компами. Одзаки-сан их только-только растолкал. Всё. Давай живее. Группа сопровождения уже в машинах. Ждут нас с Марой. А мы ждем тебя.

К воротам школы Юдзо подрулил без эскорта. Тора живо выскочил из салона, полагая, что брат без промедления погонит машину дальше, но Юдзо заглушил мотор и вышел на тротуар. Тора перехватил его взгляд и улыбнулся: возле школьного крыльца стоял Синохара Миура. Юдзо издали поклонился ему. Миура на секунду оцепенел, затем суетливо выполнил ответный поклон. Тора подмигнул брату, получил дружеский хлопок по плечу и, не оглядываясь, побежал на двор школы.

– Тора. А чего он..? – выдавил потрясенный Миура, когда Тора поравнялся с ним на ступеньках.

«Вчера благодаря тебе Юдзо создал фантом зооморфной формы, а сегодня ночью нашел дорогу к своей оборотной стороне здесь, в реальном мире», – ответил Тора, но беззвучно.

– А? А ты? – Миура всё еще пребывал под впечатлением неординарной сцены.

«А я ему немножко помог».

– Как у тебя дела? – Тора задал вопрос вслух, дабы подходившие к дверям школьники не расценили реплики юноши как разговор с самим собой.

– Нормально всё. Умлей меня обмурчал с ног до головы, а потом всю ночь у меня на груди спал. Бабушка сразу поняла, что я с тобой общался, когда ты... – Миура воровато оглянулся. – Ну, не как сейчас. Мама, правда, немножко возмущалась. Из-за очков в основном. Хочет меня снова к офтальмологу вести. Но я хорошо вижу теперь. После того, как сразу не разглядел ту штуку. Разозлился на себя. И вдруг стал нормально видеть.

– Я тут не при чем, – предупредил Тора.

– При чем. То есть не так, как в прошлый раз, конечно. Но если ты снова за счет себя будешь мою энергетику выправлять, я тебя за хвост оттаסקаю.

Тора рассмеялся.

– Пойдем в класс, – он слегка подтолкнул друга к дверям. – Сегодня будет сложный день.

– Я помню, что говорить, – Миура решительно кивнул. – А ты так рано приехал, чтобы к

директору идти?

– Нет. К директору зайдет Одзакисан, когда привезет Като и Фуму. Но официальных претензий мы подавать не будем.

– Ага, правильно. А то опять начнут про вашего папу всякие глупости говорить, – Миура остановился перед секцией шкафчика, где располагалась его ячейка и тут спохватился. – Тора, а Като и Фума где?

– Пропали. Файлы они вытащили. Кое-что интересное есть, но нужно смотреть всем вместе.

Яркий букет всяческий эмоций Тора учуял затылком, рефлекторно прикрыл собой Миуру и лишь в следующую секунду догадался, кому букет принадлежит.

– Ого. Хагивара. Оба сразу, – пробормотал Миура, углядев вошедших из-за плеча Торы.

– Иди в класс. Послушай аккуратненько, что говорят те, кто вернулся с учителем.

Миура быстро засунул уличные ботинки в шкафчик и, неуверенно кивнув Такуе, поспешил к лестнице на второй этаж.

– Накадзима-сан! – на всю раздевалку объявил Хагивара Акира и решительно пошел напрямик к Торе.

Такуя отчаянно несчастными глазами нашел взгляд ёкая и сделал неопределенный жест головой. В купе с лавиной разноликих эмоций это в равной степени могло означать и «я прошу прощения», и «я ничего не говорил», и «я не смог его остановить».

«Всё в порядке», – успел по-ёкайски сказать Тора прежде, чем атлетического сложения юноша перекрыл ему обзор большей части раздевалки.

– Накадзима-сан. Я знаю, что вы спасли жизнь моего брата, – произнес Акира чуть менее громко, но не менее решительно. – Мой брат и я перед вами в неоплатном долгу.

И он склонился в глубоком традиционном поклоне.

Таким образом, обзор для Торы был снова открыт. Тора живо оценил количество зрителей, заметил в числе таковых председателя школьного совета и задержал взгляд на Такуе, который, казалось, желал сейчас только одного – провалиться сквозь пол.

– Хагивара-сан, – начал Тора. – Ваш брат и я работали в одной команде, поэтому говорить о каком-либо долге мне кажется неуместным.

Тот выпрямился и несколько недоверчиво посмотрел на низкорослого собеседника.

– Акира, – представился он после недолгой паузы. – Я и клуб журналистов в вашем распоряжении, Накадзима-сан.

Тора тщательно скрыл веселость, разговаривая по мере расшифровки ощущений собеседника.

– Тора, – в заданном ключе произнес он.

Как и ожидалось, из комплекса недоверие-сомнение-любопытство-страх ярче всего прочего вспыхнуло любопытство. Зато позади Хагивары-старшего не менее ярко полыхнул страх Хагивары-младшего. Тора мысленно согласился с его страхом: все, кто находились в фойе и в раздевалке, очень внимательно следили за сценой возле крайних рядов вещевых шкафчиков.

Тора аккуратно развернул ауру скрытности. Объект внимания словно потух в сознании любопытствующих, а наиболее активным наблюдателям была предоставлена возможность переключиться на председателя школьного совета с распевшимся мобильником в руке.

Такуя облегченно вздохнул и рискнул приблизиться к брату. Акира настороженно огляделся. Тора отметил про себя, что чувствительность к скрытому хорошо развита и у старшего Хагивары, и подумал, что увлечение их отца поисками привидений могло быть отнюдь не беспочвенным.

– Акира, не нужно привлекать большое количество людей, – негромко сказал Тора.

Хагивара Акира усмехнулся.

– Значит, дело Фукунаги-сэнсэя будет решено одним звонком вашего отца. Так?

– Не так. Фукунага-сэнсэй будет отвечать перед дирекцией и школьным советом.

– Тора! Ты здесь всего третий месяц, ты не знаешь порядки этой школы! – вдруг воскликнул Акира.

Тора охотно принял неформальный стиль общения, но уровень децибел пришлось приглушить дополнительным, изобретенным ночью, приемом.

– Дирекция замнет происшествие, и максимум, что светит историку, это дополнительные курсы и подтверждение лицензии! – продолжал Акира, не обращая ни малейшего внимания на попытки младшего брата успокоить его путем тряски за рукав. – Он же протеже самого Яо-сэнсэя! Этот мэтр ни за что не допустит, чтобы его ученик попал под суд. Но если мы придадим дело огласке...!

– Стоп, – Тора миролюбиво улыбнулся. – Если мы придадим дело огласке, то тень позора ляжет в первую очередь на директора, во вторую – на школьный совет, как основной орган самоуправления, а в третью – на ядро клуба истории, как на соучастников организации рискованного мероприятия. Недосмотр дирекции я признать готов, но школьный совет и руководители клуба были бессовестно обмануты сэнсэем. Равно как большинство учеников «первого-Дэ».

Акира непроизвольно отступил и оглянулся на брата. Такуя оставил в покое его рукав и потупился.

– И что предлагается? – со сделанным нажимом в голосе спросил Акира. – Оставить на самотек?

– Ни в коем случае, – спокойно ответил Тора. – Сэнсэй – умышленно или в качестве эксперимента – открыл ящик Пандоры. Я склоняюсь к версии эксперимента, однако если я прав, это лишь усложняет ситуацию.

– Ящик Пандоры? – Акира напряженно посмотрел на Тору. – Это буквально, да?

– В общем – да.

– Зашибись! – Акира нервно взмахнул руками и вскинул взгляд в потолок.

Тора улучил момент задать вопрос ёкайским голосом: «Такуя, ты не поведал брату подробности происшествия?»

Такуя отрицательно мотнул головой.

– Какие еще подробности? – встрепнулся Акира.

Тора усмехнулся: что и требовалось доказать.

– Что еще, кроме какого-то невидимого акума, теперь свалится нам на головы? – продолжал старший Хагивара. – Цунами накатит? Атомная станция взорвется? Или крыша мира треснет?

– Не думаю, что угрозы столь масштабны, – ответил Тора. – Но даже если на грани разрушения всего одна человеческая душа, нужно сделать всё, чтобы предотвратить трагедию. Таково единодушное мнение клана Накадзима.

– Я участвую, – заявил Акира, не задумываясь, и подтянул к себе младшего брата. – Выдавай нам задание.

– Задание Такуе: прикрой Миуру. Его атаковали вопросами в классе, – объявил Тора, а взглядом добавил: «пожалуйста, поторопись», ибо вот уже несколько минут вылавливал из фонового шума возбужденные голоса одноклассников.

– Понял, – Такуя облегченно вздохнул и побежал к своему шкафчику менять обувь.

Акира в упор посмотрел на Тору.

– Слушай. Как хочешь, но я не верю, что ты ками.

– Правильно делаешь.

Акира поискал глазами младшего брата, но тот управился с ботинками с рекордной скоростью и уже мчался на второй этаже. Тора не стал развивать тему своего происхождения,

четко опознав источник высказанного: Акира сделал собственный вывод из намеков или же неосознанно перехваченных ощущений брата.

– Теперь для тебя, Акира, – заговорил Тора прежде, чем тот сочинил новую гипотезу. – В конце девяностых в Нагано приезжал некий ученый из Токио. Интересовался «храмом исполнения желаний». Определение «ученый» дала племянница хозяйки гостиницы. Во времена описанных событий ей было всего шесть лет. Однако она запомнила, как гость читал ей стихи и рассказывал об иероглифах, иллюстрируя рассказ демонстрацией начертания кандзи. Кистью по бумаге.

– Каллиграф и лингвист? – мигом сориентировался Акира. – Яо-сэнсэй?

– Однозначно не Яо-сэнсэй, поскольку тот человек бесследно исчез во время своей одиночной экспедиции к так называемому храму. В электронных СМИ информацию не нашли.

– Найду. Сегодня же все будет! – в глазах юноши вспыхнул азарт. – Я знаю, кому запрос послать.

– Без указания причин.

– Ну дык! – Акира хмыкнул, будто хотел добавить: за кого держишь!

– Спасибо.

– Это что, всё? – чуть ли ни обиженно спросил начинающий журналист. – А заклинание тебя уже не интересует?

– Мне нужен первоисточник: текст, с которого Фукунага диктовал послоговую интерпретацию.

– В клубе у историков найду.

– Подожди. Как на твое вмешательство посмотрит председатель клуба истории?

– Обари? Да мы одноклассники. Она звонила мне ни свет ни заря. Вывали всё про Фукунагу и просила сделать так, чтобы вся школа узнала, как учитель бросил учеников. Говорила, что брат фотографировал бегство. Но он камеру разбил вдребезги.

– Карта памяти у нас. Като и Фума частично восстановили информацию. Привезут вместе с рабочим ноутбуком.

– Позови посмотреть.

– Обязательно.

В фойе раздались возмущенные девичьи голоса. Тора прислушался и прокомментировал вслух:

– Мидзуки бежит сюда, не разбирая дороги.

– Я пошел. До звонка десять минут, успею отправить запрос.

Тора ободрительно кивнул и развернулся лицом к возбужденной однокласснице.

– Тора-сэмпай! Эти два толстокожих даже ничего не спросили! – выкрикнула она.

Акира скроил мину, призванную продемонстрировать его устойчивую неприязнь к девичьему визгу, и, махнув рукой Торе в стиле – «увидимся!» – ушел.

– Доброе утро, Юрико, – тихо, чтобы обращение по имени не услышали окружающие, сказал Тора.

Та шумно выдохнула. Тора продолжал:

– У Минами Саки всё в порядке. Она быстро очнулась под влиянием лекарственных препаратов и теперь уверенно идет на поправку.

– Да? А почему она там так... отрубилась?

– Стресс плюс непомерная физическая нагрузка на ослабленный организм.

– А акума? – одними губами спросила Мидзуки.

Тора пожал плечами.

– Тора-сэмпай, я должна с ней поговорить. Как можно скорее. Где она?

– Госпиталь, где находится Минами, расположен на востоке Токио. Ты хочешь ехать туда

одна? Прямо сейчас?

– Да! Я должна ей кое-что объяснить. Поверьте, это очень... очень важно. Для всех после всего, что случилось!

Тора взялся за телефон, но тут вспомнил, что Го отправилась в Нагано в составе группы сопровождения.

– Тора-сэмпай, просто дайте мне адрес госпиталя. Я на электричке доеду, – Юрико умоляюще посмотрела на Тору.

Тора молча достал из портфеля карандаш и первую попавшуюся тетрадь, выдернул чистый лист и записал адрес. Мидзуки схватила листок, прижала к груди, как драгоценность, и поклонилась так глубоко, что ее коротенький «хвостик», подвязанный на затылке, очутился на уровне Ториных подреберий.

Тора проводил девушку задумчивым взглядом. Он не сомневался, что Мидзуки Юрико решила уговорить подругу рассказать о происшествии в подробностях. Понимал, что это действительно мудрое решение доброго, верного другу человека. Но после того, как он сам разглядел истинный портрет Минами Саки, а сегодня утром получил от Рикю дополнительную информацию, успех Юрико виделся ему маловероятным.

«Буду верить в нее так же, как она верит во всех нас», – постановил он и пошел в класс.

В классной комнате стоял нестихающий гвалт, но стоило Торе появиться на пороге, все мигом умолкли. После короткого замешательства вошедшего и присутствующих Такуя выкрикнул на высокой ноте:

– Вот он! Говорили же вам!

А Тора постарался скрыть мимические проявления неприятного открытия: из двадцати трех человек в классе присутствовали только одиннадцать, в том числе не участвовавшие в поездке две девушки и юноша из клуба журналистов. Из всех, кто вернулся домой на поезде вместе с учителем, на уроки пришли лишь трое: двое юношей и девушка.

Миура сидел за своей партой, прикрытый спиной Такуи буквально, и напряженно следил через окно за школьными воротами.

Прозвенел звонок. Вместе с ним в кармане Торы заверещал мобильник-аякаси, сообщая о поступлении электронного письма. Тора поспешил на своё место и там прочел сообщение. Мимику пришлось контролировать тщательно, ибо все, как по команде «равняйся», проводили его взглядом от дверей до последней парты.

Сообщение пришло от Рикю: «Фукунага проигнорировал два звонка из дирекции школы».

Тора прислушался к затихавшему коридору, уловил далекие шаги учителя английского, и спешно, пока оставалось время, набрал письмо брату: «Запущен поиск информации – ученый из Токио».

Преподаватель английского вошел в класс, тщательно закрыл за собой дверь, глядя в пол перед собой помахал рукой, мол, садитесь, поднял взгляд, и его выдающиеся очки подпрыгнули на переносице.

– У нас опять какой-то фестиваль на горизонте? – поинтересовался он по-японски, хотя всегда педантично начинал все уроки с приветствия на английском.

Тора отметил, что «англичанин» еще не осведомлен о происшествии во время школьной поездки. Это означало, что директор начал звонить Фукунаге, не заглянув в учительскую, следовательно, получил информацию о его отсутствии непосредственно в своем кабинете. Осталось выяснить, кто первым доложил о происшествии и когда состоялось информирование.

– Как я вижу, старосты тоже нет, – продолжал «англичанин». – Well, let's begin our lesson. Tora-kun, tell me, please, what's wrong with your class?

Выступать вместо старосты Торе уже приходилось. Кто из учителей ввел моду обращаться к нему по организационным вопросам, он не знал, но неофициальная «замена» вошла в привычку многих преподавателей. «Англичанин» до сего момента являлся редким исключением.

Тора встал, но с ответом медлил, размышляя на каком языке вести доклад.

– Please, – повторил учитель.

Торе ничего не оставалось, как заговорить по-английски. Учитель быстро понял, что поступил опрометчиво, ибо сам был непривычен к живой англоязычной речи. Тора заметил его растерянность, перешел с разговорного на классический учебный стиль изложения и исключил из доклада ряд деталей. Однако учитель остановил его, не дослушав, и со сделанной улыбкой на лице сказал по-японски.

– Да-да, всё понятно. Проведем урок половинным составом.

– Приехали, – облегченно произнес Миура, но нечаянно в полный голос.

Все, кто сидел в крайней колонке, дружно повернулись к окнам. Миура спохватился, залился краской и пробубнил извинения по-английски.

Учитель решил проявить демократичность: подошел к окну и демонстративно посмотрел на двор.

– Накадзима Фума и Накадзима Като, – сообщил он тем, кто не получил разъяснений и не видел двор. – Кто-нибудь еще опаздывает?

– Мидзуки куда-то ушла! – сообщила одна из ее подружек.

– Мидзуки-сан поехала в больницу к Минами-сан, – сказал Тора для учителя и для всего класса.

– В больницу? – опешил учитель.

Дверь классной комнаты приоткрылась.

– We are sorry...

– We are later.

– May we...

– come in? – торопливой эстафетой вдали близнецы Накадзима с порога.

Учитель жестом разрешил обоим войти. Като и Фума друг за другом направились на свои места, но не по центральному проходу, как обычно, а вдоль стены. Поравнявшись с Хагиварой, Фума выложил ему на парту антистатический пакет с картой памяти внутри.

– Спрячь. Пригодится, – шепнул он.

– Исправная, – добавил Като, шедший на полшага позади близнеца.

– А..? – Такуя привстал и оглянулся назад, начисто забыв, что находится на уроке.

– Тут! – гордо сообщил Фума, усаживаясь на место, а Като потряс над своей партой сумкой с ноутбуком.

Приятель Такуи, в поездке не участвовавший, тоже оглянулся, но только для того, чтобы разглядеть лицо одноклубника и убедиться, что Хагивара Такуя – это Хагивара Такуя, а панибратское его общение с «сыновьями миллиардера» состоялось здесь и сейчас, то есть наяву.

В любой другой ситуации учитель английского не оставил бы без внимания такие вольности на своем уроке. Но в класс стремительно вошел директор школы, и окончательно растерявшийся преподаватель успел лишь скомандовать классу: встать – поклон!

Директор на приветствие не ответил, а шальной взгляд его сразу же метнулся на задние парты. Присутствие всех трех Накадзима его немного успокоило, но пересчет учеников «первого-Дэ» по головам закончился побелением лба и полных щек. Он знаком позвал учителя за собой в коридор и плотно закрыл дверь.

Тора наострил уши. Говорили тихим шепотом, но для кошачьего слуха такие предосторожности препятствий не составили.

«Чего они там?» – близнецы дружно смотрели на брата.

«Где Одзаки-сан?» – перебил Тора.

«Повел машину на парковку. Минут через десять управится и пойдет к директору».

«Десять?» – Тора удивился, ибо парковка располагалась в переулке, сразу за забором школы.

«С ним ездить, как на черепахе!» – пожаловался Като.

«Он даже обгонять боится. Тащились за фурой полдороги», – добавил Фума.

Такуя, сиюсь поймать двух зайцев – услышать, что говорят за дверью, и уловить ответ Торы на вопрос Като и Фумы, – не услышал ни того, ни другого, встал и пошел к задним партам.

– Ну? Чего они там?

Тора неодобрительно мотнул головой и тем же движением велел Такуе вернуться на своё место. Тот безропотно отступил. Голос ёкая коснулся его сознания:

«О происшествии доложила директору Обари Момото. Директор собирается опрашивать нас. Одзаки-сан должен успеть вклиниться перед опросом. Он уже близко».

В класс вернулся учитель английского. Очки его беспрестанно танцевали на носу, поскольку владелец имел привычку играть височными мышцами и морщить нос, когда пребывал в состоянии нервозности. Невнятно извинившись, он сделал на лице улыбку, объявив повтор заданий прошлой недели и добавил, глядя прямо на Тору.

– Если какие-нибудь звонки, пожалуйста, выходите в коридор в любое время.

– А можно..? – тут же спросила одна из подружек старосты.

– Пожалуйста, пожалуйста, – не раздумывая, отпустил ее учитель.

Девушка тотчас подхватила мобильник и выбежала за дверь.

А Тора ощутил дуновение неясной тревоги. Ёкайское чутье рефлекторно обострилось. Однако расшифровать сгусток чувств, обуявших одноклассницу, он не успел: девушка как специально спешила выскочить из зоны досягаемости.

«Нужно было дать Юрико номер моего телефона», – запоздало вспомнил Тора.

Имена и фамилии одноклассников он, разумеется, знал. Но ему ни разу не приходило в голову заглянуть на школьные форумы в соцсетях или обменяться с кем-либо телефонными номерами. Даже внешкольные контакты с Миурой инициировали Като и Фума. Тора охотно поддержал начинание, но Миура до недавнего времени стеснялся обращаться к нему напрямую, а близнецы с удовольствием выполняли роль посредников, и Тору это вполне устраивало. На днях отец вставил Юдзо очередную шпильку: за столько лет *самостоятельной* работы мог бы и расширить свои связи. Юдзо, как водится, огрызнулся, но крыть было нечем, ибо друзей он не имел никогда, а список немногочисленных знакомых ограничивался сугубо деловыми контактами. Разговор это состоялся в присутствии Торы, что было вполне естественно в нынешней семейной обстановке, но Тора тогда выводов для себя не сделал. Выводы сформировались в сознании только сейчас:

«Работать для людей, но без людей – это работать во вред делу. Вот почему отец безжалостно грузит нас обоих уже сейчас. Вынуждает искать внешнюю поддержку. Всё верно. Коммуникабельность – инструмент, которым нужно уметь пользоваться. Установить связи... Нет. Для начала научиться устанавливать и поддерживать контакты. Простые человеческие контакты – это не пустая трата времени. Это основа, базис для будущих деловых связей. И не только деловых. А рамки семейной безопасности – лишь необходимое усложняющее условие, и отнюдь не ограничитель типа замка на воротах».

Девушка, выходявшая звонить, вернулась в класс пунцовая, слегка озадаченная, но при этом азартно-возбужденная. Подружка вопросительно кивнула ей. Та шепотом ответила: «Нормально», – и Тора поймал на себе ее любопытно-оценивающий взгляд.

Взгляд этот Торе почему-то не понравился.

«Такуя, – беззвучно позвал он. – Не оборачивайся. Ты знаешь телефонный номер Юрико?»

Хагивара Такуя напряженно выпрямился на своем стуле и пару раз отрицательно качнул головой. Миура тоже услышал вопрос, но в отличии от товарища развернулся к Торе всем корпусом. По его губам Тора прочел: «Что случилось?»

«Ничего, – поспешно ответил Тора. – Но удаленной оперативной связи у нас нет».

Като понял намерение брата без специальных знаков, живо записал в тетради все три номера и сунул тетрадь Миуре, благо тот сидел точно перед ним.

Фума, чья парта находилось перед партой Торы, смерил взглядом расстояние до места Хагивары. Тот краем глаза заметил движение через ряд сзади, слегка оглянулся и махнул рукой, мол, потом.

Учитель сделал вид, что перешептывания не заметил.

Тора уловил далеко в коридоре звук знакомых шагов. Одзаки-сан приостановился возле лестницы. С такого расстояния Тора не мог детально разнюхать его настроение, но почувствовал, что пожилой педагог всем своим существом старается дать понять, что он удовлетворен состоявшимся разговором в директорском кабинете.

«Одзаки-сан. Я понял – пока всё по плану. Спасибо», – сообщил ему Тора по строго направленному каналу.

Тонкое дуновение, как бодрящий ветерок, тронуло ёкаев. Като и Фума переглянулись. Тора улыбнулся. Одзаки не обладал какими-либо особыми силами, но его сугубо человеческое пожелание удачи придало сил всем троим.

Спустя минут пять в класс заглянул председатель школьного совета и сказал, что директор вызывает к себе в кабинет Накадзима Тору.

Тора вышел в коридор. Председатель смерил его напряженным взглядом, кивнул, мол, за мной, – и пошел вперед. На полпути он приостановился и доверительно шепнул.

– Главное, не нервничай. И говори, как есть. То есть – как было. Сейчас главное разобраться. Понимаешь? Объективно и вообще.

– Понимаю, – ответил Тора.

– И не нервничай, – повторил председатель.

Тем, кто сейчас нервничал, был как раз он сам, а Тора демонстрировал абсолютное спокойствие.

В директорском кабинете находились сам директор и учитель литературы и древнего японского Яо-сэнсэй. Присутствие «литератора» было вполне логичным, ибо он являлся одним из завучей школы. Но Тору обеспокоил эмоциональный спектр сурового преподавателя. Возникло ощущение, будто Яо-сэнсэй пришел сюда как на поле битвы.

Председатель школьного совета прошел в кабинет следом за приглашенным учеником и сразу же отступил в сторону, где вдоль стены стояли рядом несколько стульев. На одном из них тихо сидела секретарь-бухгалтер школьного совета – та самая полногрудая девица, которая восхищалась «кошачьим костюмом» после замечательного октябрьского фестиваля.

Директор старался выглядеть предельно дружелюбным, однако заметно было, что пребывает он в полном замешательстве. Задавая Торе вопросы, он перескакивал с пятого на десятое, и раза три возвращался на тему ночевки в гостинице. К основному вопросу – побег учителя – он подбирался медленно, будто боялся открывать тему вообще. Тора со своей стороны сохранял позицию пассивного ответчика, выдерживал строгий деловой стиль речи, но подспудно ожидал вмешательства «литератора». И вмешательство состоялось.

– Тора-кун, так что же всё-таки там читали ваши одноклассники?

– Не знаю, – честно ответил Тора.

– Тора-кун не является членом этого клуба! – одернул коллегу директор. – Тора-кун, пожалуйста. Про землетрясение и мост. Обари-сан много рассказала мне, но я хочу услышать

мнение... с другого берега.

– Сильный подземный толчок спровоцировал перекося опор, и старые канаты лопнули.

– Вы и ваш одноклассник просто ухватились за канаты?

– Да. Наверху были трое наших товарищей, они удержали уцелевшие узлы.

– А что делал в это время Фукунага-сэнсэй? – отважился спросить директор.

– Я его не видел. Другой берег практически не просматривался в сумерках за стеной сильного дождя.

– Где вы дожидались спасателей? – снова вмешался Яо-сэнсэй. – В лесу или в храме?

«Как у него зародился этот вопрос? – насторожился Тора, но виду не подал. – Мы договорились не акцентировать внимание на храме вообще. Обари Момо так интерпретировала какие-то реплики в зале ожидания?»

– Сначала спрятались под полом постройки, – ответил Тора.

– Неразумное поведение во время землетрясения, – тут же заметил Яо-сэнсэй.

– Да, но туда кинулась Минами Саки. На тот момент она не осознавала свои действия. Там она потеряла сознание. Потом мы ушли в лес.

– Минами шла сама?

– Нет. Мы ее несли.

– Кто вызвал спасателей?

– Мой отец. Мне удалось связаться с ним вскоре после обрушения моста.

– И как спасатели нашли вас столь быстро, если никто не знал о планах Фукунаги-сэнсэя? – продолжал расспрос въедливый «литератор».

– Яо-сэнсэй, – директор сердито посмотрел на коллегу.

В коридоре раздался звонок, возвещающий об окончании первого урока. Однако беседа в кабинете не прерывалась.

– Одну минуту, – «литератор» остановил директора легким взмахом руки. – Мы хотим получить правдивую картину происшествия. Утверждается, что никто из учеников заранее не знал, где располагается так называемый «храм исполнения желаний».

– Я прочитал название поселка на дорожном знаке, когда мы подъезжали, – преспокойно ответил Тора.

– Тора-кун очень внимательный мальчик, – с удовольствием отметил директор.

– Последний вопрос, Тора-кун, – произнес Яо-сэнсэй, будто не заметил, что директор намеревался поставить точку в этом разговоре. – Когда ты говоришь «постройка», ты подчеркиваешь, что не признаешь «храм исполнения желаний» объектом синтоистского культа?

Тора про себя отметил свою ошибку, но решил не изворачиваться.

– Да, не признаю.

– Ты придерживаешься синтоистских верований?

Директор побагровел. Председатель школьного совета и его помощница задвигались на своих стульях.

– Это еще один вопрос, сэнсэй? – Тора прямо посмотрел на преподавателя.

Тот вдруг улыбнулся и извинительно опустил взгляд.

– Прошу прощения, Тора-кун.

Тора был отпущен восвояси, когда перемена подходила к концу, и поспешил в класс, откуда веяло жаром перегретых эмоций. Близнецы предупредили, что его дожидается Хагивара Акира, но сообщение запоздало – Тора и сам учуял присутствие председателя клуба журналистов. Акира встретил его прямо в дверях причем так, чтобы сразу вытеснить назад в коридор. Тора вывернулся, обронил – один момент, – и, живо оценив диспозицию, безмолвно позвал.

«Като, Фума, Миура, Такуя. Внимание: акцент. Мы ждали спасателей сначала под полом постройки, а потом перешли в лес и унесли Минами. Это первое. Второе – на дознании присутствует Яо-сэнсэй. Это всё».

– Акира, что у тебя? – Тора поднял взгляд на старшего Хагивару.

Тот ошарашенно взирал на Тору сверху вниз.

– Это что сейчас было?

– Про «литератора» усёк? – вместо ответа осведомился Тора.

– Усёк, – многозначительно отозвался Акира, тряхнул головой и шагнул в коридор, потянув за собой собеседника. – Теперь слушай. В кабинете клуба истории кто-то побывал. Забрали все бумаги с планами и отчетами и архивные накопители. Диск компа перетерли начисто. Твои братцы сейчас гребни распушили, мол, диск восстановят. Только его добыть нужно сначала, этот диск. А Обари уже народ на уши поставила: типа, кто посмел без ведома членов клуба шарить по шкафам и по компьютеру. Я ее одернул, да поздно. Завуч запер кабинет и ключ забрал.

– Яо-сэнсэй?

– Да не. Другой, который по хозяйственной части. Кажется, полицию собираются вызывать.

Тора ругнулся сквозь зубы.

Прозвенел звонок на урок.

Теперь ругнулся Акира.

– Контрольная сегодня. Извини.

– Конечно. Удачи, Акира.

Тот побежал на третий этаж в свой класс, а Тора отошел подальше от открытых дверей «первого-Дэ» и достал телефон.

Рику выслушал короткое сообщение об исчезновении документов из клуба истории, обронил: личность вора установят и без нас, это элементарно, – и в свою очередь сказал, что направляется в госпиталь, чтобы оценить возможность юридическими средствами воспрепятствовать переводу Минами Саки в государственную больницу.

– Шансы не велики, – добавил он по завершении чеканки фактов. – Законодательно мать имеет право забрать ее даже домой, поскольку нет жестких медицинских противопоказаний.

– Потеряем контроль, – Тора вздохнул.

– Вернее всего – да, – подтвердил Рику.

– Минами-сан уже выставила официальные претензии школе?

– Нет точных данных. Ее видели в компании с юристом ее же фирмы. Отследить звонки нашими силами нереально. Появится новая информация – позвоню.

Тора нажал «отбой» в тот момент, когда из недр затихшей школы послышались мягкие женские шаги: преподаватель естествознания вышла из учительской. У Торы оставалась минута, чтобы с мобильного послать емейл Маре, но из классной комнаты «первого-Дэ» высунулся юноша из вчерашней группы поддержки и выразительными знаками принялся зазывать Тору в класс. Тора решил, что сейчас важнее внимание к одноклассникам, чем дежурные запросы. Стоило ему переступить порог, юноша накинул ему на голову и шею тонкие провода.

– Гарнитура. Надевай. И штекер в мобильник, – торопливо зашептал он; жгучее желание оказать помощь товарищам расписалось на лице обильным румянцем.

Тора поблагодарил одноклассника и безмолвно скомандовал своему новому связисту-аякаси обеспечить подачу сигнала на наушники.

– Провода уберите под волосы, Тора-сэмпай, – подсказала девушка, чья парта стояла в трех шагах от входа. – Белое на белом не заметно.

Тора кивнул и воспользовался моментом для закрепления духа солидарности.

– Ребята, сейчас директор будет вызывать всех по очереди. Это школьное дознание, не волнуйтесь. Просто спокойно отвечайте на вопросы.

– А Фукунага-сэнсэй в школе? – осторожно спросила одна из подружек Минами.

– Я его не видел. В кабинете директора – члены школьного совета и Яо-сэнсэй.

В класс вошла учительница и несколько озадачено посмотрела на сборище возле крайнего ряда. Тора спохватился и снял звуковую вуаль. Но действие запоздало: преподаватель, подходя к дверям класса, не слышала ни звука, а за дверями увидела бурное собрание.

– Извините, сэнсэй, – произнес Тора.

Изумление учительницы было приглушено незаметными для человеческого сознания тональностями голоса.

Ответив на приветствие учеников, преподаватель – женщина средних лет – выложила на свой стол толстую книгу. Ни школьного журнала, ни каких-либо учебных материалов она с собой не принесла. Это было по меньшей мере необычно, ибо сегодня по расписанию значилась география.

– Этот урок я решила посвятить рассказу об океанах, – объявила учительница и приподняла книгу над столом так, чтобы ученики увидели обложку. – Это сборник путевых заметок путешественников и ученых, побывавших во всех уголках света. И даже в подводных глубинах. Я хочу почитать вам мемуары наших известных океанологов. Усаживайтесь поудобнее. И начнем.

Она читала негромко, выразительно и – Тора, наконец, подобрал определение к неординарному рисунку чувств – с упоением. Волнения, страхи, нервозность учеников плавно сошли на нет уже на первых минутах необычного урока. Даже Тора поймал себя на том, что невольно расслабился. Пауза, вызванная визитом секретаря школьного совета и выходом из класса Като и Фумы, слегка пошатнула умиротворяющий фон, но очень скоро мелодичный голос потушил всяческие волнения.

«Какая могучая и чистая душа, – подумал Тора про себя. – Без толики магии она делает то, на что способен не каждый ками».

Он принялся мысленно рисовать магический узор с арабески многогранных чувств, коими учительница окружила ребят. И когда рисунок ауры психологической защиты был готов, вдруг вспомнил давний разговор с мамой. Тогда он, восхищенный маминой магией, спросил: откуда ты знаешь сколько волшебства? И Нэкомата ответила: я очень многому научилась у людей.

Като и Фума вернулись на удивление быстро. Като шепнул Миуре: иди, теперь тебя, – и сел на свое место, взглядом извинившись перед учительницей. Та понимающе улыбнулась и возобновила чтение после того, как за Миурой закрылась дверь.

«Тора, – позвал Фума. – Нас спрашивали только про сэнсэя – как и когда бежал к мосту. Мы сказали, как видели – перебежал первым. И всё».

Тора послал ободряющий флюид братьям и направил второй на заерзавшего Такую.

Прошло минут десять прежде, чем Синохара Миура заглянул в класс и, запинаясь, попросил учительницу отпустить к директору Хагивару, а ему самому позволить отлучиться на несколько минут. Учительница доброжелательно кивнула.

Миура скрылся, и Тора услышал, как друг бежит в сторону туалетных комнат.

«Что с ним?» – насторожились Като и Фума.

«Чего-то испугался, – не без тревоги откликнулся Тора. – Кажется, какого-то вопроса».

Аякаси-мобильник принялся настойчиво толкать хозяина в грудь. Тора извлек его из нагрудного кармана, глянул на дисплей и увидел незнакомый номер. Обычно на случайные звонки он не отвечал, но с сегодняшнего дня это личное правило уже не действовало.

– Тора, это я, Миура, – раздался в непривычных наушниках приглушенный голос.

В фоне Тора уловил звук хлеставшей из крана воды. На ум пришло – конспиратор!

– Слышу тебя, – ответил Тора в микрофон зажатого в кулаке мобильного.

– Тора, я, кажется, лишнего ляпнул, – дрожащим голосом продолжал Миура. – Яо-сэнсэй прицепился: почему на мост не пошел, если одним из первых к мосту подбежал. Ну я сказал, что остался с близнецами Накадзима помогать им считать по головам. А он сразу – кто надоумил считать по головам. Ну я и сказал, что ты. Да еще и отсебятил, сказал, что ты заблудившихся собирал с Такуей на пару возле ворот».

– Ворот? – изумился Тора. – Так и сказал?

– А... но... не помню, как сказал. Просто та штука у меня сразу как-то воротами представлялась.

– Всё в порядке, не переживай.

Миура вернулся пунцовый, с влажными волосами надо лбом и мокрыми пятнами на расстегнутом до груди пиджаке. Садясь на стул, он нечаянно сдвинул легкую парту, от чего еще гуще покраснел, и Като, перегнувшись через свой стол, прижал его плечо левой рукой. Девушка с соседнего ряда, быстро достала пачку бумажных носовых платков и протянула один взволнованному однокласснику.

Учительница с неподдельной тоской в глазах наблюдала короткую сцену, и Тора видел, как из глубин ее сущности поднимается конгломерат чувств с ярко выраженным ощущением вины перед учеником и чуть менее четко оформленным сгустком укоризны, адресованным тем, кто довел школьника до такого состояния.

Сразу вслед за вернувшимся Хагиварой в классную комнату зашел Яо-сэнсэй. Такуя поспешил проскочить на свое место, дабы не выглядеть приведенным под конвоем. По его губам было очень легко считать все те нелестные слова, которыми он отметил и дознание в целом, и директора, и – особенно – «литератора».

Явление завуча вызвало беспокойство школьников, однако никто с места не двинулся, а учительница не скомандовала, как принято, «встать – поклон». Отложив открытую книгу, она встала и подошла к незваному гостю. Яо-сэнсэй тем временем пересчитал учащихся и знаком предложил коллеге выйти в коридор. Тора уловил, что следующие два урока решено отвести на самоподготовку, а учительнице вменяется в обязанность предупредить класс об изменениях в расписании и направить к директору названных учениц через пять минут.

«Самоподготовка! – обрадовались Като и Фума, благо такого уровня звук способны были уловить своими ушами. – Скроемся, чтобы фотки просмотреть».

Такуя развернулся к Торе, а заодно и Фуме, всем корпусом, кивнул головой, приоткрыл рот, чтобы что-то сказать, но тут сообразил, что сидевший перед ним приятель-журналист непременно услышит шепот.

«Мобил, – беззвучно подсказал Фума. – Выйди и позвони Торе».

«Секунду. Мне звонок», – перебил Тора и принял вызов, не глядя на дисплей, ибо прекрасно знал, что звонит Юдзо.

С каждым ответом – да... понял... слышу... да... – на лбу отчетливее и отчетливее проявлялась суровая складка. Миура, Като, Фума и Такуя с затаенным страхом следили, как тает мальчишеская маска на человеческом лице ёкая. Последнее – перезвоню, – прозвучало, как гонг.

Тора спохватился. Испуг, качавшийся над задними партами, потек по классу, отсекая столь виртуозно созданный благодушный эмоциональный фон.

Тора мысленно извинился перед педагогом и поспешил придать своему лицу нейтральное выражение. А товарищам беззвучно сообщил: «Сегодня утром с горы сошел сель. Залило всю тропу и часть дороги. К счастью, никто не пострадал. Пока всё. Подробности позднее».

Учительница вернулась и прямо с порога сделала объявление об изменениях расписания. Тора, дождавшись, когда она сядет за стол, попросил разрешения выйти и, услышав: конечно, пожалуйста, – быстро и бесшумно покинул класс.

«Напрасно разогнался», – мелькнуло в уме.

Яо-сэнсэй нарочито внимательно проследил, как ученик идет в противоположную от него сторону. Тора чувствовал его взгляд затылком, однако не стал применять приём Миуры – делать вид, что направился в туалет. Остановился у окна, набросил на себя тонкую вуаль и набрал номер брата.

Юдзо откликнулся сразу и заговорил так, будто разговор не прерывался вообще.

– Дорога перекрыта. Кругом полиция и спасатели с ближайшей турбазы. Только что подогнали дорожную техники. Видимо, из центра префектуры. Мы с Марой сидим в местном кафе. Делаем вид, что проезжали мимо и тормознулись из-за завала. Тут вас вспоминают как счастливых, а учителя как идиота. Слышишь?

Тора уловил в динамике далекий звук мужского голоса. Пожилой, но весьма бравый мужчина возбужденно рассказывал кому-то, как сам лично ходил к мосту на «гнилой дзиндзя» на прошлой неделе и вместе с товарищем вешал заградительные ленты. Рассказ сопровождался массой вольных выражений и повторялся, судя по всему, не в первый раз.

– Не заметил ни лент, ни их обрывков, – сообщил Тора.

– Да у него то прошлая неделя, то прошлый год, – бросил, как отмахнулся, Юдзо. – Это пустозвон. Но местные ему поддакивают. Значит, про износ моста знали.

– Туда не подобраться вообще?

– По-человечески не подобраться. Дэнбей и его парни помчались в обход по лесу на своих четырех каждый. Посмотрят, как двигался сель и что стало с поляной. Го изображает сторожевую собаку у меня в машине. Она вчера примелькалась тут, опасается, как бы ни вспомнил кто-нибудь. Даже ошейник согласилась надеть.

Тора улыбнулся.

– Кто сообразил ошейник взять?

– Мара купил по дороге. А тюкнуло мне. И ошейник еще не сработал.

Тора мигом насторожился.

– Что именно тюкнуло, Юдзо?

– Не понимаю. Вот как сейчас. Кто там с тобой рядом?

– Никого. Я в коридоре, вышел с урока.

Юдзо несколько секунд молчал. Тора слышал его дыхание собственными ушами через динамик, а нутром ощущал, что брат силится подцепить невнятное видение за туманный шлейф.

– Издали на меня смотрит наш «литератор», – добавил он, незаметно глянув в противоположный конец коридора. – Но я закрылся, поэтому он воспринимает только моё присутствие.

Яо-сэнсэй поджидал вызванных девушек – свидетельниц вчерашнего происшествия. Одна из них уже стояла в дверях, но так, чтобы учитель ее не видел. Вторая пока находилась в классе.

– У него в руках есть чернильный камень? – вдруг спросил Юдзо.

– Что? – удивился Тора.

– Чернильный камень. Тушечница. В старинном стиле, – добавил Юдзо так быстро, как только позволил язык.

– Заложил руки за спину. Не вижу...

– Не то, – перебил Юдзо. – Кто-то показывает тебе чернильный камень из своих рук. Не молодой, но и не старик. Пальцы длинные, костлявые. На левом указательном шрам от перочинного ножа.

– На сэнсэя похоже. И шрам на пальце у него есть.

– Значит, это его руки.

– Юдзо, – Тора голосом придержал порыв брата, поскольку в моменты бурных видений тот плохо контролировал свою пространственную позицию.

– Я сижу, не волнуйся, – откликнулся Юдзо на порядок спокойнее, а в сторону шикнул. – Мара, не дергайся.

– Яо-сэнсэй проявлял особый интерес к постройке, как к объекту, – начал Тора.

– Секунду, – прервал его Юдзо. – Не отключайся, хорошо?

– Жду.

Тора обострил слух. Маракайто разговаривал по своему мобильнику, вернее – сыпал междометиями в ответ на услышанное. Тора без труда опознал все эмоции секретаря, начиная с панического ужаса, заканчивая осознанием гражданского долга. В таких ситуациях самым верным было дожидаться, когда Мара закончит беседу и соберется с мыслями, чтобы без навоящих вопросов пересказать содержание. Но Юдзо ждать не собирался. Его собственный мобильник перебазировался в левую руку, а правой он выхватил аппарат у секретаря, коротко представился собеседнику, выслушал повтор доклада, ответил: понял, сейчас передам, – и вернул мобильник владельцу.

– Тора. Парни отрыли человеческие кости.

– Цельный скелет?

– Фрагментарно. В конгломерате глины, смытой селом.

– Приблизительное время гибели?

– Не древность. На погибшем были кроссовки фирмы «Асикс»... Секунду.

Тора услышал, как Маракайто предлагает «что-нибудь сочинить», чтобы привлечь внимание полиции к находке.

– Сними с Го шейник и отправь следом за Дэнбеем. Пусть притащит кость сюда, – распорядился Юдзо.

Тора чуть не подавился неуместным сейчас смехом, но брат и не думал шутить. На вопрос ошеломленного Маракайто: а что потом? – Юдзо экспромтом сочинил следующий виток сценария.

– Побежишь за ней, будто собака сорвалась с поводка, и на виду полиции разглядишь ее находку.

Тора ткнулся лбом в стекло и зажал смех зубами.

– И ошейник не забудь назад надеть, чтобы не оштрафовали за нарушение правил выгула, – закончил Юдзо.

Тора всё-таки не сдержался и фыркнул в кулак с мобильником.

– Эй, – Юдзо, видимо, как раз в этот момент поднес свой аппарат к уху. – Что ты там развеселился?

– Да так, – Тора интенсивно поморгал, ибо зажатый смех нашел лазейку в слезных каналах. – Ты учитывай, что Го в зооморфной форме все-таки не собака, а волчица.

– После такой грязевой ванны верблюда от лошади не отличишь, а уж волка от собаки и подавно, – Юдзо кашлянул, словно переключался на деловой тон. – Рику дал мне координаты своего *осведомленного* коллеги, который с ночи работает в Нагано по нашей теме. Как думаешь, вызвать его?

– Да. И как можно скорее. Наверняка, останки принадлежат пропавшему без вести исследователю. Теперь можно смело запускать тему в оборот.

Эпизод 6

Школьный звонок возвестил об окончании второго урока. Тора дождался, когда учительница покинет класс, чтобы не столкнуться с ней в дверях, и издала поклонился ей. Формально в знак благодарности за разрешение использовать время урока в личных целях, а фактически за доброту и сочувствие ученикам. Она мягко улыбнулась в ответ и направилась в учительскую.

В классе как раз обсуждали личность преподавательницы. Кто-то высказался: «Вот бы ее нам классным руководителем!» На что приятель Хагивары заметил:

– А может и назначат. Нашему попрыгунчику теперь классруком не бывать. Отпрыгался, – а затем обратился к Такуе. – На срочное заседание звали. Идешь?

Такуя оглянулся на Като и Фуму, заметил сумку с ноутбуком на плече Като и ответил.

– Нет. Меня уже накачали.

– Тора-сэмпай, а что нам на самоподготовке делать? К истории готовиться? – поинтересовалась одна из девушек, не участвовавших в поездке.

– Не будет у нас сегодня уроков вообще! – уверенно заявил юноша из «балласта» клуба.

– Сэнсэй сюда нос не сунет после вчерашнего.

– Предлагаю повторять задания на завтра, – поспешил сменить тему Тора. – К завтрашнему дню обстановка нормализуется, и все уроки состоятся.

Он оглянулся на девушек, только что вернувшихся после отчета директору. Обе выглядели взволнованными, но явных отрицательных эмоций Тора не уловил.

– Сэмпай, расскажи как нормальный человек: что вчера было? – решительно попросила одноклассница, которой пришлось пропустить поездку по семейным обстоятельствам.

– Точно-точно, – подхватила вторая, также обделенная приключениями. – Тут всякую чушь болтают, – она искоса посмотрела на подружек старосты. – Мол, какого-то kami разбудили, а он рассердился и землетрясение устроил. Что вы с Хагиварой с моста куда-то грохнулись, а сэнсэй всех бросил и сбежал.

– Расскажу, – пообещал Тора.

Временной расклад получался неудачным. Самая короткая – пятиминутная – перемена стремительно подходила к концу, рассказ обещал породить массу новых вопросов, и даже если бы он уложился в десять-пятнадцать минут, вызвать на просмотр файлов Акиру прямо с урока будет проблематично. Поэтому Тора пошел на компромисс: дал Като и Фуме знак отправляться в любимую каморку на крыше, кивнул Такуе следовать за ними, а Миуру попросил остаться.

Одноклассники без каких-либо команд расселись за свои парты. Близнецов и Хагивару остановили возгласом, но Такуя отбился моментально:

– Спец задание клуба журналистов!

– Ну, сейчас растрезвонят! – поморщилась одна из подружек старосты.

Тора проигнорировал реплику. Он был уверен, что Акира не допустит стихийного распространения информации.

Стоять у доски было не совсем удобно, и Тора вдруг вспомнил, как ловко отец развязал узел нервов сыновей перед первым закрытым семейным совещанием по теме оммёджи. Он легким прыжком уселся на край учительского стола и оглядел немногочисленных слушателей.

– Предысторию аврала все знают, – начал он. – Про музей в школе Нагано лучше меня расскажут члены клуба, если кому-то интересно.

– Начни с их дурацкого «заклинания»! – предложил активист «балласта», полностью

переключившись на неформальный стиль.

– А почему в гостинице все перемезли? – опять вмешалась неучаствовавшая в поездке девочка, и принялась перечислять имена подруг, которые сегодня остались дома из-за простуды.

Торе пришлось начать с гостиницы. В качестве аргументов он использовал только арифметику, а на эмоции в стиле «как так можно было планировать поездку» лишь развел руками и напомнил, что ни в клубе, ни в школьном совете не видели финансовых документов и каких-либо договоров.

За очередным ответчиком пришла секретарь школьного совета и попала точно на начало повествования о «храме исполнения желаний».

– Могу я послушать, Тора-кун? – живо сориентировалась она.

– Да, но дирекция..? – вопросительным тоном напомнил Тора.

– Подождут, – отмахнулась девушка; чувствовалось, что директорскую форму дознания она не приветствует.

– Присаживайтесь, – Тора показал на пустую парту.

Он быстро расставил по временной ленте известные ему факты и так уперся в момент, с которого началось бегство учителя.

– А может он так специально подгадал, чтобы мы туда на землетрясение попали? – вдруг предположил юноша, в клубе не состоявший. – Тора, секи момент: узнает у сейсмологов, когда ожидается тряска, авралом всё организует и тащит весь класс будить своего ками. И тут ка-ак тряхнуло! Ого! Разбудили! И все сразу поверили, что у нас тут каждый день призраки по улицам ходят и НЛЮ летают.

Парни рассмеялись, ибо юноша выступал весьма артистично. Тора тоже хохотнул.

– Интересная версия.

Активистки клуба надули губки. А одна из них не утерпела и бросила в сторону.

– Минами Саки, между прочем, из семьи мико.

– Ага, значит, она в красных штанах с веником ходила и ками созывала? – раззадорился остролов.

– Сэмпай, а ведь она куда-то ходила одна, – вдруг вспомнила единственная из всех девушек, кто после возвращения домой на поезде сегодня пришла в школу.

– Ну уж точно не в красных хакама, – Тора поспешил замять тему. – Она и Мидзуки были последними, кто подбежали к мосту.

– А что с мостом случилось? – девушка привстала. – Мне так стыдно, что я там застряла и орала.

Тора с непростительным опозданием вспомнил, что как раз эту девушку он впопыхах избавил от шока магическими средствами, чтобы ускорить процесс ее перемещения на спасительный берег.

– На тот момент мост был невредим. А пара надломанных досочек – это еще не авария, – ответил он.

– Мне показалось, меня кто-то за ноги держит, – призналась одноклассница.

– Холодными руками, – вставил языкастый юноша.

– Нет! Как будто в глину провалилась.

– В стрессовой ситуации глубинные страхи часто поднимаются на поверхность сознания, – подсказал Тора. – А крик – защитная реакция организма на боль, на страх.

– Я тоже орала, – вставила та из активисток клуба, кто промолчала на упоминание про мико. – Потому что все орало. Во главе с сэнсэем. И никто не понимал, куда бежать и что делать. Только когда Обари-сэмпай начала командовать кому куда идти, стало легче.

– Тора, ты очень вовремя посередине встал, – высказался доселе помалкивавший юноша.

– Самое жуткое место на весь мост. Там как раз и не хватало сильного звена.

– Сэмпай, а тебе совсем не страшно было? – любопытствовал языкастый парень на сей раз серьезным тоном.

– А ты вспомни, что он в кошачьем костюме выделял на пару с вашей циркачкой! – подала голос секретарь школьного совета. – Жалко, что она уехала. Я бы еще разок этот номер посмотрела, Тора-кун.

Дверь приоткрылась и на пороге класса появился председатель. Серdito глянул на свою помощницу, окинул взглядом класс и Тору, восседавшего на учительском столе, хмыкнул, показал на него пальцем и громко заявил.

– Вот кого нужно старостой назначать в вашем классе.

«Только не это!» – ужаснулся Тора про себя, но тут же вспомнил свои выводы по поводу необходимости обучать себя поддерживать контакты.

– Я – за! – тут же откликнулся остроумный одноклассник и поднял обе руки.

– И я – за, – подхватил вчерашний попутчик отставшей шестерки.

– А я руками и ногами, – буркнул Миура в сторону.

– Вот и проголосуйте. А дирекцию поставим перед фактом, – несколько пафосно объявил председатель.

– Пошли-ка к директору, – вспомнила секретарь школьного совета. – Чтоб не подумали, будто нас тут темные силы заглаживают одного за другим.

Она показала на веселого острослова и его молчаливого соседа, махнула обоим, мол, за мной! – и вышла. Школьники неохотно потащились на дознание. Председатель дружески кивнул Торе и направился следом, как конвоир.

Тора воспользовался моментом, чтобы покинуть трибуну, пока никто не вспомнил, что часть вопросов о вчерашних приключениях осталась не затронута. Он вернул владельцу гарнитуру со словами: – спасибо, очень удобно, – и вышел из класса, не акцентируя внимание на себе и Миуре.

Дабы нечаянно не натолкнуться на директора или завуча, Тора и Миура пошли к компьютерным классам, в одном из которых дислоцировался клуб журналистов, через третий этаж. Походя Тора бросил взгляд на настенные часы. 10:34. По его подсчетам Юрико должна была бы уже добраться до госпиталя. В груди опять защекотало неприятное чувство нераспознанной тревоги.

– Мидзуки одна поехала к Минами? – вдруг спросил Миура, будто почуял, куда направились мысли ёкая.

– Да. И номер ее телефона я не знаю.

– А за ней никто из твоих не присматривает? – Миура осторожно заглянул в кошачьи глаза.

– В том и дело, что нет. Поблизости находится один из моих братьев. Но он не знает Юрико, а я даже не догадался поставить на нее свою метку.

– Ты ей адрес госпиталя назвал или записал? – Миура приостановился.

– Записал, – Тора тоже сбавил шаг. – На листе из своей тетради.

– Так может быть учуют? – еле слышно подсказал Миура.

Тора тяжело вздохнул.

– Нужно быть хэнгэ, чтобы найти запах. А Рику – мадзоку, и способности оборотней у него не развиты.

– Слушай, давай я сейчас у девочек спрошу телефон, – Миура решительно повернул назад.

– Мне следует сделать это самому, – возразил Тора.

И тут «включился» ёкайский канал.

«Тора! Где ты там застрял? Хватай Миуру и бегом сюда. Тут такая штука прорисовалась,

когда Такуя внимательно кадры рассмотрел. Это надо видеть! Это всё объясняет!»

– Иди, – Миура толкнул друга в направлении двери с лестничной площадки на третий этаж. – Я возьму номер и прибегу.

– Хорошо, – согласился Тора. – Спасибо.

В кабинет, где собирался клуб журналистов, Тора решил не заходить и направил туда свой магический щуп. Тонкая ниточка запаха обнаружилась быстро.

«Акира, – осторожно позвал Тора по направленному контактному каналу. – Хагивара Акира».

Едва различимая струйка мигом расцвела уже знакомым букетом пестрых эмоций.

«Хагивара Акира. Поднимайся на крышу по левой технической лестнице. Ждем тебя».

Но ждать не пришлось. Тора поднялся лишь на одну площадку, когда снизу раздались быстрые гулкие шаги. Акира глянул вверх через колодец пролета, увидел Тору и удвоил скорость забега.

– Как ты это делаешь? – выдохнул он, застыв на пару ступенек ниже ёкая.

«Молча».

В полутьме сверкнули фосфорические зеленые глаза.

– Фига себе, – Акира, так и не отдышавшись, поравнялся с Торой, вернее – возвысился над ним. – Тот кот на концерте... Зашибись! Хвост и впрямь был настоящим!

– А, так вот кто меня дернул в проходе, – Тора улынулся.

– Знаешь, сколько мы времени потратили на розыски фирмы, где тебе шили тот костюм?! – воскликнул председатель клуба журналистов.

В реплике было столько неподдельных противоречивых эмоций с детской обидой во главе, что Тора позволил себе посмеяться.

– Следующий раз приклею на загривок бирку «Made in China».

– Ты что, родом из Китая? – Акира уже не знал, чему верить.

– Это шутка, – ответил Тора и увлек будущего журналиста за собой на крышу.

Пока Акира пялился на два гребня, освещавшие кладовку, приспособленную под кабинет, к компании присоединился запыхавшийся Миура.

– Вот, – он протянул Торе листок из девичьего блокнота.

– Тебе прям так сразу номер дали? – удивился Такуя, делая вид, что не замечает шальных глаз старшего брата.

– Не сразу. Но я сказал, что Торе нужно.

– Спасибо, Миура, – Тора развернул записку и вдруг отчетливо почуял ложь.

После секундного замешательства – подозревать присутствующих в каком-либо обмане было абсурдно – он поднял листок к лицу.

– Миура, кто записал номер? – тихо спросил он.

– Эта... как ее... с заколкой, – Миура подергал свои коротенькие волосы над левым виском.

– Ее подруга видела, что она пишет?

Миура сморщил лоб.

– Я с обеими разговаривал. Видела или нет..? Не заметил. А что случилось?

– На бумаге остался запах лжи. Этот номер принадлежит не Мидзуки. Девушка пошла на обман. Или решила подшутить.

– Она тебе свой номер, подсунула, наверное, – скривился Такуя.

– Возможно. Проверять не буду.

– Дай-ка мне, – Акира протянул руку за запиской. – У Обари в мобиле – телефоны всех клубных. Здесь закончим, я выясню, чей это номер.

– Тогда начнем, чтобы закончить быстрее, – Тора передал записку старшему Хагиваре.

– А чего ты за Мидзуки так беспокоишься? – спросил Такуя. – Ты же ее сам отпустил в госпиталь.

Тора вздохнул. Иллюзия облика опять пошатнулась, однако восстанавливать маску он не стал. Акира искоса присмотрелся к нему, тихо присвистнул, но ничего не сказал.

– Отпустить-то отпустил, а связь не продумал, – ответил Тора.

– Тора, – позвал Фума. – Смотри сюда.

Като развернул ноутбук непосредственно брату.

Нечеткие темные кадры сменяли друг друга, и видеолента текла, как замедленный фильм. «Молящиеся» отобразились на десятке однообразных фотографий. Затем началось движение – ученики расходились для самостоятельного знакомства с «храмом исполнения желаний». На кадре, где вроде бы просматривалась спина Минами и плечо догонявшей ее Мидзуки, разобрать что-либо детальное не представлялось возможным.

– На фига ты использовал вспышку на ландшафтах, придурок! – шепотом напустился на брата Акира.

– А как по-твоему в темноте снимать?

– Со штатива с большой выдержкой!

– Дальше кручу, – предупредил Като. – Это вроде бы сэнсэй спиной к камере.

– Похоже, но не аргумент. Кадр слишком темный, – прокомментировал Тора.

Акира процедил – ксо! – и кулаком слегка стукнул младшего брата по макушке, благо тот сидел на ящике точно перед ним. Такуя возражать не стал.

– Сюда внимание. Это сразу после сильного толчка, – объявил Фума, а Като остановил наполовину засвеченный кадр.

– Я упал, аппарат сработал объективом вверх, – быстро вставил Такуя.

– От чего там так вспышка отразилась? – насторожился Акира.

– Во! Сечёт! – обрадовался Като. – Вспышка отразилась от чего-то, что никто не видел.

– В этот момент запаниковал сэнсэй, – вставил Тора.

– Заорал и дал дёру к мосту, – добавил Такуя. – На следующем кадре смещение есть. Като, крути.

– Оно как будто под крышей пролетает и двигается на нас, – Миура непроизвольно отшатнулся от экрана.

– Как через ворота, – подсказал Тора.

– Что это такое? – быстро спросил Акира.

– Договорились называть это «акума», – Тора посмотрел на стоявшего с ним бок о бок председателя клуба журналистов. – Паразит, питающийся темными человеческими чувствами. Скрывается в тени затуманенных душ, предлагает человеку заключить сделку, выполняет желание и забирает то, что человек поставил на кон в качестве оплаты. Мы его не ощущаем. Он существует только для людей.

– А вы как называетесь? – поинтересовался Акира в стиле «между прочем», покосившись на светящиеся гребни близнецов Накадзима.

– Аякаси. Ёкаи. В общем – обакэ. Кому как больше нравится, – ответил Тора.

– Ёкаи, значит, – Акира устало усмехнулся. – Зашибись.

Такуя изловчился ткнуть брата локтем по ноге. И Акира в свою очередь тоже не стал возражать.

– А дальше самое интересное, – Фума скроил на физиономии улыбку типа лисьего оскала. – Вот тут хорошо видно, как бегут Мидзуки и Минами. Тень за спиной Минами все видят? Увеличиваем кадр...

Тора выдохнул тихий рык. На укрупненном изображении отчетливо просматривался контурный рисунок человеческой фигуры, будто нависавшей над головой и плечами старосты.

– И последний, – Като с чувством щелкнул пальцем по тач-панели.

На фоне необычно густых и низких туч за спиной бегущей девушки четко прорисовался чернильно-черный контур лица.

– Да это монтаж! Прямо из манги выдрали кусок и наложили, – вдруг объявил Акира.

– Братан. Фотки никто не корректировал. Это всё взаправду, – тихо сказал Такуя, не оборачиваясь.

– Это взаправду? Да я сейчас в класс бегаю и принесу сюда мангу, где этот вот чувак главным героем. Полшколы девчонок на нем помешались!

Акира умолк. Очевидно было, что он убеждает сам себя, причем безрезультатно.

– Ты читал эту мангу? – спросил Тора.

– Пролистал пару томов, чтобы быть в курсе моды.

– Встречался ли в этой манге такой сюжетный элемент: нанесение удара противнику прямыми пальцами руки?

– В каждой боевой сцене! У этой мангаки все ее ангелы-плейбои так и дерутся.

Миура шумно сглотнул. Такуя передернулся. Близнецы нервно переглянулись. Акира заметил все спонтанные движения и искоса посмотрел на Тору. Тот остался неподвижен, но суровый взгляд светящихся кошачьих глаз буравил экран с фотодоказательством на нем.

– Только не говорите мне, что пальчиковый стилет сработал в натуре, – процедил Акира.

– А что изменится, если мы *не* скажем, что сработал? – Такуя огрызнулся через плечо.

– Тора, получается, Мидзуки видела его своими глазами? – напомнил Като.

– Я думаю, акума завладел по меньшей мере воображением Минами, – медленно заговорил Тора. – Мидзуки увлекается той же мангой, значит, информационная база у девушек едина в данном случае. Вот почему Мидзуки увидела то, что материализовалось за счет воображения ее подруги.

– Но она же только один раз увидела и только руку, – напомнил Миура.

– Она и белого лиса разглядела быстрее меня, – вставил Такуя. – Тора, чего молчишь?

– Пытаюсь связать факты. Я не чуял акума. Если бы ни окрик Мидзуки, он разбил бы мне хребет и надолго вывел из игры. В худшем случае пробил бы сердце, и висели бы мы с несчастным аякаси на его стилете-руке как на одном шампуре.

Слушатели вздрогнули все, как один.

– Он настолько сильный? – пробормотал Миура.

– Ты видел осколок моего ребра. А мои кости не просто раздробить даже магическим оружием, уверяю тебя. В момент атаки он был очень силен. Мощь акума достигает пикового уровня, когда его собственная цель совпадает с желанием воззавшего к нему человека.

– Типа резонанса, – вставил Като.

– Да, – кивнул ему Тора. – Вчера, когда мы дома анализировали происшествие, мы сошлись на мнении, что в данном случае в резонанс попало желание ребят «разбудить kami». Он жаждал освободиться от печати, его желали разбудить. Вроде бы логично. В эту версию укладывается и действие защитных сил: аякаси, которого древний оммёджи наделил силами духа земли и оставил охранять печать, силился уничтожить «воззавших» прямо на месте проведения ритуала. Землетрясение, обрушение моста – это результаты его воздействия на реальный мир. Однако поставленную задачу он не выполнил: большинство ребят успели убежать за границу зоны его влияния. Тогда он сконцентрировался на двух оставшихся. Помните: «Женщина. Убить». В гипотезу не вписалось лишь одно: кровь, выступившая из-под ногтей Минами. Мудрые аякаси утверждают, что это признак принесенной жертвы. Своего рода соматическая реакция организма человека на факт оплаты по договору.

– Но желание «разбудить» коррелировало с его целью. Он на себя работал. Какая тут оплата? – серьезно заметил Акира.

– Вот именно, – подтвердил Тора. – Зато теперь, когда Такуя разглядел на фотографиях

этот контур, стало очевидно, что источником сил акума была на тот момент только Минами Саки. Следовательно, страж-аякаси стремился уничтожить лишь ее одну. Вот почему самый сильный толчок, после которого накренились опоры, пришелся на момент, когда Минами встала на мост.

– погоди, Тора! – спохватился Такуя. – При чем тут я разглядел? Разве вы..?

Он осекся.

– Ты мимо ушей всё пропустил? – зашипел на него Като.

– Мы не видели на фотках ничего, кроме мазни, – повторил Фума. – Это ты – человек – рассмотрел. А мы уже здесь, по твоей наводке.

– Но в вашем доме ведь много людей живет, – удивился Миура. – Маракайто-сан, Одзаки-сан.

– Мара поехал с Юдзо в Нагано сегодня утром, – Като сморщил нос.

– А Одзаки-сан нас в школу собирал, как подорванный. Ему не до фоток было. Мы ж проспали, – добавил Фума.

– Чего-то я не въехал, – начал Акира. – Это же просто цифровое фото. С обычной камеры. На обычном ноуте. Ноут же обычный? – уточнил он на всякий случай.

Близнецы дружно кивнули.

– Като, фотографии из поезда здесь есть? – спросил Тора. – Открой, пожалуйста. И пусть Такуя пролистает сам для чистоты эксперимента.

Такуя пристроил ноутбук на своих коленях, открыл второе окно программы-просмотра и быстро отыскал указанные файлы.

– Фига себе! – вырвалось у него, чуть только на экране развернулась выбранная фотография.

Акира наклонился к брату и переориентировал ноутбук так, чтобы видеть экран из-за его плеча. На криво кадрированном, но вполне четком и ярком фото запечатлелись все трое Накадзима. На головах обоих близнецов отчетливо просматривались серебряные гребни, плавно переходившие в жесткие гривы на шеях. А глядя на Тору, никому не пришло бы в голову, что на фото – ученик старшей школы. Учитель или ассистент учителя – это было единственное логичное объяснение присутствию молодого мужчины в компании школьников.

– Иллюзии на технику не воздействуют, – заговорил Тора. – Но с техникой работают люди. Те, кто знают нас, видят истинную картину под вуалью чар сокрытия. Для остальных эти кадры и все другие кадры, куда кто-то из нас случайно попадал или попадет, останутся размытыми, нечеткими, не привлекающими внимания. С акума получилось всё наоборот. Мы, ёкаи, увидели несуществующее, когда наш друг – человек – силой своего сознания и воли настроил нас видеть то, что способен видеть он.

– Значит, если парами ходить, вы эту тварь увидите и придушите? – обрадовался Акира.

Тора сдержал улыбку.

– Акума скрывается в темных уголках человеческих душ, – напомнил он. – То, что его лик запечатлелся на фото, говорит лишь о силе воображения Минами Саки. И о ее духовных силах мико.

– Староста обладает духовными силами? – глаза Миуры изумленно округлились.

– У нее были зачатки этих сил. До вчерашнего вечера. Но, видимо, как раз эти силы она и продала акума ради осуществления своего желания.

– Слушай. погоди! – Такуя сунул ноутбук в руки Като и пересел на колени лицом к Торе. – Нестыковочка. Смотри. Акума атакует тебя так, будто хочет убить вместе со своим тюремщиком. Допустим, Мидзуки не заорала, и тебе досталось по полной. И как после этого он будет исполнять желание Минами? Или он просто забил на нее? Силы забрал, договор похерил и привет?

– Мы не знаем формулировку желания и содержание договора, – ответил Тора. – Мы лишь предполагаем, что девица загадала что-то на меня. Мидзуки поехала к ней, чтобы убедить раскрыть секрет. О целях явно не говорилось, но, по-моему, намерения очевидны.

Тора старался выглядеть невозмутимым, но ощущение тревоги разгоралось ярче и ярче.

– Что-то в госпитале происходит? – тихо спросил Миура.

Тора неопределенно мотнул головой и механическим движением достал свой мобильник. Пропущенных звонков и сообщений не было. Он задержал взгляд на строчке «Рику», но выбрал номер Ичиро.

– Ты где? – быстро спросил он, чуть только брат принял вызов.

– Забираю машину из мойки, а что? – раздалось в ответ.

– Далеко от клиники?

– Порядочно. Чего там у тебя, Кошак?

– Предчувствие нехорошее.

– У Юдзо нахватался?

– Ичиро, сейчас не время для шуток.

Ичиро мигом переключился на серьезный тон:

– Мне гнать в клинику, Тора?

– Да. Помнишь девочку из нашей вчерашней команды?

– Долговязая такая с хвостиком на затылке?

– Нужно обеспечить ей прикрытие. Она сейчас навещает Минами.

– Там же двое наших аякаси в числе уборщиков!

– Они ее не знают, а моей метки на ней нет.

– Как ее зовут? Мидзуки?

– Мидзуки Юрико. Постарайся ее перехватить на выходе и подвези до школы. Только покультурнее, пожалуйста. И клыками не сверкай, ладно?

– Ты ее лучше предупреди и скажи, пусть топает на автостоянку, если выскочит раньше, чем я подъеду.

– Номера телефона нет, – с досадой воскликнул Тора.

– Кошак в своём репертуаре! – откликнулся Ичиро. – Ладно, пригладь загривок. Я уже еду.

– Спасибо.

Тора нажал «отбой», и тут же был схвачен за руку с телефоном.

– Пошли со мной. Быстро! – скомандовал Акира. – У Обари есть номер вашей Мидзуки!

Задание братьям Тора выдал по «ёкайскому каналу» уже на бегу, бесшумно следуя за бесцеремонным товарищем по тихим коридорам школы:

«Звоните прямо отцу, перескажите всё, что сейчас раскрылось, передайте ключевые файлы по каналу Наканиси Киры».

Юрико сидела в самом дальнем углу фойе клиники и бесцельно смотрела на дисплей своего мобильного. Так отчаянно одиноко она не чувствовала себя ни разу в своей жизни. Те, в чью руку помощи она готова была вцепиться сейчас обеими своими руками, как будто остались в ином мире. За границами обширного, но бесполезного списка контактов.

Позвонить папе?

Юрико интенсивно подмотала головой. Нет, нет и нет. Не хватало еще взваливать свои беды на отца. Он выслушает, бесспорно. А если сказать: пап, забери меня отсюда, – бросит все свои дела и примчится за ней хоть на автофургоне, хоть на грузовом трейлере.

Розовый кролик с колокольчиком в лапках тихонько задребезжал в такт движению хозяйки. Юрико прикусила губу и заставила себя разжать кулак, в котором скрывался второй такой же брелок. Сорванный с мобильного и брошенный ей в лицо рукой подруги.

«Убирайся! Предательница. Вон из мой жизни! Сгинь. Умри. Исчезни навсегда!»

Юрико вздрогнула всем телом. Голос Саки бился в ушах так, будто слова ненависти звучали снова и снова.

Два розовый кролика.

Юрико смотрела на бездушные игрушки и думала об игрушечной дружбе. В начале учебного года, когда никто в классе не успел еще как следует познакомиться, Юрико отважно встала в защиту назначенной дирекцией старосты. А после убедила себя, что умной, скромной, очаровательно неуклюжей Саки всегда будет жизненно необходима ее помощь.

– Я тебе не прислуживала, – процедила Юрико сквозь прикушенную губу.

Потом подумала, вздохнула и уронила голову на грудь. Что толку повторять это сейчас, если даже там, в палате, ее не пожелали услышать.

В памяти вновь закрутились реплики, жесты, гримасы. Саки встретила подругу вопросом: «Почему ты не позаботилась о моих сумках? Мама была в ярости, когда увидела, что стало с моим кимоно!» А Юрико показалось, что это шутка, этакая вступительная сценка, после которой обе обязательно рассмеются.

Юрико поморщилась.

«Я так рада, что с тобой всё в порядке!» – сказанное от всего сердца врезалось в ехидное: «Неужели? А мне уже всё рассказали». И посыпались нелепые обвинения: ты посмела заглядывать на моего Тору; ты общалась с ним, будто со своим парнем; ты взяла у него телефон и мне ничего не сказала. В тот момент Юрико была настолько шокирована, что ничего кроме: кто тебе наговорил эти глупости? – выдать не смогла. Зато тут же узнала имя общей подруги, выложившей Саки в телефонном разговоре свои наблюдения, накопленные вчера вечером и подправленные утренними новостями. И не было никакого смысла показывать записку, где Тора записал адрес этого госпиталя, а не номер своего телефона – Саки просто не смотрела на тетрадный листок.

«Он будет моим парнем. Сегодня он влюбится в меня по уши. Он будет ползать у меня в ногах и умолять пойти с ним на свидание!»

Эта кульминационная речь стала для Юрико последней каплей – она закатила Минами самую настоящую пощечину.

– Опомнись, Саки. Разве так можно обрести любовь? – еле слышно повторила Юрико то, что выкрикнула в перекошенное злостью лицо.

Вдруг сквозь круговерть отвратительных воспоминаний пробилась свежая мысль: Сегодня? Почему сегодня?

Юрико окинула взглядом пустое фойе. За стеклянными дверями во дворе клиники рабочие грузили каких-то коробки в небольшой грузовой фургон. Вспомнилось: «Сегодня мама увезет меня отсюда». Юрико сморщила лоб, но это не помогло восстановить в памяти контекст реплики. Впрочем, в мешанине всех тех гадостей, которыми Саки осыпала одноклассников и одноклубников, логические связи отсутствовали. Разве что один эпизод из вчерашних приключений получил некоторое разъяснение: «Обари с ним обнималась на мосту! Я видела своими глазами. Что б она сдохла! Я заставлю ее на своей шкуре испытать магические силы! Я всех заставлю дрожать от страха. Вы все, мелкие твари, не достойны присутствовать в моей жизни!»

Юрико решительно тряхнула головой. Прокручивать в уме всё услышанное еще раз не было ни сил, ни смысла. Взгляд упал на розовых кроликов.

Может быть еще есть надежда? А вдруг Саки очнется? Одумается, осознает свои ошибки, попросит прощения? А что если...

По спине Юрико пробежал неприятный холодок. Что если всё это Саки наговорила не сама, а под диктовку акума?

– «Управляю невиданной силой», – шепотом повторила Юрико одну из сумбурных

реплик Минами.

И тяжело вздохнула. Захотелось крикнуть – Саки, дурочка, оглянись! Это «невиданные силы» управляют тобой, а не ты ими!

Однако вместо оправдательного вердикта выстроилась совершенно иная картина: Минами уверилась в собственном могуществе, окунулась в иллюзию безнаказанности и выпустила на свободу своё истинное «я», доселе тщательно спрятанное под маской миловидной скромницы.

Я просто не хотела этого замечать, – отважилась признать Юрико. – Она играла в свою игру, я в свою. Ей нравилась опека, а я гордилась тем, что защищаю подругу...

Она быстро прицепила второго кролика к кольцу на корпусе мобильного, полюбовалась на жестокое напоминание об ошибке, сжала аппарат в кулаке, встала, закинула на плечо школьную сумку и решительно направилась к выходу. Слезы досады норовили навернуться на глаза. В горле клацал жесткий комок отчаяния. На губах дрожала обида. А в уме билось, как заклинание: не жалеть себя, не жалеть себя, я должна стать сильнее, это надо мне, это ради папы.

Мысль запнулась, хотя обычно на этом месте личное «заклинание» заканчивалось.

– Я должна стать сильнее ради моих друзей, – одними губами выговорила Юрико.

Она приостановилась перед автоматическими дверями, проскользнула между размыкавшихся створ, сбежала по низким ступенькам крыльца и повернула к воротам клиники. На неясный шум справа она начала оборачиваться, но боковое зрение уже распознало картину – грузовой фургон с открытым дверцами стремительно катился задним ходом прямо на нее.

Глаза рефлекторно расширились. Крик застрял в горле.

Следующий кадр замер так, будто остановилось мгновение: плечистый парень в распахнутой черной кожанке с самым настоящим мечом в правой руке мчится, будто летит, наперерез неуправляемому грузовику.

Грохот, скрежет, хруст, испуганные возгласы людей – всё осталось за плотной глухой оболочкой. Несколько секунд выпали из сознания, но ступор треснул под нажимом чего-то материального, воткнувшегося в левое плечо. Враз очнулись все органы чувств. Юрико услышала собственное бурное дыхание, резкий запах синтетической кожи ударил в нос, шершавый жар залепил лицо, а рябь перед глазами сложилась в мелкий орнамент трикотажного джемпера.

– Только не отрубайся, ладно? – шепнули сверху в затылок.

Юрико попыталась пошевелиться, но не смогла. Поняла лишь, что до сих пор стоит на своих ногах. Усилием воли она растолкала мерцавшее сознание и тут же сделала немаловажное дополнение к первому открытию: не просто стоит на своих ногах, а стоит в крепких – даже слишком крепких – объятиях высокого парня в трикотажном джемпере упрятанная с головой под кожаную куртку. Полы этой куртки она видела краем глаза, в джемпер упиралась виском, щекой и скулой, а на спине чувствовала тяжелую руку, обхватывавшую ее, как мощные тиски. Фиксация этих тисков пришлась на левое плечо. Юрико чуть-чуть повернула голову, скосила взгляд налево и заметила длинные пальцы, увенчанные мощными черными когтями.

Она пискнула – на крик не хватило сил.

– Ты чего? – шепнули сверху, на сей раз тревожно, и тут же объявили в сторону. – Успокойся, парень! Всё в норме. Видишь, сестренка цела и невредима.

Юрико с трудом, но расслышала, как кто-то отчаянно оправдывается за сорвавшийся стояночный тормоз, как несколько других голосов наперебой предлагают проводить девочку в холл клиники, чтобы ее осмотрел врач, а кто-то особо наблюдательный призывает спасателя обратить внимание на кровь на собственном лице.

– Всё в норме! – гаркнули у Юрико над головой. – Единственный пострадавший во-он там, под колесом. Эй, забей ковырять этот хлам! Я давно обещал сестренке новый мобил. Из девчачьего розового она уже выросла. Верно говорю?

Хватка ослабла, и Юрико увидела прямо перед собой внимательные черные глаза. Бездонные, как ночное небо.

– Главное – не ори. Ладно?

Юрико затаила дыхание: кроме бездонных глаз она рассмотрела нечто такое, от чего требование «не орать» оказалось очень непросто выполнить. Под бледными губами сверкали идеально белые острые клыки.

– Всё-всё! Мы с сестренкой уже уходим! – объявил самозванный брат.

Но Юрико услышала еще кое-что.

«Рику, живее! Я не умею пудрить народу мозги! Разберись тут, пока я прикрываю девчонку!»

«Как ты здесь вообще оказался, черт тебя подери?»

«Тора позвонил. Рику, шевели задницей!»

– Тора? – прошептала Юрико.

Мощная рука крепко прижимала ее плечи к накаченному торсу. Но Юрико изловчилась поднять голову. В этот момент когти все-таки прорвали и куртку-дутьш, и пиджачок под ней и ощутимо впились в плечо. Она непроизвольно ойкнула и зажмурилась.

– Ты чего? А! Ксо. Прости, – рука с когтями отпрянула от плеча, но в следующую секунду переместилась на девичью талию. – Топай рядом. Просто спокойно иди рядом со мной, ладно?

– Ладно, – выдавила Юрико.

Этот грубый порывистый парень и услышанное «Тора позвонил» никак не желали связывать между собой. Но Юрико выполнила требование – послушно пошла бок о бок с сопровождавшим. Так она очутилась за воротами клиники и, повинуясь направляющей руке, завернула в переулок. Там ее бесцеремонно толкнули на газон и прижали спиной к глухому забору. Провожатый навис сверху.

– Тихо. Замри.

Юрико наконец получила возможность его рассмотреть. Белые острые клыки. Черные длинные волосы, распластавшиеся по плечам. Черные бездонные глаза. И яркая кровавая ссадина, рассекшая лоб и левую бровь.

– Показалось, – констатировал клыкастый спасатель.

Юрико покосилась на когти-стилеты. Вчерашнее приключение мигом провернулось в памяти и застыло на кульминационном моменте битвы: тонкая рука с длинными пальцами, нацеленная в спину Снежного Барса, как клинок меча.

– Пошли давай. Шевелись!

Рука с когтями-стилетами подхватила Юрико под локоть.

– У вас кровь на лице, – пробормотала девушка.

– Чего? А! – парень ладонью вытер бровь.

Алое пятно размазалось по лбу, и под ним показался багровый кривой рубец.

– Это фигня. Да не тормози ты! Вон машина, видишь? Нам туда.

Машина стояла поперек тротуара в метре от знака «Остановка запрещена». Водительская дверца была приоткрыта. Заднюю владделец поддел двумя когтями, распахнул коленом, втолкнул Юрико на сидение, тем же коленом захлопнул дверцу, после чего занял водительское место и, распластавшись в кресле, громко перевел дух облегченным «у-уф».

Юрико кое-как вытащила из-под своего бока школьную сумку и осторожно посмотрела в зеркало над лобовым стеклом. Парень сидел с прикрытыми глазами. Кровавая мазня на лбу угрожающе алела на коже, но вместо багрового рубца остался лишь еле заметный белый

зигзаг.

– Ксо. Ну, Кошак! – процедил он сквозь зубы, выпрямился и развернулся боком к пассажирке. – Ты Юрико, да? Привет. Я назначен твоим телохранителем.

– А... а... вы кто? – выговорила девушка.

– Хвостов не имею, повышенной пушистостью не страдаю. Что, не нравлюсь? – в черных бездонных глазах блеснули озорные искры.

Юрико скривилась в неуверенной улыбке.

– Ладно. Проехали, – он быстро огляделся по сторонам и задержал взгляд на боковом зеркале.

Юрико хотела оглянуться, но ее отвлекли вопросом.

– Кому ж ты так лихо насолила, детка? На тебя такое проклятье повесили, что аж мне страшно стало.

– Проклятие?

– Можешь другое слово придумать. Правила обращения с акума мы на ходу сейчас сочиняем. Потому что никто этих тварей раньше на дух не чуял.

– А Минами..? – начала Юрико.

Но тут открылась передняя пассажирская дверь, и в машину сел молодой человек в строгом черном костюме с дымчатыми очками на красивом узком лице. Очки сразу же были отправлены во внутренний карман пиджака, а сердитый взгляд уперся в «телохранителя». Тот хмыкнул и демонстративно отвернулся к окну. Молодой человек неодобрительно качнул головой и, обернувшись, обратился к Юрико.

– Прошу прощения, Мидзуки-сан. Меня зовут Накадзима Рику. Этот грубиян – Накадзима Ичиро. Мы единокровные братья Торы. К сожалению, события разворачиваются быстрее, чем мы предполагали, поэтому вас не успели предупредить. Прошу нас извинить.

– Да я... Спасибо. Я вообще... – Юрико крепко прикусила губу, услышав в своем голосе жалобные дрожащие ноты.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Ичиро – не такой уж плохой парень, как кажется. Он отвезет вас в вашу школу.

– А что было... Что случилось около клиники? – собравшись с духом, спросила Юрико.

– Грузовик сорвался с тормозов, – не оборачиваясь, сообщил Ичиро. – Пришлось притормозить его вручную.

– Ты знаешь, что ты там натворил? – металлическим тоном поинтересовался Рику.

– Саданул по колесам.

– Ты порубил всю заднюю ось и сшиб дверь кузова собственным лбом. Я приглушил внимание людей к тебе и девочке. Но в простую амортизацию транспортного средства теперь никто не поверит. И водителю грозит серьезное разбирательство за использование аварийной техники на рабочей площадке.

– А ты представляешь, какой там мрак висел? – Ичиро угрожающе оскалился. – Я думал, сейчас само исчадие ада откуда-нибудь вылезет и кинется на девчонку.

– А... но... – осторожно вклинилась Юрико.

– Извините, – Рику доброжелательно улыбнулся.

Юрико мигом успокоилась. Бездонные глаза Накадзимы Рику источали тепло, никаких клыков не было и в помине, а мягкая улыбка показалась точь-в-точь такой же, как улыбка Торы.

– Всё, что осталось от вашего мобильного, – Рику через спинку сидения протянул девушке печатную плату с электронным чипом на ней. – Надеюсь, часть информации сохранилась.

– Ерунда, – к Юрико стал постепенно возвращаться ее коронный грубоватый тон. – Папин номер я знаю наизусть, а контакты создам по-новой.

– Номер нашего Кошака я тебе лично пропишу, когда за новым аппаратом заедем, – заявил Ичиро.

– Ичиро! – одернул его Рику. – Лучше достань свой телефон и набери Тору прямо сейчас. Мидзуки-сан, извините нас.

– Да не, всё в порядке, – Юрико искренне улыбнулась, но взгляд скользнул по окнам верхних этажей клиники, и улыбка замерла на искусанных губах. – Накадзима-сан, а вы... вы присматриваете за Минами?

– Опосредованно, к сожалению. Мы не имеем права вмешиваться в личную жизнь посторонних людей.

– Но она же не в себе! – Юрико подалась вперед, вспомнила собственные выводы, опустила плечи, но все-таки высказалась. – Может быть это всё акума делает с ней?

– Вы почувствовали присутствие акума, Мидзуки-сан?

– Нет. Только... Она столько гадостей наговорила. Как будто вывалила всё, что раньше прятала в себе. И про силу. Типа, теперь управляет невиданными силами.

Юрико передернулась, когда гадкие слова о Торе опять ярко всплыли в памяти. Пересказать это его братьям у нее не повернулся язык. И она в сердцах выпалила:

– Я больше не могла это слушать. Я влепила ей пощечину.

– Она пригрозила вас убить? – вдруг быстро спросил Рику.

Юрико застыла. Всё то, что Саки кричала ей вслед, вдруг предстало перед сознанием как настоящая реальная угроза.

– Она просто на словах, – Юрико спрятала взгляд, но почувствовала, что скрываться бесполезно: молодой человек с теплыми бездонными глазами как будто видел ее насквозь.

– Ты примешь вызов или нет! – вслух процедил Ичиро и встряхнул телефон, будто это помогло бы ускорить ответ вызываемого абонента. – Ага! Проснулся! Тора!.. Да, девчонка у меня в машине. А ты, Кошак, со своим предчувствием лучше бы башкой думал, когда ее сюда отправлял! Я без понятия, каким чудом я успел! Ее тут чуть по асфальту не размазали грузовиком.

– Ичиро! – Рику выхватил мобильник у брата из руки. – Тора,.. Нет-нет, девушка не пострадала... Нет, не видел. Только последствия... Утверждает, что ощущал большую концентрацию сёки.

– Не сёки это было! После оммёджи с его крысами я хорошо знаю, что такое сёки, – вмешался Ичиро, но вернуть телефон не сумел: Рику оказался проворнее – перебросил аппарат в левую руку.

– Тора?.. Да, понял, – Рику улыбнулся в сторону Юрико. – Да, безусловно, ты прав... Ничего не удалось сделать, увы... Я прослежу сам...

Юрико видела, как меняется выражение лица Ториного собеседника по мере поступления какой-то информации, и силилась уловить хотя бы отдельные слова. Но динамик был прижат к щеке слишком плотно.

И тут опять «включился» некий особый канал.

«Ичиро. Внимание. Распознали образ акума на фото. Калька с героя популярной манги. Тора считает, что акума завладел воображением Минами».

«И чего теперь? Будем макро-роботов на улицах ловить?»

«Психокинетические силы. Телекинез, в частности. Создание эффекта полтергейста. Вот что стало ему доступно».

– Да, Тора, я здесь, – сказал Рику в микрофон, выслушал следующую реплику и несколько удивленно посмотрел на Юрико.

– Простите, я, наверное, нечаянно подслушиваю, – она вжалась в спинку сидения, сиюсь отодвинуться как можно дальше от братьев Накадзима.

– Мы не ёкаи, а мадзоку, – заявил Ичиро, но тоже очень внимательно посмотрел на

пассажирку через плечо.

– Но я слышу, как вы между собой говорите. Извините, – Юрико опустила голову и зажмурилась.

И тут же «услышала»:

«Это не поможет, Мидзуки-сан. Ничего страшного. Я использую телепатию только для ускорения передачи информации».

– Перезвоню, – произнес Рiku в микрофон мобильного и обратился к девушке. – Мидзуки-сан, вас.

Юрико неприятно удивилась, заметив, как дрожат ее собственные руки.

– Юрико, – услышала она в динамике хорошо знакомый голос. – Прости меня. Я должен был подумать о твоей безопасности сразу.

– Тора-сэмпай, спасибо, что отпустили меня сюда! – выпалила девушка. – Я очень много поняла сегодня. Простите, я не всё рассказала вчера вам и Инукай-сану. Я...

– Юрико, я знаю, – перебил Тора. – Не волнуйся. Поговорим в школе. Ичиро подвезет тебя. Я встречу. Как раз успеешь к концу «самоподготовки». Ничего не бойся. И заранее прошу прощения за поведение Ичиро.

– Да не, я не боюсь. И тут даже... – она смущенно улыбнулась, – даже весело. Вы все такие разные. И такие дружные.

Акира едва дождался, когда Тора закончит разговор. Слышал он всё, что говорил ёкай братьям, и частично то, что говорили ему. Но после вступительного монолога громогласного парня с того конца связи мысли оказались заняты темой «чуть не размазал грузовик», поэтому суть некоторых реплик просто выпала из его внимания.

– Грузовик – шутка или нет? – Акира наклонился к Торе, которого по личной инициативе прикрывал корпусом в дальнем углу рекреации.

Тора для порядка огляделся. Перемена уже закончилась, старшеклассники разошлись по классам, и это означало, что разыскивать Обари Момо придется магическими средствами.

– Увы, не шутка, – отозвался Тора с небольшим опозданием.

– Что ты говорил про полтергейст? – вдруг вспомнил Акира.

– Это версия: сила воображения в руках акума дает ему власть над неодушевленными предметами.

– Толкнул машину?

– Надеюсь, только замутил мозги водителю, и тот сам задел ручной тормоз.

– Он что, так запросто шляется по человеческим мозгам? – Акира непроизвольно вздрогнул.

Тора посмотрел на него снизу вверх и нахмурился. Акира продолжал:

– Кабы лазил по мозгам, тут давно бы все с ума спрыгнули.

– Да, верно. Акума пробирается в души, а не в сознание. Но Минами одержима. Теперь в этом нет никаких сомнений. И Юрико раздражила ее, сама того не желая. Теперь у акума накрыт пиршественный стол.

– Чего?

– Акума питается злобой и ненавистью. И чем больше в человеческой душе скопилось темноты, тем вольготнее он чувствует себя в тени такого человека. А мы вот-вот потеряем ее из вида.

– Кого? Минами Саки? Почему?

– Клиника, куда ночью доставили Минами, принадлежит акционерному обществу, основной пакет акций которого у дома Накадзима.

– Твой отец финансирует медицину? – изумился Акира.

– Фармацевтика, диагностика, медицинское оборудование – основные направления

деятельности клана.

– Хрена себе «ёкаи»! – вырвалось у юного журналиста.

– Что тебя удивляет? – Тора улыбнулся. – Лекарское дело в разнообразных его вариация – самое очевидное, где мы реально способны работать для людей.

Глаза Акиры прямо-то заблестели от любопытства, но он мужественно прижал поток неактуальных вопросов.

– Мать Минами настояла на переводе дочери в государственную больницу, – продолжал Тора. – Она уже подписала отказ от лечения и скоро приедет в клинику, чтобы забрать дочь.

– Эй. Стоп. погоди. Как так запросто забрать больного ребенка и отказаться от лечения?

– Медицинских противопоказаний нет. А реабилитационная терапия в случае Минами Саки легко проводится даже на дому.

– Ну а подтасовать документы так, чтобы противопоказания были? Если эта клиника подчиняется твоим отцу...

– Акира, – строго перебил Тора. – Да, мой отец управляет миллиардными средствами. Но никакие миллиарды не дают человеку права обманывать людей. И тем более таких прав нет у ёкаев.

Акира неуверенно ухмыльнулся, но уши под отросшими сверх школьной нормы волосами предательски покраснели.

– Рику проследит, куда повезут девочку, – сказал Тора. – Но вопрос постоянного наблюдения остается открытым.

– А что даст наблюдение, если акума всё это время прятался у нее в тени, и никто из твоих этого не заметил? Давай ребят здесь организуем. Пусть ее любимый клуб ввалится к ней все толпой с подарками и пирожными. Типа, поддержать, отметить выздоровление и...

– Обакэ.

– Что? – Акира глянул на Тору и сам изменился в лице, заметив жесткий нечеловеческий взгляд, направленный в пустоту.

– Чую дух обакэ. Там, – Тора повел рукой перед собой. – На первом этаже.

– Там кабинет клуба истории!

Тора молча рванул к лестничной площадке. Акира кинулся за ним со всех ног, нагнал в дверях, но на лестнице ёкай ушел в глубокий отрыв – мчался вниз прыжками с опорой на перила, стены и подоконники. Акира, едва не скатившись по ступеням одного из пролетов, рискнул использовать перила для ускорения виражей на лестничных площадках. Грохот мебели застал его на влёте кувырком из узкого коридора в рекреацию перед библиотекой. Вскрикивая на ноги, он ухватил взглядом момент, как двери кабинета сами собой захлопнулись прямо перед Торой. Тора рефлекторно затормозил корпусом и принялся шарить руками по наглухо сомкнутым створам. Акира, не склонный деликатничать со школьным имуществом, проорал: с дороги! – и взял мощный разбег.

Удар ногой в прыжке был выполнен по всем правилам тхэквондо. Разве что на приземлении вышла заминка – Акира на секунду обнаружил себя висющим над полом в окружении синего холодного огня.

«Псих!» – врезалось в сознание.

– Согласен, – сообщил Акира в надраенное до блеска половое покрытие.

Треск надломанных сёдзи возвести о полной капитуляции преграды.

Тора ворвался в кабинет.

– Обари-сан!

Акира вскочил, ввалился в помещение и застыл перед картиной погрома. Огромный шкаф лежал на полу. Кругом рассыпались книги, бумаги, осколки и черепки, а из-под рухнувшего шкафа виднелся краешек кимоно.

– Обари! – заорал Акира и кинулся на помощь Торе, чтобы приподнять шкаф вручную.

Сие казалось невозможно и в несколько мужских рук. Но Акира не успел даже наклониться. Тора одним рывком поднял весь торец тяжелой махины на уровень своего роста и толчком опрокинул на пустые столы и стену.

– Обари! – Акира откинул кимоно, полностью закрывавшее лежавшую девушку.

– Она невредима, – крикнул Тора.

Вдруг на глазах человека и ёкая кимоно плавно воспарило в воздух. Тора изогнулся к прыжку на потенциального противника. Акира упал на колени и корпусом прикрыл голову и плечи одноклассницы.

– Это защитник, – выговорил Тора и поспешно выпрямился.

Кимоно мерно качалось в пространстве, пока не обрело очертания человеческой фигуры. Внутри пустого одеяния сформировался бледный силуэт.

– Сэнсэй, – пробормотал Акира, медленно поднимаясь на ноги.

Тора мигом вспомнил короткий рассказ Такуи: пожилая учительница обучала девочек традиционным ремеслам, и в память о ней ученицы завершили вышивку на этом кимоно.

Он встал перед призраком и глубоко поклонился.

На полупрозрачном старческом лице появилась грустная улыбка.

«Ты добр и силен, ёкай. Но ты слеп перед своим врагом, – тихо прозвучало в пространстве сознаний. – Забери мои силы. Воззри несуществующее. Защити детей, прошу тебя».

Тора не успел что-либо сказать в ответ. Незримая теплая дымка окутала его с головы до ног, личность юрэй рассеялась в одно мгновение, а силы человеческой души хлынули в ёкайскую сущность так, будто он поглотил дух побежденного.

От избытка разноликих чувств Тора закричал. Человеческая оболочка ухнула в личное пространство, встала дыбом шерсть от загривка до кончика хвоста.

– Зачем..? – выдохнул он и едва не упал на колени.

– Эй! – Акира подхватил его под грудь. – Что с тобой? Тора?

– Она пожертвовала собой, – выговорил Тора и, опираясь на человеческую руку, выпрямился.

– Как... пожертвовала? – Акира оглянулся на кимоно, упавшее на плечи зашевелившейся девушки.

– Юрэй, – Тора силился навести порядок в собственной ауре. – Призрак умершего человека. Она продолжала жить в этом кимоно после своей смерти благодаря любви и преданности учениц. Она отдала мне все свои силы. Всё то, что позволяло ей сохранять личность и существовать. И это ради того, чтобы я увидел акума.

– Я слышал, что она тебе говорила, – перебил Акира. – Стоишь?

– Да.

Акира оставил ёкаю и метнулся к однокласснице.

– Обари! Ты как? Эй? Обари, что тут произошло?

– Документы искала. Со стула вроде упала... – Обари Момо непонимающе посмотрела на кимоно на своих плечах, затем перевела взгляд на черепки и бумаги и, наконец, увидела опрокинутый шкаф.

– Он еще здесь! – выкрикнул Тора.

Тень позади большого стола отделилась от пола и сложились в контур лица, будто бы начертанный тушью.

– Ах ты гад!! – заорал Акира.

Стол стремительно поехал на людей. Тора скачком через стену очутился на траектории движения раньше, чем Акира успел прикрыть собой девушку. Заскрежетали когти. Рефлекторно вилявший мощный хвост хлестнул юношу по шее. Акира воспринял сие как указание убираться из зоны боевых действий, подхватил Обари под руки и ринулся вместе с

ней к стене, вдоль которой на столах стояли компьютеры.

– Берегись! – закричал ему Тора.

Хоровод синих огней опоясал старшеклассников, и оба невольно замерли в центре защитного круга. Два компьютерных моноблока повисли в воздухе, не долетев до цели, и с грохотом свалились на пол, будто скатились по пологому куполу.

Чернильный лик акума расплылся в улыбке. Торе некогда было разглядывать фантом, но одно он заметить успел: азартный восторг прямо-таки пылал на нарисованной физиономии.

Тора одним мощным ударом рассек боковую стенку стола. Атака потонула в треске развалившегося тарана. Тора ринулся на чернильную физиономию когтями вперед. Но врезался в стену, успев лишь извернуться так, чтобы не разбить лоб.

– Тора! Где он? Не вижу! – прокричал Акира, отчаянно озираясь по сторонам, но при этом крепко прижимая к себе сидевшую на коленях девушку.

Тора съехал на пол, оставив на стене восемь живописных борозд, и вскочил на ноги.

Нюх, слух, ёкайское чутье – всё как будто перемешалось после неожиданного «силовливания». Но зато в глазах поверх реальной картины наложился блеклый траверс. Акума поднимался сквозь пространство на уровень третьего этажа туда, где располагались кабинеты для предметов, требовавших специального оборудования.

– В классе домоводства, – выговорил Тора, не желая верить увиденному.

Акира выругался самыми грязными словами, которые только знал.

«Като, Фума! – голос ёкая громыхнул так, будто братья находились не на крыше школы, а на краю земли. – Класс домоводства под атакой полтергейста!»

– Там сейчас занятия у «второго-А», – вдруг проговорила Обари.

– Минами мстит, что ли?! – Акира подскочил.

– Тора-кун, сделай что-нибудь, пожалуйста, – Обари взирала на ёкая молящими глазами.

Тора глянул в коридор за выбитой дверью, мотнул головой и оглянулся на окно. В этот момент угрожающе затрещали потолочные осветители. Свет мигнул, но не отключился.

– Близнецы закоротили поврежденную проводку на себя, – Тора облегченно вздохнул. – Никто не пострадал.

Издалека послышался отчаянный девичий крик. Обострившееся до предела чутье мигом расшифровало происшествие. Тора успел лишь выскочить за порог, и там остановился.

– Сорвало кран в женском туалете. К счастью, холодный, – быстро пояснил он, вернувшись в разгромленный кабинет.

– Он решил в салочки поиграть? – Акира сжал кулаки.

– Похоже, – обронил Тора и посмотрел на моноблоки, не достигшие цели благодаря своевременно раскинутому барьеру.

Затем перевел взгляд на потолочные лампы. И, наконец, на глаз оценил габариты окна. Идея созрела до консистенции плана.

– Сейчас мы отобьем у него охоту шнырять по школе, – грозно пообещал Тора. – Встретимся на крыше. Извините.

Он перемахнул через разбитый стол, запрыгнул на подоконник, поднял раму окна и сиганул наружу. В следующее мгновение огромный ирбис ринулся ввысь на синих лисьих огнях.

Миура не сумел угнаться за Като и Фумой, когда те бросились в кабинет домоводства, а Такуя, которому близнецы поручили ноубук, не успел покинуть крышу. Поэтому оба наблюдали явление Снежного Барса и двуглавого Рэйко-кицунэ из первого ряда – Миура из окна коридора третьего этажа, сквозь которое призрачный лис ринулся на зов брата, Такуя – непосредственно с крыши.

Из-под лап замершего высоко в воздухе ирбиса лился синий огонь. Призрачный кицунэ

носился кругами уровнем ниже. На каждом новом круге его скорость возрастала, и в конце концов двуглавая тень перестала просматриваться в вихре белых молний. Снежный Барс ударил передними лапами по огненному сгустку и оглушительно рывкнул в небо. Синие пламя хлынуло вниз, объединилось с белыми молниями, и искрящийся всеми цветами радуги шатер накрыл всё задние школы и школьную территорию заодно.

Миура рефлекторно отпрянул от окна, когда заискрилась оконная рама, оглянулся и, зачарованный, застыл перед открывшейся картиной. Стены, пол, потолок, лампы на потолке – всё сияло светом кристальной чистоты.

– Тора. Като, Фума, – пробормотал он.

И тут с ужасом вспомнил, как вчера в лесу ёкаи лежали обессиленные после отчаянного сражения.

– Сейчас всё будет нормально, – Миура сжал кулаки перед грудью. – Всё нормально. Тора. Като. Фума. Держитесь! Всё будет хорошо!

Искрящееся сияние на стенах потухло. Потолочные осветители источали радужный свет еще несколько секунд, но и они вернулись в штатный режим. Послышались удивленные реплики за приоткрытыми дверями какого-то класса, но степень удивления явно не соответствовала тому, что Миура наблюдал своими глазами. Дабы не вызывать ненужных вопросов, он поспешил скрыться на лестничной площадке. Но не сделал и двух шагов, как на него налетел бежавший снизу Хагивара Акира.

– Где они? Что наделали?!

– На крыше. Очистили, – предельно лаконично сообщил Миура.

Акира отпихнул его в сторону и помчался дальше через две ступеньки.

– Подожди! – донеслось снизу.

Миура оглянулся. Обари Момо стояла на лестнице пролетом ниже, одной рукой придерживалась за перила, а другой крепко прижимала к груди свернутое кимоно.

– Обари-сэмпай, сюда! – позвал Миура.

– Като! Фума! – заорал Такуя, чуть только в сумасшедшем вихре энергии опять стали видны очертания лисьих голов.

Снежный Барс прыгнул точно в центр потока. Последовала ослепительная вспышка. Загремел гром, и длинная белая молния ударила в школьный стадион, пустующий по причине непогоды.

Такуя живо протер глаза и нашел взглядом ёкаев. Из груди вырвался обескураженный смех: Снежный Барс стоял на тонком ребре высокой сетчатой ограды, как кот на заборе, и держал в зубах двуглавого лиса за шкуру. Существенная разница в габаритах придавала сцене особый колорит, и Такуя высказался:

– Как нашкодившего щенка!

«Мы не щенок! – донеслось в ответ, и правая голова сделала попытку встряхнуться – естественно, безрезультатно. – Мы, считай, уже полиняли!»

Ирбис бесшумно спрыгнул с ограды на крышу и разжал пасть. Рэйко-кицунэ завис в воздухе на пару секунд, затем оформил все четыре лапы и оба хвоста и встал так, будто был материальным лисом. Головы переглянулись между собой и с завидной синхронностью выполнили классическое псовое движение, призванное стряхнуть с реальной шерсти реальную влагу. Вместо брызг над крышей рассыпались искры.

Эту сцену и застал Акира, чуть не выбив вторую дверь в здании школы.

– Зашибись! – выдохнул он, уставившись на двуглавого кицунэ.

Впрочем, долго любоваться на чудо ёкайской природы ему не пришлось. Призрачное тело исчезло, и с близнецы предстали перед друзьями в человеческом обличье – бок о бок, стоя на четвереньках, с сияющими гривами на головах.

Такуя благоразумно дождался, когда Като и Фума по-человечески сядут на пол. Лишь после этого схватил обоих за плечи.

– Эй, вы как?

– В порядке, – гордо доложил Фума.

– Акира! Между нами руки не суй! – предупредил Като, когда старший Хагивара вознамерился поднять его на ноги.

– Трахнет током, – преспокойно пояснил Такуя.

– Мы никого не зашибли? – Фума оглянулся в направлении стадиона.

«Только бейсбольное поле пострадало», – сообщил Тора, глянув сквозь сетку вниз.

Акира выпрямился, разглядел глубокую рытвину на стадионе и выразительно посмотрел на два сияющих гребня.

– А прицельно можете?

– Еще не пробовали, – признался Като.

«Это был экспромт», – сообщил Тора.

На крышу выбежал Миура и по-джентльменски придержал скрипучую дверь для Обари.

Та вошла, прижимая к себе сверток кимоно обеими руками, увидала гигантского Снежного Барса, но ни вздохом, ни мимикой не выказала всех тех чувств, которые бушевали в ее душе. Тора сдержанно поклонился старшекласснице, чем выразил своё восхищение ее выдержкой.

– Тора! – Миура пошел напрямик к ёкаю. – Это был ритуал очищения?

«Очищение. Но не ритуал. Просто сочинили комбинацию из того, что было».

– Он удрал? – Акира огляделся, будто отсюда мог увидеть недра школьного здания.

– В здании школы его больше нет, гарантируем! – заявили близнецы в один голос.

– Вся электропроводка на сей раз на нашей стороне! – с удовольствием добавил Фума.

– И даже ничего не спалили, – тем же тоном закончил Като.

«Он здесь», – вдруг сообщил Тора и недвусмысленно ошетинился.

Все как по команде развернулись туда, куда смотрел Снежный Барс.

– Что это? – тихо спросила Обари.

– Видишь гада? – уточнил Акира.

– Как будто рисунок из манги в небе.

– Он и есть.

– Проекция? – неуверенно задала вопрос девушка.

– Ага. Из головки Минами Саки.

– Он теперь не сможет в школе свой полтергейст распускать, – Като и Фума злорадно оскалились.

Снежный Барс сделал шаг к вперед – к ограде – и угрожающе рывкнул на непрошеного гостя.

И тут все услышали нечто вроде глухого голоса.

«Великолепно! Изумительно! О, wonder! How many goodly creatures are there here! How beauteous mankind is! O brave new world, that has such people in't!»

– Что он сказал? – растерялся Акира.

«О чудо. Какое множество прекрасных созданий. Как род людской красив. Отважный новый мир, где есть такие люди, – перевел Тора. – Это из трагикомедии Шекспира "Буря"».

«Какой образованный кот! – в голосе акума послышался смех, а графический его портрет на небе сменился на такой же, но с улыбкой. – Восхищен. Снимаю шляпу перед интеллектом!»

Изображение опять изменилось: теперь на фантомном рисунке отобразился длинноволосый молодой человек со шляпой в руке, раскланивавшийся на европейский манер.

– Это что – хорошая мина при плохой игре? – крикнул Акира.

«Здесь моя миссия завершена, – сообщил непрощенный гость. – Я исполнил все пожелания моей маленькой хозяйки и получил массу удовольствия».

Тора обернулся в антропоморфную форму.

– Отпусти девочку, акума! – потребовал он.

«Я ее не держу. Я лишь выполнил дополнительные соглашения. У меня остались обязательства по договору. Но это сущие пустяки».

– Не переоцениваешь ли ты свои силы?

Акума опять рассмеялся.

«Уж не собираешься ли ты заключить со мной контракт, ёкай? Например, – в голосе появилась хитринка, – чтобы спасти одну жадную самолюбивую девочку. Ты, наверное, думаешь, что твоего очистительного потока достаточно, чтобы изгнать тьму из души человека? Я разочарую тебя, ёкай. Во-первых, душа человека тебе не доступна, ибо ты всего лишь обакэ – производная человеческих фантазий и страхов. А во-вторых, контракт с тобой мне совершенно не интересен, мне нечего с тебя взять. Другое дело партнерские отношения. Я бы мог принять тебя в долю за выполнения определенных миссий».

– Тогда я тебя разочарую: я не играю с акума в одной команде, – отрезал Тора.

«Не сомневался. Ничуть не сомневался. Эх, прошли те времена, когда обакэ не прочь были полакомиться человечинкой! Ностальгия! Что ж. Мне пора к моей маленькой хозяйке. *"Без дела, знаешь, от тебя не смею отлучаться я. Я даром времени не трачу"*».

– Рассчитываешь услышать: «Verweile doch! du bist so schön!»?

«О, нет. Женщины ненасытны. Я рассчитываю на новый договор по истечении срока основного контракта. До следующих встреч, ученый кот. Не скучай!»

На небе возник новый рисунок – человек с ангельскими крыльями, улетающий вдаль. В этом виде чернильный контур удалился, превратился в точку и исчез.

На крыше никто не двигался. И все как один смотрели на Снежного Барса в антропоморфной форме. Тора оглянулся на товарищей, подавил вздох и повернулся лицом к потрясенной компании.

– Ты чего, совсем офонарел? – Акира шагнул к ёкаю и бесцеремонно ухватил его за ворот пиджака и густой пук шерсти, попавший под пальцы. – Себя решил подставить ради этой озлобленной дурилы?

– Нет. Спровоцировал акума выдать информацию о контракте.

Акира опешил от бесстрастного ответа, и шерсть вместе с воротником из кулака выпустил. Тора невозмутимо пригладил когтями созданный на шкуре беспорядок, а заодно застегнул верхние пуговицы рубашки, дабы не сверкать меховой грудью перед Обари.

– Тора, что там по-иностранному говорили кроме Шекспира? – осторожно спросил Миура.

– Он процитировал Пушкина. «Сцена из Фауста».

– По-русски, да? – уточнил Фума.

– Да. Я проверил, знает ли он оригинальное произведение, и предложил цитату из Гётевского «Фауста» на немецком. Это тоже было ему знакомо.

– Гёте вроде бы в 19-м веке жил, – заметил Такуя. – Значит, этот акума не такой уж древний?

– Гёте родился в 18-м, – уточнил Тора. – А первое издание «Фауста» в виде отрывка состоялось в 1790 году. Пушкин издал стихотворение «Сцена из Фауста» в 1828-м. Однако это еще не доказывает, что здешний акума существовал среди людей во времена Гёте и Пушкина. Более вероятно, он контактировал с человеком, который знал оба произведения и, возможно, ассоциировал акума с Мефистофелем.

– Опять лингвист, получается? – тут же среагировал Акира.

– Скоро узнаем. Предварительные результаты судмедэкспертизы будут завтра.

– Какой экспертизы? – Такуя вытаращил глаза.

– Сегодня утром в поселке, где мы были, сошел сель. В грязевых массах обнаружены фрагменты человеческого скелета, – быстро пояснил Тора. – Есть версия, что это останки того самого исследователя, который пропал без вести весной 1999 года.

– Зашибись! – выдохнули оба Хагивара в один голос.

– Тора-сама.

Тора сдержал спонтанное сокращение мышц и спокойно повернулся к Обари.

Она улыбнулась.

– Мне захотелось назвать тебя «Тора-сама», Тора-кун.

– И посмотреть, как я реагирую, когда меня впихивают в роль ками? – Тора прищурился.

– Прости, пожалуйста. Больше не буду, – Обари опустила взгляд.

Тора кивнул, мол, принимается, – и открыл актуальную тему:

– Что будем делать с погромом в школе?

– В домоводстве мы вроде бы объяснились, – неуверенно начал Фума.

– Типа, заметили наводки на комп, пошли проверять, где провода порвались, – сообщил Като и заходя вобрал голову в плечи.

– Какая чушь, – негромко заметила Обари.

– Но не говорить же, что мы нутром электричество чуем, – Като шмыгнул носом.

– Может, никто не вспомнит, что вы наговорили? – Миура покосился на Тору.

– Будем надеяться, что не вспомнят, – Тора решил временно отставить электрический вопрос. – Сантехническая авария осталась без нашего участия. А вот клуб истории, это проблема.

Обари Момо грустно улыбнулась и качнула головой.

– Я сама повинюсь перед дирекцией. Ключ у завуча я взяла самовольно, и это только мой проступок. А шкаф упал из-за моей неаккуратности. Заблокировал дверь. Вы прибежали на шум. Дверь пришлось выбить.

Она чуть более торопливо, чем хотела, переложила сверток кимоно на левую руку, и украшенные тонкой вышивкой полы развернулись до самого пола, будто опущенное знамя. Правой рукой девушка извлекла из кармана смятую в ком бумагу и протянула Торе.

– Нашла в столе Фукунаги-сэнсэя. Лист завалился за ящики, а вор не заметил, – пояснила она. – Извини, скомкала в сердцах.

Тора живо расправил бумагу и впился взглядом в ксерокс журнальной страницы.

– Это то самое заклинание, – полу-утвердительно добавила Обари.

– То самое, – Тора нахмурился и спохватился. – Но это не заклинание. Существуют древнее китайское сказание о единстве сущего и его более поздний пересказ на японском. Издавна считалось, что в японский текст заложен второй смысл, якобы скрытый китайцами и расшифрованный переводчиками. Так появилась легенда о свитке, с помощью которого можно познать тайны неведомого. В этой статье автор делает попытку составить собственный «ключ» по сохранившейся копии перевода, датированной концом 19-го века. При этом автор утверждает, что перевод был умышленно искажен на этапе переписывания манускрипта.

– Кто подписался под статьей? – Акира заглянул через плечо Торы. – Что еще за «Садо Сёта»? Эй, погоди. Это же из журнальчика «Тайны вокруг нас». Бульварное чтиво для любителей гаданий и прочей чепухи!

– Странно, – Тора расправил пальцем уголок листа, где пропечаталась часть названия издания. – Для бульварного чтива слишком много сугубо научных деталей. И стиль, я бы сказал, академический. Хорошо бы посмотреть журнал целиком. А лучше подшивку. Хотя бы за полгода.

Он оглянулся на братьев, но встрял Такуя.

– В сети не найдешь. Не того уровня брошюрка. Но я знаю, кто исправно покупает этот журнал.

Акира скривился.

– Только не говори мне, что пойдешь к этой склочнице домой.

– Ради дела – пойду!

Акира с неподдельной жалостью посмотрел на младшего брата, и пояснил товарищам.

– Соседка. Лаится со всей улицей по любому поводу. От нее собаки в будки прячутся, во как всех достала.

– Я знаю, про кого ты говоришь, – вставил Миура. – Она уже с моей бабушкой ругалась из-за котёнка.

– Ребята, простите, – вмешалась Обари. – Вряд ли я чем-то еще смогу помочь. Мне нужно вернуться в кабинет клуба, пока завуч не обнаружил погром.

Она сдержанно поклонилась, обняла кимоно и повернулась, чтобы уйти.

– Обари-сан, – Тора в два шага нагнал ее и встал напротив. – Спасибо.

– Не стоит, Тора-кун. В том, что произошло вчера, и моя вина. Я упустила бразды клубного правления и позволила превратить клуб в собрание начинающих оккультистов.

– Обари-сан, – Тора тепло посмотрел ей в глаза. – Чайная церемония в вашем исполнении была прекрасна.

Она неуверенно улыбнулась.

– Не бросайте клуб, Обари-сан, – продолжал Тора. – Те, кто вышивал это кимоно, рядом с вами, – он взглядом показал на качавшуюся на ветру шелковую ткань, украшенную изображениями нежных лепестков. – Вы всё еще вместе, и у вас есть целых три месяца до выпуска. Уверен, вы найдете достойную преемницу. Клуб истории традиционных ремесел. Ведь именно так вы назывались до этого учебного года. Почему бы не оставить традиционные ремесла, а историю отправить в историю?

Обари Момо отвела взгляд, и приоткрытые для ответа губы сложились в загадочную улыбку.

– Мы оставим историю в сюжетах традиционных ремесел, Тора-кун.

Тора по-кошачьи прищурился.

– Обари-сан, почему мне кажется, что мы говорим про разные моменты истории?

– Я полагаю, это потому, что ты смотришь на историю глазами практика, а я – глазами художника. Прощу меня извинить.

И она, чинно спустившись по двум узким ступенькам, скрылась за дверью.

Эпизод 7

[Пояснения к эпизоду](#)

Юрико с опаской поглядывала на спидометр. С тех пор, как ее телохранитель выехал из центра Токио, скорость автомобиля неуклонно возрастала. Правила дорожного движения Юрико знала с детства, нередко ездила с отцом, когда тот брался за внеурочные перевозки, и даже умела выводить папин фургон из гаража. Но то, что выделявал на трассе Накадзима Ичиро, не укладывалось в ее представлении о вождении и о правилах движения.

– Что, страшно? – Ичиро заметил внимание пассажирки к панели управления.

– Да не, не очень, – соврала Юрико и рискнула спросить. – Вы какой-то магией машину ведете?

– Вся моя магия – это мой меч. А машина – хобби, – Ичиро рассмеялся, выставив на обозрение свои клыки. – Не бойся. По стенам туннелей я тебя в другой раз прокачу. Чего

отец-то тебе звонил?

Юрико перевела взгляд на новенький телефонный аппарат, который держала в руках. Аппарат был из класса «навороченных», но Ичиро, притащив вверенную ему подопечную в подвернувшийся по дороге салон связи, не пожелал слушать никаких возражений и позволил девушке выбрать только цвет корпуса. Она выбрала белый с серебристым ободком.

– Волновался за меня, – ответила Юрико. – Папа всегда чувствует, если у меня какие-то проблемы. Вроде сейчас поверил, что всё в порядке.

– Его вызвали куда-то по работе?

– Нет. Я всё перепутала из-за этой треклятой поездки. Втемяшилось, что сегодня среда. А среда была вчера. Значит, в рейс он уезжает сегодня.

– А вернется когда?

– В субботу вечером, как обычно.

– И ты каждую неделю по несколько дней одна дома?

– Ну да. Я всю среднюю школу в таком режиме, – Юрико передернула плечами. – Готовить не люблю, а за «фаст-фуд» папа ругается. Но так уж у нас с ним повелось. Кухня на его совести, уборка – на моей.

– Давай-ка в кафе завернем. Время к обеду.

– Не-не-не! – Юрико отчаянно замотала головой. – Накадзима-сан, мне в школу нужно скорее вернуться.

– По-моему мы с тобой договорились: меня ты зовешь по имени – Ичиро. Помнишь? А ну-ка повтори.

Юрико неуверенно улыбнулась и выговорила:

– Ичиро-сан.

Ичиро хмыкнул.

– Ладно, пока сойдет. А про школу так: я тебе номер Торы забил. Звони прям сейчас.

Юрико открыла аппарат, посмотрела на дисплей с новым списком контактов, состоящим пока из четырех строк, три из которых начинались одной и той же парой кандзи, и вздохнула.

– Да ну еще. Отвлеку от чего-нибудь важного.

Ичиро хохотнул. В тайне ожидаемого им покраснения щечек не состоялось.

– Ичиро-сан, – Юрико продолжал задумчиво смотреть на дисплей. – Почему Тора пишет своё имя канами?

Ичиро аж поперхнулся от неожиданности.

– Без понятия. Мать, наверное, так прописала в документах, когда его сюда привела.

– А вы его маму видели когда-нибудь? – рискнула полюбопытствовать Юрико.

– В натуре – только раз. Огромная белая кошка с двумя хвостами.

– Огромная, как Снежный Барс?

– Не, помельче. Но глаза у нашего Кошака от матери. Такие же зеленые.

– Она ушла в свой мир навсегда, да? Мне Морики-сан рассказала немного вчера. Получается, она как бы здесь... умерла?

– Просто ушла. У кошачьих хэнгэ так принято: вырастила котёнка, обучила, убедилась, что за себя может постоять, и благословила на самостоятельную жизнь, – Ичиро опять глянул на девушку. – Свою маму не помнишь?

Юрико отрицательно мотнула головой.

– Почти не помню. Мне было всего четыре года. Братик родился и сразу умер. А через день и мама. Но помню, как ревела. И как папа плакал, глядя на меня. Тогда и решила, что никогда не буду плакать, чтобы не расстраивать папу.

– Ну и дурочка, – постановил Ичиро.

– Почему? – изумилась Юрико.

– Потому что слезы – это доказательство того, что ты живая и что твои чувства – живые.

А губы кусать – вредно для физиономии.

Юрико поспешно провела ладонью по губам, крови не обнаружила и фыркнула.

– Это вам вредно с вашими клыками.

Ичиро расхохотался. В тон его громкого смеха из кармана кожанки загремело музыкальное сопровождение вызова по мобильному.

– Чего тебе? – продолжая посмеиваться, спросил Ичиро в микрофон небрежно извлеченного телефона.

После ответа собеседника смех оборвался.

– Чего? Какая квартира?.. Да ну тебя! Я уж не помню, куда ключи подевал!

Юрико, наблюдая за изменившимся лицом «телохранителя», сжалась в ожидании взрыва новых неприятностей.

– Ладно. Найду ключи... Найду, только на меня-то не ори! – гаркнул Ичиро. – Ксо! Да что я у вас всех теперь крайний, что ли?!

Он осекся, покосился на пассажирку и кардинально изменившимся тоном осторожно спросил в аппарат.

– А что произошло у них в школе, Юдзо?

И развернул мобильник так, чтобы динамик вещал не в его ухо, в пространство салона авто. Так Юрико узнала о полтергейсте, об очищении школы и о контакте с акума.

– Ты меня слышишь или нет? – закончил Юдзо.

– Слышу-слышу. И Юрико слышит, – сообщил Ичиро.

На том конце связи вышла заминка.

– А... но... – начала Юрико, мотнула головой, будто сбрасывала с себя нерешительность, и, подавшись в сторону водителя настолько, насколько позволил ремень безопасности, громко спросила. – Накадзима-сан, ребята в порядке?

– Никто не пострадал. Имущество не в счет, – раздалось из динамика.

Ичиро бросил мобильник на приборную панель, поскольку для следующего лихого виража ему потребовались обе руки. Юрико показалось, что аппарат неминуемо свалится на пол между сидениями. Но к ее немому изумлению мобильник выпустил из корпуса две длинные лапки с внушительными когтями на коротких пальчиках и привычно вцепился в покрытие панели. Затем двумя другими такими же лапками он поднял над корпусом нечто, похожее на динамик, а прямо из экрана высунул щупальца с микрофоном на конце.

– Юдзо, а ты где вообще? – как ни в чем не бывало поинтересовался Ичиро, выполняя обгон по встречной полосе.

– Только что выехали из поселка, – раздалось из динамика.

– Ты на колесах или на огнях?

– На колесах, черт побери! На первом же «кармане» пересяду.

– Эй-эй, не пори горячку, – перебил Ичиро. – Я в пяти минутах от города, плюс пять по улицами, и буду возле школы.

Юрико слышала в фоне, как кто-то торопливо, сбивчиво и многословно убеждает Юдзо не спешить, потому что «Тора-сама сказал, что в школу акума больше не проникнет».

– Во-во, Мара! Правильно! – крикнул Ичиро, наклонившись к щупальца-микрофону, и, не дослушав мнение брата по поводу целостности его ушей, объявил. – Отбой!

Существо-мобильник послушно отключило связь.

Мнение о том, что «первый-Дэ» подцепил в поездке страшное проклятие, распространилось по школе на большой перемене за считанные минуты. Пресечь слухи не представлялось возможным, и Такуе выпала нелегкая задача прикрывать класс от нашествия клуба журналистов. Акира, вызванный к директору вместе с Обари Момо, помочь ничем не мог. Разве что выданная ранее установка не распространять информацию о действиях

Фукунаги-сэнсэя, чтобы не подставить школьный совет, худо-бедно сдерживала одноклубников.

Учительница домоводства все-таки подняла панику в медпункте, когда узнала, что «мальчиков, схвативших оголенные провода электроплиты» после происшествия никто не видел. К счастью, школьная медсестра четко выполняла предписание, и прежде всего позвонила в дом Накадзима. Звонок принял Одзаки-сан, оставшийся в городе с самого утра, поэтому инцидент был быстро заглушен.

Подружка старосты, подвергшаяся атаке водной струи из сорванного крана, пребывала в шоке, причину которого поняли не сразу, а лишь когда Миура разобрал ее бормотание. Девушка твердила: «За что меня? Я для тебя старалась. Саки, за что ты меня?» Миура, проявив завидную решительность, добился от одноклассницы дополнительной информации об аварии в женском туалете. Оказалось, что девушка видела в зеркале лицо Минами Саки и якобы слышала, как Минами сказала: «Вы все, мелкие твари, не достойны присутствовать в моей жизни». После этого школьница сквозь слезы призналась, что написала для Торы телефон не Мидзуки, а Минами. «Сэмпай обратился бы к Мидзуки, и Минами возненавидела бы ее еще больше», – так была обозначена мотивация поступка. Подруга сгоряча обозвала ее идиоткой и велела немедленно просить прощения у Торы-сэмпая. Все, кто слышал разговор, ее поддержали, но обещание парней привести в класс Тору сию секунду осталось не выполненным, ибо в этот момент Тора, скрывшись под аурой бакэнэко, бежал на парковочную площадку, куда заруливал темно-серый спортивный автомобиль.

– Не вылезай, – скомандовал Ичиро, заглушил мотор, живо выскочил из машины, огляделся и лишь после этого открыл пассажирскую дверь.

Юрико опять очутилась с головой под кожаной курткой.

– Полегче! – она попыталась вывернуться. – Здесь же всё очистили.

– Угу. Качественно очистили, – хмыкнул Ичиро и, заметив за забором на мгновение «проявившегося» Тору, позволил Юрико вынырнуть из-под своей руки. – Под ноги глянь ради интереса.

Юрико опустила взгляд и остолбенела. На узком газоне вдоль школьного забора, а кое-где и на тротуарах, валялись дохлые тараканы, мухи, мокрицы и несколько иссушенных трупиков мышей.

– Эй, вы бы мусор за собой убрали, чистильщики, – весело посоветовал Ичиро.

Юрико вздрогнула: точно перед ней как из пустоты возник Тора. Приветливо кивнул ей и озадаченно посмотрел на газон.

– Держу пари: это по всей округности вашего купола, – Ичиро подмигнул брату.

– Неожиданный побочный эффект, – обронил Тора.

– Народ глазастый, заметят.

Тора согласно кивнул, взял Юрико за руку и подтянул к себе.

– Передача из рук в руки, – не преминул прокомментировать Ичиро.

– Спасибо, Ичиро-сан, – успела вставить Юрико.

Тора тем временем поднял на ладони маленький синий огонёк.

– Ичиро, держи, – он «слил» магический огонь в ладонь брата.

– А это зачем? – не понял тот.

– Садись в машину и прокатись вокруг школы, выставив это в окно. Тебе не привыкать крутить баранку левой.

– Да ну?! Это с какого перепугу? Я опять крайний, да?

– Ичиро, пожалуйста, – Тора посмотрел на него кошачьими глазами так, что Юрико не сдержала смехок.

– Ну ты, Кошак, и хитрюга! – воскликнул Ичиро и рассмеялся.

– Спасибо, – улыбнулся ему Тора и обратился к девушке. – Юрико. Десять секунд

экстрима. Согласна?

Она кивнула, хотя и представить себе не могла, что за аттракцион ее ожидает. Тора забрал у нее наплечную сумку, закинул на своё плечо и свернул человеческую оболочку, представ в антропоморфном ёкайском облике. Подхватив одноклассницу на руки, он заскочил на ближайший столб металлической ограды. Легко перепрыгнул на следующий, затем еще один. Потом на толстый сук дерева, произраставшего на школьной территории. Оттуда затычным прыжком переметнулся на козырек заднего крыльца, пробежал по карнизу под окнами второго этажа и приостановился возле последнего окна. Оконную раму тут же подняли с внутренней стороны, и Тора посадил Юрико на подоконник. Она ловко развернулась и спрыгнула на пол. Тора бесшумно проскользнул следом.

– Мы назад в класс, – доложил Фума, и оперативно скрылся за дверью, где на стрёме стоял Като.

Юрико опасливо оглядела пустующий кабинет химии, куда ее доставили, и решительно повернулась лицом к Торе.

– Твоя сменная обувь, – он показал на пакет, предусмотрительно оставленный на полу. – Снимай куртку и приводи себя в порядок. Сделаем вид, что ты давно в школе.

– А... – начала, было, Юрико.

– У нас всего семь минут до начала урока.

– Фукунага-сэнсэй будет проводить урок? – глаза девушки гневно вспыхнули.

– Его нет в школе. Кто и как будет проводить урок, не известно. Наша задача быть в классе.

Тора вытащил из-под парты второй пакет и, обронив: извини, – принялся быстро переодевать носки.

Юрико спохватилась. Момент, когда ёкай вновь обернулся человеком, она не засекала. Но успела заметить, как исчезают когти на босой ноге.

– Я научился убирать обувь в личное пространство, когда сбрасываю человеческое обличье, – пояснил Тора, затылком почуяв внимание одноклассницы. – С носками номер не проходит, к сожалению.

Юрико хихикнула. Тора выпрямился. Она деликатно отвернулась, догадавшись, что следующим этапом он будет разбираться со школьными брюками, спущенными на бедра в пользу хвоста. Когда она закончила переобуваться, Тора тщательно застегивал пиджак.

– Сэмпай, у вас там клочок шерсти остался, – Юрико показала на ворот-стойку.

– О, да. Спасибо, – шерсть мигом исчезла в кулаке.

– Вы дрались с акума? – Юрико отвела взгляд.

– С акума мы культурно побеседовали. А это последствия дружеского рукоприкладства некоторых эмоциональных личностей. Готова?

Юрико прикусила губу.

– Тора-сэмпай. Пока есть время. Я должна рассказать. Как всё было вчера. Я хотела, чтобы Саки сама... Но я уже поняла, что она не раскается. И даже не в акума дело. Она... В общем, я, как последняя дурочка, не хотела замечать ее настоящие чувства. Я играла в защитницу. А она... Тора-сэмпай. Она загадала желание, – Юрико почувствовала, что чем больше слов произносит, тем больше дрожит голос. – Она загадала, чтобы вы в нее влюбились.

– Радикально, – усмехнулся Тора.

– Но ведь так нельзя! – воскликнула Юрико. – Простите меня, Тора-сэмпай. Я знала, что она хотела загадать. Я слышала, как она объявляла желание. Но я только сегодня поняла, как это гнусно. Пожелать управлять чувствами другого человека! Я боюсь, что акума... что он каким-нибудь гипнозом...

– Юрико, – Тора тепло посмотрел на девушку. – Бояться за меня не нужно. Хотя бы

потому, что акума оперирует человеческими душами, а я не человек.

– А..? – Юрико выпрямилась.

Абсурдно было воспринимать ее испуг, как реакцию на суть прозвучавшего, и Тора насторожился.

– Что-то вспомнилось? – осторожно спросил он.

– Она прочитала заклинание. Когда я попыталась вклиниться, она резко махнула мне рукой. Мол, замолчи. Я умолкла. Она закончила. Постояла недолго и объявила: «Я желаю, чтобы один человек очень-очень сильно в меня влюбился».

– Это буквально? – быстро уточнил Тора.

– Да. Слово в слово. А потом, – Юрико зажмурилась, будто заставляла себя сосредоточиться. – Да. Как раз после этого она долго не двигалась и вдруг начала чертить кандзи.

– Как чертить?

– Пальцем в воздухе перед собой. Как на доске. Первый иероглиф я не рассмотрела – не поняла, что она делает. А второй – сложный – точно был «сима». И каны. Вашего имени.

– То есть она написала в воздухе «Накадзима Тора»?

– Угу. Но это не всё. У меня тогда и мысли не было, что она с акума говорит. А она вдруг вслух: «Как это – нет такого человека? Он учится в моем классе». И ко мне, мол, я же правильно написала, я же сто раз видела в классном журнале. А я и ляпнула. Наверное, имя надо написать иероглифом.

– Мое имя пишется катаканой как иностранное, – вставил Тора.

Юрико поморщилась.

– Ичиро-сан мне уже объяснил, что это ваша мама так записала в документах.

– Минами начертила кандзи?

– Не Минами, – в голосе Юрико звякнула нота отчаяния. – Минами растерялась. Я написала. Помадой на своей шпаргалке. А она повторила на воображаемой доске.

– Что было дальше?

– Землетрясение. Хотя нет. Она еще какое-то время стояла там, как вкопанная.

– Ты видела образ акума за спиной Минами?

– Образ? Как это?

Тора поднял обе руки, будто останавливался сам себя.

– Это разговор не на оставшиеся две минуты. Пойдем в класс. А после уроков еще раз тщательно разложим всю информацию.

Тора пропустил Юрико в классную комнату под прикрытием ауры скрытности, чтобы момент ее появления выпал из внимания одноклассников. А сам вошел, не скрываясь, точно со звоном. За истекшие десять минут состав «первого-Дэ» пополнился: в школу пришли две ранее отсутствовавшие девушки и, хромая, притащился приятель Хагивары Такуя из клуба журналистов. Все трое были в курсе школьных событий, так как поддерживали связь с одноклассниками и одноклубниками по электронной почте. А юный журналист, когда Тора приостановился возле его парты, громко заявил ему: «Сэмпай, я не мог такое пропустить!» Тора незаметно присмотрелся к однокласснику, определил, что травма не настолько серьезная, как рассказывали, и со специальными мерами повременил. Таким образом, в числе пострадавших осталось шестеро: юноша, который слег с пневмонией, четыре девушки с более легкими формами простуды, и Минами Саки.

Ажиотаж вокруг «проклятья» в стенах «первого-Дэ» принял новый оборот: девушки, не состоявшие в клубе истории, накинулись на Юрико и тех двоих, кто числился ее подругами, с обвинениями в ведьмачестве.

– Ребята! Давайте рассаживаться! – громко объявил Тора. – Урок начался. Сюда идет

директор школы!

Все моментально притихли и быстро разошлись по местам.

Тора прошел к своей парте последним, когда шаги в коридоре стали слышны без особых ухищрений. Про директорское сопровождение он не сказал ни вслух, ни ёкайским «голосом», но братья поняли без подсказок и дружно скривили носы. На эмоции ёкаев мигом среагировали и Миура, и Такуя.

– «Литератор», – одними губами пояснил Като Миуре.

А Фума, когда Такуя обернулся на него, скроил мину висельника, и друг его понял.

Директор и за ним Йо-сэнсэй вошли в класс.

Ребята начали недружно вразнобой вставать. Один из парней громко зашептал через плечо: сэмпай, командуй! Его тут же поддержали со всех сторон. Торе ничего не оставалось, как взять на себя функции старосты и скомандовать классу: «Встать. Поклон!»

Со стороны директора он уловил нечто вроде длинного облегченного вздоха. Однако на багровом полнощекоем лице, застывшем маской суровой деловитости, ничего не отобразилось. Директор знаком распорядился ученикам садиться, беззвучно откашлялся и заговорил.

– Урок истории в вашем классе сегодня отменен. Вместо него проведем классный час. Большое спасибо всем, кто участвовал в дознании по вчерашнему инциденту. Дирекция обязательно примет меры в отношении виновных. Хочу выразить свою благодарность вашим родителям и родственникам, которые с пониманием отнеслись к возникшей проблеме и оказали неоценимую помощь в благополучном разрешении чрезвычайной ситуации во время экскурсии.

Он сделал паузу и выразительно посмотрел на задние парты, где сидели братья Накадзима. После чего опять откашлялся и продолжал.

– К сожалению, не все сохранили доверие к нашей школе после случившегося. Минами Саки с этого дня не будет учиться у нас. Ее мать настояла на переводе дочери в другую школу. Мне очень жаль.

Директор умолк, как бы предлагая ученикам «переварить» информацию. В классе зашевелились, но никаких реплик не последовало ни шепотом, ни в слух. Тора не видел большинства лиц одноклассников – на него развернулась только Юрико, – но отчетливо чувствовал, что в спектре сдерживаемых эмоций нет ни сожаления, ни огорчения. Кое-где вспыхивали искры злорадства. Кто-то из девушек испытывал явное облегчение. И лишь в центральном ряду, где сидели две подружки Минами, клокотал испуг.

Но кроме того присутствовало напряженное внимание. Тора не сразу оценил глубину этого точечного флюида, затерявшегося в широком потоке, а оценив, невольно вскинул взгляд в поисках источника. Йо-сэнсэй внимательно следил за учениками из-за спины директора. На мгновение его взгляд пересекался со взглядом ёкая.

«Тора», – позвал Фума, не оглядываясь.

«Ни звука», – оборвался его Тора и тщательно принялся к «литератору».

Напряжение усилилось, но ничего другого Тора не заметил.

– До конца учебного года более трех месяцев, – вновь заговорил директор. – Это большой срок, поэтому мы приняли решение назначить в вашем классе нового старосту. По рекомендации школьного совета и результатам обсуждения, – тут директор начал волноваться и не нашел ничего лучше, как просто объявить. – Накадзима Тора...

Договорить ему не дали. Несколько юношей дружно выразили свой восторг соответствующими междометиями и жестами. Со стороны парт, где сидели девушки, раздался отчетливый хлопок в ладоши. Юрико шумно вздохнула и распласталась по парте.

Директор позволил себе улыбнуться и выжидающе посмотрел на нового старосту класса. Тора встал из-за парты, лихорадочно соображая, что в таких случаях положено говорить. Но

пока речь держал директор.

– Меня порадовала реакция класса. Очень хорошо, что мнение учащихся и дирекции совпадают. Тора-кун, мы помним, что ты занимаешься по сложной индивидуальной программе, поэтому прежде всего мы связались с твоим отцом. И получили одобрение.

Като и Фума, осведомленные о нагрузке старшего брата куда лучше, чем дирекция школы, дружно поморщились.

«Не волнуйтесь за меня, братцы. Это еще один серьезный и ответственный этап обучения – контакт с людьми с позиции лидера».

«Но опять всё на тебя повесили!» – высказался Фума.

«Отнюдь. Задача старосты – это распределение обязанностей. А команда у нас сформировалась надежная. Работать будем вместе».

Миура, Такуя и Юрико оглянулись на братьев Накадзима сразу, как только Тора заговорил «ёкайским голосом». Среагировавших отметил взглядом Яо-сэнсэй, и Тора это видел. Потом, когда он вслух благодарил дирекцию и класс за оказанное доверие, «литератор» очень внимательно присматривался к каждому из троих поочередно, причем чувствительного Хагивару оставил напоследок, и чуть только юноша занервничал, мигом отвел взгляд. Като и Фума ошетинились, расценив внимание «вредятины литератора» как неявную угрозу. Тора без слов и специальных пассажей приструнил обоих, а на беззвучный вопрос: «Чего ему надо?» – коротко ответил: «Посмотрим».

Директор, уже не скрывая эмоций, удовлетворенно покивал на ответную речь нового старосты, а Тора улучил момент направить на него целительную энергию, чтобы откорректировать опасный дисбаланс, грозивший тучному немолодому мужчине серьезными проблемами с сердечно-сосудистой системой. Директор заметно успокоился, но мысль его продолжала работать в четко определенном русле, а внимание перетекло на Яо-сэнсэя.

– Теперь второй организационный вопрос, – заговорил директор. – В силу обстоятельств мы вынуждены временно отстранить Фукунагу-сэнсэя от классного руководства. Обязанности классного руководителя вашего класса любезно согласился взять на себя Яо-сэнсэй.

По классу прокатился испуганный вздох, и половина присутствующих оглянулись на Тору, будто звали о помощи.

Директор живо свернул свою речь стандартной фразой об ожидании плодотворного сотрудничества учеников и классного руководителя, объявил, что возвращается к неотложным делам, и, не дожидаясь, когда все встанут из-за парт, чтобы отметить его уход поклоном, оперативно ретировался. Получилось, что класс отметил не завершение встречи с директором, а выход к кафедре нового классного руководителя.

– Прежде всего разберемся с местами, – начал тот без каких-либо предисловий. – Староста класса мне нужен тут, на первой парте.

Он указал на пустующий стол, за которым раньше сидела Минами Саки.

– Поскольку у нас староста – мальчик, – продолжал он без эмоций, – то помощником должна быть девочка. Мидзуки, сюда.

Он кивнул на парту точно перед своим столом и обратил взгляд на колонку возле стены.

– Теплая компания журналистов. На своих заседаниях можете сидеть как и где угодно, а на уроках извольте заниматься учебой. Хагивара, на первый ряд.

Миура вобрал голову в плечи, когда колющий взгляд скользнул по его персоне. Но Яо-сэнсэй медлил, как будто дожидался, когда первые трое «рассаженных» займут указанные места.

– Близнецы Накадзима, – объявил он. – Всем учителям и мне в том числе надоело ваше беспрестанное вращение головами, поэтому сделаем так. Одну парту – сюда, – он указал на пространство между окном и пустовавшей партой первого ряда. – И вы оба тоже сюда.

Позади парной парты сядет Синохара. Дальше разбавим мужской угол...

Тора озадаченно наблюдал за невозмутимым учителем. Если бы ни беспрецедентный акт нарушения геометрического порядка в классе, он продолжал бы искать в сущности Яо-сэнсэя признаки потенциального врага. Но «литератор» сделал то, о чем не рискнул заговорить Одзаки-сан ни в памятный понедельник после окончательного пробуждения рэйко-кицуне, ни позднее, когда посещал школу от имени главы семейства.

Юрико, оказавшаяся между Торой справа и Такуей слева, смотрела то на одного, то на другого, будто не верила, что всё происходит наяву.

Беззвучное на два «голоса»: «Что это с ним случилось?» – осталось без ответа, но Тора умышленно допустил, чтобы его удивление было замечено с кафедры.

– Староста возражает? – тут же осведомился учитель.

– Извините. Хотел обратить внимание на пятерых отсутствующих по болезни.

– Я помню, Тора-кун, – уверил «литератор», так и не взглянув в сторону собеседника.

Начиная со второго ряда стала видна логика обмена местами: сэнсэй размещал учеников в «шахматном» порядке по половому признаку. Таким образом, исчезли девичьи кучки и мальчишеские компании.

Наконец, передислокация закончилась. Яо-сэнсэй встал, полюбовался на результат и объявил:

– Теперь мы с вами будем видеться намного чаще, поскольку курс современного японского языка в вашем классе читать буду я. Я был неприятно удивлен результатами вашего предварительного теста. Сейчас я проведу повторный тест по моей программе, а на следующей неделе дам расписание дополнительных занятий. Тора-кун, сходи в учительскую за бланками. Можешь взять с собой помощницу, она знает, где мой стол.

Тора бесшумно встал и шагнул к дверям, благо его новое место располагалось сразу возле входа. Мидзуки вскочила с грохотом, чуть не опрокинув стул. Тора пропустил ее вперед, вышел в коридор и плотно закрыл за собой дверь.

– Тора-сэ... – начала Юрико.

– Тсс, – Тора предупредительно поднял палец к губам.

– Тора-сэмпай, – заговорила Юрико так тихо, как только была способна, когда они вдвоем проходили мимо центральной лестницы. – Разве так можно всё менять за три недели до окончания триместра?

– Это частная школа. Здесь порядки устанавливают дирекция и совет учредителей.

– А пересадка? Он же нас всех, кто вчера с вами.., – Юрико нервно оглянулась на пустой коридор и добавила еще тише. – Тора-сэмпай, а он не ёкай нечаянно?

– Яо-сэнсэй – человек, – Тора нахмурился. – Но, кажется, он что-то почуял. Или получил информацию из неизвестного нам источника. Сюда.

В учительской никого не оказалось. Тора незаметно принялся, определил направление, где располагался стол «литератора», но взглядом предложил Юрико выполнить функции проводника. Папка для бумаг с подписью «I-D» лежала на краю столешницы. Тора взял ее в руки и остановил напарницу от попытки приподнять стопку книг, под которой виднелся краешек ксерокопированного листа.

– Это похоже на тот ксерокс, – еле слышно пояснила девушка.

– Не трогай. Между книг лежат отрезки нитей, видишь? Это что-то вроде сигнализации. Тронешь стопку, нити сместятся. И хозяин стола будет знать, что его вещами интересовались. Ксерокс статьи у нас уже есть. Обари-сан нашла. Пойдем отсюда.

– А кто украл все бумаги из кабинета клуба? – спросила Юрико, когда оба возвращались в класс.

– Не догадываешься?

– Что, сам Фукунага-сэнсэй? – Юрико скривилась. – Вот гад!

Тора мимолетно усмехнулся в ответ на искреннее возмущение одноклассницы.

– Полагаю, дирекция уже в курсе, поэтому полицию вызывать не стали.

– А где он сам? Совсем сбежал?

– Совсем не сбежит. Его действия отслеживают товарищи Рику.

– Рику-сан такой... обстоятельный, – Юрико неуверенно улыбнулась.

– Ты сейчас удивишься: Рику и Ичиро – двойняшки, – сообщил Тора.

Юрико вытаращила глаза. Тора беззвучно посмеялся.

– Поразительное *несходство*, правда? – подсказал он.

– Да они вообще, как небо и земля!

– И тем не менее они родились двойней... Подожди немного. Акира меня разыскивает.

Хагивара Акира.

Тора остановился так, чтобы Акира, выскочив из-за поворота коридора, сразу увидел его и Юрико.

– Чего у вас там? – приглушенно спросил он, кивнув в сторону кабинета с табличкой «1-D».

– Проклятие Минами Саки в действии: классруком назначен Яо-сэнсэй, и до кучи он будет вести «современный японский», – ответил Тора и в качестве иллюстрации показал папку с бланками тестов.

Акира посмотрел на папку, на Тору, затем опять на папку и непонимающе потряс головой.

– Эй. Погоди. При чем тут проклятие?

– Это шутка, – Тора улыбнулся. – Но, боюсь, именно такая интерпретация будет вплетена в разбежавшиеся слухи.

Акира тихо выругался и, спохватившись, посмотрел на Юрико.

– Вы оба осведомленные, – сообщил Тора. – Акира, что у тебя?

– Есть ответ про ученого из Токио. Некто Кисимото, научный сотрудник из Университета. Языковед. Спец по японскому и китайскому, знаток европейской литературы. Даже русский знал в каком-то объеме. Про него в середине 90-х было много статей в университетской газете. После 99-го – ни одного упоминания. Может оказаться, что просто оставил науку или свалил за границу. Но слишком уж много совпадений с последними данными.

– Понятно. Мы не можем сейчас задерживаться, – Тора показал взглядом на Юрико. – Сделаем так. Звони напрямую моему брату Рику. Он юрист, его помощник занимается сейчас идентификацией останков. Передай всю информацию, которую накопил. Доставай мобильник, диктую номер.

Тест Яо-сэнсэя оказался не сложным, но каверзным. Тора, закончив со своим вариантом за несколько минут, взялся, было, анализировать вопросы в поисках скрытого смысла, но учитель, пристально наблюдавший за его работой, подошел к его парте и забрал заполненный бланк.

– Сто процентов, – без эмоций сообщил он. – Я мог бы освободить тебя от посещений моих уроков уже сейчас, Тора-кун.

– С вашего позволения я откажусь от освобождения, – негромко ответил Тора.

Яо-сэнсэй мимикой дал понять, что ожидает пояснения к ответу.

– На уроке слово звучит, а потому живет. В то время как на бумаге оно лишь набор знаков, – Тора поднял взгляд.

Учитель выдержал контакт глаза-в-глаза.

– Приятно иметь дело с мудрым человеком, – произнес он и вернулся за свой стол.

Специальных акцентов в его фразе не было, но весь первый ряд и Миура дружно

оглянулись на Тору. Тора шикнул на товарищей, но отвести взгляд успели только близнецы. Внимание остальных сэнсэй заметил.

Что же ему нужно на самом деле? – Тора нахмурился. – Наживку он заглотнул. Но и не замедлил поставить свою ловушку, в которую тут же попались ребята. Неужели он подозревает во мне «нечеловека»? Никаких признаков духовных сил. Кристально чистая логика. Отточенный ум. Глубокие знания. Обширная эрудиция. В его сущности просто нет места для суеверий. Но контакт с ним – возможное ближайшее будущее. Чернильный камень, да? На столе в учительской тушечницы нет. Да и странно бы было держать такой предмет на виду у коллег. Если он и занимается каллиграфией, то только в качестве хобби. Нужно добыть его личное досье.

Мобильник-аякаси в нагрудном кармане проявил инициативу и призывно пискнул, чуть только Тора подумал о звонках братьям и отцу. Тора велел своему подручному помолчать, но писк прозвучал в человеческом пространстве, и был услышан.

– Тора-кун, я не возражаю, если ты займешься своими делами, пока все остальные работают с наборами знаков, – заявил Яо-сэнсэй.

– Спасибо, – спокойно ответил Тора и вышел за дверь.

Чтобы не попадаться на глаза даже под аурой скрытности, Тора поднялся по боковой лестнице до самого тупика – с этой стороны выход на крышу был заблокирован – и только тогда достал телефон.

Разговор с Юдзо получился коротким, ибо за банальным «Как дела?» – «Всё в порядке» хлынула лавина ощущений, непередаваемых никакими словами. Торе даже показалось, что он на несколько мгновений окунулся в единую для него и брата вселенную, вдохнул память и силы, заполнил пространство своими мыслями и чувствами, и вернулся в тот же миг настоящего, откуда погрузился в общий сон наяву.

Беседа с отцом заняла больше времени, но принесла гораздо меньше полезной информации. Тора отчитался об инциденте на крыше, пообещал дома представить отцу «отчет» по созданию новой комбинации магии очищения и подтвердил доклад Одзаки-сана о повреждении школьного имущества. Отец был разочарован, услышав, что сыновья не разбили ни одного окна, а весь ущерб от ёкайских деяний – это рыгвина на стадионе. И посетовал, что опять упустил шанс явиться в школу и лично поучаствовать в битве, в которую втянуты сыновья. Тора уверил отца, что у него еще будет возможность вступить в бой на этапе спланированной атаки на акума. Отец ответил: «У меня есть кое-какие идеи в части разработки плана. Но нужен надежный, умный, хладнокровный, смелый и – главное! – заинтересованный человек. В своем окружении я пока не вижу никого, подходящего на отведенную роль».

Звонок от Рику прозвучал, когда Тора выбирал его имя в списке контактов.

– Пять минут назад видел девочку, – сразу заговорил Рику. – Шла самостоятельно за матерью и мечтательно улыбалась. Я не сканировал ее. Показалось, что за ее спиной тень. Мать посадила дочь в свою машину и выехала из клиники. Проследить не могу.

– Что с тобой? – без видимых поводов забеспокоился Тора.

– Всё в порядке. Аварии предотвратил, жертв среди людей нет.

– Акума атаковал тебя?

– Спровоцировал ДТП так, что мне пришлось подставить свою машину. В противном случае погибли бы женщина и маленький ребенок.

– Ксо... – процедил Тора.

– Тора. Мы имеем дело с подлецом. И он набирает силу. Сейчас он был уверен, что я успею предотвратить гибель людей. Но он не остановится и перед настоящим убийством.

Тора услышал в фоне истошный женский голос: «Там мужчина в машине! Вытащите его! Помогите ему!»

– Тут мною заинтересовались, – быстро пояснил Рику. – Буду краток: Фукунага отправился в Токио, предположительно, в Университет, его ведут мои люди. Минами-сан забрала документы дочери из вашей школы. Предварительные данные по анализу останков: мужчина, возраст от тридцати до сорока, рост около 170-ти. Данные от твоего товарища отрабатываем как основную версию. Пока всё. Перезвоню.

Тора покрутил в руках умолкший телефон. Его новый связист-аякаси вылупил глазёнки из дисплея и вопросительно прогудел.

– Давай без самостоятельности, малыш, – устало попросил его Тора. – Я вижу, что ты очень ловкий и смысленный парнишка, но я сам должен решать, когда и кому звонить.

На дисплее помигала строчка «Юдзо». Тора тоскливо посмотрел на ретивого помощника, вздохнул и сказал.

– Ну ладно, вызывай.

Юдзо принял вызов без промедления, но первая его фраза была сказана в сторону: «Го, держи руль!» Тора кратко поведал брату о Рику и предупредил:

– Акума видит нас лучше, чем мы его. И без зазрения совести использует людей как прикрытие.

– Алый кандзи, – перебил Юдзо. – Причина смерти.

– Что? – Тору пробил холодный пот. – Юдзо, о чьей смерти ты говоришь?

– Не знаю. Это не видение. Это ощущение. Не отпускай девочку от себя ни на шаг. Сегодня ночуем на квартире Ичиро.

Тора обнаружил себя на площадке второго этажа – успел промчаться вниз на пять пролетов лестницы за те пару секунд, пока Юдзо проговаривал последнюю фразу. Неуверенно усмехнувшись, он быстро осмотрел себя, убедился, что спурт-рывок проделал в человеческом обличье, и, одернув пиджак, пошел в класс.

Учитель собирал заполненные бланки тестов в задних рядах, и на шорох дверей не оглянулся. Тора сел за свою парту и покосился на соседку слева.

«Алый иероглиф. Она сказала, что начертила кандзи губной помадой на листе бумаги, – подумал он про себя. – Какого цвета была помада?»

Юрико осторожно повернула голову в сторону Торы.

«Красная, – тут же вспомнил он. – Ярко-красная помада. Та же, которую применяли для традиционного макияжа исполнительницы чайной церемонии. Но почему иероглиф – причина смерти? И почему под угрозой остается Юрико? Акума сразу определил, что я ёкай. Следовательно, желание с формулировкой «человек» и указанием на меня не исполнимо никакими силами. Но он не отказался от договора, а Юрико, высказав предположение о кандзи, его здорово выручила. То есть он будет искать человека, имя которого девушки записали иероглифами, чтобы свести его с Минами? И он уверен, что легко выполнит свои обязательства, а кроме того рассчитывает на новый договор. Решил впутать в любовную игру постороннего и так вынудить Минами объявить новое желание – отказаться от ошибочного «влюбленного»? Мерзавец! Но где он найдет человека с именем «Накадзима Тора»? Накадзима – фамилия распространенная, по этому пункту у акума проблем не будет. Иероглиф «Ко» – «Тигр» – раньше использовался в женских именах в онном прочтении – «ко» – и символизировал здоровье. Однако это давно устарело. Самостоятельного имени с таким начертанием в нашем языке нет, но в Китае имя «Тигр» встречается. Записанное иероглифами «Накадзима Тора» по-китайски прочитают «Джондау Ху»... Чепуха! Не понимаю, что он задумал!»

Яо-сэнсэй покинул класс за минуту до звонка. «Пошел проверять стопку книг на столе, – Тора про себя усмехнулся. – Посмотрим, что он предпримет, когда обнаружит, что ксерокс мне не интересен».

«Мы на крышу!» – объявили Като и Фума.

Тора еле заметно кивнул. Но покинуть класс так же оперативно, как братья и последовавший за ними Миура ему не удалось. Одноклассница, числившаяся помощницей старосты раньше, остановила нового старосту под предлогом «передачи дел», и Торе пришлось выслушать всё о графике уборок в классной комнате и на школьной территории, закрепленной за «первым-Дэ». Юрико попыталась вклиниться, мол, я это всё и сама знаю, но однокласснице очень хотелось поскорее сбросить с себя обязанности при многочисленных свидетелях, поэтому от Мидзуки она только отмахнулась.

Потом в класс заглянула девушка из второго старшего класса – вице-президент клуба истории. Увидав Тору, она обрадовалась и обратилась к нему с просьбой организовать парней в помощь для наведения порядка в кабинете клуба. Тора вспомнил про опрокинутый шкаф и посмотрел на единственного присутствующего члена клуба мужского пола. Тот развел руками:

– Помогу, так и быть. Но последний раз. В этот клуб я больше не пойду.

– Клуба истории уже нет, – сообщила вице-президент. – Обари-сэмпай намерена возродить клуб национальных женских ремесел. Но сейчас дирекция распорядилась освободить кабинет.

Тора вслух пообещал найти помощников, беззвучным голосом попросил Такую притормозить формирующуюся команду в классе на несколько минут, а Юрико велел следовать за собой. На удачу Торы в кабинете клуба никого не оказалось, но и обстановка не изменилась с того момента, как он выскочил в окно в облике ирбиса. Юрико, увидав погром, застыла на пороге и не своим голосом пролепетала:

– Она кричала про Обари-сэмпая: «Чтоб она сдохла».

– Минами?

– Она желала ее смерти. И пожелала ей испытать на себе магические силы. Тора-сэмпай...

– Второе пожелание аннулировало первое, – Тора усмехнулся. – Обари-сан действительно испытала на себе магические силы. Защитные.

– Вы ее спасли?

– Не я. Юрэй – дух преподавательницы, которая курировала клуб традиционных женских ремесел. Обари-сан не получила ни царапины.

Тора перевернул шкаф, поднял, установил в нормальное положение и легко затолкнул на место в стенную нишу. Затем огляделся и подытожил.

– Остальное решается по-человечески.

– А... но... – Юрико обескураженно смотрела то на шкаф, то на ёкая, который в человеческом обличье был ниже ее ростом.

Он улыбнулся и заговорчески приложил палец к губам.

Организационные вопросы заняли больше часа внеучебного времени. Однако это было лишь на руку Торе, поскольку собраться на крыше, как он рассчитывал, не удалось. Като, Фуму и Миуру прогнали из подсобки техслужащие, вызванные в школу для проверки и ремонта громоотводов.

– Вас теперь не по спецграфику забирают? – спросил Такуя близнецов, когда в опустевшем классе остались лишь шестеро – участники вчерашних приключений.

– Сегодня – по команде Торы, – ответил Като.

– Я сегодня задержусь здесь, – сообщил Тора. – Юрико, когда тебя ждут дома?

– До вечера субботы меня некому ждать. Папа уехал в рейс.

Тора резко выпрямился. Близнецы тревожно переглянулись.

– Да это ерунда, – девушка попыталась улыбнуться. – Он почти каждый четверг уезжает.

Я привыкла.

– Юрико, – Тора присел перед ней за парту. – Пожалуйста, сегодня ни шагу за ворота школы без меня.

Миура шумно вздохнул. Такуя приподнялся. В глазах близнецов сверкнули белые молнии.

– А... а в чем дело? – Юрико силилась сохранить непринужденный тон.

– Велика вероятность повторного покушения.

Губы девушки дрогнули.

– Ей грузовика мало показалась?

– Акума сказал, что здесь его миссия завершена! – Такуя попытался притушить вновь вспыхнувшие страхи.

Но Тора лишь удрученно качнул головой и обратился к девушке:

– Юрико, постарайся вспомнить, что буквально наговорила тебе Минами в клинике.

– Лично мне «умри». Про девчонок и вообще про наших – «вы не достойны присутствовать в моей жизни».

– Вот все и исчезли из ее жизни – она тут учиться не будет, – вставил Миура.

– Во! Точно! – обрадовались близнецы в один голос; продолжил Фума: – сама себе свинью и подложила. Не видать ей теперь Тору, как собственных ушей.

– Вопрос стоит так: кого ей подсунут вместо меня, – сказал Тора.

– Почему «вместо»? – насторожился Такуя.

– Минами загадала желание, имея в виду меня, но сформулировала: «один человек».

Акума потребовал написать имя.

– Но **человека** по имени Накадзима Тора нет, – подхватила Юрико. – А я подумала, что катаканой нельзя писать, и показала Минами, как начертить кандзи.

– Иероглиф «ко» – в кунном прочтении «тора» – в японских именах не используется, – напомнил Тора. – Акума либо прочел иероглифы по-китайски, либо...

– Там не «ко» было, – вдруг заявил Такуя. – Юрико, на той твоей бумажине помадой. Ты **это** Минами показала?

– Ну да.

– Это было что угодно, но не «ко»!

– А я и не... Я начертила имя «Тоору», – Юрико побледнела.

– Что? – Тора не поверил своим ушам.

– Ну, имя «Тоору», – девушка ошарашенно хлопала глазами. – Я хорошо знаю, как пишется, потому что папиного напарника так зовут.

– Балда! – Такуя вскочил. – Он же не «Тоору», а «Тора».

– Тихо-тихо, – Тора взглядом заставил его сесть на место. – Мое имя – Тора. Мой наставник – мамин друг – назвал меня по-русски – *Тигр*, – когда я был совсем маленьким котёнком. Маме понравилось, и она стала называть меня по-японски Тора*а*. А потом, уже здесь, в человеческом мире, записала в документах слоговое звучание. Не слово «тигр», а сочетание «То-ра». Катаканой. Так, будто имя иностранное.

Обескураженное молчание нарушил Миура:

– Вот вам и пример слова живого и слова в знаках, – многозначительно изрек он и посмотрел на Тору, как на автора высказывания.

– Но я слышала, как хозяйка в гостинице говорила «Тоору», – Юрико обессилено навалилась на столешницу грудью и сжала голову руками.

– А как мы все Тору «Тора» называем, ты не слышала? – напустился на нее Такуя.

– Девушке в Нагано послышалось, что я представился «Тоору». Я не стал ее поправлять, чтобы не подчеркивать очередную ошибку. Она и без того находилась в стрессовом состоянии, – поспешно пояснил Тора.

Като и Фума, одинаково мрачные, поглядывали на брата.

– И чего делать будем? – спросил Фума.

– Искать человека по имени Накадзима Тоору, чтобы предотвратить его встречу с Минами? – уточнил Като.

– И где искать? По всему интернету? – Такуя усмехнулся.

– А это мысль! – оживились близнецы.

– Стоп, – Тора сделал соответствующий жест. – Новая информация. При попытке последить, куда мать повезла Минами, Накадзима Рiku попал в аварию. Акума спровоцировал дорожное происшествие так, чтобы в случае невмешательства гарантировано погибли женщина и ребенок. Рiku принял удар на свою машину.

– Рiku-сан... – пробормотала Юрико.

– С ним всё в порядке. Он регенерирует с нечеловеческой скоростью. Я рассказал об аварии для того, чтобы вы знали, с каким мерзавцем мы имеем дело и на что этот мерзавец способен.

– Но зачем же он невинных людей... – пробормотал Миура.

– Это акума, Миура, – сурово напомнил Тора. – Сорванный кран, оголенные провода и даже опрокинутый на Обари-сан шкаф – мелочи в его представлении. Здесь он повеселился, исполняя необдуманные пожелания Минами. Но основной контракт еще не закрыт. И по этому контракту он работает всерьез.

– Мне кажется, – осторожно начала Юрико, – его сила соответствует силе желания Минами. То, как она кричала про ребят, про школу, и то, как она крикнула мне – «умри»... Это было очень по-разному.

– Ну а выключить эту истеричку как-нибудь? – вскинулся Такуя.

– Нам только что про женщину с ребенком сказали, – буркнул Миура. – Этак он всё Токио в заложники возьмет, чтобы связать ёкаям руки.

– Не хватит у Минами сил на всё Токио, – Юрико решительно встряхнула головой. – Вся ее любовь – эта жажда власти над человеком. Ничего у нее не исполнится, ни сегодня, ни завтра, никогда!

– Сегодня? – уточнил Тора.

– Она сказала, что ее желание исполнится сегодня, – Юрико яростно прикусила губу.

«Мечтательно улыбалась, – вспомнил Тора слова Рiku. – А акума намекал на скорое истечение срока контракта. Он не пожалел сил, чтобы отстегнуть «хвост». Значит, он уже всё подготовил, но нашего вмешательства опасается».

– Като, Фума, – Тора повернулся к братьям. – Поезжайте домой и разворачивайте информационный поиск под прикрытием Киры. Она в курсе событий в целом, подробности расскажите ей по ходу дела. Выходите на парковку. Одзаки-сану я сейчас позвоню.

– Тогда я пойду добывать подшивку журналов, – заявил Такуя.

– Я с тобой, – Миура приподнялся. – Может, если с Танакой-сан по-хорошему, она согласится поговорить.

– Пойдемте все вместе, – предложил Тора и взглядом показал на Юрико. – Вчетвером.

Юрико тут же вспомнила обезоруживающий «кошачий взгляд» и хихикнула.

Миура и Такуя смешок не поняли, а Като и Фума дружно сморщили носы.

– Кошачье очарование против склочной тёти, – прокомментировал Фума.

– А почему бы нет, – хитро прищурился Тора.

Эпизод 8

Такуя долго собирался с духом, прежде чем постучать в дверь типового двухэтажного домика, расположенного точно по центру улицы. Тора успел составить для себя общее представление о жильцах и их достатке, оглядев маленький неопрятный палисадник и избитую бетонированную площадку для автомашины. Хозяина не было дома, это он определил сразу, но личность хозяйки, внимательно изучавшей незваных гостей из-за едва-едва приоткрытого окна, вызвала у него неоднозначные чувства. К тому же из окна тянуло духом благовоний, а кошачьих слух улавливал тонкий многоголосый перезвон колокольчиков «музыки ветра».

– Буду общаться только вслух, – шепотом предупредил Тора.

Такуя чуть было не отдернул руку от дверного полотна.

– Стучи быстрее, – шикнул на товарища Миура.

Такуя выдохнул и дважды постучал в дверь костяшками пальцев.

На втором этаже тут же закрипела оконная рама.

– Чего вам здесь надо? – раздался громкий женский голос.

– А... но... Танака-сан, добрый день, – начал Такуя.

– Чего опять надо, спрашиваю? Если отец подослал, лучше убирайся сразу по-хорошему!

– При чём тут мой отец? – Такуя мигом забыл про всякую стеснительность. – Я сам за себя отвечаю.

– Танака-сан, – поспешно включился Миура. – У нас очень важное дело к вам.

– А, Синохара, – тон женщины слегка смягчился. – Опять защита прав животных?

– Нет, Танака-сан. Нам бы про журнал узнать.

Окно захлопнулось. Такуя и Миура напряженно переглянулись.

– Может, мне попробовать? – предложила Юрико.

– Она спускается сюда, – быстро подсказал Тора. – Юрико, именно ты ее заинтересовала.

Щелкнул замок и створа входной двери отъехала ровно настолько, чтобы хозяйка выглянула на крыльцо.

– Танака-сан, мы хотели попросить у вас показать нам... – Миура заторопился.

– Вас двоих знаю, – перебила пожилая, неприятно тощая и сухая женщина и вцепилась взглядом в Юрико.

– Это наши одноклассники, – поспешил вставить Такуя.

– Мидзуки Юрико, – представилась Юрико, стараясь выглядеть спокойной, и выполнила вежливый поклон.

– Накадзима Тора, – назвал себя Тора и тоже поклонился.

– Что за журнал вам понадобился? – спросила Танака-сан, продолжая разглядывать девушку.

– Вы, кажется, собираете издание «Тайны вокруг нас», – начал Такуя. – Там есть несколько статей, которые...

– Заходите, – хозяйка широко открыла дверь.

Такуя неуверенно переступил порог. За ним в дом шагнул Миура. Тора мягко тронул Юрико под локоть, чем обозначил своё присутствие непосредственно рядом и одновременно с этим предложил ей последовать за товарищами. Со стороны женщины он почуял приятное изумление, но это чувство не прервало напряженный поиск чего-то особенного в облике девушки.

Прежде, чем закрыть за гостями дверь, Танака-сан выглянула на улицу и быстро оглядела дома и дворики соседей.

– Сумки, куртки туда, – хозяйка показала на угол у порога, где уже валялся старый

потрепанный портфель.

Миура и Такуя оперативно сняли ботинки. Тора про себя порадовался, что не постеснялся попросить Одзаки-сана купить ему новые носки, и смело освободил ноги от обуви. Юрико замешкалась, развязывая затянутые шнурки, а поскольку сумку с плеча еще не сняла и воевала со шнурками одной рукой, узлы только больше запутались. Тора ненавязчиво забрал у нее сумку, отложил в образовавшуюся кучку и остался стоять рядом, в то время как ребята уже поднялись из гэнкана непосредственно в дом. Прикрытая от назойливого взгляда, Юрико быстро победила и собственную нервозность, и, как следствие, взбунтовавшиеся шнурки. Тора без специальных усилий отслеживал жадное внимание хозяйки к неожиданным гостям, но пока не мог определить, чем вызван столь необычный интерес к единственной девушке в компании. Вопрос решился, как только Юрико поднялась на ступеньку.

– На тебе проклятие, девочка, – сказала Танака-сан обыденным тоном. – Идите все за мной.

Торе пришлось слегка подтолкнуть опешившего Такую и взглядом подбодрить растерявшуюся Юрико. Миура скроил озадаченную мину и первым пошел за хозяйкой вглубь дома.

Танака-сан привела юных гостей на второй этаж и открыла дверь в ту самую комнату, из которой подсматривала за визитерами.

В коридор вырвался такой букет благовоний, что Тора едва не чихнул. Юрико рефлексивно закрыла рукавом лицо. Миура испуганно оглянулся на друга-ёкая, а Такуя от неожиданности выдавил: зашибись!

Две капитальные стены большой угловой комнаты были от пола до потолка заставлены и завешаны книжными шкафами, полками и этажерками – открытыми, закрытыми, крепившимся на консолях или просто стоявшими на полу. Даже одно из двух окон было принесено в жертву и намертво забаррикадировано шкафом. Гармония отсутствовала как в расстановке мебели, так и в расположении на полках коробок, папок, статуэток, книг, чашек и мелких предметов, назначение которых на глаз непросто было определить. Колокольчики «музыка ветра» висели как попало и где попало и позвякивали на все лады и переливы.

– Попробуй только отцу доложить! – пригрозила Танака-сан Хагиваре и показала на свободный угол возле окна, выходящего на улицу. – Садитесь там. А девочка – сюда.

Юрико с опаской посмотрела на низенький стол и два дзабутона, разложенные друг напротив друга. На столе стояла икебана, из которой торчали тлевшие палочки благовоний.

– Не бойся, – шепнул Тора еле слышно. – Она не злая.

Стоило ему высказаться, как под потолком зазвенел доселе молчавший колокольчик.

Хозяйка экстравагантной комнаты быстро оглянулась. Тора был уверен, что его голос она не расслышала, ибо он спрятал слова в звуковом фоне помещения. Он проследил за ее взглядом. Старенький колокольчик с облупленным до неузнаваемости рисунком продолжал заливаться веселыми трелями. Тора на всякий случай жестко приказала своему мобильнику-аякаси смирно сидеть в нагрудном кармане, а сам присмотрелся к необычно голосистой музыкальной подвеске. Из-под купола центрального кольца на него взирал дух колокольчика – маленький цукумогами с яркой улыбкой на лице и большими-пребольшими острыми ушами, торчавшими в разные стороны. Тора незаметно подмигнул местному аякаси. Колокольчик на секунду умолк, и залился пуще прежнего.

Танака-сан подозрительно посмотрела на гостей и вдруг улыбнулась.

– Мальчики, располагайтесь на татами, – повторила она приглашение, но совершенно иным – доброжелательным и мягким тоном.

Тора уже убедился, что женщина не видит аякаси, но судя по кардинальному изменению ее отношения к гостям звон именно этого колокольчика означал для нее нечто неординарное.

– Задумали сами бороться с проклятием? – походя уточнила она.

Миура и Такуя замаялись. Юрико выжидающе посмотрела на Тору.

– С причиной, Танака-сан, – ответил Тора.

– Беду накликаете на свои головы, – хозяйка вздохнула, подошла к шкафу и достала с нижней полки большую картонную коробку. – Какой журнал искали? Этот?

На титуле брошюры, извлеченной из коробки, пестрело броское название «Тайны вокруг нас».

– Этот! – воскликнули Такуя и Миура в один голос.

– Копайтесь сами, – Танака-сан подтащила коробку ближе к гостям. – А я с девочкой поговорю. Юрико-тян, да?

– Да, – согласилась Юрико и невольно оглянулась на интенсивный шорох за спиной: Миура и Такуя торопливо листали брошюры.

– Там без тебя разберутся, – Танака-сан чинно обошла столик, расположилась на дзabutоне спиной к стенному шкафу, отставила на пол икебану и достала с ближайшей полки колоду карт. – Вынимай любую.

Юрико уставилась на символ «инь-ян», изображенный на «рубашке» верхней карты.

– Это настоящие карты Таро? – она осторожно потянулась к колоде.

– Поддельных карт не бывает. Поддельными бывают только предсказания самозванцев. Смелее.

Юрико выдохнула, выдернула карту из центра колоды и перевернула «лицом» вверх.

– О! – Танака-сан восхищенно кивнула. – Король мечей. В этой колоде масть мечей – это Белый Тигр Запада. Сила, защита, долг. Хорошая карта, девочка.

– Никогда такую картинку не видела, – Юрика положила карту на стол.

– Колода «Фэн-Шуй». Очень ее люблю. Хочешь узнать свое будущее?

– Нет.

Танака-сан удивленно выгнула брови.

– Будущее свое я построю сама, – заявила Юрико. – Но если можно... Танака-сан, можно ли сказать по картам что-нибудь про проклятие?

– Давай посмотрим.

Тора наострил слух и нюх, но не смог определить, какими силами гадалка переводит свои подсознательные знания на карты, как на монитор.

– Тебя оклеветали, – произнесла Танака-сан, разглядывая расклад. – Клевета разбудила ревность. Страшную ревность. Тебя возненавидела отвратительная ведьма. И она не остановится, пока не отомстит. Возьми карту еще раз.

Юрико решительно выдернула карту из перемешанной колоды, положила на стол и судорожно вздохнула.

– Поразительно, – пробормотала озадаченная гадалка. – Снова король мечей Бьякко. У тебя могучий защитник и верный друг.

Она пристально посмотрела в белый затылок Торы, сидевшего на полу спиной к Юрико. Миура и Такуя, которые развесив уши слушали предсказания, спешно вернулись к перелистыванию брошюр.

– И последний раз: достань карту, – предложила Танака-сан.

Юрико посмотрела на уже изъятую из колоды карту Короля Мечей и выполнила указание гадалки.

– Королева жезлов – Черная Черепаха Севера, – Танака-сан грустно улыбнулась. – Те, кто оклеветал тебя, и кто поверил в клевету, глупцы. Ты – женщина-воительница, соратник, товарищ и друг. Когда-нибудь ты вступишь и любовь в свою жизнь, но это случится не скоро. Однако нет страшнее мести, чем месть слепой ревнивицы, – гадалка принялась задумчиво собирать карты в колоду, не отрывая взгляда от Юрико. – Что-то уже случилось с тобой сегодня, и что-то притаилось в твоём завтра.

- Утром на меня чуть не наехал грузовик, – Юрико тяжело вздохнула.
- Карты шаркнули по поверхности стола – гадалка выронила колоду.
- Мальчики, вы нашли, что искали? – вдруг спросила она.
- Кое-что. Если бы вы разрешили переснять на мобильники, – быстро ответил Такуя.
- Забирай себе журналы, какие нужны.
- Можно? – обрадовался Такуя. – Я отсканирую и сразу верну!
- Можешь выкинуть. Я с этим дрянным журнальчиком больше дел иметь не хочу.
- Тут опубликована ваша дискуссия с неким Садо Сёта, – вставил Тора.

– Этот мерзавец выставил меня как дуру, а редактор с удовольствием поддержал! – в речи гадалки зазвучали хорошо знакомые ее соседям интонации. – Желторотый выскочка! Пишет о том, чего не понимает. Ключ к пробуждению Ками! Испокон веков эти тайны хранили под семью печатями, и не зря! Не должно людям знать дорогу ко всяким темным вратам. Он весной паломников вздумал созывать. А редакция ему – рекламу на всех обложках. Как я молилась, чтобы до дела не дошло! И хвала богам, не дошло до дела.

- Танака-сан, вы знаете этого человека лично? – спросил Тора.
- Хотела я его отыскать, чтобы в глаза посмотреть. Не дали. Говорят, конфиденциально.
- Адрес Садо Сёта не дали в редакции?

– Это не настоящие имя. Раскидывала я на него карты и увидела – не настоящее, – Танака-сан быстро, но удивительно грациозно встала и шагнула к юношам. – Причину проклятия в этом барахле вы не найдете. А если хотите помочь товарищу, – она показала на Юрико, – я кое-что сделаю. С ваши силами это получится.

Тора, Такуя и Миура с готовностью вскочили.

– Получится, – улыбнулась Танака-сан. – Юрико-тян. Но тебе сегодня нельзя ночевать дома. Отпросишься у родителей, не называя причин?

- Я сегодня дома одна.
- Удачно, – гадалка пошла к своим шкафам. – Переночуешь у меня.
- А..? – Юрико растерялась.
- У нас уже есть вариант для организации ночевки, – вставил Тора.

– То, что придет за ней, очень сильно, – не оборачиваясь, тихо сказала женщина. – Если придет и не найдет, будет искать. Ты сможешь ее защитить?

– Да.

Танака-сан пристально посмотрела на Тору и подтвердила.

– Сможешь защитить. Отойди к двери. А вы двое – сюда, за стол.

Она вернулась к столику, небрежно смахнула колоду карт на татами, а в центр стола выложила пучок соломы, нитки, продолговатый листок бумаги и карандаш.

– Ты напиши здесь ее имя, – распорядилась она Такуе и пальцем пододвинула к нему бумагу; затем повернулась к Миуре. – А ты свяжи солону так, чтобы получились голова, тело и руки.

– Оммё-до. Хитогата, – произнес Тора, с затаенным восторгом глядя хозяйку.

– Не мешай, – она махнула ему рукой. – Я не понимаю твою ауру, но ты очень силен. Ты сам это знаешь. И не прикасайся к хитогата. Оставишь след – обман раскроют. Мальчики, готово? Молодцы.

Танака-сан забрала у Миуры криво связанную куклу, а у Такуи – бумагу с аккуратно начертанными кандзи. Тора со своей позиции не видел, как заклинательница совместила оба предмета, показалось лишь, что в ее руках на несколько мгновений появился магический узор.

– Да. Всё так, как я и думала, – объявила Танака-сан, посмотрела на всех участников ритуала поочередно и опустила на стол готовую куклу. – Это сделано вашей верой в силу духа и плечо товарища. Юрико-тян, возьми куклу в левую руку и не выпускай до тех пор,

пока не придешь домой. Дома положи ее под подушку и сразу уходи. А ты, – она подняла взгляд на Тору, – на порог ее дома – ни шагу. Отпустишь у входа, там же и встретишь. Сила заклания будет держаться до рассвета. Но беда рядом. За девочкой придут раньше. Кукла заберет на себя то, что уготовлено ей, и ведьма потеряет ее из вида.

Юрико приоткрыла рот, чтобы выразить свою благодарность, но заклинательница покачала головой.

– Не меня благодари, а своих друзей. Я всего лишь сплела ваши силы. А я должна благодарить вас за визит. В этом погрязшем в практицизме мире я едва не потеряла собственную веру в истину неведомого. Сегодня моя вера ожила благодаря вам.

Она быстро и плавно повернулась в сторону Торы, не вставая из сэйдза, и сдержанно поклонилась. Тора ответил глубоким поклоном.

Тора и думать забыл о своих вечных опасениях быть понятным превратно при общении с одноклассниками. Юрико, одна рука которой была занята жертвенной куклой, без стеснения приняла помощь ребят, надевая куртку, и непринужденно пошутила, когда Тора завязал шнурки на ее ботинках. Перспектива долгой прогулки до дома в сопровождении парня тоже не вызвала у нее никаких специфических эмоций. Такуя выражал готовность быстро догнать товарищей, после того как отнесет «журнальный улов» домой, а Миура намеревался присоединиться, предварительно предупредив бабушку, но Тора быстро убедил обоих, что толпа вокруг Юрико только привлечет ненужное внимание и усложнит его работу, если придется прибегнуть к магическому сокрытию.

– Мотайте по домам и учите уроки, – окончательно раскрепостившая Юрико предстала перед товарищами в своем обычном имидже боевой девчонки. – У нас завтра целых два Йо-сэнсэя. Пусть хоть кто-то из «первого ряда» домашку сделает.

Миура тяжело вздохнул. Такуя приподнял свой портфель, битком набитый журналами, и заявил.

– Лично я сначала сделаю сканы и отошлю близняшкам. Тора, тебе на почту точно не надо это кидать?

– Мне братцы передадут по спец каналу. Чем меньше *это* будет ползать по сети, тем лучше. Такуя, Миура. Если что-то почуете и даже если что-то покажется или привидется, сразу звоните на мне. Если на вызов ответит Огава Маракайто, выкладывайте всё ему. Он абсолютно надежный человек.

На том компания разделилась: Такуя побежал домой, Миура проводил товарищей до перекрестка, благо ему было по пути, и завернул к своему дому, а Тора и Юрико отправились пешком в восточный район города.

– Про планы и дела – потом, когда спрячешь хитогата, – шепнул спутнице Тора.

– Она информацию может намотать?

– Скорее всего – нет. Но я за перестраховку.

– Я тоже, – охотно согласилась Юрико. – Странно. Совсем не боюсь. Днем перетрусил. А сейчас – ничего, как так и надо. Только... – она прикусила губу, тут же опомнилась и ловко сплюнула на сторону. – А, ладно.

– Жалеешь Минами? – Тора покосился налево.

Юрико призадумалась и заявила:

– Нет, не жалею. Досадно, что сама так глупо себя вела. А она просто пользовалась моей глупостью. Сознательно. Но я не жалею и о том, что была ее подругой. Учиться на собственном опыте больно, но зато сразу всё усваивается.

– Минами бывала у тебя дома?

– Пару раз всего.

– А ты у нее?

– Часто. Ей нравилось приглашать подруг в свой дом. Я понимала, что она хотела похвастаться, чтобы завидовали. Но мне у нее просто нравилось. Всё красивое, ухоженное. У нас-то с папой съемная квартира. Ничего особенного. Папа нормально зарабатывает, но мы роскоши себе не позволяем. У него своя мечта: он хочет, чтобы я получила высшее образование. То, что ему не удалось в молодости. Поэтому он и откладывает на меня много, и частную школу оплачивает, хотя для нас дороговато. Но зато учителя нормальные в общем, классы маленькие, а не как везде – по сорок человек. И график занятий удобный, если не считать, что на дом зверски много задают учить.

– Какие спецкурсы выберешь, когда начнется специализация?

– Пока не знаю. Я по всем середнячок, кроме физкультуры. Но в спорт никогда не хотела и не хочу. В детстве мечтала стать полицейским. Потом детективом. Потом поняла, что детективу нужна железная логика. А таковой не имею. Из-за Фукунаги-сэнсэя историй увлеклась, думала, он может доказать, что Kami влияли на ход истории. Интересно бы было изучать, как люди общались с неведомым. А он всего лишь бульварных брошюрок начитался. И на нас эксперимент поставил, как на мышках. Типа – разбудим или нет. И оба-на: разбудили. Он и драпанул с перепугу. А мозги-то пудрил в клубе! Особенно Саки. Обхаживал ее будто вип-персону. Она и расцвела. Начала открыто говорить, что из семьи мико и всё такое.

– Она действительно из семьи слугителей дзиндзя.

Юрико аж приостановилась и уставилась на Тору.

– Что, правда, что ли? Значит, она вас по-настоящему видела? Но почему тогда она решила, что вы тэнси? У вас разве есть крылья?

– Нет. Крыльев не имеется. И сомневаюсь, что хоть кто-то из нас похож на небожителей.

– Значит, она всё придумала, – уверенно заявила Юрико. – А я ей почти поверила.

– С другими девушками она делилась своими наблюдениями?

– Про ангелов? Не. Такую дурь только я могла переварить. Но с сэнсэем она про вас говорила, это точно. После того, как вы отказались вступать в клуб. Я случайно услышала, как сэнсэй сетовал, что именно вас в клубе и не хватает, чтобы «перевернуть представление об истории». А Минами ему сказала, что чувствует в вас особые силы.

Юрико умолкла. Тора задумался. Так в молчании они прошли по многолюдной улице перед супермаркетом, и Юрико свернула в очередной переулок, разделявший кварталы многоквартирных домов.

– Сэмпай, а что если Фукунага-сэнсэй всё заранее спланировал? – вдруг сказала она.

– Что именно спланировал?

– Ну... То, что Минами призовет акума, а вы будете ее от стража защищать и стража убьете. И акума освободится от печати. На самом деле со стражем по-другому получилось, но результат-то тот же.

– Ты думаешь, Фукунага-сэнсэй способен на игру такого уровня? – серьезно уточнил Тора.

Юрико пожала плечами.

– Фантазер он тот еще. Может заигрался, а ему просто повезло?

– Заигрался? У меня была такая же мысль.

Юрико обрадовалась.

– Во! Значит, истина где-то рядом. Если два человека думают о чем-то приблизительно похоже, то наверняка они думают правильно.

Тора рассмеялся.

– Потрясающе. «Если приблизительно похоже, то наверняка правильно».

Юрико ничуть не обиделась.

– Фу-у, какая чушь сказала, – согласилась она. – Вот почему мне детективом не бывать:

логики нету.

Тора отрицательно покачал головой.

– Логика этой фразы растет из глубин интуиции, а обернутая в слова обретает многогранность самой жизни. И, кстати, мне очень понравилось, что ты сказала «два человека».

– Раз мы живем здесь вместе, то как по-другому? Ну да, один человек – ёкай, и что из того? Не упоминать же всякий раз, что кто-то там с Хоккайдо, а другой с Окинавы, например. Или когда говорят о мире вообще, не перечисляют же все нации... Что, опять ерунда? – Юрико виновато улыбнулась.

– Ни в коем случае, Юрико. Теперь – в «десятку» истиной картины мира.

Юрико заставила Тору изрядно поволноваться, когда скрылась в своей квартире минут на пятнадцать. Он успел трижды обойти дом и уже начал примериваться к угловому окну на третьем этаже, когда услышал звук захлопнувшейся двери со стороны фасада. Юрико, памятуя об указании не привлекать к себе внимание на обратном пути, молча разминувшись с соседкой в узком открытом коридоре, на лестнице обогнала двух пацанят и приостановилась на нижней ступеньке, разыскивая взглядом своего телохранителя на дорожке перед домом. Тора тронул ее сзади за плечо из-под своей ауры. Юрико застыла и медленно оглянулась.

– Сэмпай. А предупредить? До кандраты доведешь!

Неформальности, проскакивавшие в ее речи чаще и чаще, Тора принимал с удовольствием.

– А поторопиться? – в тон ей откликнулся Тора и снял с ее плеча школьную сумку, раздутую до потери всякой геометрической формы.

– Я одной рукой собиралась, между прочем, – напомнила Юрико и размяла пальцы левой руки, освобожденной от соломенной куклы.

Тора демонстративно оценил вес и объем сумки.

– Учебники и тетрадки на завтра, – Юрико усмехнулась и непринужденно добавила. – Ну и сменное белье.

Ляпнув про белье, она спохватилась, но Тора пикантность проигнорировал и ответил.

– Тетрадки и белье – понятно. А учебники зачем? Я же сказал: Мара привезет мои.

Юрико похлопала своими большими глазами и вдруг рассмеялась.

– Отпад! Буду скрываться от акума и учить уроки на пару с ёкаем.

Тора поспешно усилил магическую защиту, дабы звонкий голос девушки не услышали во дворе и в квартирах первого этажа. Она расценила его напряженный взгляд как недовольство и пожала плечами.

– Я называю вещи своими именами.

– Ага, – Тора улыбнулся. – И делаешь это очень громко. Я заглушил звук, чтобы нас не слышали со стороны.

– А мне показалось – обиделся, – не преминула вставить Юрико.

– С какой стати? – Тора увлек одноклассницу за собой, по дорожке вдоль дома в сторону улицы. – Люди издавна называют нас ёкаями.

– Да, но издавна считается, что ёкаи – зло. Это только в современной манге ёкаев стали рисовать положительными. Иногда.

– Легенды о Ками слагают победители, а сказки про злые силы рассказывают побежденные, – заметил Тора. – Легенды уходят в архивы и в музеи, а сказки остаются в памяти людей.

Юрико озадаченно прикусила губу.

– И чего получается? – осторожно начала она. – Для победителя ёкай – добро, потому что помог, а для побежденного – зло, потому что надо чем-то свое поражение оправдать?.. Ловко

устроились! Значит, когда Фукунага-сэнсэй рассказывал про белую нэкомату...

Она осеклась и, не веря до конца в собственную догадку, ухватила Тору за рукав, заставив остановиться. Тора грустно улыбнулся.

– Совершенно верно. Белая нэкомата, которую перевозили победители после той войны, это моя мама. Последнее ее святилище отправили в музей всего двадцать лет назад. А Огава Маракайто – наш с Юдзо секретарь – внук последнего каннуса.

– Вау! Значит, наш попрыгунчик прав?

– По этому пункту – да. Но нужно ли выносить такие открытия на всеобщее обозрение сейчас?

– Похоронят под лавиной критики, а сверху поставят памятник в виде манги, чтобы уж точно никто не воспринял всерьез, – подытожила Юрико.

– В точку, – с чувством кивнул Тора.

– Вот дерьмо, а! – Юрико сжала зубы. – И как же быть? Неужели вы все, кто живет среди людей, будете всю жизнь скрываться под масками? По-моему, вам до черта не удобно в таком виде.

– Я верю, что придет время, когда мы объединимся с людьми безо всяких масок. Но для этого нужно долго и терпеливо готовить соответствующую почву.

В кармане у Торы давно беззвучно дребезжал мобильник-аякаси. Тора прекрасно слышал вызов и знал, что Юдзо звонит по какому-то сугубо бытовому вопросу. Юдзо почуял, что брат занят, и был готов подождать, но аякаси-связист оказался менее терпеливым и самостоятельно полез наружу – по груди хозяина на его плечо, с явным намерением добраться до уха.

– Тора! – Юрико сделала попытку стряхнуть неопознанное существо с шеи товарища.

Тора молниеносно пресек самоволку собственноручно. А про себя отметил самоотверженное бесстрашие девушки, воспринявшей явление аякаси как реальную угрозу.

– Это мой связист, – быстро пояснил Тора и грозно посмотрел на замершего в его кулаке аякаси. – Тебе сколько раз повторять: без команды из кармана ни шагу!

Юрико живо заглянула Торе через плечо, увидела обиженно моргавшие лупешки поверх дисплея и прыснула.

– Новенький. Еще не привык к порядку, – пояснил Тора и нажал кнопку приема.

– Это не квартира, а притон для тараканов! – гроыхнуло в динамике. – А он еще поиздевался – изучай магию очищения!

– Юдзо, погоди, – Тора хотел переложить телефон в правую руку, чтобы избавить Юрико от ненужных подробностей, но на правом плече висели две сумки, одна из которых требовала ручной фиксации. – Он говорил, что не был в своей квартире более полугода.

Юдзо шумно выдохнул.

– Короче, я еду за вами один, а Мара и Го продолжают выгребать мусор.

– Где Ичиро?

– Вместе с Рику. На должности водителя. Машина всмятку. Как Рику толпу народа убедил, что жив-здоров, понятия не имею.

– Ты его видел?

– Даже накачал. Поэтому не звони пока Ичиро. Он сейчас только матом изъясняется. Я въезжаю в город. Ты где?

Тора огляделся и сообщил брату название улицы.

– Через три минуты подъеду. Встаньте так, чтобы без промедления сесть в машину.

– Понял. Ждем.

Тора убрал мобильник, взял Юрико за руку и быстро пошел на перекресток, чтобы пересечь улицу и занять избранную позицию. В следующую секунду он спохватился, но девичья рука в его ладони не повлажнела и не дрогнула. «Как будто и я освободился от

проклятия, – подумал про себя Тора. – А ведь едва не поставил крест на контактах с женщинами. Это была бы опасная ошибка – отсечь из сферы общения половину человечества».

– Куда мы поедем? – спросила Юрико, поглядывая на пасмурное небо.

– В Токио. Квартира Ичиро где-то на западной окраине. Минут сорок отсюда по автострате.

– Ты у брата в гостя не бывал? – удивилась девушка.

– Ичиро давно живет с Рику, а свою квартиру так и не удосужился продать.

Ответив, Тора почуял, что мысли одноклассницы помчались в некоем завихрастом направлении. Он живо проанализировал собственные слова и догадался, где допустил ошибку. Исправляться он начал издалека.

– Очень надеюсь, Юрико, что тебе не придется стать свидетелем каких-либо сражений еще раз. Но случиться может всякое, а нас ты и видишь, и слышишь. Поясню, чтобы не возникло недоразумений. Обмен силами между ёкаями с человеческой позиции выглядит несколько... пикантно.

– А по-моему красиво, – Юрико придавила смешок. – И когда ты близняшек лизнул в лобешники, клёво смотрелось.

– Это воспринимается естественно, когда мы в зооморфной форме. В антропоморфной передача сил через телесный контакт выглядит как крепкие объятия, а через дыхание – как поцелуй.

– Счастливые! – искренне восхитилась Юрико.

– Почему? – не понял Тора.

– Потому что живете без дурацких предубеждений.

– Телесные контакты для выражения эмоций никогда не приветствовались в национальной культуре Японии. И даже во время европеизации в эпоху Эдо это считалось плохим тоном, – напомнил Тора.

– Ну и зря, – попытожила Юрико и, чуть смутившись, добавила. – Вот почему я обожаю мангу: мангаки рисуют такие миры, где плохим тоном не считаются даже объятия и поцелуи между парнями.

Тора опешил от этого заявления, но виду не подал, а для себя решил, что к молодежной культуре следует относиться внимательнее, чтобы, как сказал утром Хагивара Акира, быть «в курсе моды».

Бело-серебристый автомобиль затормозил так, что задняя дверца оказалась точно перед ожидавшими. Тора пропустил Юрико вперед, закинул на сидение сумки и сел в машину.

– Добрый вечер, Накадзима-сан, – бодро поздоровалась Юрико.

– Просто – Юдзо. Привет, – через плечо бросил Юдзо и лихо развернул машину прямо посередине улицы. Тора молча оценил маневр и слегка ткнул брата сзади в плечо.

– Что у нас плохого кроме бардака в квартире Ичиро? – осведомился он.

– Отец звонил. Его «фэ» ты выслушаешь лично. Я не въехал, про какой рикошет он твердил под диктовку Акиямы, но, кажется, это серьезно.

Мобильник Торы решительно заверещал на весь салон.

– Это папа, – пояснил Тора, доставая телефон.

Юрико осторожно посмотрела на напряженного Тору, перевела взгляд на затылок Юдзо, но вопросы придержала при себе.

– Да, пап, понимаю, – Тора, наконец, вставил слово в отцовский монолог. – Да, доверяю... Она не настолько сильна, как печально знакомый нам оммёдзи, но она служит людям, а не извращенным идеям... Нет, меня не распознала. И своего цукумогами не видела... Пап, точно так же, как ребята подняли близняшек на ноги зарядом аккумуляторов трех мобильных и одной фотокамеры, а по-настоящему – силой своей веры во всех нас! И точно так же, как

Миура, ничего не смысля ни в оммё-до, ни в синто-ритуалах, призвал Юдзо мне на помощь. Вопрос снимаем?..

Юрико дрогнула, увидав, как тает маска подростка на лице Торы. Она уже хорошо знала, что такое случается только в моменты крайне неприятных открытий.

– Да, понял... Откуда информация?.. Ясно... Да, конечно. И не собирались... Нет, как мыши, мы сидеть не будем. Просто проведем вечер в тихой спокойной обстановке... Я понял, пап. Прости, пожалуйста. Обязательно позвоню... Спасибо, пап. До связи.

Юдзо отклонился назад в водительском кресле и не оборачиваясь спросил:

– За что уши надраили? За хитогата?

– За то, что информация дошла через «десятых лиц», – Тора усмехнулся. – Такуя связался с близняшками по скайпу, рассказал, как мы попали к гадалке. А наши электрогивые – половину мимо четырех ушей, вторую половину Кире. Она и передала отцу, как поняла. Естественно, на упоминание оммё-до у папы шерсть встала дыбом. И тут подворачивается Акияма-сан и развивает теорию хитогата. Я не знаю, где он имел дело с отводом проклятий, но он уверен, существует опасность рикошета.

– Какого рикошета? – испугалась Юрико. – Миура и Такуя в опасности?

– Заклятие накладывала Танака-сан, используя энергию ребят. Их силы остались обезличенными, – напомнил Тора и нахмурился. – Каждый заклинатель рискует так или иначе, когда занимается отводом негативных сил. Так же как воин со щитом в руках. Не удержит щит – пострадают и он сам, и тот, кого он защищает. Отец сомневался, что у гадалки вообще хватит сил на действенную хитогата. Я убежден, что сил достаточно. Но про необходимость самозащиты заклинателя от рикошета я не знал.

– А Танака-сан? – голос Юрико дрогнул.

– Будем надеяться, что ей это известно, – медленно ответил Тора и встрепнулся. – Отец намерен ее прикрывать.

– Лично? – Юдзо резко обернулся, от чего машина ощутимо вильнула.

Тора поморщился, чем выразил свое мнение о невнимательности водителя.

– Вряд ли, – ответил он. – Но кого-нибудь отправит на караул, это точно. Юрико, за твоей квартирой тоже будут наблюдать.

– А адрес передали? – забеспокоилась девушка.

Тора улыбнулся.

– Твой дух знают восемь инугами, включая Инукаи-сана.

– Круто! – Юрико откинулась на спинку сидения и весело добавила. – Теперь мне от вас никуда не сбежать.

– Сегодня – точно не сбежишь, – в тон ей отозвался Тора. – Будешь учить уроки на пару с ёкаем.

Юрико звонко рассмеялась.

Теперь, когда она расслабилась, Тора решил не продолжать тревожную тему. Но вопросов скопилось много, и первый из всех – где находится одержимая Минами Саки – до сих пор оставался без ответа. Тора бросил взгляд на табло хронометра, встроенного в приборную панель автомобиля. Половина пятого. Вчера в это же время был заключен дьявольский договор. Сейчас в телефонном разговоре отец сказал, что по мнению аякаси из Киотского ареала, с которыми он совещался по теме одержимости, акума заинтересован в скорейшем выполнении своих обязательств, ибо длительная одержимость является угрозой психическому здоровью человека, а слетевший с катушек хозяин представляет угрозу для любого паразита.

Мобильник-аякаси призывно звякнул. Тора глянул на дисплей, увидел имя абонента и поспешно поднес мобильник к уху.

– Фума, что у вас?

– Мы его нашли! – раздалось из динамика.

– Тора, слышишь, – подхватил Като не менее громко и, видимо, попытался выхватить из рук брата телефон. – Нашли!

Тора включил «громкую связь» со своей стороны.

– Братцы, по-порядку, – попросил он.

– Нашли медика по имени Накадзима Тоору, – радостно доложил Фума. – Врач-стажер. Работает в больнице, которая рядом с адресом мамы Минами.

– В том же районе, где у матери Минами квартира, – издали поправил Като.

– Отцу сообщили? – быстро спросил Тора.

– Кира с ним на связи, – торопливо ответил Фума и бодро продолжал. – В стране, оказывается, столько Накадзима Тоору! В одной википедии штук десять.

– А этого мы из соцсети выловили, – Като опять сунулся к микрофону. – Он староват, правда. Около тридцатника. Но зато по месту самый подходящий!

Юдзо и Тора дружно хмыкнули на комментарий к возрасту, но Като свой ляп не заметил.

– И на мордашку ничего так, терпимый, – подхватил Фума. – Может, они друг в друга по-настоящему влюбятся. Было бы здорово, правда?

– Да уж, здорово, – Тора облегченно вздохнул. – Отлично, братцы!

В динамике послышался звонкий хлопок ладоней – близнецы отметили заслуженную похвалу.

Со стороны водительского сидения раздалась перепевка мобильного. Юдзо распорядился аякаси вылезти наружу самостоятельно и направил назад, к Торе.

– Като, Фума, спасибо. Тут у нас отец на связи, – Тора подхватил связиста брата, подползавшего к нему по спинке переднего сидения.

Глава семейства кратко сообщил об успехе интернет-искателей и уверенно заявил, что контроль будет обеспечен. Явного восторга в его голосе Тора не услышал, но легко определил, что отец настроен оптимистически.

– Пап, а если это не единственный вариант? – высказался Тора, когда отец собирался уже закончить разговор.

– Кира и ее команда продолжают работать по теме. Не беспокойся. Когда будут результаты – сообщу. Свою задачу ты и Юдзо знаете.

Тора нажал «отбой», посмотрел на Юрико и заставил себя улыбнуться.

– Надо верить в лучшее, – заявила она.

– Да, конечно, – ответил он и спонтанно отвернулся к окну.

Промелькнуло ощущение, будто упущено нечто очень важное, какой-то вопрос, который никто не догадался задать ни себе, ни товарищам.

Юдзо повел машину на парковку возле большого продуктового магазина.

– Эй, разве здесь? – удивился Тора.

– Здесь закупим еду. У Ичиро в холодильнике минералка и та протухшая. Ладно, хоть микроволновка исправная.

– А плита у него исправная?

Юдзо заглушил мотор и обернулся к брату.

– Тебе делать больше нечего? У меня весь планшет сканами забит. И всё для тебя.

– Сканы с планшета не убегают, – Тора живо пригладил волосы, будто собирался не в магазин, а напрямик к кухонной плите. – А хороший ужин сегодня полезен всем.

Эпизод 9

[Пояснения к эпизоду](#)

Юрико озадаченно поглядывала на торговую тележку, наполнявшуюся продуктами по мере следования Торы вдоль полок, но вопросы держала при себе. Рис, фрукты, овощи, куриные грудки, говяжьёй вырезку и свежую рыбу она, разумеется, опознала без труда. Но что Тора собирается делать с тем разнообразием соусов и приправ, которые набирал в корзину, она просто не знала. Последней каплей в чаше любопытства стал большой охлажденный омар.

– А это куда? – осторожно спросила она.

– Это в салат, – походя ответил Тора. – Мясо или рыбу предпочитаешь?

– Рыбу. Только я ее готовить не умею.

– Готовить буду я, не волнуйся. Юдзо, на кухне шейкер есть?

– А что это такое?

– Ясно, – подытожил Тора и завернул в отдел, где предлагались кухонные инструменты.

Когда четыре огромных пакета с покупками были загружены в багажник машины, Юрико рискнула высказаться.

– По-моему, тут на целую неделю.

– Да ну, что ты! – откликнулся Тора. – Сегодня ужин, завтра завтрак. Нас пятеро точно, а может быть Рiku и Ичиро заедут вечером. На обед в школу сделаю бэнто.

– Ты правда готовить умеешь? – все-таки отважилась спросить Юрико.

– За ужином оценишь, умею или нет.

Юрико покосилась на Юдзо.

– Умеет, умеет, – со сделанной безразличностью в голосе откликнулся тот.

Юрико решила больше ни о чем заранее не спрашивать, дабы не потерять ощущение реальности, которое плавно уплывало в незримые дали по мере поступления новой информации о ёках.

Реальность отвоевала законное место в сознании Юрико, стоило ей переступить порог дома, где ей предстояло провести вечер и ночь. Просторная, с отдельным в ходом, двухъярусная квартира изнутри выглядела как склад барахла. Сразу в прихожей на полу стоял компьютерный моноблок, возле которого валялись кабели, интерфейсы и какие-то мелкие аппараты. Декоративную нишу, предназначенную для напольной вазы или икебаны, занимала грубая пластиковая этажерка, на нижней полке которой лежали мотоциклетные перчатки и большой напильник, а на верхней среди неопознаваемогохлама возвышалась трубка стационарного телефона на отключенной базе. В приоткрытом стенном шкафу Юрико углядела кожаную куртку знакомого фасона, но потрепанную так, будто этой курткой чистили шершавый бетонный пол. Вдоль стены выстроились большие мусорные пакеты, битком набитые жестяными банками из-под напитков. И это явно был еще не финал, поскольку звуки спешной уборки раздавались и слева, где находилась ванная комната, и из гостиной.

На шум в прихожей из-под арки выскочил включенный молодой человек в длинном клетчатом фартуке.

– Тора-сама! Юдзо-сама! – воскликнул он. – Ой, мы тут не всё успели. О! Мидзуки-сан, добрый день!.. Я сейчас... секундочку... – он принялся спешно снимать свою трудовую униформу, но быстро развязать узел не сумел, и побежал встречать прибывших, продолжая обеими руками теребить завязки фартука у себя на поясице.

– Мара... – начал Юдзо.

Тора поступил более практично: живо поставил на пол пакеты с продуктами и шагнул навстречу секретарю. В следующий момент Маракайто, начисто забывший о ступени гэнкана, оступился и, поскольку руки его были заняты узлом за спиной, ухнул носом вниз, как бревно.

Юрико, рефлекторно зажмурившаяся в момент кульбита, услышала над головой преспокойный комментарий Юдзо: типично, – и открыла один глаз. Маракайто висел на руке Торы, обхваченный под грудь.

– Тора-сама, ну... это... – секретарь, установленный в вертикальное положение, суетливо поклонился. – Как всегда выручили. Спасибо.

– Мара, угомонись, – Тора походя хлопнул его по плечу. – Юрико, это Огава Маракайто. Собственно, вы уже знакомы.

Юрико сдержанно поклонилась. Конечно, она помнила вездесущего «сотрудника дома Накадзима», помогавшего «первому-Дэ» при подготовке к Хэлловину. Маракайто улыбнулся во весь рот. Юрико ответила открытой улыбкой, и скованность исчезла без следа.

В дверях ванной комнаты появилась Го. С закатанными выше локтей рукавами белой блузки и тоже в фартуке, надетом поверх строго брючного костюма, пиджак от которого был предварительно снят.

– Тут еще не везде чисто, – торопливо заговорил Маракайто. – Но комнату с татами для Мидзуки-сан мы уже оформили. Вот тапочки, пожалуйста... А... но... Юдзо-сама, пакеты. Давайте я...

– Мара, нет, – Юдзо преградил ему дорогу к сумкам с покупками. – И на кухне, пожалуйста, до ужина не появляйся.

– А... но... это... Я уже сбегал за посудой, Юдзо-сама.

Го медленно отвернулась, чтобы скрыть неуместную улыбку. Мара продолжал.

– А разогреть еду? Если... это...

Тут он обратил внимание на содержимое пакетов и оторопело уставился на Тору, невозмутимо переодевавшего обувь. Видно было, что о кулинарных способностях господина он осведомлен только теоретически.

– Мидзуки-сан, – Го приняла на локоть куртку девушки. – Комната для вас подготовлена. Я в вашем распоряжении в любой момент.

– Юрико, – позвал Тора. – Го будет ночевать с тобой рядом непосредственно. Располагайся. Ужин через час.

– Ой, Тора-сама, обождите! – Маракайто кинулся вслед за старшим господином. – Мы во-он там сделали типа ширмы. Переодеться и это... Может, все-таки футоны съездить купить. Юдзо-сама?

– Ты диван для себя вычистил? – остановил его Юдзо.

– Ну да, только... это... А вам-то как спать? Там же только ковролин и...

– У нас собственные шкуры, – отрезал Юдзо.

Юрико и дольше стояла бы в дверях, приоткрыв рот, но Го ждала, когда вверенная ее заботам гостья пройдет в комнату, и Юрико заставила себя отвлечься от фантастической картины ёкайского быта.

Комната оказалась крошечная, без внешних окон и без какой-либо передвигаемой мебели. Но хорошо прогретая электрической печкой.

– Ичиро-сан использовал это помещение, как гардеробную, – сообщила Го. – Но это самое теплое помещение, а проветрить можно в любой момент. Я приоткрою дверь, если прикажете.

– Го-сан, я не собираюсь вам приказывать! – Юрико передернулась всем телом. – И, пожалуйста, не надо так официально. И вообще. Из-за меня вся эта каша заварилась. Буду помогать меня защищать, – она виновато пожала плечами, посмотрела на обнаженные по

локоть руки своей телохранительницы и заявила. – А для начала помогу с уборкой. Уж что-то, а мыть полы я умею.

Она живо сняла школьный пиджачок и огляделась в поисках места для одежды.

Го приоткрыла стенной шкаф.

– Мы приготовили вам домашнее кимоно, если вы не против, – сообщила она.

– Правда? – обрадовалась Юрико. – Я хотела своё взять, только в сумку запихнуть не смогла.

– Хочешь принять ванну? Полотенца, шампунь – всё есть. Пойдем?

– Ага! – тут же согласилась Юрико.

Оценив результаты уборки на глаз, Юрико поняла, что Го очень старалась, натирая средствами для чистки стены и пол. Но отмыть до блеска всё помещение было объективно невозможно по причине большой кубатуры, ограниченного времени и застарелости загрязнений. Над треснувшей раковиной следы чистки были особо хорошо видны, поскольку Го оттирала что-то избирательно. На стене над умывальником, где обычно вешали зеркало, красовалось ровное овальное пятно, ярко выделявшееся на фоне рыжих разводов на кафеле.

Юрико ни с того ни с сего вспомнила клыки и когти хозяина квартиры.

Клыки. Отсутствие зеркал. Тщательная затирка каких-то пятен в ванной. Факты выстроились в рядок, и в голове зашевелились мысли о вампирах.

– Го-сан, а кто такие мадзоку? – ляпнула Юрико, не успев обдумать вопрос.

– Воплощение духов оружия, – ответила Го и смущенно развела руками. – По-правде говоря, я очень мало знаю о расах мира обакэ. Я родилась здесь, в человеческом мире.

Юрико так и подмывало спросить, кто есть сама Го-сан. Но задавать вопрос прямо девушка постеснялась.

Наполненная ванна заблагоухала ароматом весны.

– Это всё, что я умею из магии, – пояснила Го и тронула пальцами воду. – Иллюзия запаха.

– Почему же иллюзия, если так прекрасно пахнет? – удивилась Юрико и смело сбросила трусики и лифчик в бельевую корзину. – Го-сан, а вы почему не раздеваетесь? Разве вы не будете мыться?

Го замялась.

– Это не совсем одежда, – она повела плечами, как бы демонстрируя жилет и блузку. – Это часть моего человеческого облика. В истинной форме мне действительно нужно отмыться, чтобы ночевать в вашей комнате. Но я очень сильно перепачкалась сегодня. Тут всё будет в грязи после меня.

Глаза Юрико азартно заблестели.

– Так давайте сначала вас отмоем, а потом заново воду нальем. Или вы в этой ванне не уместитесь?

– Нет-нет, я не гигант, как Тора-сама. Я обычная... волчица.

– Вау! – восторженно воскликнула Юрико и, заметив смущенный взгляд собеседницы, удивленно спросила. – А разве это плохо быть волчицей?

– Вид хищного зверя часто пугает людей.

– Го-сан, – Юрико по-мальчишески усмехнулась. – Я видела Тору-сэмпая во-от с такой пастью и во-от с такими когтищами на лапах, – сообщила она, проиллюстрировав оба размера соответствующим движением рук. – И видела, как он драл какого-то земляного типа в страшной маске.

Го неуверенно улыбнулась и покосилась на дверь с раскучеренным замком.

– Мужчины сюда не войдут, пока моются женщины, – Юрико деловито отодвинула ногой к дверям корзину с бельем. – А если вас вздумают ругать за нарушение порядка охраны, я скажу, что мне каппа в ванне привиделся, и вы кинулись меня защищать.

Го не удержалась и рассмеялась в голос.

– Обманывать Тору-сама бессмысленно, – сообщила она. – Он чует любую ложь. Меня не будут ругать. Я обернусь в истинную форму.

Юрико уставилась на молодую женщину во все глаза, но момент превращения так и не заметила. Зато восторженно взвизгнула, увидав перед собой самую настоящую волчицу. Впрочем, после более внимательного осмотра, Юрико озадаченно прикусила губу.

– Го-сан, вы в болото провалились, да? – осторожно уточнила она.

«Мне дали задание раскопать селевые массы на склоне», – сообщила Го.

– Так. Ясно, – объявила Юрико и решительно взяла в руки душевой шланг.

– В ванной веселье или я ослышался? – спросил Юдзо, затянув узел оби на талии брата.

– Не ослышался, – Тора ловко завязал концы тасуки подмышкой и пошевелил плечами, проверяя, надежно ли за крепил рукава кимоно. – Юрико отмывает Го от побочных результатов твоей режиссуры.

– Я всего лишь предложил набросок сценария. Зато Мара разыграл сцену как истинный актер. Не пойму: Го твякает, что ли?

– Смеется. В ход пошёл шампунь и, кажется, в большом количестве.

– Ну-ну, – хмыкнул Юдзо. – Одним ручным феном волчью шкуру будут сушить до полуночи.

– Об ковер где-нибудь оботрется, – Тора кивнул в сторону лестницы на второй этаж, незадействованный по причине сверх захламленности, и натянул на пятнистые предплечья нарукавники, прилагавшиеся к комплекту кухонной униформы.

– А ты свои лапы чем сушить будешь? – Юдзо взглядом показал на покрытые шерстью кисти рук.

– Языком. Как все нормальные коты. Кстати, если очень попросишь, я допущу тебя до чистки рыбы.

Юдзо перекосило от омерзения.

– Если почую на твоей шкуре хоть каплю рыбьих потрохов, спать будешь в противоположном от меня углу! – заявил он.

Тора по-кошачьи громко замурчал.

– Вали уже к своей вожаденной плите, – огрызнулся Юдзо, но от смешка не удержался.

И Тора, покачивая изогнутым хвостом, бодро направился на кухню.

Юрико прекрасно понимала, что ее присутствие за дверями кухни для Торы не секрет, даже если бы она попыталась спрятаться за приоткрытыми створами. Но оторваться от завораживающего спектакля не было сил. Она следила за быстрыми кошачьими движениями, за танцующими в проворных руках ножами и разделочными досками, пыталась рассмотреть в парком мареве над электроплитой волшебные синие огоньки, и с каждой минутой больше и больше убеждалась, что ёкайской магии на кухне нет. Там воцарилась совершенно другая магия – магия вдохновения.

– Юрико-сан, – шепнул подошедший сзади Маракайто. – Тора-сама сказал, что через десять минут начнет накрывать стол. Сейчас лучше его не трогать. Он меня уже три раза выгнал. Неудобно так. Он там трудится, а я...

– Огава-сан, он отдыхает, – вдруг сказала Юрико и, сказав, поняла, что абсолютно права; она повернулась лицом к собеседнику. – Он просто отдыхает. И набирается сил, потому что делает любимое дело для близких людей. Не будем ему мешать.

Она подняла ведро, одернула фартук, который вытребовала у Мары вместе с правом участвовать в уборке, и бодро направилась в прихожую.

Накрытый стол источал неподражаемые вкуснейшие ароматы, и Юрико, забывшей сегодня про обед вообще, оказалось очень нелегко сдержаться, чтобы не накинуться на еду, как голодный зверек. Ей редко приходилось садиться за стол в такой большой компании, но отец с детства учил дочь соблюдать застольный этикет, поэтому сейчас она легко подстроилась под принятые здесь манеры. Впрочем, специальных ухищрений и не потребовалось. Даже Го, которая поначалу очень скованно чувствовала себя за одним столом с хозяевами, быстро и незаметно для себя расслабилась.

В разгар трапезы из рукава домашнего кимоно Юдзо выполз аякаси-мобильник, прошелся на четырех птичьих лапках по столу, встал перед хозяином и выразительно загудел.

– Ну и что на сей раз? – Юдзо взял связиста в руку, выслушал абонента и сердито высказался. – То через час, то через пять минут! Решите уже, наконец, кто куда едет. Но учти, Рiku: через час останетесь без ужина.

Он резко вдавил кнопку «отбой», бережно отправил своего аякаси обратно в рукав и обратился к Маракайто.

- Мара, открой, пожалуйста, входную дверь. Явятся через три минуты оба.
- Видел? – уточнил Тора.
- Слышал, как Ичиро втопил газ после слова «ужин».

Ичиро прямым от порога прошагал в гостиную, потом вспомнил, что неплохо было бы снять ботинки, а после указания Торы смыть с лица и рук уличную пыль, завернул в ванную, и оттуда уже озадаченно уточнил.

- Эй, народ, вы тут убирались, что ли?

Рiku тем временем невозмутимо снял обувь и полупальто, прошел в столовую, поздоровался со всеми присутствующими и, бегло оглядев разделочные столы и кухонную плиту, обратился в вопросительный взор на Тору.

Юрико в свою очередь осторожно изучала взглядом человека, побывавшего в аварии, про которую Юдзо сказал «машина всмятку». Костюм, рубашка и галстук на Рiku были новые, это девушка определила сразу. Но никаких следов ранений не заметила. Затем обратила внимание, что два пустующих места за столом расположены сразу слева от нее и невольно подалась в сторону Го, сидевшей справа.

Тора предложил брату располагаться. Юрико уже готова была вздохнуть облегченно, ибо Рiku направился к ближайшему к ней стулу. Но стремительный Ичиро ворвался в столовую, походя отпихнул брата и навис над Юрико, изумленно разглядывая блюда и персональные приборы.

- Это из какого ресторана? – спросил он в воздух и уселся рядом с девушкой.

Тора заговорчески улыбнулся. Рiku вынужден был занять крайнее место и, явно недовольный расстановкой, приготовился устно сдерживать близнеца ото всяческих вольностей.

Юрико заметила кислую мину на лице Юдзо, благо тот сидел перед ней, и решила, что имеет право защитить Тору от вопиющей невнимательности. Она развернулась к Ичиро в пол-оборота и в своей обычной манере выдала:

- А кругом посмотреть?

Ичиро окинул ее с головы до коленок восхищенно-оценивающим взглядом и изволил оглядеться. Взгляд несколько раз скользнул по разделочному столу, и лишь на третьем или четвертом прогоне Ичиро понял, почему на него так выразительно смотрят оба родных брата.

- Кошак, ты это всё наделал?
- Приятного аппетита, – рассмеялся Тора.
- Слушай, не. Ты чего, всё это здесь? На этой кухне? Колдовал, что ли?
- Не-а! Просто оттянулся.

В процессе возобновившейся трапезы Рику заметил:

– Тора, кажется, ты усовершенствовал своё искусство кулинара с тех пор, как папа собрал нас в рёкане. Где ты практиковался?

Тора отрицательно качнул головой.

– Не в практике дело. Тогда был ограниченный набор продуктов. А сегодня я сам подбирал ингредиенты для блюд.

– Тора-сэмпай, – Юрико решила придать обращению некоторую официальность. – Я не гурман, конечно, но почему-то мне кажется, что завтрак в гостинице Нагано был как бы... очень похожим на это.

Тора почесал когтем за ухом и картинно уставился в потолок.

– Что, правда, что ли? – Юрико аж привстала. – Тора, а... а... почему?

– Вкусно было? – Тора по-кошачьи прищурился.

– Еще бы! Но ведь все подумали, что это Фукунага-сэнсэй заказал!

– Какая разница, что подумали. Главное, было питательно и вкусно. И репутация гостиницы не пострадала.

Рику негромко прищелкнул пальцами и внимательно посмотрел на Тору. Тот мимолетно нахмурился.

– Давайте про дела после ужина, – предложил он. – На очереди – десерт и кофе для желающих.

– Десерт? – Юрико разглядела заготовленный поднос с чашками. – С вишенкой?

– Угадал? – Тора улыбнулся.

– Угу.

Ичиро расхохотался.

– Во дает! То пацанка, то милашка. А по-правде-то какая?

– Многогранная натура, – заявила Юрико и бережно сняла с подноса чашку с десертом.

– Слушай, натура. Дай-ка телефон, я тебе свой номер вобью, – заявил Ичиро и ловко увернулся от тычка в левый бок.

Юрико невозмутимо отправила в рот целую ложку воздушных сливок, облизнула губу и ответила.

– Если когда-то будем в одной команде, тогда и вобьете, Ичиро-сан.

Уплетая десерт, Юрико не заметила глубокого лисьего взгляда напротив, и тем более не видела за широкими плечами Ичиро загадочную улыбку на тонких губах Рику.

Кошачьи уши, как локаторы, изловили оба флюида, и Тора безмолвно напомнил братьям: «Это лишь возможное будущее».

Уборку на кухне Тора оставил на Маракайто, Го и напросившуюся в помощники Юрико, а сам присоединился к братьям в гостиной.

– Из больницы какие-нибудь известия есть? – первым делом спросил он, когда все четверо расположились на ковре вокруг низкого журнального столика.

Ответил Рику:

– Полчаса назад отец сообщил, что команда застряла в пробке. Кира попыталась пробиться на локальный сервер, чтобы достать базу данных пациентов, но защита там хорошая, и скрыть следы взлома будет непросто. Отец распорядился не нарушать закон.

Тора поморщился.

– Чего ты так волнуешься? – удивился Ичиро. – Подсунут девчонке приличного парня, взрослого, образованного. Еще и на пользу пойдет.

– С какой стати акума будет работать «на пользу»? – бросил Юдзо в сторону.

– Слушай, Юдзо, ты хоть теперь свой репертуар смени! Не всё же в жизни всегда плохо! – искренне возмутился Ичиро.

Юдзо глянул на Тору, убедился, что тот придерживается мнения, аналогичного его собственному, но в спор с Ичиро не полез и нервно отмахнулся.

– Я готов представить собранные факты, – объявил Рику и, заручившись молчаливым согласием братьев, начал. – Прежде всего о Фукунаге. В Университете он провел более четырех часов. Что именно делал и с кем встречался, отследить не удалось. В половине шестого вышел взвинченный и, очевидно, не довольный результатами. Направился на станцию, где сел в поезд и поехал домой. Интересные факты о школьной поездке. Фукунага зафрахтовал автобус на личные средства, и также на личные средства забронировал десять номеров в частной гостинице за три дня до поездки. Утром в день отъезда, буквально за час до поезда, он отказался от плановой автобусной экскурсии, организованной через тур-фирму, и от ночевки в общежитии местного колледжа. Вот почему представители встречавшей стороны были уверены, что вечером гости отправляются на вокзал. Освободившиеся средства он от имени школы перевел на счет гостиницы, где уже сделал бронь. После чего позвонил хозяйке и упросил ее разместить еще 14 человек, которым, якобы, вдруг отказали в отеле. Чем фактически поставил хозяйку в безвыходное положение.

– Почему он стремился попасть именно в этот рёкан, выяснили? – спросил Тора.

– Личное знакомство с хозяйкой. Фукунага дважды приезжал в Нагано – в феврале и в августе текущего года. «Гнилым дзиндзя» он открыто не интересовался, но в поселок ездил по крайней мере один раз – летом.

– Его вспомнил местный житель, – вставил Юдзо. – В этот раз он Фукунагу не видел, но среагировал на устное описание.

– Из школы с Фукунагой связались или нет?

– Он отключил телефон, – ответил Рику. – В квартиру к нему приходили дважды. В десять утра он просто не открыл дверь. В три-пятнадцать – отсутствовал по-настоящему. Человек, приходивший днем, по описанию похож на вашего учителя японского.

– Тора, ты вчера, вроде, говорил, что Фукунага – ученик этого вашего спеца по древностям, – вставил Ичиро.

Тора кивнул и опять обратился к Рику.

– Есть возможность раскопать досье Яо-сэнсэя и Фукунаги?

– По моим каналам проблематично. Поговорю с отцом сегодня. Его посредники входят в состав комитета учредителей вашей школы. Какую-то информацию можно получить через них, я думаю. Но есть еще один хороший источник – твой товарищ-журналист.

– Хагивара Акира?

– Смышленный парень. Хваткий, грамотный, достаточно осторожный для своего возраста и темперамента. У него крепкие связи с университетским институтом социологии. Личные, без посредничества отца-журналиста.

– Это тот парень с фотоаппаратом, которого в мае ты не дал мне отметить как следует? – уточнил Ичиро. – А ему так хотелось подраться!

– Мальчишество с годами излечивается у большинства мужчин. Но бывают исключения, – бесстрастно произнес Рику и, не позволив Ичиро высказаться, продолжал. – Теперь информация из Нагано. Останки, обнаруженные в селевых массах, принадлежат Кисимото Масао, 1964 года рождения, сотруднику Токийского университета факультета филологии, без вести пропавшего в марте 1999 года. Место рождения: город Вараби префектуры Сайтама. Семейный статус на момент трагедии – разведен, сын 1986 года рождения проживает с матерью. Об исчезновении Кисимото Масао заявил его сослуживец, старший научный сотрудник того же факультета Яо Сатоси.

Тора привстал на коленях.

– Яо-сэнсэй?

Рику с чувством кивнул. Тора медленно вернулся в сэйдза и оперся руками в столешницу

журнального столика. Юдзо неодобрительно посмотрел на Рику.

– Умеешь эффектно подавать информацию. Bravo, – отметил он.

– Просто факты в порядке поступления, – бросил Рику в ответ.

Тора пропустил пикирование мимо ушей.

– Яо и Кисимото работали вместе, – негромко начал он. – И, очевидно, дружили. Яосэнсё немного за пятьдесят. Значит, он родился в начале 60-х. Фукунаге около тридцати. И сыну Кисимото сейчас столько же.

– Интересная мысль, – заметил Рику.

– Бывшая жена Кисимото. Какая фамилия у нее сейчас и какую фамилию она дала сыну?

Рику приподнял руку, мол, не торопись.

– Сын Кисимото носит фамилию отца по сей день. Он инженер, работает в одной из транспортных компаний в Иокогаме. Полиция сообщит ему о результатах судмедэкспертизы, когда придет официальный отчет.

– А я уж подумал, Фукунага продолжает дело отца, – вставил Ичиро.

– Я тоже так подумал, – сказал Тора. – Но отказываться от темы «связь Кисимото и Фукунаги» мне почему-то не хочется.

– Согласен, – поддержал Рику. – Прощупаем обязательно. Но уже завтра. Тора, каковы твои..?

Резкий перезвон мобильного оборвал его на полуслове. Тора выхватил из рукава кимоно своего аякаси.

– Отец, – быстро пояснил он братьям и принял вызов.

– Тора, мне очень жаль, но в этой больнице девочки нет и не было, – сообщил глава семейства почти официальным тоном. – А наш однофамилец в настоящий момент находится на конференции и в Токио вернется не раньше понедельника. Продолжаем поиски. Защиту гадалки и твоих друзей я намерен серьезно усилить. Будь начеку. Пока всё.

Тора медленно опустил руку с телефоном.

– Облом, – произнес он, покосился на открытые двери кухни, где, как солдатик, застыла Юрико, и специально для нее пояснил: – В больницу, где работает молодой врач Накадзима Тоору, Минами не поступала.

Ичиро вполголоса грязно выругался. Рику нахмурился. Тора знаком предложил Юрико подойти и глянул на Юдзо, почуяв, как тот напрягся. Однако вместо ожидаемого Торой описания «кадра из будущего» Юдзо, глядя на свои колени, спросил в стиле «мысли вслух».

– Каким образом можно заставить человека влюбиться в другого человека с первого взгляда?

Тора вздрогнул. Это был тот самый вопрос, который он не сумел довести до ума, когда Като и Фума взяли след, на проверку оказавшийся ложным.

– Мозги встряхнуть, как это делает Рику, – пренебрежительно фыркнул Ичиро.

– Кабы акума лазил по мозгам, все давно бы с ума сошли, – вполголоса заметил Тора и пояснил. – Это сказал Хагивара Акира. И я с ним согласен. Акума взаимодействует с духовной составляющей личности, а сознание как таковое вне его компетенции. Юрико, – он подождал, когда она пристроится на ковре рядом с ним. – Повтори, пожалуйста, как Минами сформулировала своё желание. Дословно.

Юрико решительно выдохнула и проговорила.

– «Я желаю, чтобы один человек очень сильно в меня влюбился».

Она осторожно оглядела братьев Накадзима. Эмоции хорошо просматривались на физиономии Ичиро. Но на лицах остальных читалась лишь напряженная работа мысли.

– Тора, – позвала Юрико. – А что, магия не управляет чувствами людей?

– В распоряжении акума лишь те способности, которые он получил, выполняя свои обязательства по договорам с людьми. Абсорбировать силы обакэ он не способен. А кроме

обакэ никто не владеет магией.

– А как же полтергейст? – удивилась Юрико.

– В основе явления полтергейста – телекинез, материализация мысли человека. Юрэй – призраки умерших людей – часто имеют некоторую власть над материальными предметами. Этот акума – не новичок в человеческом мире. Его прошлые приобретения плюс сила воображения Минами, и вот результат: теперь он лихо передвигает мебель и автомобили.

– Он мог бы предложить аякаси взаимовыгодное сотрудничество, как предложил тебе, Тора, – высказался Рику.

– Или гипнотизера какого-нибудь припахал, – вставил Ичиро.

– Второй договор при незакрытом первом? – усомнился Юдзо.

– Думаешь, у него харя треснет от двух договоров?

– А что если... – Юрико криво улыбнулась, когда четыре пары глаз обратились на нее. – Что если он просто нашел парня с закидом на почве девушек? Извращенцев вокруг полно. А Минами хорошенькая. Вот вам и любовь с первого взгляда.

Образовалась короткая пауза.

– Это ответ! – вполголоса воскликнул Тора.

– Умница! – почти в один голос с ним высказался Юдзо.

Рику восхищенно посмотрел на автора идеи.

– Во варит башка! – Ичиро восхитился вслух и потрепал Юрико по голове.

– Тора, кому звонишь? – быстро спросил Рику.

– Кире для начала. Пусть поднимут все доступные материалы по маньякам, извращенцам и домогателям.

Рику достал свой телефон.

– Звоню отцу, – объявил он и, придержав палец над кнопкой вызова, добавил. – В начале года в прессе освещали судебный процесс над группой педофилов. Среди прочих был наш однофамилец, ранее судимый за детскую порнографию. Но в тот раз его оправдали.

Рику отошел к окну, Тора – к дверям кухни, а Юрико непроизвольно придвинулась к Юдзо.

– Черт подери! – Ичиро вскочил. – Теперь девчонку нужно не просто искать, а спасать! А ну как педофил ее поимеет!

– Сядь, – шикнул на него Юдзо. – Акума не допустит физических увечий. Девочка нужна ему, чтобы заключить дополнительное соглашение. Для аннулирования результатов основного контракта.

– Что? – Ичиро шагнул к брату. – Ты «видел», что ли? И только сейчас изволил сказать?

– Думай, что болтаешь! – Юдзо привстал, но тут вздрогнул и поспешил отвернуться от Юрико.

– Извини. Юдзо, эй? – Ичиро наклонился к нему.

– Всё в порядке, – Юдзо постарался придать своему лицу нейтральное выражение, но собственное ощущение – «красный иероглиф» есть причина смерти – поднялось из забвения и осело на спине колючим холодком.

Тора вернулся к компании с умолкшим мобильником в руке. За ним нерешительно следовал Маракайто. Го осталась в дверях – там же, где недавно стояла Юрико.

– Его имя – Тоору, – сообщил Тора. – Указано в статье, про которую говорил Рику. Кира нашла моментально. Она уверена, что и досье на этого типа добудут быстро. Ждем ее звонка.

– Отец велел нам действовать по обстановке, – объявил Рику, завершив короткий разговор.

Юдзо ни слова не говоря встал и направился за ширму, где братья переодевались по приезду. Тора дернулся за ним, но Юдзо, не оборачиваясь, сказал.

– В любом случае ты остаешься с Юрико здесь.

Тора выдохнул и согласно кивнул.

– А может ничего не случится? – Юрико вымученно улыбнулась.

– Знаешь, даже я вдруг перестал быть оптимистом, – сообщил ей Ичиро, спохватился и продолжил в своей обычной манере. – Не трусь. Поймаем мы этого акума не сегодня, так завтра.

– Акума я не боюсь, – заявила Юрико и, вздохнув, добавила. – Мне за Минами страшно. Неужели она не понимает, с кем связалась? И ради чего? У нее же всё есть – красота, таланты и даже дом собственный.

– Когда у человека всё есть, а он желает для себя еще больше – это жадность, – бесстрастно подсказал Рику.

– Братцы, Кира звонит, – Тора поднял к уху едва успевший пискнуть мобильник.

– «Громкую связь» включи! – крикнул Ичиро.

Тора поспешно скомандовал связисту поднять динамик.

– ... по прозвищу «Ту-ту», – продолжала отчет Кира. – 42 года, из них девять провел за решеткой. Привлекался за изнасилование и за хранение детской порнографии. В настоящее время работает уборщиком в морге при госпитале...

Услышав адрес больницы, Ичиро обвел братьев шальным взглядом и, будто не веря сам себе, выговорил.

– Это же здесь, рядом. Минут 15 езды всего.

Юдзо в обычной своей уличной одежде стремительно прошел в прихожую.

– Рику, в машину со мной. Едем на огнях. Ичиро, прикрываешь. Догоняй.

– Эй! Ты что, напрямик собрался? – Ичиро кинулся к входной двери.

– У нас очень мало времени, – отчеканил Юдзо.

– Братцы, не забывайте про его способности шантажиста! – предупредил Тора.

Рику кивнул и вслед за Юдзо вышел из дома.

* * *

Перед короткой лестницей на цокольный этаж Рику шепотом окликнул брата и, когда тот оглянулся, в два шага опередил его, чтобы первым встать перед дверью с табличкой «патологоанатомическое отделение».

– Разговариваю только я, – предупредил он и быстро достал темные очки.

Юдзо вспомнил про свои, но, выдернув их из кармана, озадаченно замер.

– Одинаковые, – без эмоций прокомментировал Рику.

– Я выбирал на свой вкус, – сердито бросил Юдзо и засунул очки назад, в карман.

– А я на свой, – Рику улыбнулся. – Стой позади меня. Тебя не будут замечать.

И он нажал кнопку вызова на панели домофона.

Прозвучало не менее десятка гудков прежде, чем щелкнул дверной замок. Рику удовлетворенно повел бровью и первым вошел в тамбур. Мужчина средних лет в униформе обслуживающего персонала вялым усталым голосом произнес стандартное приветствие, тем же тоном безо всяких пауз проговорил слова соболезнований и шагнул к каталке, на которой стоял простой закрытый гроб, приготовленный для вывоза. Рику никак не отреагировал на ошибку работника в идентификации посетителей, показал ему пластиковую карту – пустую, как успел заметить Юдзо, – и задал вопрос.

– Могу я видеть Накадзиму Тоору?

– Полиция? – сотрудник морга неуютно передернулся. – Сожалею, офицер. Накадзима-сан ушел домой. Его смена закончилась в семь.

Рику глянул на наручные часы, а Юдзо, затаив дыхание, проследил за перемещением блеклого пятна от гроба через всё фойе до стенного шкафа. Створа как будто слегка сдвинулась с места.

Что там? Покажи! – не то беззвучным шепотом, не то мысленно выплеснул Юдзо.

Блеклое пятно тотчас обрело очертания женской фигуры, а створа шкафа бесшумно отъехала настолько, что стали видны два пальто на вешалках.

Рику заметил и призрака, и пальто, а потому продолжил вроде бы законченный разговор.

– Вы уверены, что он уже ушел? – он задал вопрос без специфических эмоций, но выразительно посмотрел на шкаф.

Работник нерешительно оглянулся, увидел уличную одежду напарника, слегка побледнел и пробормотал.

– Извините, офицер. Мне показалось, что он распрощался. Наверное, пошел... – он показал на боковую дверь. – В основное здание по внутреннему переходу. Вы можете подождать его здесь...

– Не стоит. Благодарю.

Рику, придерживая Юдзо взглядом от импульсивных движений, без спешки вышел наружу. Призрак женщины выплыл следом.

«Уйдем из-под видеокамеры», – безмолвно распорядился Рику.

– Госпожа юрэй, вы знаете, где сейчас человек, которого мы ищем? – быстро спросил Юдзо, чуть только ёкаи завернули за торец здания.

Из пространства повеяло холодным ветерком.

«Его увел аякаси. Красивый как тэнси, но черный, как сама тьма».

– Это не аякаси, к сожалению, – сообщил Рику. – Это акума, бессовестный искуситель человеческих душ.

«Бедная девочка! – призрачные контуры юрэя мелко задрожали. – Он пообещал ему встречу с девочкой. Прошу вас, остановите его. Я помогу! Сделаю всё, что в моих силах. Только остановите насилие! Это ужасно. Этот человек трогал мертвые тела и испытывал удовольствие. Это было ужасно! Что же он сделает с живой девочкой?»

– Юрэй-сан, держитесь подле меня, – распорядился Рику и стремительно зашагал к центральному крыльцу больницы.

– Уже четверть восьмого! – воскликнул Юдзо, разглядев электронное табло над входом.

– Я в курсе, – обронил Рику и, приостановившись возле входа в холл, оглянулся на брата. – Можешь найти его по запаху?

– Издеваешься? Думаешь, если я сегодня обернулся, то и все лисьи способности заимел?

«Он наверху», – юрэй подняла призрачную руку и указала в верхний правый угол огромного холла.

– Я узнаю, в какой палате Минами, – с этими словами Рику направился к рецепшену.

Юрэй замешкалась и так осталась возле Юдзо. Тот быстро осматривал холл и уходившие вглубь здания коридоры.

«Шестой этаж», – без слов сообщил Рику.

Поодаль от регистратуры из лифта вышли несколько человек. Рику пошел к распахнутой кабине.

«По лестнице!» – ёкайским голосом крикнул Юдзо прежде, чем довел до ума собственные ощущения.

За братом он кинулся бегом, но так, чтобы на пути оказались двери лифта. В лифтовых шахтах поднялся невообразимый гудеж, не доступный, впрочем, для человеческого слуха.

– Что ты делаешь? – от неожиданности вслух воскликнул Рику.

– Цукумогами. Они победят его полтергейст, – бросил Юдзо на ходу.

«Развратник смотрит на девочку! Скорее!» – испуг юрэя братья ощутили как сильный порыв холодного ветра.

Призрачный шлейф взмыл к потолку, пронесся по коридору и завернул на лестницу. Рику и Юдзо переглянулись и побежали следом. Камера видео наблюдения встретила

несанкционированных визитеров ослепительной вспышкой. Рику отшатнулся.

– Это помощник! – крикнул ему Юдзо, не оборачиваясь и первым помчался вверх по ступенькам.

В коридоре шестого этажа не оказалось ни пациентов, ни посетителей, ни медперсонала. Зато все потолочные светильники принялись отчаянно мигать, указывая на плотно закрытую дверь в противоположном конце. Три яркие вспышки ознаменовали явление цукумогами здешних камер, и вдоль стен повисли иллюзорные мониторы, на каждом из которых отображались этапы приближения насильника к потенциальной жертве.

Раздался истошный девичий крик. Юдзо ринулся вперед.

«Эй! Где вы? Рику!» – громыхнул в сознании братьев голос Ичиро.

Юдзо прорвался сквозь невещественный заслон. Призванный в соратники медицинский столик на роликах лихо пробил следующую фантомную баррикаду. Юдзо был уже возле самой двери, как вдруг раздался звон разбитого стекла. Призрачный ком вывалился сквозь дверное полотно, врезался в Юдзо и оба – ёкай и юрэй – очутились на полу. Рику дернул раздвижные створы. Замок не поддался.

«Она... он... его...» – пролепетала перепуганная призрачная женщина и, наконец, обрела свои контуры.

Юдзо вскочил.

– Юрэй-сан, отойдите дверь! – распорядился он и сжал невещественную руку.

Призрак охнула, но подчинилась беспрекословно: мгновенно проникла вовнутрь и повернула механический замок.

«Братцы! – голос Ичиро потряс, казалось, всё коммуникационное пространство. – Тут чувак из окна вывалился!»

Юдзо застыл. Будто наяву перед глазами проплыли три криво начертанных иероглифа. Последний – «Тоору» – пылал алым кровавым светом.

Рику бросил взгляд на графический контур портрета, застывший на стене, на бледную, как смерть, школьницу в больничной рубашке, неподвижно сидевшую на полу, и бегло осмотрел место происхождения. В четырехместной палате, где сейчас находилась всего одна пациентка, всё было перевернуто вверх дном, а кровать, поднятая на торец, застряла в разбитом окне.

«Я всего лишь выполнил последнее пожелание моей маленькой хозяйки, – сообщил акума, так и не дождавшись каких-либо вопросов от визитеров. – Согласен, получилось несколько сумбурно. Но тому виной вы, господа ёкаи».

Акума перевел нарисованный взгляд на Юдзо. Юдзо его проигнорировал, но лишь потому, что сделал другое крайне неприятное открытие.

– Девчонка не дышит!

Рику резко развернулся лицом к стене, откуда вещал акума, и сдернул с лица очки.

«О-оу, – чернильный контур завибрировал. – Пожалуй, сейчас я не готов к беседе с вами, сэр. В свое оправдание скажу лишь, что девушка пожелала вершить суд своими руками. Наш договор закрыт, но я позволил ее душе выйти на свободу. Это бонус, так сказать. Ведь своей свободой я обязан этой милой особе. А теперь позвольте откланяться».

– Ты, сволочь! – крикнул Юдзо, но адресат уже не присутствовал в окружающем пространстве.

Рику шагнул к панели вызова медперсонала и вдавил «тревожную» кнопку.

«Я найду ее душу, – вдруг заговорила юрэй. – Найду и приведу назад. Ками-сама, дайте мне силы удержать ее в руках, прошу вас! Клянусь, я верну девочку в жизнь».

Юдзо молча протянул призраку свою ладонь. Синий огонек поднялся над его пальцами и опустился в невещественные руки женщины.

– Это укажет вам путь, – проговорил он.

Юрэй низко поклонилась и исчезла.

«Юдзо, – на сей раз негромко позвал Ичиро. – Отец распорядился тебе возвращаться к Торе. Немедленно».

– Поспеши. Здесь я разберусь, – сказал Рику брату.

Юдзо кивнул, сделал шаг к разбитому окну, мгновенно обернулся и ринулся в вечернее небо на синих лисьих огнях.

* * *

Готовиться к «английскому» в такой напряженной эмоциональной обстановке Юрико считала бессмысленным. Однако Тора настоял, чтобы она достала учебник и тетради, и начал урок, как самый настоящий репетитор. Через десять минут Юрико с удивлением обнаружила, что львиную долю «домашки» уже сделала, причем почти самостоятельно. И кабы ни секундная заминка Торы в процессе зачитывания диалога, она бы окончательно расслабилась.

Послышалась далекая перепевка мобильного.

– Это мой, кажется, – Юрико оглянулась на сёдзи комнаты, предоставленной в ее распоряжении.

Го, сидевшая в сторонке, встала.

– Я принесу, – сказала она.

– Тора, а как там дела? – рискнула спросить Юрико.

Но тут заверещал аякаси-связист, отложенный на край журнального столика.

– Всё под контролем, – обронил Тора, поднял мобильник к щеке и быстро пояснил. – Мне Миура звонит.

– А мне – Такуя, – пробормотала Юрико, приняв из рук Го свой мобильник.

– Тора, – приглушенным шепотом начал Миура. – Ты сказал, звонить, если что-то не так. У меня Уммей почему-то перепугался. Сидит в углу и шипит. И соседская собака лает на всю улицу, слышишь?.. – в далеком фоне стал слышен собачий лай – видимо, Миура повернул мобильник микрофоном к окну. – Это от страха тоже.

– Вашу улицу патрулируют инугами, – сообщил Тора. – И кто-то еще из наших.

– Да не, это не из-за инугами, – поспешно сообщил Миура чуть громче. – Инугами-сан тут у нас перед калиткой сидел. Уммей с удовольствием играл с его хвостом. И собака у соседей помалкивала, хотя с той стороны два тануки бегали. Во, вижу, инугами вроде как тоже что-то учуял. Тора, это не у Танаки-сан в доме что-то случилось, а?

Юрико в этот момент шикнула в динамик своего телефона – погоди! – и обратилась к Торе.

– Хагивара – оба – заметили больших собак на улице. Такуя узнал инугами. А сейчас обычная собака лает на дом Танаки-сан.

– Тора-сама, Накадзима-сама на проводе, – объявил Маракайто и протянул Торе свой телефон.

– Миура, ничего не предпринимай! Я перезвоню, – поспешно проговорил Тора в микрофон и схватил мобильник из рук секретаря.

Юрико рассудила, что команда «ничего не предпринимать» распространяется и на братьев Хагивара. Но Такуя в ответ крикнул: – Акира на улицу побежал! – и оборвал связь.

В это же время Го метнулась к входным дверям и повернула ключ в замке. Вошел Юдзо. Юрико вытянула шею, увидела совершенно белое изможденное лицо и тихо ойкнула, заметив длинный пушистый хвост, вяло качавшийся за человеческой спиной. Последней каплей в чаше взбурлившего страха стали синие огоньки, окружившие ее, как хоровод.

– Это страховка, – пояснил Тора сделано спокойным голосом – разговор с отцом он уже закончил – и обратился к брату: – Юдзо, ты очень опрометчиво поступил, когда рванул сюда

на своих четырех. Только ты сейчас способен обеспечить маяк.

– Какая разница – под колесами огни или под лапами! – вяло огрызнулся Юдзо из прихожей и чуть более бодро добавил. – Я в порядке.

Юрико слышала, как он снимает обувь, но окруженная синим пламенем боялась теперь даже пошевелиться.

– Юрико, – позвал ее Тора. – Не волнуйся. Это всего лишь барьер, который делает тебя невидимой для хитодама.

– Ч-чего невидимой? – пробормотала девушка.

– «Хитодама»? – ахнул у нее за спиной Маракайто. – Тора-сама! Как же так?

Тора сделал ему знак помолчать, но было поздно: Юрико поняла, что случилось нечто ужасное.

– Хитодама – это сгустки человеческой души, наполненные определенными чувствами, – поспешил пояснить Тора. – В нашем случае, к сожалению, наполненные жадой мести. Соломенная хитогата сгорела и превратилась в прах. Хитодама частично рассеялась, но жажда мести не потухла. Видимо, в последний момент обман был раскрыт. Теперь то, что осталось от хитодама, движется по следам жертвенной куклы от твоего дома к дому Танаки-сан.

– Хитодама – это Минами? – еле слышно спросила Юрико.

– Увы, – сурово подтвердил Тора. – Ее тело сейчас находится в состоянии клинической смерти. Если удастся изловить хотя бы небольшой цельный фрагмент ее сожженной души, то она вернется к жизни.

Девушка отчаянно прикусила губу.

– Юрико, если бы не было соломенной куклы, – заговорил Юдзо, опускаясь на ковер возле Торы, – Минами превратила бы в пепел тебя.

– Но... но почему? – голос Юрико дрогнул. – Из-за иероглифа?

– Она продала акума всё свое духовное богатство за право продемонстрировать безусловное превосходство над товарищами и за владение приглянувшимся парнем, – бесстрастно пояснил Юдзо. – В результате осталась ни с чем, назначила тебя виноватой в своих ошибках и выместила на тебя всю свою злобу.

Тора покосился на брата, но не стал одергивать его, будучи уверен, что Юрико достаточно сильна, чтобы смотреть в глаза жестокой правде.

* * *

Указание Торы ничего не предпринимать Миура выполнял минуты полторы. Но вот котёнок перестал шипеть на стену и распушенным шариком застыл в углу под столом.

– Никуда не вылезай! – распорядился ему юноша, выскочил за дверь и плотно сдвинул сёдзи. – Бабуля, я к товарищу добегу. Тут рядом!

Он кинулся вниз по лестнице, в прихожей живо напялил кроссовки и выбежал на двор как был – в домашних штанах и тонком свитере. На противоположной стороне улицы из-за забора рычал золотой ретривер. Миура приостановился, определил, что собачья морда ориентирована точно на дом Танаки-сан, и, не раздумывая, помчался к калитке.

Он был в двух шагах от цели, когда как из-под земли на его пути вырос большой черный пес.

– Инугами-сан, – выдохнул Миура. – В доме в гадалки что-то...

«Стой здесь», – беззвучно распорядился ёкай.

– А вдруг это из-за...

Он осекся, увидав на пороге кошачий силуэт. Серая гладкошерстная кошка царапала закрытую дверь. Однако скрежета когтей не было слышно, а сквозь кошачье тельце хорошо просматривалась щербина на дверном полотне.

– Призрак кошки? – ахнул Миура.

С другого конца улицы донесся топот бегущих. Инугами досадливо заворчал. Миура принялся махать руками, чтобы знаками остановить братьев Хагивара, но оба поняли его с точностью до наоборот и припустили с удвоенной скоростью. В этот момент приоткрылась дверь, и Танака-сан выглянула наружу.

Пес-ёкай отступил в тень.

– Опять разлаялись на всю улицу! – громко объявила она, увидала Миуру и побежавших Такую и Акиру и напряженно выпрямилась. – Что еще за делегация на ночь глядя?

Миура ляпнул первое, что пришло на ум:

– Танака-сан, простите. Там кошка. К вам царапалась.

– Не пускай сюда своего кота! – чуть ли ни испуганно воскликнула гадалка. – Ради его же блага, не пускай!

– Да нет. Уммей дома. А вас кошка сюда позвала. Серая.

Танака-сан живо вышла за порог и торопливо огляделась. Однако призрак исчез без следа еще в тот момент, когда она открыла дверь.

Тут в недрах дома отчаянно зазвенели колокольчики. Гулко хлопнула оконная рама, раздался звон разбитого стекла, и – Миура это отчетливо видел – три пса-ёкая с горящими красными глазами кинулись на нечто черное, вывалившееся из комнаты гадалки через разбитое окно. В следующую секунду за окном полыхнул огонь.

– Танака-сан! – Миура кинулся к женщине, ибо ему показалось, что она сейчас рухнет без чувств.

– Пожар, – пробормотал Акира.

Такуя молча побежал в дом, на ходу стаскивая с себя домашнюю куртку. Брат ринулся за ним с секундным опозданием.

– Мальчики. Нет! – воскликнула Танака-сан.

«Всё чисто», – услышал Миура безмолвный голос ёкая.

Где пес находился в этот момент, он уже не отследил, ибо опрометью помчался в дом за удивительно шустрой пожилой дамой.

В комнате с благовониями висел дух гари, однако огонь был уже оперативно потушен силами братьев Хагивара. На обугленном столике, где днем гадалка раскладывала карты, дымилась матерчатая куртка Такуи. Акира растирал обожженную ладонь об собственные брюки.

Танака-сан молча подошла к нему, даже не посмотрев на испорченную мебель, крепко прихватила за предплечье и заставила поднять руку.

– Держи так, – распорядилась она, живо добыла с полки ларчик, из ларчика – флакон, и обильно замазала ожог маслянистой пастой, благоухавшей хвоей; после чего сказала. – Будет щипать – терпи. До утра заживет. А теперь все живо вон отсюда.

Никто не двинулся с места. Хозяйка окинула напряженным взглядом поздних гостей, вздохнула и подошла к сгоревшему столику. Гадальные карты валялись на полу, будто сброшенные порывом ветра.

– Это было очень сильное проклятие, – тихо сказала она, подняла подгоревшую куртку, которой Такуя тушил пожар, и посмотрела на единственную из всей колоды карту, попавшую в огонь. – Перевернутая Жрица – черная ведьма. Она сгорела в своем же огне.

– Погибла? – испугался Миура.

Танака-сан глянула за разбитое окно.

– В своей глупой мести она испеклила собственную душу. Но здесь сейчас побывала другая душа – чистая и полная доброты. Она собрала то, что осталось от ведьмы. Ее кто-то привел, потратив много сил. Восхищаюсь людьми, для которых жизнь и доброта превыше всего. Кому неведома гордыня, кто умеет прощать и бескорыстно отдает себя другим.

Такуя слушал размеренную речь Танаки-сан чуть ли ни с открытым ртом. Она заметила и улыбнулась ему.

– Вижу, ты знаешь такого человека. Или людей. Или... – она перевела взгляд на колокольчик над дверью. – Или тех, кого называют иначе.

За ее взглядом дружно проследили все трое, но только Акира не удержал язык за зубами.

– Аякаси, что ли? – предельным шепотом спросил он.

– Видите его, мальчики? – спросила гадалка с грустной улыбкой.

Ребята растерянно переглянулись, а колокольчик под потолком залился веселым перезвоном.

– Я не вижу, – продолжала Танака-сан; на нее вскинулись три пары изумленных глаз. – Я знаю, что он улыбается, когда звонит колокольчик. А звонит он только для богатых людей. Богатых силами духа и сердца. Так говорил мой прадед очень много лет назад.

– У него уши потешные, – рискнул высказаться Такуя. – В растопырку, вот так.

И обрисовал руками заявленную форму.

Танака-сан опять улыбнулась, учтиво поклонилась гостям, а затем отметила глубоким поклоном свою признательность невидимому ей цукумогами.

* * *

Юдзо качнулся корпусом в сторону брата и уперся рукой в ковер. Тора придвинулся к нему в плотную, подставив грудь и плечо.

– Держу маяк, – проговорил Юдзо вслух.

– Ее ведут назад, к телу, – быстро пояснил Тора для Юрико. – Всё будет в порядке.

Юрико сморгнула, когда примелькавшиеся синие огоньки неожиданно исчезли, а подняв взгляд на ёкаев, увидала, что Тора держит брата в крепких объятиях. Она поспешно отвернулась, но краем глаза заметила улыбку, скользнувшую его губам.

– Всё в порядке, – уверенно повторил Тора и слегка потрепал Юдзо по затылку. – Скольких цукумогами ты прикормил сегодня в больнице?

– Не считал, – откликнулся Юдзо, выпрямился и потряс головой. – Надо бы юрэя поблагодарить. Жаль, что такой добрый, самоотверженный человек так рано ушел из жизни, – и пояснил для Юрико. – Юрэй – призрак недавно умершей женщины. Она нашла хитодама и привела душу Минами назад, к телу.

– А может быть теперь у Минами есть шанс начать всё сначала? – Юрико с надеждой в глаза посмотрела на ёкаев. – Ну или почти с начала. Может, она теперь станет добрее?

– Будем надеяться, – откликнулся Тора.

Тора по достоинству оценил силу воли Юрико: девушка не просто сделала вид, что успокоилась, а по-настоящему поборола в себе последствия пережитых стрессов и решительно взялась за подготовку к завтрашним урокам. Тора и рад был бы составить ей компанию, но возобновились телефонные переговоры.

Рику сообщил, что зачистил следы ёкайских деяний в больнице и по своим каналам организовал достойные похороны тела одинокой женщины, призрак которой спас душу Минами Саки.

– Она не выразила желания остаться с нами? – на всякий случай уточнил Тора. – Отец намекнул, что это легко устроить.

– Нет. Она сказала, что счастлива была вернуть девочку в жизнь и большей благодарности, чем оказанное ей доверие, она себе не мыслит. Она уже ушла, счастливая и яркая как солнечный свет.

– Ты видел, в каком образе вернулась душа Минами?

– Нет, – непривычно неуверенным тоном ответил Рику. – Но мне показалось, что... Тора,

учти: только показалось. Женщина-юрэй привела за руку маленького ребенка.

Тора чуть было не выдохнул изумленное междометие вслух.

– Ну а физическое состояние? – быстро спросил он.

– В данный момент девочка находится в реанимации, что вполне логично, – в обычной своей невозмутимой манере сообщил Рику. – Не берусь прогнозировать, как будут оформлены медицинские отчеты. Гибель насильника объясняют несчастным случаем при попытке побега. Полтергейст в расчет не принимается, разумеется. К сожалению, информация о нападении служащего больницы на юную пациентку просочилась в прессу.

– Каким образом?

– По человеческим каналам. Нашествие корреспондентов Ичири наблюдает сейчас в фойе. В наших интересах покинуть место происшествия.

Минут через десять, в течение которых Тора успел позвонить Миуре и узнать подробности событий в доме Танаки-сан, на мобильник Юдзо поступил звонок от Като, а Юрико приняла вызов от Такуи. Оба сообщения оказались идентичны по содержанию: «в новостях показывают Минами».

Юдзо живо достал свой айпед и запустил просмотр телетрансляции. В этот момент диктор в студии быстро проговаривала краткое резюме. Таким образом, те, кто подключился к каналу с опозданием, узнали, что сегодня в половине восьмого вечера педофил-рецидивист по прозвищу Ту-Ту, работавший санитаром в госпитале, пробрался в одну из палат подросткового отделения и напал на пятнадцатилетнюю девочку. Благодаря оперативному вмешательству персонала трагедию предотвратили, а преступник при попытке скрыться выпал из окна шестого этажа. В качестве иллюстрации показали фото из полицейских архивов, на котором в анфас и в профиль был запечатлен нездорового вида мужчина. Затем на архивное фото наплыл кадр с места происшествия – тело преступника под простыней за полицейским оцеплением. Диктор объявила, что в кадровой службе больницы начато служебное расследование, руководство подало в отставку, и «как нам сейчас сообщили», жизнь пострадавшей вне опасности. После чего был анонсирован следующий сюжет.

Юрико накинулась на Такую – он оставался на линии – с вопросами, где и как показали Минами. Оказалось, что кадров непосредственно с ее участием в репортаже не было, а формулировка получилась по контексту, после названного с экрана полного имени преступника.

– Попробуй только в школе так же ляпнуть! – грозно предупредила Юрико в трубку и удовлетворенно кивнула в ответ на уверения держать язык за зубами; затем выслушала встречный вопрос, покосилась на Тору и ответила. – Нет, пока не поймали.

– Поймаем, – твердо заявил Тора.

Юрико отправилась спать около одиннадцати. И хотя теперь в специальной охране не было необходимости, Го расположилась на пороге ее комнаты в волчьем обличе. Маракайто уснул на диване в гостиной, последовав настойчивым рекомендациям обоих своих господ. А Тора взялся за изучение сканированных страниц журнала «Тайны вокруг нас» на айпед брата. Белый лис искоса наблюдал за сосредоточенными изысканиями в течении часа и, наконец, высказался:

«Сдалась тебе эта желтая газетёнка! Никаких заклинаний ты там всё равно не найдешь».

– Я думаю, что этот самый «Садо Сёта» – не кто иной, как Фукунага-сэнсэй, – тихо вслух отозвался Тора. – Нужно найти его официальные публикации и сравнить писательский стиль. А по поводу заклинаний ты не совсем прав. «Садо Сёта» предлагает весьма оригинальную версию расшифровки малоизвестной поэмы, которая считается пересказом древнего китайского манускрипта о единстве Сущего. В человеческом мире оригинал потерян. В мире обакэ он существует как своеобразный памятник, но там никому нет дела до скрытых в нем

словесных заклинаний.

«Ты считаешь, что Фукунага способен расшифровать китайский свиток?» – лис поднял голову, и так белоснежная морда в обрамлении длинной кудрявой гривы очутилась на уровне Ториного плеча.

– «Садо Сёта» утверждает, что поэма в свитке, переписанном в конце 19-го века странствующим монахом, существует до сих пор и хранится в архивах Университетской библиотеки в Токио.

«В архивные хранилища древних рукописей допускают только дипломированных ученых», – сообщил Юдзо.

– «Садо Сёта» работал с фотокопиями, если вообще верить его писанине. Но если «Садо Сёта» – это Фукунага, и если Фукунага как-то связан с Кисимото, – Тора выразительно посмотрел на сосредоточенную лисью морду.

«Библиотека уже закрыта», – белый лис опустил голову на лапы, чем дал понять, что участвовать в ночных пробежках не намерен.

Тора улыбнулся.

– Вламываться в хранилище я не собираюсь. По крайней мере без специальной подготовки, – заявил он, обернулся в зооморфную форму и беззвучно продолжал.

«Утром посмотрю, какие из упомянутых источников есть в школе. И составлю запрос в библиотеку университета».

«Максимум, что они согласятся выслать емейлом, это авторефераты диссертации», – Юдзо одним глазом проследил, как Снежный Барс бесшумно укладывается на ковре рядом.

«Как думаешь, с пропуском студента медколледжа меня пустят в библиотеку филологического факультета?»

«В читальные залы пустят любого. Заполнишь анкету, и сиди там хоть весь день».

«Замечательно», – подытожил Тора и опустил голову на спину белого лиса.

Эпизод 10

[Пояснения к эпизоду](#)

Тора намеревался приехать в школу за час до уроков, чтобы без помех поработать в компьютерном классе. Юрико охотно поддержала его, поскольку собиралась доделать домашнюю работу по японскому, на которую вчера у нее не хватило сил. Но сборы затянулись, и причиной тому стал Юдзо, решивший во что бы то ни стало на сей раз уважить отца и взять урок иллюзорной магии у него, а не у Торы. Однако длинный лисий хвост никак не желал прятаться ни в брюках, ни вокруг талии под курткой, а садиться за руль в домашнем кимоно было нелепо. Го впервые в жизни отважилась предложить хозяевам свой совещательный голос. Ее вариант оказался самым удачным: она отвозит старшеклассников в школу на вверенной ей машине, затем возвращается на квартиру Ичиро и доставляет Юдзо и Маракайто в поместье за рулем автомобиля Юдзо.

Тора, Юрико и Го были уже в прихожей, когда на мобильник Юдзо поступил вызов от главы семейства. Тора сделал знак девушкам подождать и быстро вернулся в гостиную, благо не успел надеть ботинки.

Юдзо слегка развернул аппарат, и реплики из динамика стали доступны кошачьему слуху.

– ...ты нужен мне в офисе в половине десятого, – продолжал отец. – Проведешь планерку с отделом рекламы, а ровно в десять...

Тора с тоской наблюдал за братом, который выслушивал отцовский монолог с отрешенной миной на лице. Наконец, Накадзима-старший заметил, что сын воспринимает

его «разнорядку» с эмоциями, не соответствующими моменту. Он оборвал накачку на полуслове и тревожно спросил.

– Юдзо, в чем дело? Ты меня слушаешь?

– Да, – на выдохе отозвался тот.

– Юдзо, чем вы там оба заняты? Я слышу, что Тора рядом, не вздумай отнекиваться. Вы снова влезли в передраги? Я опять чего-то не знаю?

– Нет-нет, никаких передраг, – поспешил ответить Юдзо. – Я могу пообщаться с тобой с глазу на глаз до половины десятого?

– Юдзо, я же сказал: я на пути в Кофу. Это в обратной стороне от Токио! – в голосе Накадзимы-старшего прозвучали сердитые ноты. – Ты уже месяц работаешь со мной бок о бок. Неужели ты до сих пор не в состоянии провести организационные мероприятия самостоятельно?

Тора тихонько вздохнул. Теперь ему стало понятно, почему Юдзо всю жизнь обижался на отца. Глава Дома тщательно культивировал взаимопонимание в коллективе, внимательно относился к оценке способностей сотрудников и коллег, их эмоциям и самочувствию. Но при этом он априорно исключал из рассмотрения собственных сыновей, искреннее уверенный, что каждый из них по природе своей обязан соответствовать всем его требованиям. И даже если Накадзима-отец чуял наличие каких-то проблем у своих отпрысков, Накадзима-бизнесмен подсознательно отсекал эти проблемы, ибо мерил по себе, а у него на первом месте всегда стояло Дело.

Сейчас имела место та ситуация, которую Тора про себя назвал «папа-бизнесмен: классика жанра». Вмешиваться было по крайней мере неэтично, поэтому он помалкивал и подспудно ожидал, что Юдзо вот-вот демонстративно-обиженно объявит отцу и суть нынешней проблемы, и ее однозначное уже решение – воспользоваться помощью старшего брата.

Однако Юдзо его удивил.

– Всё в порядке. Я выполню всё, что ты сказал. Ты можешь полагаться на меня, отец, – произнес он в трубку, старательно скрыв и досаду, и сожаление.

Очевидно, такой ответ стал сюрпризом и для главы Дома, поэтому пожелания удачного дня были обрублены фразой, выданной почти испуганным голосом:

– Юдзо, в чем дело? Что случилось, сынок?

Юдзо бросил взгляд на брата, обнаружил активную кошачью ауру, вздохнул и сообщил отцу:

– Две пробежки на огнях, и прогноз Торы оправдался.

– А... но... – отец на секунду потерял дар речи и, обескураженный, пробормотал. – Неужели, оба?

– Один, – поспешно уточнил Юдзо. – Однако и одного достаточно, чтобы без иллюзии на людях не появляться.

– А что Тора? – забеспокоился отец. – Вы создали беспрецедентно мощную связь между собой. Сотканная им иллюзия удержится на тебе, даже если вы окажетесь на разных полюсах Земли! А после вчерашних твоих подвигов ты сам способен создать оболочку.

– Ты хотел, чтобы магию иллюзий я осваивал под твоим руководством, – напомнил Юдзо.

После затяжной паузы из динамика мобильного донесся тяжелый вздох, очень похожий на стон.

– Юдзо. Прости меня. Я должен был догадаться! Рику подробнейшим образом рассказал мне о вашем рейде. Я обязан был подумать, чем это закончится для тебя!

– Не беспокойся, – Юдзо поспешил остановить покаяния. – Сейчас мы разберемся сами. А потом наверняка появятся новые темы для уроков.

- Да. Да, конечно, – невнятно отозвался Накадзима-старший.
- Я буду в офисе в девять. Удачного дня, отец, – быстро сказал Юдзо и нажал «отбой».

Тора и Юрико прибыли в школу за полчаса до начала занятий, однако и Миура, и Такуя, и даже Като и Фума уже находились в классе. Обмен впечатлениями о вечерних событиях грозил растянуться надолго, однако Тора сумел выкроить десять минут, чтобы сбегать в компьютерный класс. Там он распечатал сканы избранных статей «Садо Сёты» и направил заказ в университетскую библиотеку на получение электронных версий материалов из серьезных изданий.

Вторым уроком ранее значился древний японский с Яо-сэнсэем за кафедрой, однако в связи последними организационными изменениями изменилось и расписание «первого-Дэ»: Яо-сэнсэй оставил себе два часа подряд, а «английский» перекочевал на вторую позицию графика. Из лингафонного кабинета, где сегодня проходил урок, «англичанин» отпустил Тору безо всяких оговорок, и Тора отправился в школьную библиотеку. Сообщение от Рикю об исчезновении Фукунаги он принял к сведению, но решил дожидаться основательной информации прежде, чем делать какие-либо выводы.

Молодая библиотекарь долго не могла взять в толк, зачем ученику первого старшего класса понадобились статьи, полезные лишь преподавателям, занимавшимся научной работой. Торе пришлось призвать на помощь весь свой кошачий шарм, чтобы притушить ненужные вопросы и добиться скорейшего решения актуальных. Наконец, она выдала Торе журналы, попросила не выносить издания из зала и указала на копировальный аппарат как на средство получения материалов в долгосрочное пользование. Таким образом, у Тору на руках оказались три журнала из четырех запрошенных, в том числе те, где были опубликованы статьи Фукунаги-сэнсэя. Четвертого журнала на месте не оказалось. Библиотекарь неохотно сообщила, что издание числится за Яо-сэнсэем и посоветовала обратиться к нему, если «журнал действительно так нужен». Следуя принципу «лучше синица в руках», Тора взялся за изучение полученного.

Минут через пятнадцать с начала плотной работы на мобильник пришло email-сообщение из университетской библиотеки. Результат соответствовал прогнозу Юдзо: из пяти пунктов заказа был выполнен только один, а вежливый отказ по остальным сопровождался предложением воспользоваться услугами читальных залов.

Просматривать текст на экране мобильного оказалось крайне неудобно, поэтому Тора, оставив на столе, где занимался, библиотечные журналы, копии статей Фукунаги и ранее сделанные распечатки, побежал в компьютерный класс. Вернувшись, он обнаружил над своим столом Яо-сэнсэя. Библиотекарь сидела за кафедрой, делая вид, что любопытство преподавателя, разглядывавшего рабочие материалы школьника – в порядке вещей.

Тора мысленно обругал себя за обеспеченность, тщательно зафиксировал «маску подростка» на своей физиономии и невозмутимо подошел к преподавателю.

– Доброе утро, Яо-сэнсэй.

– Почему не на уроке? – осведомился тот, продолжая демонстративно передвигать на столе распечатки скан-копий из бульварного журнальчика.

– Преподаватель английского любезно разрешил мне провести час самоподготовки, – ответил Тора.

– Значит, живые английские слова тебя не интересуют?

– Сегодня – нет.

– И по какому же курсу ты здесь готовишься? – Яо-сэнсэй пристально посмотрел на Тору сверху вниз.

Тора сделал вид, что раздумывает над ответом, а сам выложил на стол свежие распечатки. На титульном листе отчетливо читалось имя автора – «Кисимото Масао».

Яо-сэнсэй нахмурился.

– Это автореферат, – сказал он и как будто небрежно сдвинул пальцем верхний лист.

– *На безрыбье и рак – рыба*, – произнес Тора по-русски.

Преподаватель перевел на него озадаченный взгляд.

– В деревне, где нет птиц, и летучая мышь – птица, – перефразировал Тора по-японски, убедившись, что собеседник не владеет русским языком в отличие от своего почившего коллеги.

Яо-сэнсэй снисходительно улыбнулся. Но от Торы не ускользнули те чувства, которые тот старался скрыть: недоумение, тревожность, поиски неких неясных признаков или знаков.

– Не опаздывай на урок, Тора-кун, – произнес Яо-сэнсэй и направился к выходу.

«Ожидает, что я остановлю его вопросом, – легко определил Тора. – Напрасно. Время вопросов еще не пришло».

Тора распланировал свои дела так, чтобы на короткой пятиминутной перемене успеть переговорить со старшим Хагиварой.

– И где теперь эта чернильная рожа? – спросил Акира, что говорится – с разбегу.

– Не известно, – не вдаваясь в подробности ответил Тора. – Но есть информация для размышлений. Хочешь?

– Спрашиваешь! Давай.

Тора вынул из папки два листа.

– Это из «Тайн», а это из научно-популярного журнала по истории. Сравни авторский стиль.

Акира пробежал глазами обе копии, но вчитался только в титулы обеих статей.

– Ты думаешь, «Садо Сёта» – это Фукунага-сэнсэй? – еле слышно пробормотал он.

– Практически уверен. Однако официальная лингвистическая экспертиза займет много времени. А домыслы сейчас не нужны. Нужны доказательства.

– Достану! Меня друг в универе вчера надоумил, как расколоть редактора «Тайн», чтобы настоящие имя автора сказал. Сегодня им займусь, – сообщил Акира. – Хочешь со мной?

– У меня в планах университетская библиотека. Как только подтвердишь или опровергнешь версию, сразу позвони мне. Время не терпит.

Тора выразительно посмотрел на собеседника. Акира понял.

– Ксо! – сквозь зубы процедил он. – Неужели эксперимент с Минами его ничему не научил?

– Это зависит от того, с какой целью ставился эксперимент. Лично я не исключаю, что Минами была всего лишь промежуточным пунктом в замыслах Фукунаги.

Урок древнего японского в «первом-Дэ» начался с пятиминутным опозданием, что было совсем не похоже на Яо-сэнсэя. Тора даже принялся осторожно прощупывать школу в поисках признаков неприятностей. Причина задержки проявилась, когда учитель вошел в класс и походя, ни слова не говоря, положил на его парту тот самый журнал, который Тора не смог получить в библиотеке. Со стороны акция выглядела обычным организационным моментом, а Тора понял, что ход его решения не только разгадан, но и поддержан. Однако продолжения контакта не последовало. На перемене Яо-сэнсэй ушел в учительскую и не заглянул в библиотеку, куда Тора сбегал отдать журнал после тщательного копирования статьи в собственную память.

Телефонный звонок застал Тору на лестнице, когда он возвращался в класс.

– Тора-сама, я тут нечаянно одну штуку прочитал, – начал Маракайто без предисловий. – Пока Юдзо-сама в кабинете с делами, я его планшет с разрешения...

– Мара, конкретнее, – перебил Тора, ибо хорошо знал, что если Маракайто вовремя не

притормозить в его стремлении рассказать всё и сразу, до сути дела он дойдет не скоро.

– Храм. Храмовое хранилище тут упоминается. Якобы, там хранился свиток до начала 90-х, а потом его в университет передали. Так вот. Я этот храм знаю немного, и настоятеля тоже знаю. Я туда на работу пытался устроиться в прошлом году. В журнале еще и про другие свитки говорится. Может, мне туда съездить? Я думаю, мне позволят взглянуть. А может и переснять позволят. Вдруг пригодится.

– Пригодится, безусловно! – обрадовался Тора, но тут спохватился. – А как же Юдзо? Если ты уедешь, он останется без страховки.

– Он меня уже и сам хотел домой отправить, Тора-сама. Я ему тут как всеер осенью. Вы так ловко всё... ну, сделали, что даже мне приходится присматриваться специально, чтобы... ну, разглядеть. А он сам себе еще и прическу немного поменял. Как бы постригся. И руки до локтей без всяких... признаков.

– Отлично, – Тора удовлетворенно кивнул. – Я сейчас позвоню Го – она на стоянке рядом со школой. Она приедет за тобой через час.

– А как же вы домой? – испугался Маракайто. – Отсюда до храма минут сорок, а то и больше. Пока я там одно-другое. У вас уроки закончатся. Может, мне лучше поездом?

– Ты поедешь с Го, – постановил Тора безапелляционным тоном. – А здесь транспортный вопрос мы решим с помощью Одзаки-сана.

На уроке современного японского, который с сегодняшнего дня вел Яо-сэнсэй, Тора и думать забыл о собственных языковых изысканиях, настолько увлекательным показалось ему изложение материала в устах умудренного опытом педагога. На фоне постных уроков нервной учительницы, для которой результат ее работы не имел никакого значения, методика Яо-сэнсэя виделась Торе поэмой против бездарной газетной заметки. По неявной реакции класса он чувствовал, что преобладающее большинство одноклассников не оценили пока, какой подарок сделала дирекция классу, заменив преподавателя по столь важному предмету. И тем более не оценили, сколько личных сил вкладывает в урок Яо-сэнсэй, поставивший себе цель вытащить класс на достойный уровень знаний за оставшиеся до тестов недели.

Тора прекрасно знал всё то, что Яо-сэнсэй объяснял у доски, но отвлекаться на свои задачи и размышления было совестно. А преподаватель периодически бросал короткие взгляды на первую парту в крайней колонке, ожидая, видимо, что неординарный ученик вот-вот займется своими делами.

«Нет, сэнсэй, мои дела подождут, – мысленно, но без каких-либо специальных пассажей, сказал ему Тора. – Я ничем не могу помочь вам на избранном вами пути, я могу лишь следовать за вами и верить, что по проложенной вами тропе знаний очень скоро последуют все ваши ученики».

Ученики покамест следовали только банальному указанию записывать всё то, что появлялось на доске. После демонстрации очередного примера Яо-сэнсэй сделал пояснения устно, дождался, когда самые нерасторопные закончат шуршать карандашами, взял в руки губку и объявил, что сейчас выдаст домашнее задание. Несколько раз небрежно провел губкой по доске и спохватился: урок подходил к концу, следовательно, в очистке демонстрационной площадки уже не было необходимости. Продолжая диктовать номера заданий, он вернулся к учительскому столу.

Тора взглянул в свою тетрадь, куда старательно прописывал все примеры просто ради удовольствия, затем поднял взгляд на частично стертые знаки на доске и... оцепенел. В полустертом текстовом фрагменте, не имевшем ни малейшего отношения к заклинаниям, древним свиткам и их переводам, отчетливо читался совершенно не тот смысл, который содержался в полном варианте короткого текста. Тора машинально схватил ластик и живо

стер в тетради те кандзи и каны, которые попали под мокрую губку. Невероятная догадка прочно вонзилась в сознание: «Переписчик поэмы не подменял кандзи изначального текста, он лишь дополнили свиток так, чтобы закопать истину под словами! Значит, я не увидел языковой логики в работах «Садо Сёта», потому что ее там и не было. Всё, что он насочинял, оригинальная ахинея, и только. Печать уже была сломана. Фукунага всего лишь предоставил акума кормушку и транспорт. Всплеск интереса к «Гнилому Дзиндзя» начался в конце 90-х. До этого в поселке знали только рассказы стариков, помнивших сказки своих дедов. Кисимото Масао. Вот кто разрушил печать. А страж не выпустил его за ущелье. Мне нужно найти ключевые работы этого ученого. Если он вычислил, как освободить акума, мы найдем способ запечатать его зеркальным заклинанием».

– Тора-кун?

Тора встрепенулся. Весь «первый ряд» – Миура на своем втором автоматически уже попадал под устоявшееся в компании определение – дружно равнялся направо. Яо-сэнсэй, безусловно, это заметил, равно как заметил необычное внимание к полустертой доске с первой крайней парты.

– Извините, сэнсэй, – Тора с трудом сделал на лице невозмутимое выражение, но в глазах – это он чувствовал – проскакивали фосфорические блики.

«Тора, ты чего?» – на всякий случай уточнили Като и Фума.

«Я, кажется, понял принцип шифровки, – сообщил Тора для всех. – Мне нужно попасть в библиотеку университета как можно скорее».

На обеденной перемене, сдав все заготовленные бэнто в распоряжение Юрико, Тора поручил свой школьный портфель Като и Фуме и, прихватив с собой только папку с распечатками и тетрадь для записей, рванул на вокзал человеческим ходом, дабы не терять время на ожидание машины из дома.

С комфортом устроившись в дальнем углу полупустого вагона электропоезда, он достал телефон, накинуд на себя ауру скрытности и набрал номер Рикю.

Брат ответил не сразу, но заговорил первым:

– Я вышлю тебе досье Фукунаги, когда закончим разговор. А сейчас об утреннем инциденте. Фукунага вернулся в квартиру вчера около девяти вечера в состоянии алкогольного опьянения. До четырех утра окна оставались темными, движение в квартире не зафиксировано. В начале пятого он включил компьютер и удалил из соцсетей свои эккаунты. В течение часа прослушивались звуки, характерные для физического перемещения книг и бумаг, шум сдвигаемой мебели и звон мелких предметов. К окну он не подходил, жалюзи не открывал, поэтому визуального ряда у нас нет. В пять-двадцать всяческие звуки прекратились. В пять-сорок жильцы двух квартир, смежных с квартирой Фукунаги, практически одновременно выскочили в коридор. Из эмоциональных переговоров между ними следует, что в обеих квартирах слышали вопль соседа. При этом наше оборудование не зафиксировало ни звука, наблюдатель ничего не слышал, однако все реплики и звуки со стороны фасада в записи есть. Соседи стучали в дверь Фукунаги, предлагали свою помощь, но никакого ответа не получили. Они сошлись на мнении, что сосед кричал во сне, а выйти и объяснить происшествие постеснялся. Дополнительно вспомнили, что накануне его видели пьяным. Наблюдатель вызвал сменщика, а визуальное слежение перенес на фронтальную сторону здания. Те семнадцать минут, пока сменщик находился в пути, без контроля оставались оба окна квартиры, так как наблюдатель полагался на аппаратуру. К сожалению, он не догадался сразу же позвонить мне. За следующие два часа не было ни единого признака присутствия хозяина в квартире. Наблюдающие нарушили условия слежки, приблизились к зданию, чтобы осмотреть растительность и грунт под окнами, и обнаружили свежие повреждения кустарника.

– Квартира на третьем этаже, или я ошибаюсь? – быстро вставил Тора.

– На четвертом, – поправил Рику. – Непосредственно под окнами широкая бетонная отмостка. Низкий кустарник и узкий травяной газон отделяют территорию жилого дома от уличного тротуара. Без специальных приспособлений спуститься из окна невозможно. Кроме того окна оставались запертыми изнутри. Равно как и дверь.

– Телекинез?

– Именно так. Я помню, как ощущалась плотность пространства вчера в больнице, несмотря на то, что Юдзо взял все сложности первопроходца на себя. Но я уверен, что возле дома и в квартире Фукунаги на момент моего осмотра оставались... – Рику запнулся, подбирая слова. – Острова, клоки, сгустки того же самого явления.

– Ты был в квартире?

– Да. Только что. При двойной страховке: тануки поставили иллюзорный барьер, а колония мелких аякаси обеспечила контроль обширной близлежащей территории. Разумеется, мероприятие было санкционировано отцом.

– Рику, минуту. Телекинез акума воздействует только на неодушевленные предметы.

– Не волнуйся, Фукунага жив, – в голосе Рику появились легкие ноты, что предвещало если не шутку, то сообщение о некоем забавном происшествии. – В трех кварталах от дома инугами обнаружили стул из его квартиры.

Тора чуть не поперхнулся.

– Акума спустил его на землю на стуле?

– Не только спустил, но и «прокатил» по улицам. Полагаю, это было сделано, чтобы сбить со следа поисковых собак. Видимо, акума не осведомлен о разнице в способностях между полицейскими псами и нашими инугами. Кстати, кустарник лишился пары веточек по недосмотру «пилота». На крутом вираже Фукунага рефлекторно пытался ухватиться за подвернувшийся под руку объект.

– Где он сейчас?

– К сожалению, этого мы пока не установили. След привел на железнодорожную станцию. Однако между шестью и семью утра по этой линии проходит очень много поездов. На какой из них сел Фукунага, мы не знаем. Единственная на данный момент зацепка – результат его шумных поисков в книжном шкафу. Последний номер университетского журнала 1998 года издания остался на столе, открытый на странице с фотографией Кисимото Масао. Я намерен послать двух моих сотрудников в Нагано, а Ичиро будет сопровождать нашего судмедэксперта в лабораторию, куда отправили останки. Считаю, что это наиболее вероятные цели путешествия одержимого Фукунаги...

– Рику. Нет. Не так! – воскликнул Тора, опередив собственную мысль; мысль выкристаллизовалась в вывод в следующую секунду. – Кисимото Масао родом из города Вараби в префектуре Сайтама. В сюжетах статей «Садо Сёта» – а это и есть Фукунага – две трети всех мистических событий происходят как раз в этом регионе. Акума владеет какой-то долей знаний Кисимото, значит...

– Тора, – на сей раз Рику перебил брата. – Факт из досье Фукунаги: он воспитывался в семье Кисимото с девятилетнего возраста.

– Вот где связь! – Тора азартно встряхнул мобильник.

– Прекрасная идея, Тора, – Рику, казалось, охватил такой же азарт. – Не Нагано, и не лаборатория, а Вараби. Это приоритетная версия. Отрабатываем немедленно.

– Рику, еще пара вопросов, – поспешно остановил Тора. – Почему о детстве Фукунаги стало известно только теперь?

– Отец распорядился поднять его родословную, и так обнаружились документы об усыновлении. Сам Фукунага никогда не акцентировал этот факт. В анкетах он писал только место рождения и имена биологических родителей.

Тора кивнул, хотя брат не мог видеть его жестов, и задал второй вопрос:

– Зачем Фукунаге понадобилась фотография Кисимото Масао, если он знал его лично?

– Кисимото погиб 16 лет назад, – напомнил Рику, но по голосу легко было определить, что вопрос его заинтересовал. – У Фукунаги нет семейных альбомов. На его экаунтах не было ни одной фотографии с сюжетом из собственной жизни.

– Типа, освежить в памяти? – подсказал Тора. – Но зачем? И почему именно сейчас, когда он связался с акума?

– Об этом стоит подумать.

– Думаем, – поддержал Тора. – Ты в рамках своей информационной сферы, а я – своей.

– Тора, – Рику вдруг заговорил домашним тоном. – Я не знаю, как назвать то, что ощущаю, когда разговариваю с тобой. Как сейчас, например. Но это... фантастическое чувство, – он сделал короткую паузу и завершил разговор в деловом стиле. – Полное досье Фукунаги направляю на твой электронный адрес. До связи.

Тора опустил руки на колени и посмотрел на своего связиста под личиной мобильного. Аякаси похлопал глазенками на дисплее, пискнул и самостоятельно раскрыл текст полученного письма. Тора быстро прочёл досье. Никаких значимых фактов, кроме уже озвученного Рику, он не нашел, но обратил внимание на пометку «детали в процессе уточнения», сделанную после записи о лишении матери Фукунаги родительских прав.

Тора по-ёкайски поблагодарил помощника и убрал телефон в карман.

«А ведь есть еще один вопрос для размышлений, – подумал он. – На каких условиях заключен договор акума и Фукунаги? Что нужно акума от этого человека? И что нужно самому Фукунаге?»

По поводу последнего версия сложилась быстро: слава и известность. Выглядело сие слишком просто, и Тора попробовал рассуждать более обстоятельно.

«Фукунага-сэнсэй абициозен, тщеславен, эгоистичен. Он направил все свои интеллектуальные силы на поиски ключа к древнему тексту. Продемонстрировал море фантазии, сочинив метод расшифровки, и завидную изобретательность в организации «эксперимента». Но какова его конечная цель? Перевернуть представление ученых и обывателей об исторических событиях, вскрыть глубинные причинно-следственные связи и, наконец, доказать реальное существование нас, обакэ? Допустим так. Тогда что Фукунага мог запросить у потусторонней силы? Удачу? Везение?.. Не то. Какие-либо доказательства? Но не представит же он оппонентам аякаси в баночке! К тому же не всякий оппонент разглядит такое доказательство... Стоп. Он же сам не видит аякаси. Потребовал у акума способность узреть истину Мира? И какой суррогат акума ему подсунет? Приставит поводыря по специальной договоренности с каким-нибудь обакэ? В таком случае что Фукунага должен отдать взамен?»

Тора удрученно вздохнул – вопросов скапливалось больше и больше, но ни одного вразумительного ответа не было. Он прокрутил в уме вариант предварительного сговора Фукунаги с акума, взяв за базис факт ранее состоявшейся поездки к «гнилому дзиндзя», однако и тут уперся в информационный тупик.

Тогда Тора взялся разрабатывать альтернативную версию:

«Допустим, Садо Сёта – это не Фукунага, а Фукунага – только читатель журнала, который однажды отправился по «местам потусторонней славы» исключительно из любопытства и каким-то образом обратить на себя внимание акума. Духовные силы сэнсэя на нуле, поэтому на тот момент для акума он был не интересен. Но Фукунага обязался или решил по собственной инициативе привезти к месту заточения целый класс с потомственной мико в составе... Почему не клуб? Неужели ему нужен был я? Нет, маловероятно. Он не мог знать о природе нашей семьи. Видимо, ему было проще получить санкции дирекции на поездку для своего класса, а не для клуба... А что если проследить географию?»

Последняя мысль, свалившаяся поперек всякой логики текущих рассуждений, сработала как толчок в спину. Тора живо открыл папку с распечатками и начал аккуратно перелистывать скан-копии, хотя давно знал все статьи наизусть. Упоминаний географических названий было много, ибо «Садо Сёта» кроме основной своей темы – «храм исполнения желаний» – публиковал всевозможные мистические истории, основанные на современном фольклоре. Тора, пристроив на коленке тетрадь, принялся составлять список мест и событий, упомянутых автором. То, что относилось к префектуре Сайтама, он фиксировал на правой странице тетрадного разворота, остальное – на левой.

Выборка получилась объемной, и Тора ради интереса пересчитал количество записей. Его беглая оценка – две трети в Сайтама – оказалась точной. Взгляд зацепился за слово «храм». В одном столбце. Другом. В третьем. И Тора почувствовал, как зашевелилась шерсть под человеческой оболочкой: все упоминания храмов собрались на правой странице.

– Мара, – прошептал он и выхватил из кармана телефон.

Вызов не принимали. Он судорожно сбросил номер и позвонил на телефон Го.

Без ответа.

Тора оглянулся на вагонное окно. Поезд проходил по оживленным районам Токио. Он усилием воли притушил импульсивный порыв мчаться в Вараби сию секунду. Но внутренняя паника была сполна прочувствована на другом конце незыблемого моста в братском пространстве.

«Тора, что с тобой?»

«Я-то в порядке. А Мара отправился к черту в зубы. Я лишь сейчас сопоставил факты!»

«Он поехал в какой-то храм. Я отдал ему айпед, чтобы он переснял свитки на нормальную камеру, а не в память аякаси».

«Свитки? Точно! Свитки тоже могут быть целью акума. Юдзо, вдохни мою память, консолидируй информацию и звони Рику. Срочно. Я продолжаю вызывать Маракайто».

Из динамика вагонного оповещения объявили очередную станцию. Тора встрепнулся. Здесь ему предстояла пересадка на линию Токийского метро.

Аякаси заверещал в кармане, когда Тора бежал по перрону, лавируя в толпе пассажиров.

– Тора-сама, простите, ваш звонок пропустил! – воскликнул Маракайто, чуть только на его вызов ответили. – Тут с храмом ничего не получается. Настоятель запретил входить в хранилище.

Тора облегченно вздохнул.

– Мара, всё в порядке. Это замечательно, что с тобой всё в порядке.

– А? Тора-сама...?

Тора быстро огляделся, вынырнул из людского потока и пристроился возле стены никем незамеченный.

– Расскажи поподробнее, что успел узнать, – попросил Тора в трубку.

– Это всё из-за Нуриботокэ, – начал Маракайто. – У них тут сегодня утром такое случилось! В доме у добропорядочных прихожан вдруг появилось страшилище. Прямо на домашнем алтаре. По описанию – один в один классический Нуриботокэ: весь как покойник, кожа черная, рыбий хвост, глаза наружу. А потом, буквально за полчаса до нашего приезда, в храме статуя Будды треснула. Пряма напасть какая-то. Тут уже из соседнего дзиндзя каннуси пригласили. И я свои услуги предложил. Вроде как очистить могу. Меня-то тут немного знают. Сейчас идем в дом, где Нуриботокэ видели. Тора-сама, ведь я могу помочь, правда? Я-то сам ничего страшного тут в храме не нашел. Ни сёки нет, ни следов никаких. Светлого, правда, тоже не заметил, но это ж не новость в наше время. А старикам, наверное, что-то привиделось. Но я хоть стресс снимаю. Чтоб люди кошмарами не мучилась. Го я отправил в машину, чтобы на парковке подождала.

– Мара, пусть Го неотступно следует за тобой, – распорядился Тора. – Ты знаешь

фамилию хозяев дома?

– А... Каси... Нет. Сейчас, секунду, Тора-сама...

Тора слышал, как Маракайто с пространными извинениями за невнимательность расспрашивает своего спутника. Ответ он расслышал сразу, но дал возможность секретарю отчитаться.

– Кисимото их фамилия. Пожилые очень люди. Одинокие. Ни детей, ни внуков, вроде, нет вообще.

– Понятно. Мара, а теперь внимательно слушай, – Тора придал своему голосу особый тон, выждал пару секунд, чтобы Маракайто сознательно настроился на ёкайский голос, и беззвучно вложил в его сознание ключевые факты.

– О-ой, Тора-сама, – пробормотал Маракайто. – И... и чего теперь?

– Продолжай то, что начал. Помоги людям, чем сможешь. Будь предельно внимателен к любым мелочам. Поставь в известность Го. Не исключено, что они, – Тора выделил голосом местоимение так, чтобы Мара понял – речь идет о Фукунаге и акума, – до сих пор рядом.

– Но зачем же он так? Это же семья, которая...

– Причин мы не знаем, – Тора прервал секретаря, дабы тот в своем искреннем негодовании не выдал лишнюю информацию постороннему человеку. – Но кое-что... – Тора вспомнил цепочку своих рассуждений и ироничную на тот момент мысль о «поводыре» для Фукунаги. – Мара, постарайся найти след обакэ, который принял образ Нуриботокэ. Боюсь, он и есть центральное звено зловещего плана. Держи связь с Юдзо, но действуй по обстановке.

Стоя в толпе в ожидании поезда метрополитена, Тора вспомнил об обещании, данном отцу вчера после законной вздрючки за несвоевременное информирование. Поборов искушение вскочить в призывно распахнувшиеся двери вагона, он отошел подальше вглубь перрона и вновь достал телефон.

– Пап, прости, я немного опоздал с информацией..., – начал он, когда отец лично принял вызов.

– Почему я слышу шум поездов? – не дослушав, воскликнул глава семейства. – Тора, что с тобой? Где ты?

Тревога отца была совершенно искренней, и Тора поспешил в подробностях изложить ему новые факты, собственные планы и даже ход своих рассуждений.

– Сосредоточься на поиске словесной формы заклинания, сынок, – распорядился Накадзима-старший.

– Мы уже готовы атаковать акума? – осторожно спросил Тора.

– Не совсем. Но я нащупал кандидата на роль призывающего. Я внимательно изучил досье Яо Сатоси. Мне доводилось общаться с ним лично. Человек многогранный, честный, грамотный, волевой. И, думаю, заинтересованный, что очень и очень важно в нашей ситуации. Однако пока я не вижу способов подхода со своей стороны. А дело намечается опасное.

– Давай так. Ты разрабатываешь систему безопасности, а я обеспечиваю подход.

– Тора, заклинание и подход к Яо-сэнсэю, – резюмировал Накадзима-старший после небольшой паузы. – Но, пожалуйста, поспеши. Акума не задержится в тени Фукунаги.

– Почему?

– Нет оснований не доверять опыту наших товарищей из Киото: акума, как любой паразит, избегает длительного контакта с психически неустойчивыми людьми. А в родословной Фукунаги хорошо прослеживается неприятное наследственное заболевание – шизофрения. В частности, его мать была признана недееспособной как раз по этому поводу.

В детские годы он сам наблюдался у психиатра, что в последствии тщательно скрывал. И к сведению: по инициативе завуча школы Яо-сэнсэя дирекция начала внутреннее административное расследование преподавательской деятельности Фукунаги, и немаловажную роль в принятии этого решения сыграло мнение учеников о неадекватном поведении учителя во время землетрясения возле «храма желаний».

Специальных ухищрений для получения доступа в читальные залы не потребовалось. Вход на территорию университета был открыт для всех, а на регистрационной стойке в холле библиотеки Тору попросили лишь заполнить элементарную анкету.

Библиотекарь показал Торе, где стоят выбранные по каталогу книги, но основной заказ – отчетный доклад Кисимото – попросил подождать, объяснив, что такого рода единичные издания хранятся отдельно и в открытый фонд не выставляют. Тора ненавязчиво разговорил служащего и узнал, что в архив попадают материалы, переданные из фондов кафедральных архивов – мало востребованные, потерявшие актуальность по каким-либо причинам или оцифрованные и переведенные в разряд электронных. На вопрос – можно ли получить электронную версию заказанной работы – библиотекарь лишь вежливо улыбнулся, чем выразил свое мнение о наивности вопрошавшего, и сообщил, что столь специфические издания оцифровке не подлежат. А затем, окончательно потеряв профессиональную бдительность под влиянием кошачьего обаяния, доверительно сообщил, что заказанное Торой кафедральное издание ни разу не выдавалось читателям с момента передачи в архив. По итогам состоявшегося разговора получалось, что Фукунага либо вовсе не интересовался деятельностью Кисимото, а потому не знал о существовании отчета, либо не считал его полезным для своих изысканий.

Тора пролистал страницы альбома с фотокопиями, где среди прочих содержались два листа с текстом таинственной поэмы, но прежде всего решил составить для себя представление о личности Кисимото Масао. Ознакомившись с подшивками университетского журнала за несколько лет, Тора узнал о его деятельности как научной, так и общественной, а затем внимательно просмотрел библиографический список публикаций. Среди массы статей, изданных в периодических и научных изданиях, нашелся всего один авторский сборник – составленный сотрудниками кафедры и напечатанный в типографии университета в 2002-м году. Тора легко отыскал эту книгу в открытом фонде и первым делом пробежал глазами вводную статью. Статья оказалась сугубо деловой, безо всяких эмоциональных ремарок типа «в память о товарище» и тому подобное. Вопреки ожиданиям среди составителей не нашлось имени Яо Сатоси. И тем не менее Тора не сомневался, что Яо-сэнсэй по крайней мере участвовал в подготовке этого малотиражного издания.

Беззвучный сигнал мобильного аякаси застал Тору за чтением избранных статей Кисимото. Тора привычно накинул на себя ауру скрытности и принял вызов, не покидая читальный зал. На связь вышел Хагивара Акира. В пространных выражениях он сообщил о получении неоспоримых доказательств того, что Садо Сёта – псевдоним Фукунаги-сэнсэя.

– Прекрасно, Акира! Спасибо, – ответил Тора. – Позвони Рику. Номер у тебя есть. Я не могу сейчас обстоятельно говорить.

Через несколько минут Тору пригласили к библиотечной кафедре, где он, наконец, получил основной свой заказ. Но едва он вернулся на свое читательское место, как почувствовал в себе голос Юдзо. Делая вид, что всецело занят чтением, Тора открылся для контакта с братом.

«Мара очистил дом стариков Кисимото, Го взяла след Нуриботокэ, – без предисловий «заговорил» Юдзо. – Он двигается на запад и по пути пожирает мелких аякаси. Мара спас семейство капш на реке, но сам чуть не попался в зубы. У этого Нуриботокэ оказались людоедские замашки. Го сцепилась с ним, слегка подрала, но упустила. Фукунагу они не

видели, хотя Мара уверен, что акума присутствовал поблизости, когда Го вытаскивала его из реки. Го утверждает, что в какой-то момент почуяла запах Кисимото Масао».

«Фукунага украл в доме его вещь?» – быстро уточнил Тора.

«Го сказала – «пахнуло костями». Другого его запаха она не знает. Этот вопрос остался открытым. Рику и Ичиро двумя командами перехватили эстафету погони у Мары и Го. От тебя сейчас нужны твои выборки по географии, про которые ты говорил отцу».

Тора живо перелистнул страницы тетради.

«Юдзо, смотри моими глазами».

«Информацию запросил Рику. У него появилась какая-то версия. Скорми визуалку своему аякаси и отправляй емейлом. Это надежнее, чем если я буду дублировать твои заметки. И сосредоточься на выполнении своей задачи».

«Последнее тебе отец надиктовал?» – Тора улыбнулся.

«Да. Я тут у него и на связи, и на посылках».

Тора быстро отправил файл на мобильник Рику, не без усилия отставил мысли о Фукунаге, акума и Нуриботокэ и вернулся к прерванной работе.

Читальный зал постепенно наполнялся студентами. За длинный стол, на краю которого обосновался Тора, подсели сразу несколько человек. Тора спохватился и посмотрел за окно: на улице начало смеркаться. Наручных часов он никогда не носил, но время хорошо чувствовал, а для детализации сейчас достаточно было поднять взгляд на большие настенные часы – 16:07. За истекшие полтора часа плотной работы ни одного звонка и сообщения не поступило. Юдзо тоже не выходил на контакт, хотя Тора периодически улавливал импульсы его ауры. «Там я пока не нужен», – постановил он и вернулся взглядом к фотокопии манускрипта.

«Закопать истину под словами» – Тора был уверен, что именно так безымянный автор спрятал в тексте заклинание открытия врат иного мира. Тот же вывод сквозил между строк в докладе Кисимото. Тора посмотрел в свою тетрадь, где записывал собственные эксперименты – попытки «убрать лишнее», чтобы результат соответствовал поэтическим канонам, которые Кисимото Масао приводил в тексте доклада как базис всего исследования. Ничего вразумительного в итоге не получилось, однако сдаваться Тора не помышлял.

«Доклад – не отписка с целью оправдать потраченное время, – подумал он. – Кисимото с упоением занимался исследованиями поэтической структуры данного конкретного произведения и других, взятых для сравнений и эталонов. Но данное конкретное произведение отнюдь не шедевр. Это заурядный, к тому же незаконченный, пересказ древней легенды с очевидными отсебятинами переписчика, что и доказал Кисимото Масао. И тем не менее он потратил столько времени и сил на работу с поэмой. Почему? Что кроме текста он видел на свитке? И как в итоге вычленил истинные слова, которые разбили печать?.. Мне нужен оригинал».

Тора смерил взглядом расстояние между своим рабочим местом и кафедрой библиотекаря, оценил очередь из желающих воспользоваться консультациями в разметке по времени и от вояжа через ползала отказался. Вероятность получить доступ к оригиналу свитка была ничтожно мала, а, значит, вопрос об архивном хранилище древних рукописей можно задать и по завершению работы, как бы между прочем.

Тора уже выжал из открытых библиотечных фондов, всё, что мог. Издания, указанные в ссылках, просмотрены, цитаты тщательно проверены, о чем красноречиво вещала большая стопка разноформатных книг, собранная по мере изучения доклада. Фотокопия манускрипта и текст отчета жестко зафиксированы в собственной памяти. Всё это он мог легко воссоздать дома как на компьютере, так и с помощью кисти и туши. Но покидать читальный зал не хотелось, и Тора занял себя изучением каллиграфических изысков переписчика, подспудно

ожидая внеплановых событий.

И события не заставили себя долго ждать: среди бесчисленных, постоянно обновлявшихся запахов появился едва заметный знакомый дух. Тора, не отрывая взгляд от альбома, тщательно принюхался, определил направление дуновения и наострил слух. Ошибки быть не могло, хотя сознание в первый момент воспротивилось очевидному выводу. «А почему нет? – осадил сам себя Тора. – Он искал подход ко мне с самого утра».

Тора дождался, когда неожиданный визитер приблизится к торцу стола вплотную, и, не поднимая головы, тихо произнес:

– Добрый вечер, Яо-сэнсэй.

И посмотрел на подошедшего. Тот пристально разглядывал разложенные на столе материалы.

– Я ожидал найти тебя здесь, Тора-кун, – сообщил преподаватель.

Тора поднялся из-за стола.

– Польщен вашим вниманием, – искренне высказался он.

– У меня к тебе три вопроса.

Тора мимолетно улыбнулся.

– Будет четыре, – предупредил он.

– Это фора?

– Объективная неизбежность. Здесь не удобно разговаривать, – Тора начал собирать книги в стопки.

Отдельно остался лежать лишь открытый альбом с фотокопиями.

– Я не хотел отрывать тебя от дела, – заметил Яо-сэнсэй, искоса глядя на изображение текста манускрипта.

– Тут я получил всё, что было мне доступно, – сообщил Тора и убрал школьную тетрадь со своими заметками в папку, где лежали распечатки и ксерокопии.

– Встретимся в фойе, – после короткой паузы сказал преподаватель и направился к выходу.

Ни единого вербального намека на своё решение Яо-сэнсэй не дал, но богатый спектр эмоций и чувств, доступный чутью ёкая, говорил лучше всяких слов.

«Спасибо, сэнсэй», – мысленно сказал ему вслед Тора.

Тора вышел из читального зала и напрямик направился к ожидавшему его преподавателю. Тот стоял, заложив за спину руки, лицом к окну.

– Здесь, на последнем этаже, неплохое кафе, – сообщил Яо-сэнсэй. – До назначенного часа – тридцать минут.

– Спасибо, Яо-сэнсэй, – вслух произнес Тора и выполнил поклон признательности.

Разговор начался, когда они сели друг напротив друга за столиком кафе – Тора с чашкой черного кофе, Яо-сэнсэй с чашкой чая и легкой закуской.

– Первый вопрос, Тора-кун, – объявил Яо-сэнсэй. – Почему тебя заинтересовала эта малоизвестная, не представляющая литературной ценности поэма?

– Потому что эта поэма скрывает заклинание открытия врат на иную сторону мира, – ответил Тора, убедился, что шквала эмоций нет и не предвидится, и продолжал. – Ваш коллега Кисимото Масао расшифровал текст и использовал заклинание весной 1999 года в местечке под название «Гнилой Дзиндзя», на месте заточения весьма небезобидной злобной силы, схожей с известным в фольклоре образом – акума. Нам не известно, какую цель преследовал Кисимото. Он пробудил искусителя человеческих душ, однако он не смог провести его через врата. Дух-защитник – сикигами, призванный создателем печати – погубил Кисимото физически. Акума остался промеж миров пробужденный, но не способный вырваться на человеческую сторону. Останки Кисимото Масао обнаружены

вчера, после схода селя. Судмедэкспертиза состоялась. Официальная идентификация проведена.

Яо-сэнсэй резко откинулся на спинку стула. На лице он старался удержать маску невозмутимости, но бурное дыхание рвалось наружу из стиснутой силой воли груди.

– Четвертый неизбежный вопрос, я сам озвучу, если позволите, сэнсэй, – предложил Тора.

– Пожалуйста, – произнес преподаватель и тем самым выдохнул вскипевшие чувства.

– Что я собираюсь делать с заклинанием, когда его расшифрую?

Тора для порядка вопросительно посмотрел на собеседника. Тот согласно прикрыл глаза.

– Мы составим зеркальную форму и отправим акума туда, где ему место – в забвение. Это непросто. Но это реально. И это необходимо сделать, сэнсэй.

– Что на самом деле произошло в среду возле храма... нет, возле постройки? – Яо-сэнсэй выделил голосом термин, который вчера на дознании нечаянно использовал Тора.

– Со стороны всё выглядело так, как рассказывали мои одноклассники. На тот момент я не знал об истинном назначении постройки, а о мотивациях поступка Фукунаги-сэнсэя нет однозначного мнения до сих пор. Желания, заданные ребятами, в большинстве своем значения не имели. Но среди нас была девочка, обладавшая зачатками истинных духовных сил. Минами Саки. К сожалению, тьма в ее душе привлекла внимание акума. Был заключен договор, по которому Минами Саки одолжила, а по завершению контракта отдала акума свои духовные силы. Стаж печати предотвратил немедленное освобождение пленника – спровоцировал землетрясение и обрушение моста. Таким образом, семеро остались в зоне проекции врат. Страж предпринял попытку физически уничтожить человека, заключившего договор. Я некорректно оценил обстановку и разорвал связь стража-сикигами с хозяином – древним оммёдзи – полагая, что освобождаю обакэ от навязанной воли. Фактически же я лишил его сил. Акума воспользовался моей ошибкой и нанес стражу смертельный удар. А мы, когда эвакуировали лишившуюся чувств девочку, не увидели за ней тень одержимости. Одержимость проявилась позднее, когда акума стал исполнять ее желания.

Тора поднял чашку с кофе к губам и сделал несколько маленьких глотков. Яо-сэнсэй тоже воспользовался паузой, чтобы пригубить чай.

– Ну и последний вопрос, – начал он, с интересом поглядывая на Тору. – С кем имею честь общаться?

– Я старший сын главы клана Ёкаев Накадзима, – Тора незаметно убрал с лица маску подростка и добавил. – Полагаю, в стенах университета будет удобнее так.

Яо-сэнсэй присмотрелся к собеседнику, без промедления заметил метаморфозу и усмехнулся.

– Действительно, – согласился он и в стиле мысли вслух произнес: – Старший, да?

– Среди людей – всего неполные одиннадцать лет, – сообщил Тора. – Рос и воспитывался в ином мире. А все мои единокровные братья родились и выросли здесь.

– Что ж, я удовлетворен ответами, – Яо-сэнсэй выпрямился и положил руки на столик, как на школьную кафедру. – Теперь твоя очередь задавать вопросы, Тора-кун.

Тора улыбнулся, услышав из уст преподавателя привычное обращение.

– Я рад, что остался для вас учеником, Яо-сэнсэй.

Тот озадаченно выгнул бровь, но изумление было коротким. Он снисходительно улыбнулся и заметил.

– Мне нечему тебя учить, Тора-кун.

– Обучение – это не только школьные уроки, Яо-сэнсэй.

– Вот как? Пожалуй, в таком контексте я соглашусь. Я жду твоих вопросов.

– У меня есть вопросы. Но я не хочу играть в считалки.

– Ты это начал. Вчера в кабинете директора, позволь напомнить.

Тора по-кошачьи прищурился.

– Простите меня, сэнсэй. Это был спонтанный тест слов на живучесть.

Яо-сэнсэй улыбнулся точь-в-точь, как вчера – неожиданно естественно и открыто.

– Прекрасно сказано: «тест слов на живучесть». Кисимото Масао обладал непревзойденным талантом ловить собеседника на словах.

Тора мигом стал серьезен:

– Этот прием использует акума. Вылавливает из формулировки желания слова, подменяет акценты и буквально исполняет тот вариант, который ему удобен. Если желание априорно невыполнимо, требует начертательное представление ключевого элемента и так находит выгодный ему компромисс.

– Опасное явление, – заметил Яо-сэнсэй. – Не существует языков без синонимии, а начертание, вырванное из контекста, это мина, заложенная под сам смысл.

– Увы. Уже оценили на печальном опыте, – сообщил Тора. – Но это оружие сработает и против акума. Сложность момента в том, что акума и обакэ – непересекающиеся множества. Мы не интересны ему, он невидим для нас. Однако его ощущают юрэи.

– Призраки умерших?

– Да. Благодаря самопожертвованию призрака почившей преподавательницы мы получили возможность отслеживать акума и препятствовать его воздействию на материальный мир.

– Вчерашний кошмар в школе. Это результат вашего воспрепятствования?

– Като, Фума и я создали очистительный барьер и выдавили акума с территории школы. Яма на стадионе – побочный эффект.

Яо-сэнсэй задумчиво взял нетронутые хаши, разъединил палочки и подвел к тарелке так, будто собирался воткнуть хаши в рисовый шарик.

– Той ночью, когда ваш класс возвращался из поездки, – медленно начал он. – Мне приснился или явился дух Кисимото. Он казался изможденным, дрожащим. Нецельным. Он сказал мне: освободи меня, умоляю. И канул сквозь пол, как грешник в преисподнюю.

Образ из европейской мифологии навел Тору на неординарный вопрос.

– Яо-сэнсэй, к какой вере придерживался Кисимото Масао? – быстро спросил он.

– Принял христианство, когда увлекся европейской литературой. Его родители, истинно верующие буддисты, были возмущены его поступком. После этого в родительском доме он не появлялся.

– Так вот почему обакэ легко захватил алтарь! – вырвалось у Тора. – Простите, сэнсэй. Это очень важная информация.

Он нащупал контакт с Юдзо, но обнаружил, что брат общается с неосведомленным человеком. Тогда он достал телефон, быстро набрал сообщение и отправил на его адрес.

– Тора-кун, – начал Яо-сэнсэй, дождавшись, когда собеседник закончит с мобильником. – Кроме предоставления информации я могу оказать какую-либо помощь в этом деле?

Тора напряженно выпрямился: назревал момент истины.

– Считаю, что это мой личный интерес, – продолжал Яо-сэнсэй. – Кисимото Масао был моим коллегой и товарищем. Более того, про эту поэму и легенду о скрытом в ней заклинании рассказал ему я. Некоторое время мы изучали поэму вместе. Я отступил, так как не считал работу серьезной. А он зашел так далеко, что любопытство привело его к смерти. Теперь по моему недосмотру состоялось мероприятие, приведшее к трагическим последствиям. Мои ученики оказались под угрозой физической расправы. Акума, юрэи, обакэ – я беспрекословно беру это на веру. Однако я убежден, что мышление, логика, язык – это едино для всех. И это оружие настоящего момента, коим я владею.

– По-правде говоря, мы рассчитывали на вас, Яо-сэнсэй, – признался Тора. – Мы планируем призвать акума, чтобы заточить его под печать. Но призвать акума способен

только человек.

Яо-сэнсэй кивнул так, будто давно решил всё для себя и не сомневался, что конкурентов на заявленную роль у него нет.

– Битва с акума опасна, – предупредил Тора, хотя чувствовал неуклонную решимость собеседника. – Вы должны это осознавать. Мы обеспечим вам физическую защиту. Но душа человека нам не доступна.

Преподаватель загадочно улыбнулся.

– Тора-кун. Сегодня ты так вдохновенно следил за моим уроком, что я, признаться, воспрянул духом. Я не знаю, как вы – ёкаи – воспринимаете человеческую душу. Я не знаю, что такое душа ёкая. Но я уверен, что нам не нужен специальный доступ к душам друг друга. Достаточно доброй воли и взаимного уважения, чтобы вместе работать и мирно сосуществовать.

Кабинет для работы с архивами располагался в другом здании университетского городка. Узнав об этом, Тора невольно заторопился, ибо объявленные тридцать минут подходили к концу. Яо-сэнсэй остановил его, сообщив, что учел время, необходимое для прогулки между корпусами.

– Вы сказали «до назначенного часа», – напомнил Тора без тени шутки в голосе, но с выразительным прищуром зеленых глаз.

– Практикуешься ловить за слово? – с улыбкой осведомился Яо-сэнсэй, краем глаза отслеживая кошачий взгляд.

– Хочу прочувствовать метод, – Тора живо огляделся, прикрыл себя и спутника вуалью скрытности, приправленной звуковой завесой, и продолжил. – Может пригодится для формулировки подставного контракта с акума.

Преподаватель выразительно посмотрел на ёкая и демонстративно окинул взглядом людный сквер. Тора развернул ладонь и показал маленький синий огонек.

– Это вокруг нас, как колпак, – сообщил он. – Защита от прослушки и ненужного внимания.

– Ониби?

Тора глянул на свое творение.

– И правда – похоже. Но это не бесовский огонь. Я скомбинировал науку родителей в форме любимых папиных поделок.

– Кицунэ, – Яо-сэнсэй беззвучно посмеялся своим мыслям. – У меня было ощущение, что разговариваю с лисом.

– Во всех смыслах сей метафоры, – вставил Тора.

– Твой отец – человек чести, – серьезно заметил Яо-сэнсэй. – Я буду говорить «человек» и впредь. Это не оскорбление, надеюсь?

– Ни в коей мере.

Связист-аякаси настойчиво загудел. Тора приостановился.

– Отец звонит, – пояснил он собеседнику и принял вызов.

– Тора, ты знаешь, где Яо-сэнсэй? – сразу же задал вопрос глава ёкайского семейства.

– Тут, рядом со мной. Мы на территории университета. Идем в архивы по нашему общему вопросу.

Глава клана облегченно вздохнул, и тем же вздохом дал понять, что уловил подтекст последней фразы.

– Спроси у него, – начал он, но передумал. – Сделаем проще: включи-ка громкую связь.

– Яо-сэнсэй, отец хочет, чтобы вы его слышали, – сообщил Тора и посадил своего аякаси на плечо.

– Яо-сэнсэй, добрый вечер, – заговорил Накадзима-старший. – Я намеревался

встретиться с вами лично, не откладывая, но, увы, обстоятельства нарушили мои планы. В вашем доме только что побывал некто. Не могу назвать его человеком, ибо на данный момент это не человек, но и не хочу признавать его полноценным обакэ. Мои помощники спугнули его. Он сбежал с пустыми руками. Судя по картине разгрома, учиненного в вашем кабинете, его интересовали рукописные бумаги.

– Все записи по нашему общему вопросу здесь, в моем портфеле, – не дрогнув, сообщил Яо-сэнсэй. – Я взял это с собой, чтобы показать вашему старшему сыну, Накадзима-сан.

– Прекрасно, – в тоне кицунэ отчетливо прозвучало, что он доволен уровнем осведомленности собеседника. – Мне бы хотелось знать подробности, однако сейчас у нас очень мало времени. Тора, ты слушаешь?

– Да, отец.

– Так называемый нуриботокэ успел поглотить шестнадцать аякаси на территории Сайтама, и пятерых непосредственно на нашей территории. Его силы значительно возросли, и в этом состоянии он был допущен в тело известной нам личности. Теперь Фукунага – придется называть существо так – иллюстрирует свои же статьи собственным явлением. В качестве питательного бонуса используется человеческий страх. С помощью твоей географической выборки мы предотвратили четыре «кормежки» – подставили на роль зрителей подготовленных людей. Больше всего ему не понравилось, как известные тебе братья-журналисты подняли его на смех вместо того, чтобы в ужасе метаться по помещению.

– Это произошло не в школе, надеюсь? – спросил Тора, чем фактически озвучил вопрос Яо-сэнсэя, внимательно слушавшего специфический репортаж.

– Нет-нет. На территорию школы он не пробился благодаря вашему вчерашнему очищению. Но Като и Фума дежурят на крыше, а отважная Юрико и твой боевой лекарь Миура – в кабинете клуба. И отбой этой команде я еще не дал... Секунду.

Тора воспользовался паузой, чтобы присмотреться к Яо-сэнсэю. Тот выдерживал маску невозмутимости, но было видно, что пересказ недавних событий потряс его до глубины души.

– Получено подтверждение, – вновь заговорил глава клана. – Фукунага на крыше вагона электропоезда. Направляется в Токио. Полагаю, он нацелился на университет. Поезд плюс его собственная прыть, и он будет на месте через час. Я поставил задачу перехватить его по дороге, но придется учитывать «час пик».

– Здесь на территории много студентов, – вставил Тора. – Пап, я могу выскочить ему на встречу и навязать бой, пока он не добрался до людных мест.

– Нет, Тора. Твое дело – свиток и прикрытие Яо-сэнсэя. А боевые действия с нашей стороны будут последним, на что я дам разрешение. Не забывай, обакэ овладел живым человеком.

– Есть шанс его спасти?

– Надеюсь. Мы готовим ловушки, чтобы поднять очистительные барьеры. Команда уже в пути. Тора, если тебе придется обороняться, твоя главная задача сделать так, чтобы акума из тени Фукунаги не увидел Яо-сэнсэя. Иначе наш основной план будет сорван.

– Я понял, отец.

– Рассчитываю на тебя, сынок. Моё почтение, Яо-сэнсэй, и до скорой встречи.

Тора медленно выдохнул. Аякаси на его плече похлопал лупешками, покосился на человека, пристально разглядывавшего его с высоты роста, и, скромно пискнув, уполз под отворот расстегнутой куртки в свой карман.

– Тора-кун, пора поспешить, – предупредил Яо-сэнсэй.

Они быстро пошли через сквер с дорожкой в форме спирали в центре, проследовали вдоль фасада здания, выполненного в готическом стиле, и завернули на аллею, ведущую к корпусу факультета филологии.

– Могу я узнать подробнее, о каких статья Фукунаги шла речь? – не сбавляя шага, тихо спросил Яо-сэнсэй.

– Журнал «Тайны вокруг нас». Фаворит читателей этого года Садо Сёта. Под этим псевдонимом печатался Фукунага, – быстро ответил Тора.

Впервые за всё время общения Тора почуял вспышку злости, полыхнувшую в чувствах преподавателя.

– Ты анализировал писательский стиль, Тора-кун? – усилием сдержав эмоции, спросил Яо-сэнсэй.

– Да. А подтверждение получено сегодня днем непосредственно в редакции. Наш внештатный агент раздобыл документальное доказательство.

– Отвратительно!

– Фукунага популяризировал те идеи, которые не сумел представить в научной форме? – полу-утвердительно произнес Тора.

– Не только. Это долгий и несвоевременный разговор. Вчера он бессовестно прессинговал своего научного руководителя, требуя ввести две новые главы в его научную работу. По теме «храма исполнения желаний» и скрытых в поэме «исторических фактов». Разумеется, получил категорический отказ. Профессор звонил мне вечером. Он эмоциональный человек, поэтому я не поверил, что Фукунага по-настоящему ему угрожал. После того, что я услышал сейчас, мне нужно извиниться за резкость со своей стороны.

– Фукунага – дальний родственник семьи Кисимото. Вам это известно? – уточнил Тора.

– Конечно. Родители Кисимото оформили опекунство вскоре после того, как их сын принял крещение. В это же время жена Кисимото инициировала развод и уехала из дома, забрав с собой их общего сына. Несмотря на разрыв с семьей, Кисимото подружился с Фукунагой. Моя роль в этом была не последней. Мальчик часто приезжал сюда, в университет. Формально ко мне на индивидуальные занятия по каллиграфии. Фактически, чтобы послушать фантазии Кисимото. После исчезновения Кисимото я ездил в Нагано и брал мальчика с собой.

– Вы поднимались к «Гнилому Дзиндзя»?

– Нет. Как раз из-за ребенка я туда и не пошел. Я расскажу тебе про мою находку в гостинице Нагано, когда будем в кабинете одни.

Яо-сэнсэй приостановился перед дверями и знаком предложил Торе встать рядом, в то время как Тора намеревался остаться на шаг позади, как положено было ученику.

Обмен приветствиями между Яо-сэнсэем и его коллегой был коротким, из чего Тора заключил, что Яо-сэнсэй здесь частый и желанный гость. Сюрпризом стала следующая фраза: Яо-сэнсэй представил своего спутника как «молодого коллегу». Из каких соображений сотрудник факультета решил, что «молодой коллега» родом из Китая, осталось для Торы загадкой, но на пространную реплику на китайском языке он ответил не менее развернуто. Яо-сэнсэй по-японски развеял заблуждение коллеги, чем вызвал еще больший восторг с его стороны, и недвусмысленно напомнил, что время работы в архиве ограничено.

Ученый-языковед проводил гостей в небольшой уютный кабинет, хорошо знакомый Яо-сэнсёу, как понял Тора из контекста, попросил подождать и вышел.

– Три-пять минут, – тихо сообщил Яо-сэнсэй.

Он подошел к большому столу, снабженному специальными штативам и привычно включил дополнительное освещение. Затем достал из портфеля две пары хлопчатобумажных перчаток.

Тора отметил предусмотрительность преподавателя взглядом, но вслух предупредил.

– Мне нужно дотронуться до свитка своей рукой.

– Здесь камеры.

– Учту.

– Тора-кун, китайский – свободно, а кроме..? – Яо-сэнсэй с любопытством посмотрел на «молодого коллегу».

– Английский без проблем. Русский как родной.

– О! – изумился преподаватель.

– Языки для нас не представляют сложностей, – добавил Тора и мельком глянул в направлении, где находился сотрудник университета.

Яо-сэнсэй тоже оглянулся, но, разумеется, шаги не расслышал. И Тора улучил момент провести собственный тест.

«Сэнсэй, ваш коллега далеко, за дверью хранилища в конце коридора. Вы слышите меня?»

– Да, разумеется, – преподаватель вернулся взглядом к ёкаю.

«У меня кошачий слух», – сообщил Тора и улыбнулся.

Яо-сэнсэй оглядел безмолвного собеседника так, будто разглядывал редкий музейный экспонат.

– Телепатия? – еле слышно уточнил он.

«Контакт сознаний. Способ общения обакэ. Но есть люди, которые нас слышат. И таких людей мы находим больше и больше. Вы ведь неспроста посадили всех нас на первый ряд? Вы заметили, что существует неординарная связь».

Яо-сэнсэй улыбнулся и кивнул.

«Спасибо вам за Като и Фуму, сэнсэй, – продолжал Тора. – Им жизненно необходимо быть рядом друг с другом в физическом пространстве».

– Двуглавый дракон?

Тора удивился.

– Почему дракон? – нечаянно вслух переспросил он.

– Показалось.

«Двуглавый призрачный лис, – пояснил Тора. – Но от дракона у них действительно что-то есть. Осталась тайной истинная личность их матери, но аллюзия на нечто рептилеобразное существует. Ваш коллега возвращается».

Эпизод 11

[Пояснения к эпизоду](#)

Свиток лежал на столе перед Яо-сэнсэем. Тора впервые видел материальный исторический артефакт так близко. Ёкайское чутье спонтанно обострилось до предела, человеческую оболочку стало втягивать в личное пространство, но облик Тора удержал, ибо выступать с ушами и хвостом перед камерой видео-наблюдения было недопустимо.

– Начнем? – Яо-сэнсэй внимательно посмотрел на нынешнего своего напарника.

Тора хотел ответить: да, – но что-то остановило язык.

– Дотронусь, пока не раскрыт, – шепотом сказал он, повесил над собой плотную вуаль и добавил ёкайским голосом: «Камеры это не зафиксируют. Не двигайтесь, пожалуйста».

Он подвел кисть к свитку через руку преподавателя, прикоснулся к нему подушечками пальцев и наклонился, насколько позволяла пространственная позиция, чтобы разнюхать бумагу.

– Обработано химическими реактивами, – вполголоса проговорил он.

– Это обязательная процедура.

– Да, я читал об этом. Но, Яо-сэнсэй, разве в состав реактивов входит серебро?

– Никогда не слышал.

Тора дотронулся до пенала, но архивный бокс был исключительно современным.

– Странно, – пробормотал он. – На бумаге и нижнем держателе – точечные вкрапления серебра. Очень слабая концентрация.

– Как ты определил, Тора-кун?

– Запах. Я не возьмусь разбирать детальный химический состав, но серебро издавна считалось магическим металлом, поэтому его я чувствую хорошо.

– Магический металл? – Яо-сэнсэй сурово сдвинул брови. – Тебе знакомы христианские религиозные обряды?

– Только теоретически, я не имел дела... – и тут Тору осенило. – Святая вода?

– Это представляет для тебя какую-либо опасность?

– Абсолютно никакой, – Тора не сдержал улыбку. – Религиозные ритуалы людей – лишь способ самоконцентрации, а чаще – самообмана.

– Разворачиваю, – предупредил Яо-сэнсэй.

Он профессионально извлек из бокса старинный манускрипт, закрепил держатель в штативе и аккуратно развернул свиток.

– Я работал с этим документом после исчезновения Кисимото, – сообщил он. – Обрати внимание: здесь и здесь, – он пальцем, но не прикасаясь к бумаге, указал на едва заметные пятна, похожие на следы капель. – Раньше этого не было. Я составил акт повреждений, но причину тогда мы с коллегами не нашли.

– Он окроплял свиток святой водой, – Тора не знал, смеяться над открытием или отрабатывать «христианскую версию».

– Кажется, это тебя развеселило, – усмехнулся Яо-сэнсэй.

– Хорошо смеется тот, кто смеется последним, – заметил Тора серьезно. – Оставим пока вопрос христианских ритуалов. Прежде всего займемся текстом.

Он внимательно просмотрел все столбцы, затем бегло прочел текст целиком и убедился, что ничего, не попавшего в фотокопии, в свитке нет.

– Поэма считается незаконченной, – подсказал Яо-сэнсэй.

Тора согласно кивнул: этот факт Кисимото аргументированно обосновал в своем докладе. Яо-сэнсэй продолжал:

– Свиток более века хранился в храме, это тебе известно, полагаю.

– Передан в университет в начале 90-х прошлого столетия, – добавил Тора, чем подтвердил свою осведомленность.

– Совершенно верно. Сопутствующие рассказы в печатные источники не попали, но сохранилась устная история. Странствующий монах остановился на ночь в храме, который сейчас находится на территории города Вараби. Утром его нашли мертвым с кистью в руке перед развернутым свитком. Якобы, среди его вещей имелся оригинальный манускрипт, который он переписывал перед смертью. Однако оригинал не дошел до нашего времени по каким-то причинам, а этот свиток попал в хранилища храма недописанным.

– Версия происхождения поэмы: вольная импровизация безымянного автора на тему китайской песни о единстве сущего? – уточнил Тора.

– Это не версия, а всего лишь легенда, – поправил Яо-сэнсэй. – Научных обоснований нет, ибо давным-давно не существует ни первоначального перевода, ни китайского оригинала.

Тора прикинул, имеет ли он право говорить о том, чего давно нет в человеческом мире, и решил, что человек, который отважился взять на себя роль призывающего, должен владеть всей имевшейся информацией.

– Я видел оригинал, – тихо сказал он. – Его бережно хранят обакэ центрального китайского ареала. В поэме иносказательно описывался процесс открытия врат. В те времена, а речь идет о начале этой эры, обакэ всех ареалов активно перемещались между мирами. Кто-то помогал людям, кто-то наживался на человеческих слабостях. Кто-то просто жил в свое

удовольствие по соседству с людьми. Люди верили в добро богов и своей благодарностью придавали им сил. Дрожали перед страшилищами, а те без зазрения совести питались страхом. Здесь, – Тора показал на штатив со свитком, – не хватает последнего смыслового фрагмента. В нем говорилось о вере в силу единства миров. Яо-сэнсэй, я опять дотронуся до свитка.

Преподаватель неподвижно дождался, когда ёкай закончил магические изыскания, и взглядом выразил желание узнать результат.

– Это написано тушью, замешанной на крови духовно одаренного человека, – сообщил Тора. – Я бы рискнул утверждать, что монах пожертвовал жизнью, дабы защитить текст от людей, в чьей душе скопилась тьма.

– Почему он просто не уничтожил манускрипт? – Яо-сэнсэй пристально посмотрел на ёкай.

– Наверное, потому, что искренне верил в единство сущего и надеялся, что однажды люди обратятся к оборотной стороне мира в благих целях. Возможно, этот свиток – последняя инструкция для открытия врат, которая существует у людей. Очень жаль, что использовали ее в гиблом месте. Теперь я думаю, что Кисимото не осознавал, что врата, которые он открывает, это всего лишь дверь в темницу, где заточен зловерный искуситель. В конце концов о личности, запечатанной под «Гнилым Дзиндзя», сведений не сохранилось.

– Ты считаешь, Кисимото расшифровал текст и получил непосредственно заклинание? – спросил Яо-сэнсэй.

– Я думаю – да, – Тора повернулся лицом к собеседнику, оставив свиток без внимания. – Как именно ему удалось вычленишь из текста ключ, я не определил. Примененный метод расшифровки в его опубликованных работах не описан, что вполне логично.

Тора вопросительно посмотрел на преподавателя, как бы испрашивая уточнений.

– Он не делился со мной своими находками, – сообщил тот, призадумавшись на несколько секунд и продолжил. – Мы серьезно поссорились с ним незадолго до его исчезновения. Я совершил подлый поступок. Позднее я нашел в себе силы это признать во всеуслышание и ушел из большой науки. Но это другая история. А тогда, в начале 99-го, – он пошел к письменному столу, на котором оставил свой портфель. – Кисимото забрал у меня чернильный камень. И таким образом мне отомстил. Он знал, как я ценил и любил эту вещь.

Яо-сэнсэй бережно достал из самодельной коробки старинную тушечницу и в открытых ладонях показал Торе. Тора машинально принялся.

– Вы замешивали тушь на крови, – негромко констатировал он.

– В юности. Дед рассказывал, будто мой отец умел управлять сикигами и учил меня вычерчивать кандзи на табличках, чтобы призывать духов. Какое-то время я верил. Мне даже казалось иногда, что в этой тушечнице я вижу маленькое черное существо с кисточкой вместо головки. С этим камнем я выигрывал конкурсы по каллиграфии еще в школьные годы. Всюду носил его с собой, будучи студентом.

– Это фамильная вещь?

– Со слов моего деда мне известно, что тушечница передавалась в нашей семье от отца к сыну на протяжении трех веков.

– Вы позволите? – Тора подвел пальцы к чернильному камню.

Яо-сэнсэй знаком предложил ёкаю взять предмет в руки.

– Здесь жил цукумогами, – быстро сообщил Тора, вслушался в тонкое эхо ауры и спросил. – Сэнсэй, ваша находка в Нагано – этот украденный чернильный камень?

Яо-сэнсэй согласно кивнул. Тора продолжал:

– Вы нашли его в гостинице у маленькой девочки, которая вытащила его из вещей пропавшего постояльца.

– Да, именно так, – Яо-сэнсэй старался скрыть волнение, но сие плохо удавалось. – Я

попросил не ругать девочку, когда увидел, какими глазами она смотрит на камень. Мне показалось, что она видит то же, что в юности пытался увидеть я.

Тора понимающе улыбнулся.

– Два дня назад в разговоре с Асуха-сан я узнал о «Гнилом Дзиндзя», о пропавшем ученом из Токио и бедах, постигавших тех, кто ходил к «храму исполнения желаний». На тушечнице до сих пор сохранился след ее детской ауры – так искренне она восхищалась каллиграфией Кисимото.

– Почему цукумогами исчез, Тора-кун?

– Мне кажется, он запасся силами, вдыхая восторг ребенка, и отправился искать потерянного хозяина, – Тора вернул чернильный камень владельцу.

Тот задержал тушечницу в руках, грустно улыбнулся краешками губ и молча убрал камень в коробку. Тора незаметно присмотрелся к человеку. Еще час назад аура Яо-сэнсэя виделась ему сложным геометрическим орнаментом – строгим, плоским, однозначным. Сейчас он отчетливо увидел перед собой многогранный кристалл, сиявший всеми цветами радуги.

– Яо-сэнсэй, – осторожно начал Тора. – Ну а вы сами в детстве не пробовали призывать духов? В виде игры хотя бы.

Преподаватель задумался, но Тора понял, что заминка вызвана не попыткой припомнить детские игры, а моральной подготовкой к некому откровению.

– У меня нет воспоминаний детства, – произнес Яо-сэнсэй. – Всё, что я знаю о самом себе, я знаю со слов деда. Мне было семь, когда машина, в которой ехала моя семья, сорвалась в пропасть. Родители погибли на месте, а меня чудом вернули к жизни подоспевшие спасатели. Однако память моя была потеряна навсегда. Под присмотром деда я заново учился ходить, говорить, выполнять элементарные бытовые действия. Мне пришлось повторно поступать в первый класс начальной школы. Дед был для меня мудрым наставником и самоотверженным опекуном целых двенадцать лет, до самой своей смерти. И только благодаря ему я стал полноценным гражданином общества.

У Тора мигом выстроился каскад вопросов из массы невероятных предположений, но он сделал всё, чтобы обуздать несвоевременное любопытство. Яо-сэнсэй не заметил азартный блеск, промелькнувший в кошачьих глазах, и с долей растерянности в голосе добавил:

– Странно. А ведь я никому никогда об этом не рассказывал.

Он слегка встряхнул головой, неспеша уложил коробку с тушечницей в портфель, а наружу извлек потертую папку с бумагами. Тора углядел дату на корешке папки, сделанную простым карандашом.

– 82-й год? – уточнил он.

– Да. И это единственное материальное свидетельство моего интереса к поэме.

– Значит, вы исследовали свиток, когда он хранился в храме?

– Называть это исследованием, – Яо-сэнсэй тронул пальцами старую папку, – я бы сейчас не стал. Но тогда, в свои двадцать лет, я думал именно так. Я тщательно скопировал поэму, воспользовавшись расположением настоятеля. В то время я уже жил при храме и готовился стать учеником священника. Этот свиток, можно сказать, изменил мою судьбу. Я избрал стезю лингвиста. Позднее, когда Кисимото Масао заинтересовался моим рассказом о свитке, я показывал ему свои юношеские наработки. Но буквально однажды. Как видишь, Фукунага не мог знать о существовании этих бумаг. Он преследовал какие-то иные цели, проникнув в мой дом.

Тора отрицательно покачал головой.

– Я общался с акума напрямую, – заговорил он. – Он начал разговор с цитаты из Шекспира на английском. Затем по-русски процитировал «Сцену из Фауста» Пушкина и дал понять, что знаком с «Фаустом» Гёте, когда я высказался цитатой по-немецки. Он подослал

злобного обакэ в домашний алтарь семьи Кисимото, а затем натравил его на окрестных аякаси, как будто знал места их обитания в Вараби и соседних городах. Теперь одержимый Фукунага вламывается в ваш кабинет и роется на полках с рукописями.

Под выжидающим зеленым взглядом Яо-сэнсэй нахмурился.

– Ты полагаешь, что этот акума – дух Кисимото?

– Я думаю, он абсорбировал по крайней мере знания Кисимото Масао, – Тора запнулся, когда новая гипотеза неожиданно прорисовалась в сознании. – Фукунага поднял из личных архивов фото Кисимото, и вскоре после этого укрепился его контакт с акума. Полагаю, это произошло потому, что акума присвоил себе часть личности человека.

– В моем сне Масао умолял меня его освободить, – медленно проговорил Яо-сэнсэй. – Душа в плену у дьявола. Такие сюжеты встречаются в христианской литературе.

Тора согласно кивнул и продолжил свою мысль.

– Однако я не стал бы привязываться к религии, как к базису явления. Религия, традиции, увлечения – это личная сфера, информационная среда конкретного человеческого «я». Человек попадает под влияние акума, и акума забирает что-то из его сущности. Вчерашний пример: облик акума, ставший доступным нашему восприятию благодаря силам юрэя и воле наших друзей, был основан на графических рисунках из популярной манги, которой увлекалась одержимая на тот момент Минами Саки.

Яо-сэнсэй тяжело вздохнул.

– Самодурство оплачено духовными силами, – задумчиво проговорил он. – За любопытство отдана жизнь. Чем же заплатит за своё тщеславие Фукунага?

– Если разгадать формулировку его желания, можно вычислить форму оплаты.

– Вариант желания единственный: мировая известность. Это его мечта с ранних юношеских лет.

– Мне казалось, он стремился представить науке новое видение истории, – осторожно заметил Тора.

Яо-сэнсэй пренебрежительно усмехнулся.

– Истинное видение истории, существование привидений, фольклор как монитор иного измерения, нло в небе – следы потусторонних сил. Всё это помпезно объявлялось и упрямо муссировалось ради ярких именных заголовков над сенсационными открытиями мирового масштаба. По-настоящему же дальше игры в науку он не продвинулся. Но в искусстве морочить голову окружающим он преуспел, как я вижу: вел в заблуждение даже ёкая.

Тора смущенно отвел взгляд.

– Я надеялся, что чего-то не рассмотрел в его личности, – оправдывающимся тоном сообщил он.

– Ты очень добр, Тора-кун. А с людьми зачастую нужно быть жестким.

– Понимаю. Но буду искать золотую середину, сэнсэй. Не обессудьте, – Тора прямо посмотрел на преподавателя.

Яо-сэнсэй улыбнулся, сокрушенно качнул головой и взглядом показал на свиток.

– Вернемся к заданной теме: текст поэмы и скрытое в нем некое заклинание, которое каким-то образом получил Кисимото Масао. У тебя есть идеи по поводу принципа шифрования, Тора-кун?

Тора почуял, что собеседник подсознательно настроился «безоговорочно принимать на веру», то есть ожидал разговора о магии в свете ранее прозвучавшего резюме по составу чернил и последующих выводов.

– Я считаю, что шифрование основано исключительно на языковой логике, – заявил Тора.

– Исключительно? – с сомнением переспросил Яо-сэнсэй.

– Заклинание создавали люди для людей. Духовно одаренный человек поднимает свой

дух на пиковый уровень разными средствами. Ритуальное действие, медитация, чтение заклинаний, священных текстов, сутр, начертание каких-либо знаков, в частности – кандзи. Сейчас мы говорим о заклинании в словесной форме. Я считаю, что текст его здесь, – Тора показал на свиток. – Прямо перед нами. Нужно лишь изъять из массива лишние знаки. Приблизительно так.

Тора быстро открыл свою тетрадь на странице, где на уроке записывал примеры, и положил тетрадь перед преподавателем.

– Просто пришло в голову, когда вы стерли часть записей на доске, – добавил он.

Яо-сэнсэй взял ученическую тетрадь в руки, долго смотрел на текст примера, частично затертый ластиком, затем быстро раскрыл свою папку и выложил на письменный стол выцветшие листы.

– В юности я искал истинное звучание поэмы именно так, – сообщил он.

Тора впился взглядом в безупречно начертанные иероглифы. Часть из того, что он успел прочесть, складывалась в поэтический текст – гармоничный, однако весьма далекий от первоначального смысла.

– С какой целью всё это? – невнятно спросил Тора, продолжая просматривать листы один за другим.

– Мой ответ тебя повеселит, Тора-кун.

Тора удивленно посмотрел на собеседника. В обычно колючих черных глазах преподавателя мелькнула искра иронии.

– В те времена со всем моим юношеским максимализмом я стремился воссоздать оригинал произведения.

Тора обескураженно улыбнулся, со смешанным чувством разочарования и восхищения одновременно вновь посмотрел на рукописные листы и тут заметил оставшийся в папке обрывок.

– А это..? – спросил он.

– Баловство, – сообщил Яо-сэнсэй и, помедлив, извлек одинокий листок, криво оторванный от тетрадного.

Тора пробежал взглядом небольшой – всего в три коротких столбца – текст и невольно изменился в лице.

– Яо-сэнсэй, как вы это получили?

– Еще вчера я постыдился бы показывать это кому бы то ни было, – Яо-сэнсэй усмехнулся. – Этот текст я записал по воле кисти. Мне казалось, будто мой маленький чернильный друг управляет моей рукой.

– Это финал оригинальной поэмы, – произнес Тора.

Яо-сэнсэй медленно выпрямился.

– Дословно? – тихо спросил он.

– Да. Яо-сэнсэй, Кисимото видел эту запись?

– Один, может быть, два раза в студенческие годы.

– Вы рассказывали ему, как получился этот текст?

– Нет... Хотя, возможно, – Яо-сэнсэй спонтанного оглядел кабинет, будто искал ответ в окружающем пространстве. – Он знал, что тушечница для меня – семейный талисман. Но... Да. Про Чернилку я однажды рассказал ему. Под хорошее настроение в праздничный день. И это тоже упомянул.

Длинный жилистый палец крепко прижал обрывок листка к столешнице, а взгляд остановился на раскрытом манускрипте.

– Яо-сэнсэй, – выдержав паузу, заговорил Тора. – Здесь мы получили достаточно информации. Копии есть у вас, а если потребуются уточнения, я могу воссоздать свиток безо всякой магии за 10-15 минут. Поэтому расшифровкой...

– Один момент, – перебил преподаватель, медленно поднялся из-за стола и, механически натягивая перчатку, подступил к штативу. – Тора-кун. Кандзи. Из финальной части.

Дрогнувшей рукой он показал на два иероглифа в первом столбце и перевел пальцы к следующему. Тора тихо ахнул: перед мысленным взором иероглифы из забытого фрагмента будто бы выплыли на передний план, прочие символы исчезли, и на свитке предстали три осмысленных предложения.

Яо-сэнсэй начал шепотом вычитывать слова, сложенные из ключевых кандзи. Первое предложение прозвучало вслух, и Тора, опомнившись, вполголоса выкрикнул.

– Стоп! Сэнсэй. Не здесь и не сейчас.

Тот посмотрел на ёкая совершенно шальным взглядом.

– Неужели это и есть..?

– Это заклинание, – уверенно констатировал Тора. – Налицо классический пример формы и ритма. Первые столбец – самонастройка чтеца. Второй – концентрация энергии. Последний – кульминация.

– Методы проверки? – к Яо-сэнсэю вернулось его коронное учительское спокойствие.

– В нашем случае только консилиум, – Тора постарался улыбнуться и потянулся в нагрудный карман за мобильником.

– По правилам пользования архивами, мы должны были оставить электронные аппараты за дверями этого помещения, – напомнил Яо-сэнсэй и еле заметно кивнул в сторону видеокамеры.

– Да, извините, – Тора прижал карман ладонью с внешней стороны, чтобы наострившийся на исполнение обязанностей аякаси не вздумал вылезти самостоятельно. – Я воспользуюсь другим способом передачи информации.

Тора понимал, что если пойдет на кафедру вместе с Яо-сэнсэем, оба застрянут там надолго, а Юдзо во время короткого сеанса связи «другим способом» высказался предельно лаконично: убирайтесь оттуда сейчас же! Но отказаться от приглашения в сложившейся обстановке было невозможно, и Тора лишь беззвучно напомнил преподавателю о необходимости покинуть территорию университета как можно скорее. Тот кивнул и сделал неопределенный жест рукой, который Тора расценил как обещание закончить беседу в кратчайший срок.

Однако разговор был прерван телефонным звонком, и словоохотливый коллега Яо-сэнсэя, извинившись, ушел в соседнее помещение. Яо-сэнсэй мельком глянул на напряженного спутника и почти одними губами спросил:

– Он здесь?

Тора неопределенно качнул головой, а развернутый ответ дал ёкайским голосом.

«Я не чую его в непосредственной близости, но остановить его по пути не смогли. Видимо, акума опять прибегнул к шантажу».

Яо-сэнсэй вопросительно выгнул бровь.

«Акума прикрывается людьми, – пояснил Тора. – Вчера он спровоцировал аварию на дороге, чтобы вынудить прекратить слежку за машиной, в которой увезли Минами Саки. В результате мы надолго потеряли ее из вида, а он без помех реализовал свой план».

В комнату отдыха вернулся товарищ Яо-сэнсэя – взволнованный и озадаченный. Он взглядом извинился перед Торой и, чуть только Яо-сэнсэй подошел к нему, принялся вполголоса делиться впечатлениями. Тора уловил, что речь идет о происшествии на факультете общественнознания. Ради дела следовало наострить слух, но совесть не позволила сделать это сию секунду. Компромисс был достигнут силой голоса Яо-сэнсэя.

– Ни в коем случае! – резко объявил он. – Ни от моего имени, ни от чьего-либо имени. С сегодняшнего дня он уволен, поэтому любые ссылки на меня и на школу – это ложь.

– Неужели придется вызывать полицию? – растерялся языковед-архивист.

– Нападение на сотрудницу – достаточный повод, – отрезал Яо-сэнсэй. – А сюда, к архивам, я лично его не подпущу.

Он широким шагом направился к выходу. Тора живо пристроился за ним, но университетский языковед его окликнул.

– Быть может вам лучше побыть пока здесь?

– Мне бы не хотелось оставлять Яо-сэнсэя наедине с человеком, который уже на кого-то напал, – Тора улыбнулся одними губами.

– Извините нас, – бросил Яо-сэнсэй через плечо.

Торе пришлось поторопиться, чтобы нагнать преподавателя, ибо тот в состоянии боевого возбуждения передвигался длинными журавлиными шагами.

– Фукунага требует допуск в архивы, – быстро сообщил Яо-сэнсэй. – Он ударил секретаршу и ворвался в кабинет. К счастью, профессора на месте не было.

– Сэнсэй, – позвал Тора.

Тот приостановился и оглянулся на ёкая. Тора улучил момент занять позицию прикрытия, ибо уже чуял приближение обакэ.

– Фукунага движется сюда, – тихо продолжал он и взглядом показал направо. – А тут сборище студентов.

– Стадион, – подсказал Яо-сэнсэй и изменился в лице. – Шантаж?

– Возможно. Он рядом. Значит, и акума с ним. Яо-сэнсэй, недавно на уроке вы рассказывали о нагаута «Песнь весны». Вы знаете весь текст наизусть, верно?

– Да, но...

– Сэнсэй, встаньте у меня за спиной. По моей команде начинайте читать про себя. Ни на что не отвлекайтесь. Просто читайте от начала до конца, с начала и так далее, пока я не дам отбой. Ни звука вслух. Минимум движений. Я буду читать с вами в унисон, мой голос вы будете слышать внутри себя. Акума не увидит вас в моей ауре. Фукунагу предоставьте мне.

Взгляд человека и зеленый взор ёкая встретились в пространстве, и между двух абсолютно разных сущностей возник прочный контактный канал.

– Начинаем, – скомандовал Тора и повернулся лицом к бесформенному силуэту, возникшему на влажной от мелкого дождя дорожке.

Существо, перемещавшееся на манер большой обезьяны, выпрыгнуло на освещенную электрическим светом аллею, кое-как выпрямилось, и Фукунага в потрепанной грязной одежде вразвалочку пошел прямо на Тору.

– Тора-кун! – объявил бывший учитель в знакомой артистичной манере. – Я вижу тебя!

Его глаза выпрыгнули из орбит и как шарики на пружинках закачались перед почерневшем лицом, частично сохранившим портретные черты настоящего Фукунаги. Раздался влажный шлепок рыбьего хвоста о мощеную дорожку.

Тора невозмутимо оглядел обакэ, но при этом незаметно окинул взглядом ближайшее пространство. Чернильный контур скрывался между деревьев в узком сквере, отделявшим аллею от стадиона.

– Тора-кун, я вижу Истину! – глаза страшилища очутились точно перед лицом Торы. – Я вижу тебя!..

Глаза отпрянули вместе со своим владельцем, и уродливое лицо исказилось гримасой недоумения.

– Ты? Почему ты обычный? Тора-кун, почему ты обычный человек? Нет! Это неправда! Истина не такова! Эти глаза врут!

Торе потребовалось много сил, чтобы удержать в своей ауре Яо-сэнсэя и одновременно с тем скрыть собственный ёкайский дух от обакэ. Но изобретенный на ходу план того стоил.

Проблема состояла лишь в том, что рано или поздно предстояло заговорить вслух, не прерывая контакт сознаний.

– Твои хваленые глаза врут! – заорал одержимый в сторону притаившейся тени. – Ты уверял, что это не простой парень! А я вижу обычного пацана!

Тора стиснул зубы, дабы нечаянно не расслабиться. План заработал: Фукунага усомнился в чистоте контракта.

Но тут до сознания ёкая добрался «голос» из чернильной тени.

«Что помалкиваешь, *кот ученый*? Ужель осознал, наконец, что борьба со мной – пустая трата сил и времени? Коли так, то ты гораздо умнее, чем я думал. Здесь, среди людей, я всемогущ, ибо я – реальность. А ты – сказочный герой – будешь подчиняться мне. Проверим?»

Огромное табло над воротами стадиона угрожающе мигнуло.

Яо-сэнсэй у Тора за спиной вздрогнул. Тора натянул канал до предела и вплел в контакт указующий тон, будто нажал голосом на текущую строку песни.

Ничего не подозревавшие студенты толпились на входе точно под плазменной панелью.

Табло накренилось – провисло верхнее угловое крепление.

«Я не блефую, – предупредил акума. – Мне нужно, чтобы тут поднялся шум, и ты сейчас мне это обеспечишь. В вашей семейке очень любят и берегут людей. Вы так самоотверженно кидаетесь на помощь! Ну-ка, покажи мне этот спектакль еще разок».

После этого выступления Торе стало предельно ясно, что инициатива проникновения в архивы принадлежала не Фукунаге. Следовательно, свиток нужен был самому акума. Вывод напрашивался простой: акума намеревался уничтожить манускрипт, чтобы исключить всякую возможность изгнания себя в небытие.

Время на раздумья исчислялось секундами.

Помощи ждать неоткуда – никого из своих поблизости нет, а связаться с Юдзо сейчас – значит провалить весь план прикрытия.

Яо-сэнсэй взбешен наглостью потусторонней силы, однако крепко держит эмоции в узде, добросовестно выполняет указание не двигаться, мысленно читает стих, и его человеческая аура плотно упакована в ауру ёкая.

Угроза буквально висит над головами людей, и вот-вот обернется трагедией.

И Тора решился. Иллюзия двойника сработала на его собственном сознании. Наведенный на человеческую сущность мост остался незыблемым. Иллюзорная часть «я» получила возможность действовать, а об объемах стремительно утекавших сил и угрозе разрушения своей личности Тора постарался не думать.

Он направил мощный импульс на нуриботокэ. Примитивный по своей природе обакэ узрел истинную силу ёкая, мигом и в полной мере прочувствовал угрозу для своей жизни, запаниковал и принялся вырываться из человеческого тела. На сознании одержимого его действия отразились именно так, как и планировал Тора – пробудилась человеческая сущность.

– Что ты мне подсунул? – с искренним негодованием в голосе выкрикнул Фукунага в сторону чернильного контура. – Я давно не ребенок, и игрушки твои мне не нужны! Я тебя серьезно предупреждаю: либо ты обеспечишь мне настоящую мировую известность безо всяких фокусов и баек, либо я на тебя не работаю!

В этот момент нуриботокэ выбрался на свободу и кинулся наутёк в облике существа, отдаленно напоминавшего уродливую обезьяну. Внимание акума переключилось на сбежавшего, а Тора запустил поток очистительных огней на табло, арку стадиона и прилежавшие к ней опоры сетчатой ограды. Сознание едва не отключилось от невероятной нагрузки. Сквозь звон в ушах он услышал, как сбилось дыхание Яо-сэнсэя.

«Всё в порядке, – Тора вплел слова в ритм песни. – Продолжайте читать. Моя папка.

Нужно вынуть оттуда. Тетрадь. Медленно и бесшумно. Продолжайте читать».

Он завел левую руку за спину так, чтобы папка с распечатками очутился перед преподавателем. По шороху за спиной он определил, что Яо-сэнсэй четко выполнил указание – школьная тетрадь с записями перекочевала в преподавательский портфель.

«Что бы я ни делал, продолжайте читать», – повторил Тора и приготовился к финальному раунду.

– Везучий кот, – вдруг объявил Фукунага; внешность и голос остались прежними, но в корне изменились интонации – сущность человека присвоил себе акума. Он демонстративно посмотрел сквозь деревья на стадион. – Думаешь, этого достаточно для победы?

– Это тайм-аут. Для переговоров, – тщательно контролируя раздвоенный поток сознания, вслух проговорил Тора.

Поверх человеческого лица проступил графический контур портрета.

– Переговоры – это забавно. Начинай.

Тора задал заготовленный вопрос:

– Что тебе здесь нужно?

– Всего лишь посетить хранилище древних рукописей, – с удовольствием ответил акума устами Фукунаги.

Тора отметил про себя, что акума сказал «посетить». И это означало, что выстроенная версия верна: акума намеревался не выкрасть свиток, а уничтожить его прямо на месте хранения артефакта.

Тора сделал следующий ход:

– Я предлагаю обмен. Я отдам тебе то, что ты не найдешь в хранилище.

И многозначительно посмотрел на собеседника. На контурном лице промелькнула усмешка.

– А ты, оказывается, воришка, ёкай, – отметил акума. – Что же ты желаешь получить от меня в обмен на то, что я теперь не найду в хранилище?

– Обязательство: с этого момента в ходе исполнения каждого из этапов одного любого договора не задействовать более одного человека.

Контур на остановившейся физиономии Фукунаги изобразил задумчивость, а через пару секунд губы сложились в широкую улыбку.

– Согласен!

Тора вывел из-за спины руку с папкой для бумаг. В момент пересечения границы ауры пластиковая папка превратился в архивный бокс, а распечатки – в свиток. Тора приоткрыл пенал и показал акума содержимое.

– Великолепно, – подытожил тот. – Обязуюсь, с этого момента в ходе исполнения каждого из этапов одного любого договора не задействовать более одного человека.

– Договорились, – объявил Тора и протянул Фукунаге иллюзорный бокс.

На лице одержимого произошла метаморфоза. Контур исчез без следа, а собственная физиономия Фукунаги перекосилась гримасой изумления. Затем ее сменила мина нездорового восторга.

– Тора-кун, ты отдаешь мне это?! Это то, что мне нужно! Это мой звездный час! Моё имя будет на первых полосах всех газет мира!

И Фукунага, потрясая в воздухе своей добычей, вприпрыжку помчался вглубь аллеи.

Тора не двигался. Яо-сэнсэй за его спиной силой воли зажал в себя всяческие эмоции и продолжал беззвучное чтение.

Издалека донесся грохот, затем раздались крики. С небольшим опозданием ветер наваял запах сладкой печёной картошки, подпорченный едким духом горящей бумаги. Как поведет себя иллюзия в процессе разрушения материального носителя, Тора заранее не продумал, и теперь следовало по меньшей мере проконтролировать результат. Он на них определил

приблизительное расстояние между своей позицией и перевернутой печкой уличного ларька яки имо. Получилось, что Фукунага добежал до южных ворот университетского городка прежде, чем нашел средство для уничтожения «свитка». Тора поспешил рассеять иллюзию двойника в собственном сознании, но быстро понял, что задачка нахрапом не решается – запас сил был исчерпан, и взбунтовавшиеся рефлексy принялись выпихивать ёкая из человеческого обличья так же, как человеческие толкали бы задыхавшегося к источнику воздуха. Торе потребовалось всё его самообладание, чтобы собрать ядро своей сущности воедино без потерь и аккуратно расплести контактный канал, превратившийся в плотный крученный жгут.

– Яо-сэнсэй. Всё. Закончили, – выговорил Тора.

Мгновения, отведенного на передышку, оказалось достаточно, чтобы потерять и концентрацию, и сознание. Очнулся он через несколько секунд от ошутимого хлопка по щеке.

– Тора-кун!

Властный голос преподавателя врезался в мозг так, будто установился ёкайский контакт. Тора машинально обрубил канал, дабы хаос его собственных мыслей не навредил человеку, и лишь в следующий миг понял, что контакта с человеком не было, а к его сознанию отчаянно прорывается брат.

«Юдзо. Вдохни мою память. Свиток. Иллюзию держи», – сумбурно «высказался» Тора.

«Я намерен держать тебя! Ты, рискованный мастер экспромтов!» – донеслось в ответ.

«Юдзо, нет! Иллюзия свитка. Мы обязаны убедить его, что свиток сгорел целиком!»

Юдзо прекратил прения.

Тора с трудом поднял голову и тут обнаружил, что висит на человеческой руке, привалившись к широкому костлявому торсу.

– Извините, сэнсэй, – пробормотал он и заставил себя выпрямиться.

– Тора-кун, что с тобой? – требовательно спросил Яо-сэнсэй.

За жестким тоном прятался страх, это Тора почувствовал без усилий.

– Не волнуйтесь за меня. Магия иллюзий..., – невнятно начал он, но понял, что на пространственные объяснения сейчас нет сил.

– Это иллюзия? – преподаватель взглядом показал на голову ёкая.

Тора повел ушами и неуверенно вильнул хвостом.

– Маску упустил. Извините...

Яо-сэнсэй быстро огляделся, решительно взял Тору за плечи и поставил перед собой так, чтобы своим телом прикрывать его спину.

– Тора-кун. Я не знаю, что с тобой делать, – шепнул он в кошачье ухо.

– Я быстро оклемаюсь. Просто уведите меня куда-нибудь в безлюдное место, пожалуйста, – заплетающимся языком отозвался Тора.

Он полностью доверил человеку своё тело: лишь машинально переставлял ноги и менял направление движения, повинаясь человеческой руке. Прогулка закончилась на мокрой скамейке в парке университетского городка перед большим темным прудом. Вечерняя темнота, промозглый ветер и морось, перемешанная с мелкими льдинками, давно разогнали отсюда любителей природы, поэтому место полностью отвечало заданным требованиям.

– Тора-кун, дай мне номер телефона своего отца, – потребовал Яо-сэнсэй, наклонившись к самому лицу ёкая.

– Отец будет здесь через пару минут, – ответил Тора как мог уверенно и открыл глаза. – Спасибо, сэнсэй. Не волнуйтесь, я в порядке.

Он с трудом подтянулся, сел так, чтобы опираться о деревянную спинку лопатками, а не загривком, и завернул хвост через бедро на колени.

– Извините, я вынужден пока в такой форме, – проговорил он.

– Это настоящий твой облик? – напряженным голосом поинтересовался преподаватель и, увидав согласительный кивок, облегченно вздохнул. – Тора-кун, – начал он более спокойным тоном. – Я не знаю, что ты сотворил, но вижу: это было крайне сложно и рискованно.

– Зато мы его обдурили, – Тора улыбнулся.

Яо-сэнсэй с сомнением посмотрел на ёкая и опустился на скамейку рядом с ним.

– Он не распознает обман? – негромко спросил он.

– На этапе горения иллюзию поддерживал мой брат. А в моих словах обмана не было, – Тора зажмурился и подставил лицо под мелкие колючие льдинки. – Помните, что я ему сказал? «Я отдам то, что ты не найдешь в хранилище». И я отдал ему распечатки отсканированных листов журнала «Тайны вокруг нас». Это он не нашел бы в архиве никакими силами.

Яо-сэнсэй сокрушенно покачал головой.

– Сразил Кисимото Масао его же оружием, – произнес он.

Тора медленно перевел взгляд на преподавателя. Тот смотрел в мокрый асфальт перед собой, и на его лице явственнее и явственнее проявлялись следы пережитого стресса.

– Яо-сэнсэй, как вы видели Кисимото Масао? – невольно понизив голос до шепота, спросил Тора.

– Как призрака. Среди деревьев, – Яо-сэнсэй попытался скрыть тяжелый вздох. – Но когда он заговорил с тобой на аллее, он показался мне живым. Таким, как я его помню. Однако его призрак продолжал взирать на меня с бесконечным отчаянием в глазах.

– То есть вы видели его в двух разных ипостасях? – Тора, забыв про собственную слабость, резко развернулся к собеседнику корпусом и рефлекторно вцепился когтями в ребро скамьи, когда тело повело в сторону.

В следующую секунду сквозь ёкайское пространство на Тору хлынул поток живительного дыхания, а на дорожке прямо перед скамьей будто из-под земли возникли глава семейства Накадзима и сопровождавший его Инукай-сан.

Яо-сэнсэй поднялся на ноги чуть быстрее, чем требовал бытовой этикет, но не с той поспешностью, какую обычно демонстрирует человек под впечатлением неожиданного явления.

– Яо-сэнсэй, добрый вечер. Очень рад видеть вас здесь в добром здравии, – объявил Накадзима-старший, поклоном ответил на такое же встречное приветствие и добавил. – Еще минуту, пожалуйста, и я в полном вашем распоряжении.

Тора решил, что самое время встать, чтобы отец не навис над ним слишком уж выразительно. Глава семейства проследил за процессом подъема, вдохнул с явным намерением начать обстоятельную речь, но Тора его опередил.

– Пап, победителя не судят.

Отец шумно выдохнул, покосился на Яо-сэнсэя и заявил.

– Я восхищен твоей виртуозной магией, Тора. А о твоём отношении к технике безопасности мы поговорим отдельно. Яо-сэнсэй, – он элегантно повернулся лицом к преподавателю. – В наших общих интересах скрыть ваше местонахождение до окончательного утверждения плана атаки. Если вы не против, сопровождать вас будем я и мой друг господин Инукай.

– Благодарю, – ответил Яо-сэнсэй, показал взглядом на Тору и совершенно серьезно спросил. – Тора-сан отстранен от дела за несоблюдение техники безопасности?

Накадзима-старший не ожидал такого оборота разговора, но вывернулся моментально и с пользой для информирования.

– Ни коем образом, Яо-сэнсэй! Он, равно как все его братья, получают время на восстановление магических и физических сил. Юдзо! – позвал он, слегка склонив голову назад. – Иллюзий на сегодня достаточно. Подойди сюда, какой есть. Здесь уже имеется хвост,

так что твои никого не удивят.

Тора оглянулся в направлении, откуда ему поступала энергетическая подпитка, увидел брата в истинном его облике и с восхищением отметил явление второго хвоста на антропоморфной фигуре.

– Это мой второй сын Юдзо, – тем временем продолжал глава семейства для Яо-сэнсэя.

Юдзо ответил стандартным поклоном и быстро прошел к Торе.

– А теперь мальчики, – обратился к обоим отец, – в целях конспирации и экономии времени вставляйте на свои огненные лапы и сделайте так, чтобы духу вашего над Токио не было. В девять вечера будьте дома и ждите моего звонка.

Тора и Юдзо осторожно переглянулись. Накадзима-старший выразительно выгнул бровь.

Тора понял, что отец жаждет продемонстрировать Яо-сэнсэю свою гордость – зооморфный облик сыновей. Юдзо уловил его мысль и, сдержав мимические проявления, безмолвно высказался в братском пространстве: «Это цирк или зоопарк?»

Тора усмехнулся, глубоко поклонился Яо-сэнсэю и обернулся снежным барсом. Юдзо последовал примеру.

– Неземная красота, – пробормотал Яо-сэнсэй, наблюдая, как гигантский ирбис и огромный белый лис с кудрявой гривой и двумя длинными хвостами мчатся ввысь и вдаль, в темном зимнем небе над бурлящим жизнью мегаполисом.

Эпизод 12

[Пояснения к эпизоду](#)

Обмен энергией и информацией непосредственно в движении Тора оценил как весьма полезный опыт взаимодействия. Он полностью восстановил силы в считанные минуты, а Юдзо быстро усвоил методы наведения проекций из ёкайского пространства в материальное измерение.

«Знал бы принцип ориентирования раньше, не намотал бы столько лишних кругов», – проворчал он.

«Ты работал у папы на посылках на собственных лапах?» – изумился Тора.

«А откуда, по-твоему, взялся второй хвост в антропоморфной форме?» – фыркнул белый лис.

«По-моему, папа нарочно гонял тебя по всему Большому Токио».

«Он всего лишь воспользовался обретенной мобильностью. Я отогнал свою машину Рику, хотел призвать себе авто-призрака, но нечаянно обернулся сам. Оказалось, что в таком виде передвигаться быстрее. Давай за мной», – Белый Лис развернулся и побежал вниз.

«Естественно, так быстрее, – откликнулся Снежный Барс. – Твой цукумогами мчится по реальному пространству, а мы движемся в щелях между мирами. Эй! Ты куда?»

«Квартира Ичиро. Он решил сделать здесь «причал для своих», – откликнулся Юдзо. – Надеюсь, порядок уже навели».

Тора показал брату, как оборачиваться из зооморфной формы прямо в иллюзорную человеческую, преспокойно продефилировал мимо открытого гаража соседей и остановился на крыльце.

– Тут были люди, – заметил он, слегка потянув носом.

– Какая разница, кто вытаскивает мусор, – Юдзо ввел код на новенькой панели домофона и открыл дверь.

Тора критично осмотрел прихожую и принялся.

– Кажется, отсюда выволокли не только мусор, но и всю мебель.

– Ичиро распорядился не трогать только кухню. А организацию ремонта свалил на меня.

– О, как ловко! – Тора рассмеялся.

– Ичиро и вопросы быта – два несовместимых понятия. Поэтому я не возражал.

Юдзо быстро снял ботинки, прошел в гостиную, пальцем проверил ближайшие стенные ниши на наличие пыли, поднялся по лестнице на несколько ступенек, критично оглядел подступы к комнатам второго этажа, вернулся вниз и внимательно осмотрел свои ноги в белоснежных носках.

– Бригаде положены премиальные за качество, – весело прокомментировал Тора, взял с полки в прихожей новенькие тапки, подошел к брату и поставил перед ним домашнюю обувь.

Юдзо благодарно кивнул и нагнулся, чтобы поправить носки.

– Знаешь, что удержало меня в рёкане? – вдруг спросил он и сам же дал ответ. – Первым моим желанием при виде той развалюхи было развернуться и уйти. Но когда я все-таки вошел, меня поразила чистота – в холле, на лестнице, в комнате. Я вспомнил белого котёнка из детских снов и подумал: если бы он улегся здесь на полу, его шерстка осталась бы идеально белой.

В холодильнике на кухне нашлись остатки вчерашних продуктовых закупок, и Тора оперативно обеспечил ужин из куриных грудок, яиц и риса. Разговаривать за столом было куда приятнее, чем обмениваться голой информацией набегу, поэтому Тора узнал некоторые подробности сегодняшних событий. Юдзо рассказал, как Ичиро расставлял «спецкоманду» в школе, и как Като и Фума фактически сместили его с должности координатора, взяв командование на себя; как Рикю организовал всех сотрудников своего агентства, включая пожилую секретаршу, на противостояние ужасам одержимого Фукунаги и как невозмутимая секретарша довела Фукунагу до истерики своей неподражаемой манерой читать морали. А также о том, как братья Хагивара, включенные в отряд «подсадных уток», с хохотом и шутками гоняли перепуганного «пугателя» по недострою, где он намеревался пожить человеческим страхом. На вопрос о Маракайто Юдзо ответил: был везде и сразу, и даже попытался изгнать обакэ из тела одержимого, однако акума недвусмысленно дал понять, что легко опрокинет вагоны вместе с пассажирами, если очищение поезда не прекратится; после этого Маракайто было поручено обеспечить прикрытие школьников на выходе с территории школы, что он успешно и сделал.

– Квартиру Юрико осматривали? – вспомнил Тора.

– Дважды. Утром там побывали Морико и ее старшая сестра, зачистили все следы хитогаты. А незадолго до твоего бенефиса в университетском городке Като и Фума отчитались, что проводили Юрико домой и по собственной инициативе очистили всю квартиру вашим методом.

– Надеюсь, господин Мидзуки не получит сумасшедший счет за электричество?

– Они клялись, что к электросети не прикасались. Но их застукали, – Юдзо улыбнулся.

– Кто? – удивился Тора.

– Отец Юрико вернулся из рейса на сутки раньше плана и застал дома веселую компанию в составе собственной дочери и четырех мальчишек.

– Там до кучи Миура и Такуя были?

Юдзо кивнул и добавил:

– Близняшки на два голоса твердили мне в трубку «мы», а я не сразу догадался уточнить, кто такие «мы» в текущем контексте. Про господина Мидзуки Като и Фума сказали – классный дядька.

– А этот «классный дядька» наших электрогривых не разглядел, нечаянно?

Юдзо неопределенно повел плечом.

– Ты сам хорошо знаешь, на что похожи их гривы после магических процедур.

– И ты не сказал об этом отцу, – вдруг понял Тора.

– Некогда было. Папа и группа захвата под его командованием как раз вынимали нуриботокэ из расставленной ловушки.

– Судить его будут в ареале Сайтама?

– Тора, ты издеваешься? – возмутился Юдзо. – Мне делать больше нечего было, как выяснять судьбу этого урода, когда ты обессиленный под ноль выпутывался из собственного двойника да еще и меня накачивал, как иллюзию держать в процессе горения!

Тора по-кошачьи улыбнулся и сверкнул фосфорическими глазами.

– Дух умиротворения? – Юдзо спрятал смешок. – Не трудись. Стрессов больше не будет. Я всегда успею к тебе. Это я знаю точно.

– Спасибо, Юдзо. Ты здорово выручил и меня, и всё наше дело.

– Бумага горела в облике свитка и без моего участия. Я только прикрыл иллюзией отдельные улетевшие листы. Чтобы лишний реквизит не заметили. Ну и заодно посмотрел, как служба охраны университета профессионально повязала Фукунагу. Кстати, очень вовремя рядом подвернулся полицейский патруль.

– Сотрудники факультета обществознания еще раньше зывали полицию, – подсказал Тора. – Фукунагу забрали?

– Да. А он орал на всю округу, что они об этом пожалеют, потому что он – мировая знаменитость. Кажется, к тому моменту крышу у него сорвало полностью.

– Ну а акума?

– Его уже не было. Я не засек, когда он исчез, но уверен, что во время ареста Фукунаги акума рядом не присутствовал. Это было точно так же, как вчера в больнице. Был – и нет, – Юдзо внимательно посмотрел на брата. – Куда он направился, как думаешь?

– По-моему, вариант единственный, – Тора тяжело вздохнул. – Он будет искать Йо-сэнсэя, потому что знает, что у него есть копия свитка и неординарный взгляд на поэму. Он наверняка присвоил себе часть памяти Фукунаги, так что домашний адрес сэнсэя ему известен.

– Как акума перемещается без хозяина?

– Как юрэй – дискретно, между объектами и субъектами, сохранившимися памяти.

– Под прикрытием папы и Инукаи он не найдет Йо-сэнсэя, – уверенно констатировал Юдзо.

– Не найдет, – согласился Тора и принялся рассуждать вслух. – У Минами он забрал воображение, добавил к уже имевшимся способностям юрэя, после чего начал активно взаимодействовать с неодушевленными объектами материального мира. Затем получил по контракту ее духовные силы и стал неплохо дирижировать слабыми аякаси. Что дало ему дополнительное соглашение с Минами, мы точно не знаем. Но, кажется, он теперь не столь жестко привязывается к условиям договора. Он легко согласился с моей формулировкой обмена: свиток за отказ от массовок в качестве прикрытия. С Фукунагой он вел себя, прямо скажем, по-хозяйски – направлял, командовал, указывал, а под занавес сделал его медиумом на короткое время. Причем от Фукунаги непосредственно ему нужна была только услуга – пройти в хранилище и уничтожить свиток.

– Укрепился в человеческом мире как субъект, – подытожил Юдзо.

– Как дух человека! – осенило Тору. – Вот почему Йо-сэнсэй видел призрак Кисимото Масао там, где я видел контурную картинку типа манги. Он закрепил за собой форму юрэя. Значит, в обмен на устранение педофила он забрал у Минами часть жизненных сил и оформил собственную личность на базе подвластной ему сущности Кисимото.

– То-то Рику чуть было не подчинил его волю! – Юдзо хлопнул ладонью по столу. – Но он быстро понял, какие уязвимости получил в качестве бесплатного приложения, и успел сбежать до того, как Рику затянул поводок. Тора, на каких условиях он заключил договор с

Кисимото?

Тора нахмурился.

– Я об этом не думал. Яо-сэнсэй обронил, что Кисимото Масао погубило собственное любопытство. Но это по факту. А по сути?..

– Отец ждет прибытия из Киото какого-то бессмертного спеца по переселению душ, – сообщил Юдзо. – Мне он ничего не объяснил, но из отдельных реплик следовало, что Инукай получил вторую жизнь благодаря своевременной доставке его духа в руки этого самого умельца.

– Инукай был и возродился ёкаем, а сейчас речь идет об акума... – Тора осекся.

– ... который обрел свойства юрэя, – мрачно подсказал Юдзо.

– Инукай рассказывал, что в прошлой жизни встречал акума, который абсорбировал сущность живого человека и жил среди людей.

– Думаешь, это и был договор? Кисимо отдал акума свою сущность?

– Не полностью. Он сохранил какой-то объем собственной воли, потому и призрак его виделся Яо-сэнсэю в двух разных ипостасях, – Тора решительно встал. – Уверен, что отец владеет всей этой информацией, но лучше бы нам с тобой поспешить домой. По крайней мере из дома мы можем связаться с папой по гарантированно защищенному каналу.

Снежный Барс и Белый Лис примчались домой в половине девятого вечера. Возле гаража на парковке стоял автомобиль Ичиро, грязный с колес до самой крыши. Машина Юдзо отмытая до блеска дожидалась хозяина в гараже. Это означало, что Рику и Ичиро уже прибыли в отцовское поместье. Юдзо прошел в гараж на пару шагов, убедился, что автомобиля Инукай, на котором сегодня раскатывал отец, на месте нет, и беззвучно пояснил Торе: отец еще не вернулся. Старший автомеханик, увидав огромного белого лиса, поспешил навстречу со словами – «Добрый вечер, босс», – но на полдороге озадаченно приостановился и неуверенно поправился: «Юдзо-сан?» Белый лис нервно кивнул и с видом чрезвычайно занятого субъекта направился на парковую аллею. Тора взглядом поддержал немое восхищение человека и побежал за братом.

«Куда разогнался?» – весело поинтересовался он.

«Не хочу сверкать хвостами», – бросил Юдзо, не оглядываясь.

«Ну да, дома иллюзии бесполезны, – заметил Тора и, почуяв хорошо знакомый дух, удивленно посмотрел на террасу, куда выходили двери комнат младшего братишки. – Что Мара делает у Хи-тяна?»

Лисий нос развернулся в том же направлении.

«Чернилами пахнет. Растворитель чую», – сообщил Белый Лис.

Снежный Барс кивнул в сторону террасы и первым бесшумно запрыгнул на деревянный настил.

– То-рааа!! – немедленно раздалось из комнат, сёдзи с треском разъехались, и Хирото с разбегу повис на кошачьей шее, ибо Снежный Барс заблаговременно опустил голову.

Белый Лис замешкался с оборотом, а потому второй пронзительный вопль ознаменовал детский восторг по его поводу.

– А папа обещал меня обернуть! – похвастал Хирото, когда оба старших брата приняли антропоморфный облик, и взалхб продолжал. – А еще сказал, что сделает это очень-очень скоро, пока я не вырос. Тора, а правда, что папу в зооморфной форме из-под твоих лап не видно?

– Кто это тебе сказал? – Тора попытался придать своему голосу сердитый тон.

– Ичиро сказал. Тора, а я тоже буду маленьким лисом, потому что я папина копия? Юдзо, а ты сразу таким большим получился, потому что с Торой с детства общался, да? А можно, ты меня будешь в зубах носить, если куда-то быстро бежать? А можно...

– Можно, – перебил Юдзо. – Но сначала объясни, зачем ты применяешь растворитель для масляных красок на чернильные пятна?

Хирото опустил уши и рефлекторно поджал хвостик.

– Ну... Потому что акриловый не взял. И вода тоже, – пробормотал он и машинально оглянулся.

– Хирото-доно, – позвал Маракайто из-за двери изостудии. – Тут ничего уж не поделаешь. Спасибо, вам. Я уж сам извинюсь.

– Хи-тян, это что еще за заговор? – поинтересовался Тора.

– Никакой не заговор! Мы всё сделали, чтобы его отмыть, а он не отмывается, – Хирото шмыгнул носом и исподлобья посмотрел вверх, на Юдзо.

Маракайто долго и пространно извинялся перед Юдзо, пока Тора не прервал его безостановочный монолог простым вопросом: что случилось? Секретарь тяжело вздохнул и показал айпед, весь экран которого был заляпан чернильными пятнами.

Юдзо воздел взор в потолок и на выдохе произнес.

– И столько трудов из-за такой ерунды?

– Но, Юдзо-сама, все-таки это ваш, – пробормотал Маракайто. – И цукумогами там вроде как бы жил.

– В этом аппарате цукумогами никогда не было, – отрезал Юдзо, взял свой айпед в руки и замер.

Тора насторожился одновременно с братом, а Маракайто неуверенно вставил.

– Вот и мне кажется, что там кто-то был. Или даже есть.

– Когда появились эти пятна? – быстро уточнил Тора.

– Ну как бы... Не знаю точно, – торопливо заговорил Мара. – Я айпед в пальто убрал еще в храме. Чтобы настоятеля совсем уж не сердить. Он и без того нервничал из-за Будды. То есть из-за статуи, которая треснула. А потом, когда Го меня из реки вытащила и заставила мокрую одежду сменить, я его вынул уже с пятнами.

Юдзо решительно опустил на экран ладонь и вытянул в реальное пространство объемную чернильную кляксу. Клякса тут же обрела форму растрепанного пучка волосков и кинулась наутек. Хирото азартно взвизгнул, однако ловить беглеца не пришлось: Юдзо крепко держал кончик чернильной струйки, натянувшийся, как резинка. Цукумогами вцепился в альбомный лист на столе, со скоростью пулеметной очереди намалевал на бумаге не менее десятка кан «а» и, не в силах более сопротивляться ёкаю, отлетел назад, точно в лисий кулак. Юдзо взял незваного гостя за кисточку-головку, встряхнул и поставил на свою ладонь.

– Чернилка? – неуверенно произнес Тора.

На кисточке тут же проявились две капельки и замигали, будто настоящие глаза.

– Ох-ты, маленький! – воскликнул Маракайто, к которому вернулся дар речи. – Он же сейчас расплачется!

– Кто это? Кто это? – Хирото вытянулся в струнку и так оказался нос в нос с цукумогами.

– Кажется, это дух фамильной тушечницы сэнсэя, – Тора подвел коготь к мелкому аякаси.

– Юдзо, ты можешь с ним поговорить?

– Пытаюсь. Он понимает, но не отвечает. Наверное, он способен изъясняться только текстом.

– А я ему сейчас чистый альбом дам! – объявил Хирото, подбежал к шкафу и вытащил большой альбом для рисования. – Чернилка, иди сюда!

Цукумогами spryгнул с ладони ёкая на бумагу и быстро вывел на листе: «Отпустите меня, пожалуйста. Я должен спасти моего хозяина».

– Если это действительно тот самый Чернилка, то он искал хозяина больше шестнадцати лет, – сообщил Тора, присаживаясь на пол возле открытого альбома.

– Кто твой хозяин? – Юдзо вслух продублировал вопрос, заданный адресату без слов. Чернильная кисточка изобразила на бумаге единственный иероглиф: «Сатоси».

– Это Чернилка, – подытожил Тора и обратился непосредственно к цукумогами. – Что угрожает твоему хозяину?

«Масао. Плохой. Моя ошибка», – вычертил маленький аякаси.

– Какая ошибка? Что ты натворил? Когда? – быстро спросил Юдзо.

Цукумогами промчался по альбомному листу и начертил крупными знаками: «Отпустите, пожалуйста!»

Юдзо поспешил рассеять прессинг подчинения.

– Я не хочу власти над тобой, но нам нужны твои ответы.

– Мы – друзья твоего хозяина, – подхватил Тора. – Сейчас он готовится к очень важной битве. Мы должны знать всё, чтобы он победил.

Цукумогами в облике кисточки внимательно посмотрел капельками-глазами на ёкаев. Юдзо протянул ему на пальце крошечный синий огонек.

– Возьми. Это сделает тебя сильнее. Не бойся. Ты – гость, а это угощение. Ты был и останешься свободным.

Огонёк исчез, будто аякаси вдохнул фантомное пламя. Чернильная клякса подскочила вверх, из бесформенной массы выделился черенок в длину карандаша, из черенка – тоненькие ножки и ручки, а головка-кисточка приобрела форму аккуратного пучка волосков. Цукумогами поклонился ёкаям в знак благодарности, пробежал на край альбома и попытался ручонками перевернуть крупноформатный лист.

Хирото ему помог и остался сидеть рядом.

– В чем твоя ошибка, Чернилка? – задал вопрос Тора.

«Масао – плохой. Он украл камень у Сатоси», – быстро, в один столбец написал цукумогами.

– Это не твоя вина, – подсказал Юдзо.

«Я записал стих для хорошей девочки. Масао прочитал», – отобразилось во втором столбце.

– Так вот как он получил ключ к заклинанию, – резюмировал Тора.

«Масао злится на Сатоси, – продолжал вычерчивать цукумогами. – Масао хочет получить силу. Я должен искать Сатоси. Я должен сказать ему про Масао. Я должен вернуть Сатоси его веру. Тогда Сатоси станет сильнее Масао».

Тора и Юдзо напряженно переглянулись. Но тут вмешался Маракайто.

– Чернилка-сан, ваш хозяин верит в единство миров, а потому он очень сильный. Так ведь, Тора-сама?

Цукумогами уставился на человека капельками-глазками, и на альбомном листе медленно прорисовался знак вопроса.

– Да-да, я прекрасно вас вижу, – подтвердил Мара и сбивчиво добавил. – Здесь все люди, кто живет, хорошо всё видят. И... это...

Цукумогами запрыгал по альбому, размахивая ручонками. Маракайто растерянно умолк.

– Это буря радости, – добродушно усмехнулся Юдзо.

– Он что-то пишет, – подсказал Хирото. – Я не знаю, как это читается.

– Он опять начертил финал поэмы, – сообщил Тора. – Здесь сказано о вере в то, что однажды миры вновь сольются воедино, и в жизни воцарит гармония.

– Тора, откуда он всё это знает? – Хирото с любопытством разглядывал цукумогами.

Тора присмотрелся к ауре маленького аякаси.

– Он где-то видел текст поэмы. Скорее всего на Родите – в мире обакэ. Я чую в нем дух Китайского ареала.

– Призванный, – уверенно сообщил Юдзо. – Но не порабощенный.

– Приглашенный, – поправил Тора. – Его привел сюда ёкай. И это было в обозримом прошлом.

– Неужто сэнсэй..? – Мара осекся и покосился на цукумогами.

– Сэнсэй – человек, и это сомнениям не подлежит, – Тора протянул аякаси руку, и тот охотно запрыгнул на кошачью ладонь.

– Чернилка, ты давно живешь с мире людей? – беззастенчиво спросил Хиторо.

Безмолвный аякаси развел ручками.

– Он не знает, как течет человеческое время, но он нашел дорогу к храму, где его хозяин жил в юношеские годы, – сказал Тора и, слышав шаги братьев в коридоре, оглянулся на входные сёдзи.

– Тора, а можно Чернилка у меня посидит, пока папа не приедет? – попросил Хиторо.

Цукумогами отчаянно замотал головкой, едва ли ни кувырком скатился на бумагу и «высказался»: «Я хочу к Сатоси. Я должен спасти Сатоси».

– Мы доставим тебя к хозяину, малыш, – Юдзо наклонился над альбомом. – Но сейчас этого делать нельзя, пойми.

– Тора! Юдзо! – громыхнул Ичиро из-за приоткрытой двери. – Отец вам звонил?

– Нет. И не вопи ты на весь дом! – огрызнулся Юдзо через плечо и вновь обернулся к чернильному аякаси. – Чернилка, твой хозяин...

«Масао. Масао. Масао пришел к Сатоси», – отштамповал цукумогами поверх всех знаков на исписанном листе.

– Как он его чувствует? – изумился Маракайто и поспешно отодвинулся, поскольку Рику решительно вошел в изостудию.

– Не знаю, – Тора напряженно смотрел на цукумогами. – Могу лишь предположить, что это остаточные эффекты моей связки с сознанием сэнсэя.

– Разорви контакт, пока акума тебя не заметил, – посоветовал Рику, успев бегло считать результаты «беседы».

– Контакта нет, – Тора озадаченно нахмурился. – Я и не чувствую сэнсэя никоим образом.

– Он чувствует то, что видит какой-то ёкай, – быстро подсказал Юдзо.

– Кто у вас тут шпионит за папиными шпионами? – Ичиро заглянул в образованный над альбомом круг с высоты своего роста.

– Откуда ему знать папиных шпионов? – пробормотал Тора. – Юдзо, этот гость из Киото...

«Сатоси видит Масао», – с размахом начертил Чернилка.

Хиторо торопливо перевернул лист.

Вопрос Торы повис в воздухе, а все Накадзима и Маракайто склонились над «монитором» внепланового репортажа.

* * *

Яо-сэнсэй проводил взглядом отпущенное такси, и когда последние блики габаритных огней растаяли в дождливой мгле, неторопливо пошел к своему дому. Здесь, на знакомой узкой улице обычного города, освещенной обычным электрическим светом фонарей, прошедший день со всеми его мистификациями впору было объявить причудливым сном – акума в облике Кисимото Масао, гигантских белых зверей в ночном небе, обстоятельный разговор с господином Накадзима и его товарищами в подводном ресторане, где за стойкой приветливо улыбался четыреххотый увалень со щупальцами вместо рук, блюда разносили яркие особы самых разнообразных нечеловеческих форм, а сам господин Накадзима непринужденно шевелил лисьими ушами и время от времени принимался вилять кончиками трех шикарных золотистых хвостов.

Однако самым странным из всех сегодняшних событий было то, что Яо-сэнсэй не мог признать события странными. Потому и мысль о сновидении оказалась невнятной. Зато другая обрела четкость: два мира в одном материальном пространстве – один явный, другой – скрытый, но скрытый так же, как загадочное заклинание в многословной поэме.

Он мысленно изъяс из текста ключевые кандзи и прочел первый столбец свитка без этих знаков – ни смысла, ни ритма, ни вообще чего-либо вразумительного. Вывод, доселе мерцавший на горизонте сознания, проявился в четкой формулировке: они не существуют без нас, но и мы без них – не более чем несвязные фрагменты оборванных фраз.

Яо-сэнсэй достал ключи, отпер дверь и вошел в дом.

Ощущение постороннего присутствия возникло внезапно, будто кто-то ткнул пальцами в спину. Накадзима-сан предупредил, что его помощники будут наблюдать за домом так, чтобы в случае чрезвычайных происшествий он сам и его товарищи могли бы немедленно подоспеть на выручку, однако он подчеркивал, что этих помощников никто, включая хозяина, не увидит и не почувствует.

Значит, он уже здесь, – подумал Яо-сэнсэй, посмотрел на лестницу на второй этаж и добавил про себя. – В кабинете.

Ни страха, ни каких-либо иных выдающихся эмоций он в себе не заметил. Хотя там, в подводном ресторане, когда ему предоставили информацию, известную на тот момент только присутствующим, он испытал настоящий страх – мимолетный, но незабываемый. Господин Накадзима сказал, что под печатью в Гнилом Дзиндзя покоилось тело человека, впустившего акуму в свою душу и запечатавшего себя заживо вместе с ним. А затем, показав на гостя из Киото – щуплого старичка человеческой наружности, предложил радикально пересмотреть сценарий нынешнего момента, дабы исключить любую вероятность человеческих жертв.

«Не нужно никаких обменов душами и телами, Накадзима-сан. Я справлюсь», – так сказал он главе ёкайского клана под конец полуторачасовой встречи. И сказал это потому, что почувствовал абсолютную уверенность в своих силах. Старичок очень странно глянул на него в тот момент и загадочно улыбнулся. А он вдруг вспомнил своего деда с его рассказами о магии. Не было ничего общего между давно почившим опекуном и немногословным хоньё Икэда-саном – так Золотой Кицунэ представил своего товарища. Однако...

Он прижал всяческие домыслы на корню точно так же, как во время беседы в ресторане. О личном он подумает потом, когда закончит своё дело. А пока следует сосредоточиться на предстоящем контакте с акума.

Заявленного погрома в кабинете Яо-сэнсэй не обнаружил, но некоторые полки в книжном шкафу пустовали, а папки с бумагами неровными стопками лежали на полу под окном.

– Мой наемный работник здесь набедакурил. Извини. Пришлось прибратся.

Яо-сэнсэй оглянулся на кресло возле книжных стеллажей так, будто голос прозвучал в реальном пространстве.

– Помнишь своего старого друга? – с улыбкой спросил поздний гость.

– Разумеется, – ответил Яо-сэнсэй и быстро осмотрел кабинет, однако второй ипостаси призрака не заметил.

– Всё так же сдержан и непоколебим, – констатировал тот, кто выглядел сейчас как Кисимото Масао. – А я пришел предложить тебе выгодную сделку.

Он поднялся из кресла точь-в-точь как человек с нормальным материальным телом.

– Выгодную для кого? – уточнил Яо-сэнсэй.

– О-о, ты стал подозрительным, – визитер тихо рассмеялся и по-свойски добавил. – Я рад тебя видеть, Сатоси.

Последнюю реплику Яо-сэнсэй проигнорировал.

– Сформулируй суть своей сделки, раз уж пришел, – предложил он.

– Не желаешь пообщаться как в добрые старые времена? – по лицу гостя скользнула усмешка. – Хорошо. Да будет так. Я предлагаю тебе взаимовыгодное сотрудничество. Знаю, что готовый результат тебя не удовлетворит, хотя я мог бы обеспечить и это. Поэтому обязуюсь доставлять тебе информацию – любые первоисточники, всё, что пожелаешь. А так же доступ в любой издательский кабинет без препятствий и очередей. Как тебе перспективы?

– Что ты хочешь от меня? – без тени эмоций спросил Яо-сэнсэй.

Образовалась пауза. Яо-сэнсэй успел подумать, что акума оценил уровень его подготовки к нынешнему разговору. Но тут призренный Кисимото высказался.

– Сатоси, неужели ничто в этом мире не способно тебя удивить?

– Мы ведем деловой разговор, не так ли? Я задал вопрос, – в избранном тональном ключе произнес Яо-сэнсэй.

– Хорошо, хорошо. Деловой разговор. Но, боюсь теперь, что эта сделка меня не устроит. Ты слишком скучный компаньон, – акума выжидающе посмотрел на человека, реакции на видимость отступления не дождался, хохотнул и продолжил. – От тебя мне нужна сущая мелочь. Позволь мне поселиться в уголке твоей памяти.

Яо-сэнсэй критично оглядел собеседника и в задумчивости отвернулся к письменному столу. Предполагались более сложные условия. А с такой стартовой формулировкой можно было без многоступенчатых вариаций вывести договор на запланированное «стань моей тенью», чтобы прочесть заготовленное «зеркальное» заклинание врат и навсегда отделить акума от людского мира.

– Я прошу очень мало, – вновь заговорил акума. – Всего лишь уголок твоей памяти. Для тебя это не составит проблем, ведь ты и сам хранишь воспоминания обо мне.

Самое время начинать «торг».

Но тут вспыхнула свежая мысль.

– Я позволю тебе, – негромко начал Яо-сэнсэй, – жить в моей памяти до моей смерти. Но после того, как поговорю с духом Кисимото Масао.

– Ты уже говоришь со мной, – насторожился акума.

– Ты – не он. Ты – часть того Кисимото Масао, который погиб 16 лет назад. А я хочу говорить с ним цельным здесь и сейчас. По завершению разговора я выполню своё обязательство.

– И это всё, что ты желаешь?

– Да.

Акума подозрительно оглядел человека.

– Неужели на старости лет ты стал сентиментален, Сатоси? – вкрадчиво поинтересовался он.

Яо-сэнсэй промолчал. Он был уверен, что тот Кисимото, кто остался в прошлом, не способен вычислить заготовленный ход.

– Я согласен, – провозгласил акума. – За право жить в твоей памяти до твоей смерти я даю тебе возможность говорить с духом Кисимото Масао здесь и сейчас.

Облик визитера не изменился. Но стоило призренному гостю поднять взгляд, Яо-сэнсэй убедился, что акума выполнил свою часть контракта – перед ним стоял призрак его погибшего друга.

– Зачем ты заключил эту сделку, Сатоси? – тихо прозвучало в пространстве.

– Я хочу просить у тебя прощения, Масао. Я поступил подло, когда присвоил себе результаты твоих исследований. Я осознал всю гнусность своего поступка слишком поздно.

Он подошел к книжном шкафу и достал с полки книгу и толстый журнал. Книгу он выложил на стол так, чтобы юрэй видел титул, а журнал открыл на заложенной странице и показал текст из своих рук.

– Самоопровержение? – контуры юрэй в области его лица дрогнули.

– Да. В этой статье я назвал имя настоящего автора – твоё имя. А это твой авторский сборник, – Яо-сэнсэй показал на книгу, – составлен твоими коллегами и издан спустя три года после того, как ты ушел от нас.

– Нет... это... да... – невнятные слова просочились из дрожащего силуэта вместе с тонкими лучами света. – Сатоси, ты сделал это для меня мертвого?

– Прости меня, мой друг, прошу тебя, – произнес Яо-сэнсэй и склонился в низком поклоне.

– Я прощаю. И ты. Сатоси, пожалуйста, прости мою слепую ненависть к тебе... Что это? – силуэт наполнялся светом, неуклонно стирая мрак, окружавший человеческую фигуру юрэя. – Это свобода? Я свободен?... Я свободен! Сатоси, спасибо тебе.

– Прощай, Масао, – проговорил Яо-сэнсэй.

Фантомное свечение поднялось к потолку и потухло, а напротив окна осталась неясная, блеклая тень без каких-либо признаков человеческой фигуры. Повеяло тонким сквозняком.

– Я закончил разговор, – объявил Яо-сэнсэй в пустоту.

Холодная струйка воздуха скользнула по лицу, и в следующий момент из несуществующих далее долетело слабое эхо отчаянного вопля. Яо-сэнсэй не разобрал ни слов, ни сколько-нибудь внятных образов, но ответил вслух.

– Никакого обмана. Добро пожаловать в мою память до моей смерти.

* * *

Чернилка носился по альбомным листам, оставляя на бумаге отрывочные фразы. Персонализировать авторов он не пытался, но по контексту можно было догадаться, кому принадлежит тот или иной обрывок реплики.

– Что акума потребовал? – не веря своим глазам, пробормотал Юдзо, когда на бумаге появился относительно стройный текст.

– Поселиться в памяти, – Рику тревожно оглядел братьев. – Память – это составляющая сущности человека.

– Во нахал! – не удержался Маракайто, доселе выражавший эмоции только междометиями.

– Сэнсэй отвечает, – Тора впился взглядом в бумагу, где сейчас было больше клякс, чем кандзи. – Чернилка, точнее! Пожалуйста!

– «...жить в моей памяти до моей смерти»... – вслух зачитал Юдзо. – Что он делает?!

– Всё в порядке! – поспешно объявил Тора. – Это ловушка.

– Какая тут ловушка?! Он подставился! – подскочил Ичиро.

– Тора-сама, так ведь это как-то... – торопливо начал Маракайто.

– Всё в порядке, – уверенно повторил Тора. – Ребенком он побывал в состоянии клинической смерти, в результате чего полностью потерял память первых семи лет жизни.

– И совсем-совсем ничего не осталось? – Хирото испуганно передернулся.

– Совсем ничего. Он как будто заново родился.

Рику негромко щелкнул пальцами.

– Скользкий момент договора, – заметил он. – Полная потеря памяти равнозначна потере личности. Смерть как акт привязана к сущности, если не рассматривать одну лишь физиологию. Таким образом, есть основания считать, что ныне живущая персона – не та же самая персона, которая занимала физическую оболочку с момента рождения до клинической смерти. Следовательно, «до моей смерти» можно трактовать как «до смерти ныне живущей персоны», то есть рубеж клинической смерти в условие не попадает.

– Заткнись ты со своими адвокатскими замашками! – воскликнул Ичиро. – Так всё стройненько получается!

Тора загадочно улыбнулся.

– Если сэнсэй сейчас сделает то, что я думаю, он сделает, то у акума не останется сил ни то что на анализ договора, а даже на существование в людском мире.

Все дружно посмотрели на обессиленного цукумогами. Чернилка попытался отобразить очередную фразу, но лишь шлепнулся на бумагу в облике объемной чернильной кляксы. Юдзо аккуратно сгреб его в ладонь и отправил в нагрудный карман своего пиджака.

– Эй! А репортаж? – неприятно удивился Ичиро.

– Какой тебе «репортаж»? – возмутился Юдзо. – Малыш собственную форму уже не держит.

– Отец расскажет в деталях, если посчитает нужным, – Рику поднялся на ноги.

– Рику-доно, а с договором что делать? – осторожно спросил Маракайто.

– Ничего, – бесстрастно ответил Рику. – Тора не сомневается, что сэнсэй лишит акума сил. Как именно – не важно. Я доверяю чутью и знаниям старшего брата, что и всем советую.

– А куда всё делось? – удивился Хирото, обнаружив идеально чистые листы в альбоме. – Тора, зачем ты всё уничтожил?

– Чтобы не оставалось записей о фактах из личной жизни человека, – Тора по примеру Рику встал.

– Ну нет! Так не интересно! – Хирото по-детски надулся.

– Интересно или нет, а полным объемом информации владеет только отец, – строго сказал ему Рику. – Здесь закончили, я полагаю. Хирото, сворачивай весь свой химический цех и занимайся делами, согласно своему расписанию.

– Какой цех? – не понял Ичиро.

– Разве ты не чувствуешь, как здесь воняет лако-красочной химией?

Ичиро чуть ли ни с ужасом уставился на своего близнеца.

– Не вздумай хвост отрастить! – заорал он совершенно серьезно. – Я не хочу остаться единственным мадзоку в этой шерстяной компании!

* * *

Глава семейства Накадзима прибыл домой около десяти вечера, но не один – гостем из Киото. Представив господину Икэда всех своих сыновей, он торжественно сообщил, что «дело акума» закрыто раз и навсегда и что «лавры победителя» целиком и полностью принадлежат человеку. Като, Фума, Хирото и даже Ичиро были разочарованы, когда стало ясно, что никаких подробностей Накадзима-старший излагать не будет, но безропотно покинули кабинет по указанию отца. Рику получил задание проконтролировать распространении информации об умопомешательстве бывшего школьного учителя и обеспечить прикрытие руководству частной школы от атаки вездесущих СМИ, после чего удалился вслед за братьями. В кабинете остались Тора, Юдзо, Икэда-сан и хозяин дома.

– Что ж, – заговорил Накадзима-старший, глядя на старших сыновей, – признаюсь, Яо-сэнсэй поразил нас своей отвагой. И восхитил своей честностью. Он победил акума безо всякой магии. Не потребовались ни заклинания, ни многоступенчатая система страховки нами разработанная, – он взглядом показал на гостя, задумчиво улыбавшегося в седые усы.

Тора и Юдзо осторожно переглянулись. Отец моментально оценил этот взгляд.

– Что-то мне подсказывает, – он по-лисьи прищурился, – будто для вас мои слова – не новость.

– У нас в руках оказался осведомитель, – признался Тора.

А Юдзо достал из кармана полусонного аякаси.

– Так та-ак, – несколько растерянно протянул Накадзима-старший. – Цукумогами, да?

Тора начал рассказывать, как маленький житель тушечницы попал в дом, но тут Чернилка приоткрыл глазки, увидел господина Икэду и опрометью кинулся к нему, раскидывая вокруг чернильные брызги, как праздничный фейерверк.

Тора прикусил улыбку. Специалист по «переселению душ». Связь цукумогами с кем-то, наблюдавшим сцену в кабинете Яо-сэнсэя. Опекун, передавший Яо Сатоси семейную тушечницу. Факты, давно выстроенные в ряд, получили четкую логическую связку в виде добротной чернильной кляксы, образовавшейся на ладони Икэды-сана после радостных прыжков маленького аякаси.

– Он говорил, что хочет вернуться домой, к хозяину, – сообщил Юдзо.

– Я понимаю его, – сообщил Икэда-сан, безмолвно сказал что-то своему подопечному и обратился к Юдзо. – Вы мастерски управляетесь с этими малышами. Он согласен побыть с вами некоторое время, пока не подвернется оказия доставить его домой.

Тора покосился на отца, убедился, что тот вмешиваться не собирается, и отважился высказаться сам.

– Икэда-сан, вы не хотите, чтобы Яо-сэнсэй узнал вас? Если так, придется убедить Чернилку хранить вашу тайну. Ведь теперь, когда сэнсэй видит Истину Мира, Чернилка способен рассказать ему об этой встрече.

Икэда-сан по-старчески крякнул и рассмеялся тихим скрипучим смехом.

– Неожданное разоблачение! Не думал, что этот осведомитель, – он весело глянул на цукумогами в своих руках, – осведомлен обо мне так хорошо.

– Чернилка не писал о вас ни слова. Выводы я сделал на основании косвенных данных, полученных из разных источников. Прошу простить меня, Икэда-сан, – быстро сказал Тора.

Хонъё в облике старичка внимательно оглядел Тору с ушей до ног, грустно улыбнулся и задумчиво произнес.

– Я не хотел, чтобы Сатоси узрел Истину Мира. Даже для полукровки вроде меня это тяжкая ноша. А для человека и подавно. Я ушел и постарался сделать так, чтобы с годами он забыл и детскую трагедию, и меня. Но дух его оказался крепче, чем я предполагал.

– Яо-сэнсэй говорил о своем опекуне с глубоким уважением и признательностью, – вставил Тора.

Икэда-сан опять опустил взгляд Чернилку, притихшего на его ладони и задумался.

– Пожалуй, я сам отнесу этого малыша домой, – произнес он, наконец.

– Не всякая тяжелая ноша обременительна, Икэда-сан, – заметил Накадзима-старший. – Зато невысказанное с годами становится неподъемным грузом.

– Вы правы, Накадзима-сан. Абсолютно правы, – медленно проговорил киотский гость.

Эпилог

У Тора не было возможности встретиться со школьными друзьями в выходные дни, но он искренне порадовался за Като и Фуму, отпущенных гулять в парк аттракционов совершенно самостоятельно и легально. Во время воскресного семейного ужина он узнал, что в то же время в парке побывал Хирото в сопровождении Морики-сан, однако негативных эмоций по поводу этого совпадения не выказали ни близнецы, ни младший братишка. Хирото взахлеб рассказывал, как катался на «американских горках» вместе с одноклассницей братьев и как поддерживал ее на самых крутых виражах. По выразительным смешкам Като и Фумы Тора понял, что на деле всё было наоборот – Юрико всячески оберегала маленького шустрого ёкая на головокружительных аттракционах.

«Как вы управились с этим шилом под хвостом?» – с сочувственной миной на лице спросил Ичиро, но так, чтобы младший братишка переговоров не заметил.

«Нормально всё получилось, – ответил Фума; Като старательно направил ёкайский голос в обход рыжих лисьих ушей и добавил. – Он создавал противовес страхам. Миура и Такуя вообще не хотели кататься на горках, но из-за нашего мелкого отважились».

В этот момент Хирото заявил.

– Юрико-нээ-сан мне очень понравилась! Пап, как бы сделать так, чтобы, когда я вырасту, я ей тоже понравился?

Отец семейства едва не поперхнулся от неожиданности.

– Хи-тян, знаешь ли, – начал он и строго глянул на давивших хохот близнецов и Ичиро. – Чувство симпатии – это то, что неподвластно никакой магии.

– А что нужно делать, чтобы понравиться без магии? – не унимался юный кицунэ.

Накадзима-старший призадумался, и тут его выручил Юдзо.

– Быть самим собой для начала, – сказал он. – И никогда не лгать человеку, который тебе нравится. Хочешь стать умнее, смелее, привлекательнее – работай над собой. Но не выдавай желаемое за действительное.

– Ух-ты, как сложно, – пробормотал Хирото, подумал и обратился к брату. – Юдзо, когда я вырасту, я еще раз тебя спрошу, можно? А ты мне конкретно объяснишь.

– Договорились, – серьезно ответил тот.

Подъезжая к воротам школы в машине брата, Тора опять принялся проворачивать в уме заготовки ответов на неудобные вопросы товарищей о финальной битве с акума. Като и Фума уже неоднократно общались с друзьями на волнующую тему и в субботу по скайпу, и в воскресенье во время веселой прогулки в парке аттракционов. Но фраза «отец сказал, всё закончилось успешно и угрозы больше нет» была явно недостаточной для удовлетворения любопытства. Ничего другого на тот момент Като и Фума сообщить друзьям не могли. Однако после воскресного ужина близнецы признались Торе, что Хирото по дороге домой проболтался о Чернилке и некоем «сэнсэе», и они догадались, кто есть тот человек, который выиграл битву с акума безо всякой магии. Теперь Тора сочинял, как преподнести друзьям правду, но при этом не создать вокруг Яо-сэнсэя ореол мистицизма.

Первый же разговор прошел совершенно не так, как распланировал Тора. В раздевалке Хагивара Акира задал ожидаемый вопрос: «Чего там было по-правде?» Он ответил: «Фукунагу арестовали за дебош, акума исчез». И этого оказалось достаточно – Акира как будто пропустил детали мимо ушей, уяснив лишь, что проблема решена. Тора осторожно прощупал ауру главного школьного журналиста, однако никаких следов магического вмешательства не обнаружил. Через пару минут, когда в вестибюль вошла Обари Момо,

причина рассеянности старшего Хагивары стала понятна.

«Беда сближает людей», – подумал Тора и тепло посмотрел на старшеклассников, смущенно стоявших друг перед другом.

До начала занятий оставалось более двадцати минут, и в классе, когда Тора переступил порог, было всего несколько человек. Но в их числе Хагивара Такуя, который сразу же огорошил Тору новостью о том, что его брата и Обари Момо вчера видели гулявшими по улицам вместе.

Затем в класс вбежал Миура. Увидел друзей и с широко открытыми глазами выложил собственную новость:

– Вы представляете, вчера к нам Танака-сан зашла. С котёнком! Попросила маму осмотреть кошечку. Мама чуть очки не уронила от изумления.

– И чего? – насторожился Такуя.

– Хороший здоровый котёнок. Мама прививку ей сделала.

– Откуда котёнок? Призрачная кошка привела?

– Вроде как бы – да, – Миура с опаской покосился на задние ряды, где балагурили между собой две девушки. – Танака-сан сказала, что нашла котёнка на пороге и решила оставить у себя в память о своей кошке, которая когда-то погибла из-за нее. А мама ее убедила не грузить себя чувством вины, потому что кошка давно ее простила, а котёнок – знак ее доверия к хозяйке.

– Чего за котёнок? – из-за спин Миуры и Такуи высунулась Юрико. – О, Тора! Привет. А Като и Фума где?

– Сейчас придут.

– А как Хирото поживает после вчерашних каруселей? Он под конец уже качался, бедняга, но всё равно за нами лез. Жаль, тебя там не было!

Такуя выразительно фыркнул.

– Чего лыбишься? – Юрико ткнула его в бок. – Близняшки сами знают толк в полётах, а орали на горках громче всех. Торе тоже понравилось бы.

Тора тихо посмеялся. Не над братьями, о которых нечаянного узнал много интересного, а над собственными опасениями и приготовлениями к темам и обсуждениям. Сейчас здесь, в этой простой естественной обстановке ему стало совершенно ясно, что прошлые тревоги, переживания и опасности остались во вчерашнем дне. Конечно, ребята еще ни раз вспомнят, и поездку в Нагано, и отчаянные события на мосту, и мистификации в школе, и знакомство с гадалкой, вспомнят, как сидели в засаде на одержимого Фукунагу и как рассказывали друг другу о своих подвигах в гостях у Юрико. Но это будет потом. А сейчас они живут в настоящем и смотря в будущее ясными азартными глазами.

Классный час начался точно со звонком. Яо-сэнсэй ответил на приветствие класса прямо с порога и знаком предложил всем садиться. Возле крайней первой парты он приостановился, положил перед беловолосым учеником тетрадь и невозмутимо прошествовал за кафедру. Это была та самая тетрадь, которую он вынул из папки прежде, чем папка была превращена в архивный бокс.

Тора тронул пальцами чуть-чуть помятый уголок, приподнял страницы и увидел ниже собственных записей три коротких столбца кандзи, начертанных рукой сэнсэя. В трехстишье, составленном по всем законам хайку, говорилось о мудром старом друге, чей визит пробудил молодость в душе и наполнил будущее яркими цветами. Речь, безусловно, шла о господине Икэда. Тора тепло улыбнулся – неявно, под своей ученической маской, но Яо-сэнсэй почувствовал улыбку ёкая и едва заметно кивнул в ответ.

<Конец третьего текстового сериал «Снежный Барс»>

ПОЯСНЕНИЯ

В этом разделе собрана справочная информация, которая поможет читателю составить представление об обстановке и условиях, в которых действуют герои новеллы. Кроме того здесь в упрощенной форме даны пояснения к японской письменности и тем ее особенностям, которые фигурируют в сюжете

Общие сведения

В тексте этой новеллы автор использует транскрипцию (запись звуков средствами русского языка) по системе Поливанова, принятую во всех русскоязычных изданиях.

В Японии всегда называют/записывают сначала фамилию человека, а потом его личное имя.

В речи персонажей используются разнообразные именные суффиксы, принятые в японском языке по сей день. Здесь приводится краткий перечень:

-сан – нейтрально-уважительный суффикс, используется всюду. Считается, что ближайший аналог в русском языке – обращение по имени-отчеству.

-сама – прибавляют к имени или фамилии непосредственного хозяина/босса в самом уважительном, предельно вежливом стиле общения, а также при обращении человека из низших слоев общества к уважаемому человеку из высших кругов. Кроме того, суффикс «-сама» всегда сопровождает имя ками – божества.

-кун – именной суффикс, прибавляют к имени мальчика/юноши, реже – к имени мужчины, если он является младшим по возрасту и статусу, и очень редко к женскому имени. Обычно суффикс применяют при обращении старшего к младшему. Среди сверстников (например, школьников) «кун» используют те, кто состоят в теплых дружеских, но формальных отношениях.

-тян – уменьшительно-ласкательный именной суффикс, используется в общении девочек/девушек между собой и при обращении к ребенку.

-сэнсэй – именной суффикс или самостоятельное неименное обращение к учителю, врачу, ученому, писателю.

-сэмпай – именной суффикс для обращения к старшему по возрасту или более опытному товарищу, к коллеге с большим стажем, к школьнику старшего класса; может быть использовано как самостоятельное неименное обращение.

-доно – используется при уважительном обращении к родственникам непосредственного господина, а также при обращении к офицеру, охраннику, в прежние времена – к воину. Кроме того суффикс «-доно» используют в официальных документах.

Отсутствие какого-либо именного суффикса допустимо при неформальном общении между очень близкими людьми, родственниками или хорошими друзьями.

Пояснения к эпизоду 1

В образовательной системе Японии важную роль играет школьное самоуправление. Так называемый **школьный совет** участвует в планировании учебного процесса, организации школьных мероприятий и в решении финансовых вопросов, связанных с обеспечением досуга школьников. А также в разрешении спорных или конфликтных ситуаций между учениками и дирекцией школы. Руководит школьным советом председатель. Это выборная должность.

Клубы (для нас привычнее – школьные кружки и секции) – неотъемлемая и обязательная часть школьной жизни японцев. Как правило во всех школах каждый ученик обязан состоять в том или ином клубе. Это может быть спортивная секция, кружок рисования, музыкальный или танцевальный ансамбль, клуб фотографов и т.д и т.п.. Клуб создается инициативной группой школьников, утверждается дирекцией и управляется самими же учениками под руководством председателя клуба. Функции куратора клуба выполняет преподаватель. Занятия в клубах начинаются сразу после уроков (около трех часов дня) и продолжаются до вечера. Деятельность клубов

приостанавливается только на время экзаменов в конце каждого триместра. Клубы работают даже во время каникул.

Интересно, что школьный клуб зачастую более дружный коллектив, нежели учебный класс. Это объясняется не только общими интересами и малочисленностью клуба относительно учебного класса, но и тем, что каждый новый учебный год классы одной параллели формируются заново, и каждый учебный год начинается для школьников со знакомства с новым коллективом.

Учебный год в японских школах начинается в первых числах апреля и делится на три части – триместры. В конце каждого триместра школьники сдают экзамены (тесты), как правило – письменные. Первый триместр длится с начала апреля до 20-х числа июля, затем следуют каникулы общей продолжительностью 30-40 дней. Второй триместр начинается в сентябре и длится до конца декабря. За ним также следуют каникулы, но короткие – всего 7-10 дней. Эти каникулы приходятся на новогодние праздники. Третий триместр завершающий. Он заканчивается в 20-х числах марта, после чего ученики невыпускных классов отдыхают около недели.

Учащиеся, чья успеваемость недостаточно хорошая, обязаны посещать дополнительные занятия во время каникул.

Школьный учитель – хорошо оплачиваемая, престижная профессия в Японии. Однако педагогических факультетов в том виде, как мы себе представляем, у японцев нет. Стать учителем может любой гражданин с высшим образованием, сдавший очень непростые экзамены и получивший лицензию на преподавание. Если образовательный комитет или руководство частной школы по каким-то причинам признают работу конкретного учителя неудовлетворительной, учитель обязан будет пройти дополнительные курсы по исправлению и совершенствованию стиля преподавания.

Дзиндзя – синтоистское святилище, в нашем понимании – храм, посвященное какому-либо kami (божеству). Формы дзиндзя самые разнообразные – от великолепных архитектурных ансамблей до маленьких самодельных построек на обочинах дорог или во дворах сельских домов.

Рёкан – японская гостиница, где обстановка и обслуживание организованы в национальных традициях.

Кандзи – (буквально «ханьские буквы» или «буквы (династии) Хань») – китайские иероглифы, один из видов современной японской письменности. Виртуозное начертание иероглифов в старинных традициях – тушью с помощью кисти – считается искусством не менее значительным, чем живопись.

Татами – жесткие матрасы или маты, которыми в Японии застилают полы в помещениях. Современные татами набивают синтетическими материалами, а в прошлые времена материалом для набивки была солома. Традиционно в Японии площадь комнат измеряется в татами. Это учитывается даже при планировке современных жилых домов и фиксируется в официальных документах. Размер татами 90×180 см (1,62 м²). Комната на шесть татами – это маленькая комната, примерно 3,6×2,7 метров (около 10 м²).

В Японии нет центрального отопления. В холодное время года для отопления жилых помещений используют электрические обогреватели.

Поле Каванакадзима – популярный туристический объект в префектуре Нагано.

Созвучие названия и фамилии главных героев тут не случайное. Слово «Каванакадзима» состоит из трех кандзи (иероглифов): 川(кава) – река, 中(нака) – середина, 島(сима – в словосочетании после гласной слог «си» преобразуется в звонкий «дзи») – остров. В фамилии Накадзима – два из этих иероглифов: середина и остров – 中島.

[Вернуться началу к эпизоду 1](#)

Пояснения к эпизоду 2

Прочтение кандзи (иероглифов) неоднозначно. Один и тот же иероглиф китаец и японец прочитают по-разному, поскольку в каждом языке свои правила чтения. В японском многие кандзи имеют два и более варианта прочтения в зависимости от места в словосочетании и контекста.

У японских операторов мобильной связи нет услуги, аналогичной нашим смс. Зато у каждого владельца мобильного телефона – а граждане и гости Японии могут иметь только один телефонный номер – есть адрес электронной почты, жестко привязанный к сим-карте. Таким образом, текстовые сообщения передаются с помощью мобильных так же, как на компьютере.

Японский бестиарий разнообразен настолько, что систематизации не поддается. Мистических персонажей, потусторонние силы и явления чаще всего называют **обакэ**. Или бакемоно – что в переводе означает «монстр».

Они (ударение в слове на долгий звук «о») – мифические существа, страшные великаны, которых на старинных свитках изображали в ужасающих масках. В одной из легенд **они** охраняют врата в иные измерения, расположенные в четырех сторонах света.

Еще один вид потусторонних сил – **тэнси**, небожители. В современных фэнтези этих существ отождествляют с ангелами, а само слово «тэнси» переводят как «ангел».

Манга – это графические новеллы (комиксы), как правило многотомные. Автор манги называется – **мангака**. Это писатель и художник в одном лице.

Популярность манги в Японии огромна. Преобладающая часть развлекательной литературы – это манга. Жанры самые разнообразные – от детских сказок до серьезных произведений о взаимоотношениях в семье и в рабочем коллективе, об истории, искусстве, науке.

Выпускают мангу на страницах журналов или отдельными изданиями. При этом издатели четко следуют установленным возрастным ограничениям. Есть манга для детей (кодомо), для девочек (сёдзё) и мальчиков (сёнен) от 12 до 18, для женщин (дзёсэй) и мужчин (сэйнен) от 18 и старше.

Существуют специфические жанры манги: «этти» – эротика, «яой» – романтические отношения между двумя юношами/мужчинами, «юри» – отношения между двумя девушками/женщинами. И если с первым из перечисленных всё, в общем, понятно, то о двух других следует сказать несколько слов дополнительно.

Мангу в стиле яой и юри создают **женщины для женщин**. Это уникальная форма романтических новелл, которую нельзя огулом отождествлять с темой гомосексуализма. Степень откровений в этих произведениях бывает очень разная (от поцелуев до подробных сцен насилия), что влияет на возрастной ценз издания. Однако сама тема не является чем-либо из ряда вон выходящим в представлении японского читателя.

В восьмом эпизоде этой новеллы одноклассница главного героя говорит о манге, в которой «плохим тоном не считаются даже объятия и поцелуи между парнями», подразумевая мангу в жанре «яой».

[Вернуться началу к эпизода 2](#)

Пояснения к эпизоду 3

В современном японском языке наряду с кандзи повсеместно используются две слоговые азбуки – хирагана и катакана. Символы в этих азбуках называют **каны**.

Канами хираганы записывают предлоги, префиксы, суффиксы и глагольные окончания, а также слоговое прочтение сложных кандзи, в частности тех, которые используются в именах и фамилиях.

Катакана – упрощенный вариант слоговой азбуки. С нее начинается обучение детей чтению и письму. Катакана используется в детских изданиях и для записи слов, заимствованных из других языков. Кроме того по правилам японской грамматики все иностранные имена, фамилии и названия записывают канами катаканы.

[Вернуться началу к эпизода 3](#)

Пояснения к эпизоду 4

Гэнкан – небольшая площадка сразу перед входной дверью, отделенная от жилых помещений высокой ступенькой. В гэнкане японцы оставляют уличную обувь.

[Вернуться началу к эпизода 4](#)

Пояснения к эпизоду 5

Мико – женщины-служительницы в дзиндзя, синтоистских святилищах. В фольклоре мико представлены как жрицы, наделенные магической силой. В современных синто-ритуалах мико участвуют как помощницы канниси – смотрителя дзиндзя. Традиционное одеяние мико – белое легкое кимоно и красные хакама (широкие штаны, похожие на юбку). Одним из ритуальных предметов является хараигуси – жезл, на конце которого закреплены сидэ – зигзагообразно разрезанные бумажные ленточки. Хараигуси предназначается для благословений и очищений, а внешним видом напоминает пышную метёлку.

Для японцев электропоезд (синкансэн) – основное средство перемещения между населенными пунктами, а также в черте больших городов.

[Вернуться началу к эпизода 5](#)

Пояснения к эпизоду 7

Японский язык – один из самых важных и сложных предметов школьной программы. Изучение государственного языка базируется на двух параллельных школьных курсах: современный японский и древний японский, в рамках которого школьники знакомятся с национальной литературой.

В Японии существует официально утвержденный список кандзи (иероглифов), допустимых при составлении имени. Список время от времени расширяют в связи с языковыми потребностями. Родители, давая имя ребенку, вправе придумать любое имя, но так, чтобы кандзи имени входили в утвержденный список. По причине неоднозначности прочтения иероглифов одно и то же звучание можно получить разными способами, и японцы, представляясь незнакомому человеку, вынуждены пояснять, какими именно кандзи записывается их имя, или же показывать визитную карточку, где в обязательном порядке написание имени дублируется канами хираганы.

Как правило имена и фамилии японцев состоят из одного или двух иероглифов. Реже из трех и очень редко из четырех. Явных соответствий между количеством слогов в имени/фамилии и количеством кандзи нет. Например, имя Тоору (徹), начертание которого фигурирует в сюжете новеллы, пишется одним кандзи, а фамилии Хагивара (萩原) и Йо (矢尾) – двумя.

Полные тезки – неизбежное явление в любом языке, и как следствие существует большое количество популярных сочетаний фамилии и имени. Например, псевдоним персонажа новеллы «Садо Сёта» для японцев приблизительно то же, что для нас «Иван Петров», а для американцев «Джон Смит».

Иностранные имена по правилам японской грамматики записывают канами слоговой азбуки катакана.

Чтение кандзи (иероглифов) неоднозначное. В частности, существуют онное чтение (онъёми) – японская интерпретация китайского произношения иероглифа – и кунное чтение (кунъёми) – основанное на произношении японских слов, для написания которых были подобраны близкие по смыслу кандзи. Причем у одного кандзи может быть несколько онов (прочтений), если иероглиф был заимствован из Китая неоднократно – в разное время и из разных областей страны.

В это эпизоде герои обсуждают иероглиф 虎 (тигр), который в онном чтении звучит «ко», а в кунном – «тора». Этот иероглиф не входит в современный список кандзи, допустимых для составления личного имени японца, вот почему имя главного героя – Тора (トラ) – пишется катаканой так, как будто имя иностранное.

[Вернуться началу к эпизода 7](#)

Пояснения к эпизоду 9

Тасуки – длинная матерчатая лента, предназначенная для закрепления поднятых до плеч рукавов кимоно во время работы.

[Вернуться началу к эпизода 9](#)

Пояснения к эпизоду 10

Нуриботокэ – бакемоно, страшилище, которое по японским поверьям поселяется в домашнем алтаре нерадивых хозяев и пугает людей своим ужасным видом. Его изображают в виде черного Будды или в облике покойника с черной кожей, рыбьим хвостом и выпученными глазами. В другой интерпретации Нуриботокэ – дух пришедшего в упадок буддийского храма, также представленный в облике покойника.

Буддийские и синтоистские храмы в Японии нередко соседствуют друг с другом и до сих пор, несмотря на формальное разделение в эпоху Мэйдзи (1868-1912гг), вместе участвуют в церемониях во время различных религиозных праздников.

Домашний алтарь – оформленное по установленным канонам место в доме верующих. Перед домашним алтарем буддисты молятся, поминают усопших родственников, совершают религиозные обряды.

Во время поминок перед фотографией усопшего ставят чашку с рисом и втыкают в рис хаши – палочки для еды. Вот почему, вспоминая погибшего товарища, персонаж новеллы в задумчивости подвел хаши к чашке так, «будто собирался воткнуть в рисовый шарик».

[Вернуться началу к эпизоду 10](#)

Пояснения к эпизоду 11

Нагаута (или **тёка**) – поэтическое произведение, длинная песня со строго заданным ритмом, но не ограниченное, как танка, количеством стихов.

Традиционная японская закуска **яки имо** – это сладкий печеный картофель, приготовленный на дровах. Тележки и ларьки, торгующие яки имо, оснащенные специальными дровяными печками, можно найти по всей Японии.

[Вернуться началу к эпизоду 11](#)

Пояснения к эпизоду 12

В слоговых азбуках (в хирагане и катакане) один символ обозначает один открытый слог – «ка», «ми» и т.п.. Кроме того в азбуку входят каны слогообразующих гласных звуков – а, и, у, э, о. А также каны для гласных я, ю, ё. Единственный согласный звук, имеющий отдельную кану, это звук «Н».

К сведению: в японском языке закрытый слог оканчивается только на согласный «Н». В кириллической транскрипции можно встретить видимые исключения из этого правила, например, «оммёдзи», «сэмпай». Однако это лишь условности записи звуко сочетаний «нм», «нп», принятые в русском языке. В английской транскрипции те же звуко сочетания записываются «nm» (onmyoji), «np» (senpai).

Традиционные японские тексты – это столбцы, записанные справа налево. Текст начинается в правом верхнем углу страницы, а первой страницей книги, альбома, журнала является та, которая в нашем понимании – последняя.

Хонъё (буквально «полу-ёкай») – так в японских фэнтези называют обакэ, один из родителей которых – человек, а другой – ёкай. Самый известный хонъё японских мифов – Абэ-но Сэймэй, полумифический оммёдзи, живший в X веке нашей эры. Легенды гласят, что этот колдун был рожден женщиной-кицунэ от мужчины-человека.

[Вернуться началу к эпизоду 12](#)
